

Калининградский филиал
Санкт-Петербургского университета
Министерства внутренних дел
Российской Федерации

*«Противникам государственности хотелось бы
избрать путь радикализма, путь освобождения
от исторического прошлого, освобождения от
культурных традиций... Им нужны великие
потрясения, а нам нужна великая Россия!»
П.А. Столыпин*

ВЕСТНИК

Калининградского филиала
Санкт-Петербургского
университета МВД России

№ 4 (82) 2025

Vestnik of the Kaliningrad Branch
of the Saint-Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia

Калининград - 2025

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Регистрационный номер - ПИ № ФС77-84264 от 26 декабря 2022 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ - Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации (СПбУ МВД России).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР - доктор юридических наук, профессор М.В. Бавсун.

**Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского
университета МВД России. 2025. № 4 (82). Калининград:
Калининградский филиал СПбУ МВД России, 2025. 166 с.**

*Журнал включен в Национальную библиографическую базу данных научного цитирования
- Научную электронную библиотеку Elibrary.ru и систему Российского индекса научного цитирования.*

*Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны
быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание
ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук,
по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:*
5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки);
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки);
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки);
5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки);
5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки),
5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки).

Научные публикации, включенные в «Вестник», представляют **точку зрения авторов** на актуальные проблемы правоохранительной и нормотворческой деятельности, экономики, образовательного процесса и гуманитарных наук, которая не всегда совпадает с мнением редакционной коллегии и редакции журнала.

Приказом МВД России от 16 декабря 2011 г. №1250 Калининградский юридический институт МВД России реорганизован в форме присоединения к Санкт-Петербургскому университету МВД России в качестве филиала. В связи с этим издаваемый учебным заведением журнал переименован в «Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России».

Информация о журнале,
требованиях к статьям
и порядке представления
их для опубликования
доступна на сайте журнала
(переход по QR-коду)

ОФИЦИАЛЬНЫЙ САЙТ ЖУРНАЛА
в сети Интернет: <https://vestnikkf.ru>.
Электронная версия журнала расположена
в сети Интернет по адресу: [https://klif.univer.mvd.ru/
Nauka/ZHurnal_Vestnik_Kaliningradskogo_filiala](https://klif.univer.mvd.ru/Nauka/ZHurnal_Vestnik_Kaliningradskogo_filiala)
([https://калининградский.университет.мвд.рф/
Nauka/ZHurnal_Vestnik_Kaliningradskogo_filiala](https://калининградский.университет.мвд.рф/Nauka/ZHurnal_Vestnik_Kaliningradskogo_filiala)).

АДРЕС РЕДАКЦИИ, ИЗДАТЕЛЯ И ТИПОГРАФИИ:

Россия, 236006, г. Калининград, ул. Генерала Галицкого, 30.
Телефон: 8 (4012) 53-93-51; e-mail: vestnikkf@yandex.ru.
Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России,
научно-исследовательское и редакционно-издательское отделение.

Председатель редакционной коллегии -

БАВСУН Максим Викторович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России (по научной работе).

Заместитель председателя редакционной коллегии -

АЛЕКСЕЕВА Анна Павловна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России.

АСТАФИЧЕВ Павел Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета МВД России;

АНИСИМОВ Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и публично-правовых дисциплин Донского государственного технического университета (г. Ростов-на-Дону);

ВЕКЛЕНКО Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России;

ВИШНЕВСКИЙ Александр Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор факультета права и департамента частного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва);

ГРИГОРЬЕВ Анатолий Николаевич, доктор педагогических наук, доцент, начальник кафедры административно-правовых дисциплин и информационного обеспечения органов внутренних дел Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России;

ДРОНОВА Ольга Борисовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России;

ЗАЙЦЕВ Анатолий Александрович, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой физической культуры Калининградского государственного технического университета;

ИВАНОВА Светлана Витальевна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории государства и права Оренбургского института (филиала) Университета им. О.Е. Кутафина;

КАПЛУНОВ Андрей Иванович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России;

КАТКОВ Сергей Владимирович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России;

КОЖЕВИНА Марина Анатольевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России;

КОЛОСОВИЧ Марина Сергеевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России;

МЕЛИХОВ Александр Иванович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России (г. Москва);

ПРАЦКО Геннадий Святославович, доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры коммерческого и предпринимательского права Донского государственного технического университета (г. Ростов-на-Дону);

ПРИМАК Татьяна Клавдиевна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права и процесса Балтийского федерального университета им. И. Канта (г. Калининград);

РЕДЬКО Александр Александрович, доктор юридических наук, доцент, первый заместитель начальника Волгоградской академии МВД России;

РЫЖЕНКОВ Анатолий Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова (г. Элиста);

УХОВ Владимир Юрьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России;

ФАДЕЕВА Виолетта Владимировна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры административно-правовых дисциплин и информационного обеспечения органов внутренних дел Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России.

The editorial board

Chairman of the Editorial Board, Editor in Chief -

BAVSUN Maxim Viktorovich, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Interior of Russia (for scientific work).

Deputy Chairman of the Editorial Board -

ALEKSEEVA Anna Pavlovna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Law of the Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia

ASTAFICHEV Pavel Aleksandrovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and International Law of Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

ANISIMOV Alexey Pavlovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Public Law Disciplines of the Don State Technical University (Rostov-on-Don);

VEKLENKO Sergey Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Law of the Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

VISHNEVSKY Alexander Alexandrovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Faculty of Law and Department of Private Law of the National Research University Higher School of Economics (Moscow);

GRIGORIEV Anatoly Nikolaevich, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Administrative Legal Disciplines and Information Support of Internal Affairs Bodies of the Kaliningrad Branch of Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

DRONOVA Olga Borisovna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Forensic Technology of the Educational and Scientific Complex of Expert-Forensic Activities of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

ZAYTSEV Anatoly Aleksandrovich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Physical Culture, Kaliningrad State Technical University;

IVANOVA Svetlana Vitalievna, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory of State and Law, Orenburg Institute (branch) of the University named after O.E. Kutafina;

KAPLUNOV Andrey Ivanovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Administrative Law of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

KATKOV Sergey Vladimirovich, Doctor of Law, Associate Professor,

Professor of the Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

KOZHEVINA Marina Anatolyevna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory and History of Law and State of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

KOLOSOVICH Marina Sergeevna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

MELIKHOV Alexander Ivanovich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Methodology of Public Administration of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow);

PRATSKO Gennady Svyatoslavovich, Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Commercial and Entrepreneurial Law of the Don State Technical University (Rostov-on-Don);

PRIMAK Tatyana Klavdievna, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law and Process, Baltic Federal University named after I. Kant (Kaliningrad);

REDKO Alexander Aleksandrovich, Doctor of Law, Associate Professor, First Deputy Head of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

RYZHENKOV Anatoly Yakovlevich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law and Process, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (Elista);

UKHOV Vladimir Yurievich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Administrative Law of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

FADEEVA Violetta Vladimirovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Administrative Legal Disciplines and Information Support of Internal Affairs Bodies of the Kaliningrad Branch of Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Содержание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИИ

А.П. АЛЕКСЕЕВА, Н.Н. БУГЕРА

- Финансовая безопасность в условиях
цифровой трансформации преступности:
вызовы и механизмы системной защиты 9

О.Н. ИВАСЮК

- Современная семейно-бытовая преступность:
криминологическое исследование 18

О.Н. ПАХОМОВА

- Цифровое насилие в отношении мигрантов 26

Ю.А. СЛУЧЕВСКАЯ

- Организованная экологическая
преступность транснационального характера 37

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Е.Л. КОЗЛОВА

- Нецелевое расходование бюджетных средств:
исследование состава преступления в контексте
совершенствования их уголовно-правовой охраны 45

В.В. АДАМОВИЧ

- Характер общественной опасности незаконного
сбыта наркотических средств, психотропных веществ,
их аналогов в связи с определением его объекта 52

Е.А. КОНОВАЛОВ

- Добровольный отказ от преступления: криминологическое
значение и место в системе уголовного законодательства 59

Т.О. САПРЫКИНА

- Возмещение вреда (ущерба), причинённого
потерпевшему неоконченными и совершёнными
в соучастии насильственными преступлениями 66

ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

А.А. НАСОНОВ

- О дополнительных гарантиях защиты прав и законных
интересов несовершеннолетних потерпевших
в отечественном уголовном судопроизводстве 73

А.В. КУЛЬЧАРОВА

- Процессуальный статус подозреваемого
в уголовном судопроизводстве России 79

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

И.В. РЫЖКОВ, А.А. РЫЖКОВА

- Основные этапы истории совершенствования
унифицированных комплектов для изъятия следов
преступлений (криминалистических чемоданов) 86

С.М. ГОЛЯТИНА

- Судебная лингвистическая экспертиза по уголовным
делам о незаконном сбыте наркотических средств 93

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А.В. ШАХМАТОВ, Р.В. ГЛУБОКОВСКИХ

- Вопросы проведения подразделениями ФСИН России
оперативно-разыскных мероприятий судебного
санкционирования по розыску осуждённых 99

Содержание

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

С.В. ПОПОВ

- Роль и значение конфиденциального содействия
в оперативно-разыскной деятельности 106

ГОСУДАРСТВО. ОБЩЕСТВО. ПРАВО

А.И. МЕЛИХОВ, А.В. ХАРЧЕНКО

- Угрозы национальной безопасности,
посягающие на традиционные духовно-
нравственные ценности Российской Федерации 114

Е.Е. НОВОПАВЛОВСКАЯ

- Судебный конституционный нормоконтроль
в сфере регулирования свободы передвижения 122

И.С. СОРОКИН

- Основные признаки цифрового пространства
в современной гражданско-правовой доктрине 130

В.В. ГУБАНОВА

- Межотраслевой институт правовой цензуры
в стратегии преодоления кризиса правового воспитания 137

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

Т.В. АНИСИМОВА

- Дилетантизм в науке и образовании:
старое и новое понимание терминов 144

А.В. ЛИТВИНОВ, П.Г. АНДРЕЕВ

- Формирование моторных навыков сотрудников полиции
посредством тренажёров контраварийного вождения 151

УГОЛОК РЕЦЕНЗЕНТА

Н.В. ПАВЛИЧЕНКО

- Расследование преступлений, совершённых лицами,
привлечёнными в качестве судебных экспертов:
правовые, организационные и тактические проблемы
(рецензия на монографию С.О. Севостьяновой
«Особенности расследования преступлений, совершённых
лицами, привлечёнными в качестве судебных экспертов») 162

Contents

CURRENT PROBLEMS OF CRIMINOLOGY

<i>Anna ALEKSEEVA, Natalia BUGERA</i> Financial security in the context of the digital transformation of crime: challenges and systemic protection mechanisms.....	9
<i>Olga IVASYUK</i> Modern family and domestic crime: criminological research.....	18
<i>Oksana PAKHOMOVA</i> Digital violence against migrants.....	26
<i>Yulia SLUCHEVSKAYA</i> Transnational organized environmental crime.....	37

CRIMINAL LAW AND FEATURES OF QUALIFICATION OF CRIMES

<i>Elena KOZLOVA</i> Unearmarked expenditure of budgetary funds: research of the corpus delicti in the context of improving their criminal law protection.....	45
<i>Vyacheslav ADAMOVICH</i> The nature of the public danger of the illegal sale of narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues in relation to the definition of its target.....	52
<i>Evgeny KONOVALOV</i> Voluntary renunciation of a crime: its criminological significance and place within the system of criminal legislation.....	59
<i>Tatiana SAPRYKINA</i> Compensation for harm (damage) caused to the victim by unfinished and committed in complicity violent crimes	66

ARTICLES ABOUT CRIMINAL PROCEDURE

<i>Alexander NASONOV</i> On additional guarantees for the protection of the rights and legitimate interests of minor victims in domestic criminal proceedings	73
<i>Albina KULCHAROVA</i> Procedural status of a suspect in criminal proceedings in Russia	79

CRIMINALISTICS RESEARCHES

<i>Ivan RYZHKOV, Anna RYZHKOVA</i> Main stages in the development of standardized crime detection kits (forensic suitcases).....	86
<i>Svetlana GOLYATINA</i> Forensic linguistic examination in criminal cases involving illegal drug sales.....	93

THEORY AND PRACTICE OF LAW ENFORCEMENT

<i>Alexander SHAKHMATOV, Roman GLUBOKOVSKIKH</i> Issues related to the conduct of judicially authorized operational investigative measures by units of the Federal Penitentiary Service of Russia to locate convicted persons.....	99
---	----

Contents

IMPROVING THE ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

Sergey POPOV

Role and importance of confidential assistance
in operational investigative activities 106

STATE. SOCIETY. LAW

Aleksandr MELIKHOV, Aleksandr KHARCHENKO

National security threats encroaching on the traditional
spiritual and moral values of the Russian Federation 114

Elena NOVOPAVLOVSKAYA

Judicial constitutional normative control
in the area of freedom of movement regulation 122

Igor SOROKIN

Main features of digital space in modern civil law doctrine 130

Victoria GUBANOVA

Inter-sectoral institute of legal censorship in the
strategy of overcoming the crisis of legal upbringing 137

PEDAGOGICAL ASPECTS OF PROFESSIONAL TRAINING

Tatyana ANISIMOVA

Dilettantism in science and education:
old and new understanding of terms 144

Artyom LITVINOV, Pyotr ANDREEV

Formation of police officers' motor
skills using defensive driving simulators 151

REVIEWER CORNER

Nikolay PAVLICHENKO

Investigating crimes committed by persons involved
as forensic experts: legal, organizational and tactical
issues (review of S.O. Sevostyanova's monograph
«Characteristics of investigating crimes committed
by persons involved as forensic experts») 162

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИИ

Анна Павловна АЛЕКСЕЕВА,

доктор юридических наук, профессор, ORCID 0000-0002-4569-7564
Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Калининград)
профессор кафедры уголовного права, криминологии
и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала
Заслуженный юрист Российской Федерации
alexeeva.klg-mvd@yandex.ru

Наталья Николаевна БУГЕРА,

кандидат юридических наук, доцент, ORCID 0000-0002-2459-7855
Волгоградская академия МВД России (г. Волгоград)
начальник кафедры уголовного права учебно-научного комплекса
по предварительному следствию в органах внутренних дел
knn.76@mail.ru

Научная статья
УДК 343.97:343.85

ФИНАНСОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ: ВЫЗОВЫ И МЕХАНИЗМЫ СИСТЕМНОЙ ЗАЩИТЫ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Корпоративное дропперство, финансовое мошенничество, система быстрых платежей, QR-эквайринг, противодействие.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Ускоренная цифровая трансформация финансового сектора России стимулирует появление новых способов совершения преступлений, угрожающих экономической безопасности государства. Особое внимание в ходе исследования, результаты которого представлены в статье, было уделено феномену современного дропперства (использования счетов и платежных инструментов третьих лиц для легализации преступных доходов посредством системы быстрых платежей и QR-эквайринга). Эволюция дропперства демонстрирует переход от взаимодействия с физическими лицами к вовлечению в него юридических лиц, формально занятых розничной торговлей, что существенно увеличило объемы транзакций и продлило жизненный цикл мошеннических схем.

Методы. При проведении исследования оказался востребован интегративный междисциплинарный подход, предусматривающий использование системного метода, институционального, социологического, сценарного и прогностического анализа данных, контент-анализа судебной практики. **Результаты.** В последнее время произошла кардинальная трансформация природы дропперства: оно превратилось в корпоративную, высокотехнологичную мошенническую практику с применением QR-эквайринга и маскировкой под легальный бизнес. Его главные характеристики – масштабируемость, устойчивость и легитимность – формируют новую криминальную реальность. Сегодня общество столкнулось с феноменами виртуализации преступного пространства и административной мимикрии, обеспечивающими высокую прибыльность дропперства и его устойчивость к традиционным мерам противодействия. Современное законодательство нуждается в глубоком реформировании, а система защиты от преступных посягательств – в адаптации к условиям воздействия новых «цифровых» вызовов. Есть основания прогнозировать дальнейшее усложнение способов совершения мошенничества с применением высоких технологий, что требует разработки и реализации проактивных стратегий организации противодействия данному виду преступности и международного сотрудничества в этой сфере для обеспечения безопасности цифровой экономики.

ВВЕДЕНИЕ

Цифровая трансформация финансового сектора Российской Федерации сопровождается возникновением качественно новых форм преступности, представляющих системную угрозу экономической безопасности государства. Современное дропперство – использование банковских счетов и платежных инструментов третьих лиц для легализации преступных доходов – претерпело кардинальные изменения с внедрением системы быстрых платежей (далее – СБП) и QR-эквайринга.

Научная новизна исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, обусловлена несколькими факторами. Во-первых, масштабное внедрение QR-технологий в российскую платежную инфраструктуру создало качественно новые возможности для преступной деятельности. Во-вторых, существующая нормативная база оказалась неспособной эффективно противодействовать новым формам финансовых преступлений. В-третьих, отсутствие комплексного криминологического анализа современных дропперских схем затрудняет разработку адекватных мер противодействия.

Цель исследования заключалась в выявлении специфики трансформации дропперских схем в условиях цифровизации платежных систем и разработке научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию противодействия новым формам финансовых преступлений.

Перед исследованием ставились следующие задачи: проанализировать эволюцию дропперских схем от традиционных форм к корпоративным; исследовать технологические особенности использования QR-кодов в преступных целях; оценить эффективность существующих регуляторных мер противодействия; раскрыть правовые и криминологические проблемы выявления новых форм преступлений; проанализировать уровень цифровой грамотности населения как фактора уязвимости к киберугрозам.

Актуальность проведенного нами исследования определяется стремительным ростом финансового мошенничества, осуществляемого посредством СБП. По данным Центрального банка Российской Федерации (далее – ЦБ РФ), в 2024 году объем операций, совершенных без согласия клиентов, достиг 27,5 млрд рублей, что на 74,4% больше показателя 2023 года. Количество мошеннических транзакций составило 1,196 млн, в 2,5 раза чаще стали совершаться хищения с использованием СБП, причиненный ими ущерб вырос до 8,25 млрд рублей. Прогнозы указывают на возможность увеличения объема ущерба в 2025-2026 годах до 40-52 млрд рублей¹.

Результаты исследования показывают, что дропперство претерпело качественную трансформацию. Если ранее в нем участвовали преимущественно физические лица – так называемые «не-

вежественные дропперы» (drop-in-ignorance), а срок жизни мошеннических схем был весьма ограничен, то сегодня наблюдается иной феномен – корпоративное дропперство. Оно представляет собой не эволюцию старых методов, а принципиально новый формат организованной преступности, реализуемый в цифровой среде. В данном случае используются юридические лица, являющиеся псевдокоммерческими структурами, формально занимающимися розничной торговлей. Это создает многослойную систему маскировки, эксплуатирующую презумпцию добросовестности предпринимательской деятельности. Можно выделить три ключевые характеристики произошедшей трансформации: масштабируемость – лимиты увеличиваются до десятков миллионов рублей; устойчивость – схемы дольше сохраняют работоспособность (до двух недель); легитимность – эффективная маскировка под обычную хозяйственную деятельность. Совокупность этих факторов формирует новый тип криминальных отношений. Использование в дропперстве юридических лиц значительно увеличивает объем транзитных потоков по сравнению со схемами, в которых задействованы расчетные карты физических лиц, ограниченные по лимитам и быстро блокируемые после выявления подозрительной активности. Корпоративная оболочка обеспечивает устойчивость мошеннических схем и расширяет возможности по совершению финансовых операций.

По данным ЦБ РФ, только одним из крупных российских банков с начала 2025 года было выявлено 319 компаний-дроппов с оборотом свыше 50 млн рублей в месяц². При относительно небольшой стоимости услуг по подключению точки приема платежей через СБП (15-30 тысяч рублей) злоумышленники получают чрезвычайно выгодную модель с позиции соотношения затрат и прибыли. QR-эквайринг не просто стал новым инструментом мошенничества, а изменил саму природу дропперства. Внедрение удаленного режима совершения финансовых операций устраняет пространственные ограничения, позволяя размещать QR-коды на любых цифровых носителях без наличия физической инфраструктуры. Такое явление можно назвать «виртуализацией преступного пространства».

Значимый элемент преступных схем рассматриваемого нами вида представляет собой административная мимикрия – использование МСС-кодов розничных магазинов для легализации деятельности. МСС-коды, применяемые банками и платежными системами для классификации операций, создают легитимный профиль юридических лиц – мошенников. Регистрация таких лиц в «розничной» сфере (например торговля продуктами питания) способствует формированию представления об их надежности у банков и минимизирует риск блокировки денежных переводов. Такая подмена эксплуатирует доверие

¹ Чернышова Е. ЦБ зафиксировал рекордную сумму хищений у банковских клиентов в 2024 году // РБК: сайт. 18.02.2025 // URL: <https://www.rbc.ru/finances/18/02/2025/67b489749a794780d1527516> (дата обращения: 28.09.2025).

² 319 компаний-дроппов выявили банки России в 2025 году // ПрессАфф: сайт // URL: <https://pressaff.com/tg-news/319-kompanij-dropov-vyyavili-banki-rossii-v-2025-godu-nelegalnye-onlajn-kazino-prinimali/> (дата обращения: 28.09.2025).

Anna P. ALEKSEEVA,

Doctor of Law, Professor, ORCID 0000-0002-4569-7564
Saint Petersburg University of the Ministry
of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)
Professor of the Department of Criminal Law, Criminology
and Criminal Executive Law of the Kaliningrad Branch
Honored Lawyer of the Russian Federation
alexeeva.klg-mvd@yandex.ru

Natalia N. BUGERA,

Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor, ORCID 0000-0002-2459-7855
Volograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Volograd, Russia)
Head of the Criminal Law Department of the Educational and Scientific
Complex on Preliminary Investigation in Internal Affairs Bodies
knn.76@mail.ru

FINANCIAL SECURITY IN THE CONTEXT OF THE DIGITAL TRANSFORMATION OF CRIME: CHALLENGES AND SYSTEMIC PROTECTION MECHANISMS

KEYWORDS. Corporate droppery, financial fraud, fast payment system, QR acquiring, counteraction.

ANNOTATION. Introduction. The accelerated digital transformation of Russia's financial sector is stimulating the emergence of new methods of committing crimes that threaten the economic security of the state. The study, the results of which are presented in this article, focused on the phenomenon of modern droppery (the use of third-party accounts and payment instruments to launder criminal proceeds through the fast payment system and QR acquiring). The evolution of droppery demonstrates a shift from interactions with individuals to the involvement of legal entities formally engaged in retail trade, which has significantly increased transaction volumes and extended the life cycle of fraudulent schemes. **Methods.** The study utilized an integrative interdisciplinary approach, involving a systems method, institutional, sociological, scenario, and predictive data analysis, and a content analysis of judicial practice. **Results.** Recently, the nature of droppery has undergone a radical transformation: it has evolved into a corporate, high-tech fraudulent practice using QR acquiring and masquerading as a legitimate business. Its key characteristics – scalability, sustainability, and legitimacy – are creating a new criminal reality. Today, society is confronted with the virtualization of criminal space and administrative mimicry, which ensures the high profitability of droppery and its resilience to traditional countermeasures. Current legislation requires thorough reform, and the system of protection against criminal attacks must be adapted to the impact of new digital challenges. There is reason to predict a further increase in the sophistication of high-tech fraud methods, which requires the development and implementation of proactive strategies to combat this type of crime and international cooperation in this area to ensure the security of the digital economy.

государства и финансовой системы к унифицированным классификаторам, которые не учитывают сложные криминальные сценарии. Автоматизированный контроль, ориентирующийся на МСС-коды, с трудом различает легальные и преступные транзакции. В результате массовый поток операций под легальными шифрами снижает эффективность финансового мониторинга и затрудняет выявление незаконных переводов.

Приняв во внимание эти обстоятельства, ЦБ РФ в октябре 2023 года выпустил методические рекомендации № 13-МР, обязав банки усиливать мониторинг QR-эквайринга, поскольку «всплещки» по операциям в СБП зачастую свидетельствуют о нелегальной деятельности.

МЕТОДЫ

В ходе исследования был использован комплекс междисциплинарных методов, обеспечивающих всесторонний анализ трансформации дропперских схем в условиях цифровизации финансового сектора. Криминологический анализ позволил выявить новые формы и характеристики корпоративного дропперства, рассмотреть механизмы виртуализации преступного пространства и административной мимикрии. Правовой анализ применялся для оценки соответствия действующего

уголовного законодательства современным цифровым реалиям и выявления нормативных пробелов.

Использование эмпирического метода опиралось на статистические данные ЦБ РФ о масштабах мошенничества, осуществляемого посредством СБП, а также на результаты социологических исследований уровня цифровой грамотности населения, что позволило учесть социальные факторы уязвимости к киберугрозам. Прогностический и сценарный анализ потребовался для моделирования возможных направлений развития финансовой преступности и совершенствования технологических мер противодействия ей, в том числе концепции «предиктивного иммунитета» антифрод-систем.

Системный метод обеспечил интеграцию криминологических, правовых, социальных и технологических аспектов, анализ взаимосвязей между ними и выявление комплексных стратегий противодействия дропперству. Институциональный и социологический анализ позволил исследовать поведенческие факторы и роль межведомственного взаимодействия в формировании эффективной системы защиты.

Таким образом, использование вышеуказанных методов создало основание для разработки науч-

но обоснованных рекомендаций по совершенствованию правового регулирования и технологий в сфере борьбы с новыми формами финансовых преступлений в условиях цифровой экономики.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Проблема привлечения предпринимателей к ответственности за участие в нелегальных операциях с использованием QR-кодов во многом связана с трудностями доказывания их осведомленности об участии в реализации преступных схем: зачастую они утверждают, что ничего не знали об истинном назначении переводов, что усложняет сбор доказательственной базы [1, с. 465].

Анализ правовых механизмов противодействия дропперству обнаруживает системный кризис традиционного подхода к квалификации финансовых преступлений. Действующее законодательство, включая ст. 174 УК РФ, устанавливающую ответственность за легализацию (отмывание) преступных доходов, демонстрирует концептуальную неадекватность «аналогового» права цифровым реалиям.

Во-первых, ст. 174 УК РФ не учитывает современные механизмы электронных платежей и инновационные способы маскировки преступных финансовых схем, такие как использование корпоративных дропперских структур, QR-кодов и СБП. Законодательство ориентировано на классические механизмы преступлений и не способствует эффективной квалификации многоуровневых, распределенных и виртуализированных схем отмывания денег.

Во-вторых, законодательные нормы недостаточно гибки для реагирования на быстро меняющиеся технологические условия. Они не учитывают особенности цифровых финансовых активов, криптовалют, а также возможности использования технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) и автоматизированных систем, что позволяет преступникам эксплуатировать правовые пробелы и избегать наступления ответственности.

В-третьих, доказывание факта совершения преступления, предусмотренного ст. 174 УК РФ, усложняется из-за увеличения дистанции между лицами, непосредственно осуществляющими преступную деятельность, и теми, кто номинально выступает субъектом преступления. Это затрудняет идентификацию преступников и сбор доказательств, что может приводить к формальной констатации невиновности или смягчению наказания.

Наконец, законодатель реагирует на новые криминальные вызовы избирательно и частичными поправками, которые носят фрагментарный характер, не создавая комплексной системы противодействия цифровой финансовой преступности. Так, например, внесенные в ст. 187 УК РФ изменения, вступившие в силу 5 июля 2025 года, сводятся к введению уголовной ответственности за участие в мошеннических схемах по обналачи-

ванию и передаче электронных средств платежа без признаков непосредственного хищения. Это своеобразная попытка закрыть «правовой пробел», который ранее позволял дропперам избегать уголовного преследования [2, с. 20]. Однако она не устраняет глубинных несовершенств, существующих в механизмах профилактики, межведомственного взаимодействия, цифровой идентификации и отслеживания цепочек транзакций.

Основываясь на результатах исследования, мы приходим к выводу о необходимости системной реконцептуализации подходов к противодействию дропперству. Предлагаемые в науке законодательные меры – введение в ст. 174 УК РФ квалифицирующих признаков для QR-эквайринга [3, с. 99], создание специальных диспозиций для корпоративного дропперства [4, с. 53] – должны рассматриваться как элементы более широкой стратегии адаптации правовой системы к цифровой реальности.

Примечательно, что на этом фоне с сентября 2024 года банки начали активно внедрять технологии ИИ для пересылки средств по СБП. В ответ на подобные вызовы Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (далее – Минцифры России) инициировало внесение поправок в ряд статей УК РФ (ст.ст. 158, 159, 163, 272 и 274), предложив закрепить новый квалифицирующий признак – «совершение преступления с применением искусственного интеллекта»¹. Однако, как замечают эксперты, новое определение ИИ, представленное авторами поправок (комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека), вызывает серьезные дискуссии среди специалистов. К тому же дефиниция представляется в весьма абстрактной форме и отчасти противоречит действующим положениям Национальной стратегии развития искусственного интеллекта² (далее – Стратегия), содержащей более конкретное и детализированное определение (п. 5 разд. I). Оно учитывает разнообразие технологий, уровней и типов ИИ, а также их функциональное назначение в разных сферах применения: «искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их». Соответственно, комплекс технологических решений здесь включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе с методами машинного обучения), процессы и сервисы по обработке дан-

¹ Минцифры предложило наказывать тюрьмой за использование ИИ в преступных целях // Вести.Ру: сайт. 10.06.2025 // URL: <https://www.vesti.ru/article/4542269> (дата обращения: 01.09.2025).

² Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года утверждена Указом Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации».

ных и поиску решений. Дополнительно Стратегией введены четыре уточняющих понятия, что делает подход дифференцированным по уровням и типам ИИ:

- технологии ИИ – конкретные прикладные технологии (компьютерное зрение, обработка естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальная поддержка принятия решений и др.);

- перспективные методы ИИ – методы, направленные на создание принципиально новой научно-технической продукции, в том числе в целях разработки универсального (сильного) ИИ (автономное решение различных задач, автоматический дизайн физических объектов, автоматическое машинное обучение, обработка информации на основе новых типов вычислительных систем, интерпретируемая обработка данных и др.);

- смежные области применения ИИ – робототехника, беспилотный транспорт и иные комплексы, где ИИ является обязательным элементом;

- набор и разметка данных – регулируемые правовые объекты, необходимые для разработки ИИ-систем.

Таким образом, в отличие от «узких» уголовно-правовых формулировок Стратегия задает многоуровневую модель: уровень технологий (слабый, ограниченный, уже существующий ИИ), уровень перспективных методов (сильный ИИ), уровень инфраструктуры и данных, уровень функционального назначения (применение в экономике и социальной сфере). Стратегия ориентирована на практическое использование ИИ, его развитие и внедрение с учетом технологических особенностей и этических норм.

А вот абстрактность инициативы Минцифры России порождает ряд проблем. Во-первых, она затрудняет однозначное и предсказуемое правоприменение, поскольку пространственный и неопределенный термин «ИИ» может быть интерпретирован слишком свободно, что приведет к избыточному расширению круга потенциальных преступлений и отягчающих обстоятельств. Во-вторых, существует опасность того, что реализация сформулированного Минцифры России предложения негативно скажется на инновационной деятельности, произведя «охлаждающий» эффект, так как разработчики и компании могут столкнуться с излишними юридическими рисками и неопределенностью при внедрении ИИ-технологий. В условиях, когда такие технологии широко применяются в многочисленных интернет-приложениях и пользовательских устройствах, в совершении практически любого преступления можно будет усмотреть отягчающее обстоятельство – использование ИИ. Это, в свою очередь, будет ослаблять мотивацию разработчиков программного обеспечения и тормозить технологический прогресс.

Кроме того, отметим, что на мотивацию IT-специалистов существенное влияние оказало

введение в конце 2024 года в Уголовный кодекс Российской Федерации ст. 272.1¹. В опубликованном 18 июня 2025 года обзоре подчеркнуты серьезные риски, связанные с применением этой нормы к профессиональной деятельности специалистов в области информационной безопасности и компаний, занимающихся защитой информации². Данная правовая новелла криминализирует широкий спектр действий, осуществляемых с компьютерной информацией, включая незаконное использование, передачу, сбор и хранение персональных данных, а также создание и эксплуатацию ресурсов, предназначенных для таких операций. Ключевой проблемой является расширительное толкование деяний, составляющих объективную сторону состава преступления. Им потенциально охватываются типичные профессиональные сценарии работы специалистов в области информационной безопасности: выгрузка данных и анализ утечек из даркнета, скачивание баз данных при расследовании инцидентов, развертывание тестовых сред (honeypot, песочниц) с реальными персональными данными без согласия владельцев, мониторинг публичных и закрытых источников для выявления фишинг-ресурсов и других угроз, а также пентестинг (тестирование на проникновение), предусматривающий работу с чужими персональными данными без прямого согласия [5, с. 61]. Проблема усугубляется так называемым «порочным» согласием на обработку персональных данных, при котором формальное согласие их владельца может быть признано регулятором или судом недействительным, что оборачивается криминализацией даже добросовестной деятельности по защите информации.

Исходя из этого, можно сделать вывод о высоком риске применения ст. 272.1 УК РФ в отношении добросовестных специалистов и компаний, работающих в области информационной безопасности. Это обстоятельство требует либо развития «сужающей» судебной практики, либо внесения в законодательство специальных исключений, декриминализирующих действия, совершаемые в целях обеспечения информационной безопасности согласно внутреннему регламенту или по заказу клиента. Необходимо достичь баланса между потребностями кибербезопасности и избеганием чрезмерной криминализации профессиональной деятельности, что имеет ключевое значение для формирования эффективной правовой политики в сфере информационной безопасности и защиты персональных данных.

В рамках борьбы с новыми мошенническими схемами активно разрабатывается централизованная платформа противодействия дропперам. Концепция платформы будет представлена для общественного обсуждения в первом полугодии 2026 года, а запуск ее эксплуатации в целях оперативного обмена информацией и конструирования типологий для выявления подозрительных

¹ Федеральный закон от 30 ноября 2024 г. № 421-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» вступил в силу 11 декабря 2024 г.

² Афанасьев С. Борьбу с утечкой персональных данных усилили // АГ-эксперт: сайт. 18.06.2025 // URL: <https://www.advgazeta.ru/ag-expert/advice/borbu-s-utechkoy-personalnykh-dannykh-usilili/> (дата обращения: 02.09.2025).

операций на ранних стадиях намечен на 2027 год¹. Реализация данного инициативного проекта призвана способствовать повышению эффективности финансового мониторинга и сужению пространства для злоупотреблений в платежной сфере благодаря организации взаимодействия между регуляторами, банками и экспертами на единой технологической и операционной основе [6]. Подготовка данной платформы отражает системность подхода к решению проблемы цифрового мошенничества и демонстрирует стремление к внедрению современных цифровых инструментов противодействия финансовым преступлениям в развивающейся экономической и технологической среде России [7, с. 371]. В настоящее время формируется комплекс решений, включающий в себя информационно-коммуникационную структуру, программное обеспечение, а также процессы и сервисы, направленные на обработку данных и поиск оптимальных решений в области цифровой безопасности [8, с. 687]. Технологическая архитектура новой платформы должна объединить сервисы информационной безопасности и аналитику, а также учитывать человеческий фактор. Многие пользователи, даже хорошо знающие базовые правила безопасного поведения в цифровой среде, не могут распознать контент-ориентированные угрозы [9, с. 53]. Поэтому предполагается, что платформа будет обладать образовательным потенциалом и станет ресурсом, формирующим поведенческие модели. В противном случае ее защитные функции будут ограничены техническим периметром, а криминальный риск останется в зоне «цифрового невежества».

Наши выводы подтверждаются результатами социологических исследований. Согласно данным аналитического отчета АНО «Цифровая экономика» и ВЦИОМ, подготовленного в 2025 году по итогам опроса 1626 граждан, уровень цифровой грамотности населения в России остается недостаточным для эффективного противодействия киберугрозам². Большинство респондентов отметили, что основными источниками информации об опасностях такого рода для них служат новостные интернет-ресурсы (51%) и социальные контакты (45%), что указывает на фрагментарность и несистемность распространения критически важных знаний о цифровой безопасности. Несмотря на оптимистичные данные о применении гражданами базовых мер защиты – отказ от пересылки паролей (72%), от хранения банковских данных на электронных устройствах (71%), использование двухфакторной аутентификации (59%), – статистически значимая доля населения (20-25%) испытывает затруднения в распознавании современных контентно-ориентированных угроз, таких как дипфейк. Сложившаяся ситуация свидетельствует о наличии системного пробела («структурного провала знания») в функциональной цифровой

безопасности населения, обусловленного доминированием неофициальных и неструктурированных каналов получения информации, что снижает уровень коллективной защищенности от высокотехнологичных атак [10, с. 18]. В результате формируется «нишевая уязвимость», охватывающая минимум 20-25% населения. Это люди, неспособные противостоять социально-инженерным воздействиям, что позволяет киберпреступникам эффективно обходить даже технически защищенные сервисы [11, с. 48].

Таким образом, возникает поведенческий парадокс: достигается формирование базовых рефлексов безопасности, однако недостаточная компьютерная грамотность существенно снижает порог устойчивости пользователя цифровых устройств к кибератакам. Усугубляет ситуацию асимметрия в темпах обновления технологий: образовательные программы совершенствуются с запаздыванием, в то время как технологии обхода средств защиты меняются значительно быстрее, что создает пространство для успешного осуществления кибератак [12, с. 238]. Следовательно, необходимы меры цифрового просвещения, ориентированные на обучение критическому мышлению, верификации информационных источников и навыкам определения цифровых следов поддельного контента [13, с. 92]. Требуется внедрение системных образовательных инициатив, предусматривающих использование симуляционных тренажеров, интегрированных в мобильные банковские приложения, включение в школьные программы обязательных учебных модулей по кибербезопасности, реализация проектов с изолированной средой для тестирования и развития средств распознавания дипфейков [14, с. 11]. Без системной и комплексной подготовленности пользователей технические средства информационной безопасности смогут компенсировать лишь часть ущерба, а цифровая преступность приобретет устойчивый и масштабируемый социальный канал распространения угроз, что потребует междисциплинарных и институциональных подходов для обеспечения кибербезопасности в масштабах всей страны.

Итак, анализ развития систем защиты от мошенничества в банковской сфере выявляет классическую динамику, сходную с функционированием иммунной системы человека. Повышение уровня защиты инициирует появление более изощренных и адаптивных методов ее обхода, используемых злоумышленниками. Однако в отличие от биологического иммунитета, где выработка антител происходит с высокой скоростью, финансовые системы вынуждены действовать в рамках регуляторных процедур, предусматривающих аудит, согласование и контроль соблюдения законов, нормативных актов и лицензионных условий. Это замедляет реакцию на новые угрозы и создает

¹ Кошкина Ю. ЦБ разработает новую платформу по контролю за переводами россиян.

Как будет работать механизм по борьбе с сомнительными операциями // РБК: сайт. 25.12.2024 // URL: <https://www.rbc.ru/finances/25/12/2024/676a90f29a794720bb4bc2b3> (дата обращения: 03.09.2025).

² Лагун И. АЦ ВЦИОМ: Большинство пользователей не знают способов защиты от киберугроз // Российская газета: сайт. 17.09.2025 // URL: <https://rg.ru/2025/09/17/ac-vciom-bolshinstvo-polzovatelej-ne-znaiut-sposobov-zashchity-ot-kiberugroz.html> (дата обращения: 04.09.2025).

структурное несоответствие между временем, необходимым преступникам на адаптацию к новым условиям, и временем, требующимся для совершенствования защитных механизмов.

В связи с этим эффективность антифрод-систем¹ предопределяется не только способностью выявлять уже осуществляемые мошеннические действия, но и реализовывать прогностические функции, опережая развитие реальных угроз во времени. Современные практики компьютерного мошенничества, включая использование криптовалют, автоматизированных механизмов смешивания исходящих транзакций и дипфейк-технологий, формируют полиуровневые площадки для организации кибератак, существенно усложняя требования к системам безопасности.

В современных условиях развития цифровой экономики и постоянного совершенствования методов киберпреступности финансовые организации разрабатывают и внедряют современные технологические решения, основанные на применении ИИ. Главной их целью является моделирование различных сценариев кибератак в виртуальной среде, что позволяет предвосхищать угрозы, определять уязвимые точки и вырабатывать оптимальные стратегии защиты. ИИ обучается на больших данных, полученных от различных банковских учреждений, что повышает точность распознавания мошеннических схем и эффективность предотвращения преступных действий. Такая методология способствует глубокому пониманию тактики преступников и увеличивает адаптивные возможности систем безопасности.

Следующим этапом развития технологий защиты является формирование концепции «предиктивного иммунитета», при котором системы безопасности не только своевременно реагируют на выявленные угрозы, но и прогнозируют потенциальные атаки. Эта проактивная модель предусматривает генерацию сценариев возможных кибератак, защиту пользовательских операций и маршрутов передачи данных, а также оперативный обмен информацией об инцидентах и обнаруженных нарушениях.

Вместе с тем следует иметь в виду, что сегодня в условиях, когда киберугрозы и мошеннические схемы обладают транснациональным характером, локальные и национальные меры защиты нередко оказываются недостаточными [15, с. 125]. Необходимым становится развитие международного сотрудничества, формирование единых стандартов и протоколов обмена информацией и доказательствами, а также создание платформ совместного мониторинга и анализа киберугроз. Важным институтом такого сотрудничества является взаимное признание странами результатов аудитов безопасности, электронных подписей и сертификатов.

Можно говорить о том, что интеграция передовых ИИ-технологий в банковском секторе с системой международного нормативного и технического взаимодействия обеспечивает снижение асимметрии между быстрым развитием методов

осуществления кибератак и сравнительно медленной реакцией систем защиты. Такая комплексная стратегия является залогом обеспечения устойчивого равновесия и безопасности финансовой экосистемы в условиях постоянного обновления вызовов со стороны цифровой преступности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современное дропперство прошло значительную трансформацию, перейдя от примитивных схем с участием физических лиц к использованию сложных корпоративных структур, эффективно эксплуатирующих цифровые технологии, такие как QR-эквайринг и СБП. Эта эволюция создала новую криминальную реальность, характеризующуюся масштабируемостью, устойчивостью и высокой степенью маскировки под легитимную предпринимательскую деятельность. Критические риски связаны с низкой цифровой грамотностью населения, что увеличивает уровень его уязвимости к социально-инженерным атакам.

Одновременно с активизацией технологического прогресса проявились серьезные пробелы в нормативно-правовом регулировании, что затрудняет эффективное противодействие новым формам финансовых преступлений. Так, например, до середины 2025 года уголовной ответственности непосредственно за дропперство вовсе не существовало, дела возбуждались по смежным статьям кодекса, что усложняло преследование участников мошеннических схем. В то же время имеющееся законодательство, созданное для «аналогового» мира, не в полной мере учитывает современные технологические реалии. Оно плохо приспособлено к новым схемам виртуализации преступного пространства, QR-эквайрингу и деятельности компаний-дроппов, не учитывает сложные сценарии легализации доходов и маскировки финансовых операций под легальный бизнес, что требует системного переосмысления и адаптации норм уголовного права к условиям цифровой эпохи. В частности, было бы правильно предусмотреть уголовную ответственность не только для исполнителей (дропперов), но и для организаторов мошеннических действий, владельцев компаний-дроппов и финансовых посредников; признать в рамках УК РФ и УПК РФ цифровую валюту имуществом для усиления ответственности за реализацию схем незаконного обналичивания и кибервымогательства; существенно конкретизировать и разделить квалифицирующие признаки преступлений, совершаемых с применением ИИ, чтобы не усложнять работу законопослушных IT-специалистов и не создавать ситуаций правовой неопределенности. Вместе с тем стоило бы ввести прямую ответственность для банков и платежных агентов, не реагирующих на признаки незаконного обналичивания или игнорирующих уведомления регуляторов о подозрительных финансовых операциях; возложить на банки обязанности применять усиленные механизмы мониторинга и приостанавливать подозрительные операции, осуществляемые с использованием счетов физических лиц и корпоративных счетов.

¹ Антифрод-система – программно-аппаратный комплекс, предназначенный для выявления и блокировки мошеннических финансовых транзакций и защиты от кибератак.

Важными векторами совершенствования деятельности по обеспечению безопасности в рассматриваемой нами сфере являются разработка и внедрение инновационных банковских технологий, включая применение ИИ, биометрических и блокчейн-систем, а также расширение международного сотрудничества для борьбы с трансграничными криминальными схемами. В связи с этим необходимо институционализировать централизованные платформы совместного мониторинга и обмена информацией между банками, операторами платежных систем и государственными органами; усилить полномочия Росфинмониторинга и ЦБ РФ по временной блокировке подозрительных счетов и операций, обеспечить автоматическую реакцию на цифровые мошеннические схемы; ужесточить требования к идентификации клиентов при открытии счетов, особенно корпоративных: запретить их открытие без согласия представителей, ввести дополнительные проверки по МСС-кодам и типу бизнеса; реализовывать образовательные программы, ориентированные на повышение цифро-

вой и финансовой грамотности населения, обучать правилам кибербезопасности в школах.

Эти меры позволят создать более устойчивую правовую основу для борьбы с современным дропшерством, цифровым мошенничеством и финансовыми преступлениями, совершаемыми в новых технологических условиях. Ключевым же инструментом обеспечения безопасности финансовой системы становится проактивный подход, основанный на предиктивном анализе и превентивной защите.

Таким образом, комплексный междисциплинарный подход, предусматривающий и реформы законодательства, и технологические инновации, и международные договоренности, является необходимым условием для эффективного противодействия современному дропшерству и поддержания экономической безопасности в условиях цифровизации финансового сектора. Только такая стратегия позволит минимизировать криминальные риски и обеспечить устойчивость легальной экономической деятельности. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Пинкевич Т.В. Трансформация организованной преступности в условиях цифровизации // Право и управление. 2023. № 10. С. 464-469.
2. Иванов В.И. Темная сторона цифровизации российского общества: киберпреступность и ее вызовы // Вопросы безопасности. 2025. № 2. С. 14-26.
3. Михайлова Е.А. О необходимости уголовно-правового противодействия преступлениям в сфере незаконного оборота цифровых финансовых активов и цифровой валюты // Полицейская и следственная деятельность. 2025. № 1. С. 96-109.
4. Кисленко С.Л., Фокин А.Д. Мошенничество с использованием информационно-телекоммуникационных технологий как угроза национальной безопасности Российской Федерации // European and Asian Law Review. 2025. Т. 8. № 1. С. 41-54.
5. Попова А.В. Кибербезопасность банковской системы и этические правила взаимодействия человека с ИИ: к вопросу о необходимости сосуществования // Банковское право. 2021. № 1. С. 47-63.
6. Бабаев Э.А., Капустина Н.В. Современные риски использования новых финансовых технологий в схемах отмыывания доходов и финансирования терроризма // Вестник евразийской науки. 2025. Т. 17. № s2.
7. Ущекин С.Н. Криминологическое предупреждение хищений, совершаемых с использованием электронных средств платежа: современное состояние и перспективы развития // Юридическая наука. 2025. № 4. С. 368-372.
8. Осипенко А.Л., Соловьев В.С. Основные направления развития криминологической науки и практики предупреждения преступлений в условиях цифровизации общества // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 6. С. 681-691.
9. Орехова Е.А., Покровская В.Л. Риски применения цифровых технологий в экономике современной России // Вестник ВИЭПП. 2023. № 2. С. 49-62.
10. Петров А.А. Цифровизация экономики: проблемы, вызовы, риски // Торговая политика. 2018. № 3 (15). С. 9-31.
11. Петров А.А. Возможности и направления развития цифровой экономики в России и блокирующие факторы ее развития // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 3 (100). С. 45-66.
12. Воскресенская Л.Н., Балашев Н.Б. Информационная безопасность в банковской сфере: тенденции развития и стратегия противодействия // Самоуправление. 2021. № 3 (125). С. 236-239.
13. Оганесян А.Г. Россия и глобальные вызовы в области информационной безопасности // Международная жизнь. 2018. № 14. С. 1-144.
14. Былевский П.Г. Эволюционная модель культуры информационной безопасности российских граждан // Журнал высоких гуманитарных технологий. 2025. № 2 (9). С. 6-14.
15. Катков С.В., Семенов Г.М., Костенко Н.С., Алексеева А.П. О мерах совершенствования организации работы оперативных и следственных подразделений МВД России по выявлению, раскрытию и расследованию хищений денежных средств с использованием банковских карт на территории Российской Федерации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 4 (55). С. 123-128.

REFERENCES

1. Pinkevich T.V. Transformatsiya organizovannoy prestupnosti v usloviyakh tsifrovizatsii // Pravo i upravleniye. 2023. № 10. S. 464-469.

2. Ivanov V.I. Temnaya storona tsifrovizatsii rossiyskogo obshchestva: kiberprestupnost' i yeye vyzovy // Voprosy bezopasnosti. 2025. № 2. S. 14-26.
3. Mikhaylova Ye.A. O neobkhodimosti ugolovno-pravovogo protivodeystviya prestupleniyam v sfere nezakonnogo oborota tsifrovyykh finansovykh aktivov i tsifrovoy valyuty // Politseyskaya i sledstvennaya deyatel'nost'. 2025. № 1. S. 96-109.
4. Kislenko S.L., Fokin A.D. Moshennichestvo s ispol'zovaniyem informatsionno-telekommunikatsionnykh tekhnologiy kak ugroza natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii // European and Asian Law Review. 2025. T. 8. № 1. S. 41-54.
5. Popova A.V. Kiberbezopasnost' bankovskoy sistemy i eticheskiye pravila vzaimodeystviya cheloveka s II: k voprosu o neobkhodimosti sosushchestvovaniya // Bankovskoye pravo. 2021. № 1. S. 47-63.
6. Babayev E.A., Kapustina N.V. Sovremennyye riski ispol'zovaniya novykh finansovykh tekhnologiy v skhemakh otmyvaniya dokhodov i finansirovaniya terrorizma // Vestnik yevraziyskoy nauki. 2025. T. 17. № 2.
7. Ushchekin S.N. Kriminologicheskoye preduprezhdeniye khishcheniy, sovershayemykh s ispol'zovaniyem elektronnykh sredstv platezha: sovremennoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya // Yuridicheskaya nauka. 2025. № 4. S. 368-372.
8. Osipenko A.L., Solov'yev V.S. Osnovnyye napravleniya razvitiya kriminologicheskoy nauki i praktiki preduprezhdeniya prestupleniy v usloviyakh tsifrovizatsii obshchestva // Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal. 2021. T. 15. № 6. S. 681-691.
9. Orekhova Ye.A., Pokrovskaya V.L. Riski primeneniya tsifrovyykh tekhnologiy v ekonomike sovremennoy Rossii // Vestnik VIEPP. 2023. № 2. S. 49-62.
10. Petrov A.A. Tsifrovizatsiya ekonomiki: problemy, vyzovy, riski // Torgovaya politika. 2018. № 3 (15). S. 9-31.
11. Petrov A.A. Vozmozhnosti i napravleniya razvitiya tsifrovoy ekonomiki v Rossii i blokiruyushchiye faktory yeye razvitiya // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. 2019. № 3 (100). S. 45-66.
12. Voskresenskaya L.N., Balashev N.B. Informatsionnaya bezopasnost' v bankovskoy sfere: tendentsii razvitiya i strategiya protivodeystviya // Samoupravleniye. 2021. № 3 (125). S. 236-239.
13. Oganessian A.G. Rossiya i global'nyye vyzovy v oblasti informatsionnoy bezopasnosti // Mezhdunarodnaya zhizn'. 2018. № 14. S. 1-144.
14. Bylevskiy P.G. Evolyutsionnaya model' kul'tury informatsionnoy bezopasnosti rossiyskikh grazhdan // Zhurnal vysokikh gumanitarnykh tekhnologiy. 2025. № 2 (9). S. 6-14.
15. Katkov S.V., Semenenko G.M., Kostenko N.S., Alekseyeva A.P. O merakh sovershenstvovaniya organizatsii raboty operativnykh i sledstvennykh podrazdeleniy MVD Rossii po vyavleniyu, raskrytiyu i rassledovaniyu khishcheniy denezhnykh sredstv s ispol'zovaniyem bankovskikh kart na territorii Rossiyskoy Federatsii // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2020. № 4 (55). S. 123-128.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© Алексеева А.П., Бугера Н.Н., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Алексеева А.П., Бугера Н.Н. Финансовая безопасность в условиях цифровой трансформации преступности: вызовы и механизмы системной защиты // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (82). С. 9-17.

Ольга Николаевна ИВАСЮК,

кандидат юридических наук, доцент, ORCID 0000-0001-6667-1817

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (г. Москва)

доцент кафедры криминологии

ivasuk-o@mail.ru

Научная статья
УДК 343.97:343.5

СОВРЕМЕННАЯ СЕМЕЙНО-БЫТОВАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Семейно-бытовая преступность, сфера бытовых отношений, семейное насилие, жертва насилия, социальные последствия, предупреждение преступности, социальная защита.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В статье излагаются результаты изучения семейно-бытовой преступности в Российской Федерации – одного из наиболее социально опасных и латентных явлений современной действительности. Предметами исследования являлись показатели преступности, детерминанты, особенности личности агрессора и жертвы, направления профилактики преступлений, совершаемых в условиях семейных и квазисемейных отношений. Цель исследования заключалась в выявлении криминологической специфики семейно-бытовой преступности для разработки научно обоснованных рекомендаций по ее профилактике и совершенствованию правового регулирования рассматриваемой сферы. *Методы.* В ходе работы применялись анализ и синтез, системный подход, сравнительно-правовой, статистический, социологический методы, криминологический анализ. Исследование основывалось на комплексном междисциплинарном подходе, что позволило не только систематизировать научные представления о семейно-бытовой преступности, но и сформулировать предложения по организации ее профилактики. *Результаты.* Понятием семейно-бытовая преступность охватывается широкий спектр преступлений против жизни и здоровья, половой неприкосновенности, интересов семьи и несовершеннолетних. Ей свойственны высокая латентность и рецидивность. В рамках исследования была выявлена многоуровневая система детерминант семейно-бытовой преступности – от социально-экономических факторов (безработица, бедность) до культурных стереотипов, допускающих насилие. Итоги изучения личности агрессора и жертвы продемонстрировали асимметричность их отношений, основанных на власти и контроле, цикличности насилия и беспомощности его жертвы. Установлено, что для эффективного противодействия семейно-бытовой преступности требуется комплексный подход, интегрирующий совершенствование законодательства (включая введение защитных нормативных предписаний), социальную поддержку, психологическую помощь и культурно-воспитательные меры.

ВВЕДЕНИЕ

Семейно-бытовая преступность представляет собой одно из наиболее социально опасных и трудноискоренимых явлений современной действительности. Ее специфика заключается в том, что противоправные деяния совершаются не в анонимной среде, а в пределах ближайшего социального окружения – внутри семьи либо в рамках устойчивых бытовых отношений. Эта особенность обуславливает высокий уровень латентности таких деяний, существенно затрудняет их выявление, профилактику, а также необходимость применения специфических подходов к их криминологическому анализу. Изучение семейно-бытовой преступности имеет не только теоретическое, но и выраженное практическое значение в контексте обеспечения общественной безопасности и укрепления института семьи [1, с. 131].

Семейно-бытовые преступления представляют собой особую категорию преступных деяний. Они совершаются в пределах сферы семейных и

бытовых отношений – в условиях совместного проживания, родственных либо иных устойчивых личных связей между участниками этих отношений. Данный вид преступности характеризуется повышенной латентностью, эмоциональной детерминированностью и значительной социальной опасностью. В криминологической науке семейно-бытовые преступления рассматриваются как форма противоправного поведения (с применением насилия или без такового), возникающего в результате конфликтных межличностных взаимодействий в семье или ближайшем социальном окружении. Отличительной особенностью преступлений этого вида является особый характер межсубъектных связей: преступник и жертва, как правило, состоят в семейных или квазисемейных отношениях (супруги, родители и дети, бывшие супруги, сожители и др.).

Цель исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, заключалась в выявлении специфики семейно-бытовой преступности

Olga N. IVASYUK,

Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor, ORCID 0000-0001-6667-1817
Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia (Moscow, Russia)
Associate Professor of the Department of Criminology
ivasuk-o@mail.ru

MODERN FAMILY AND DOMESTIC CRIME: CRIMINOLOGICAL RESEARCH

KEYWORDS. Family and domestic crime, domestic relations, family violence, victim of violence, social consequences, crime prevention, social protection.

ANNOTATION. Introduction. The article presents the results of a research of family and domestic crime in the Russian Federation – one of the most socially dangerous and latent phenomena of modern reality. The subjects of the research were crime rates, determinants, personality traits of the aggressor and the victim, and areas of prevention of crimes committed in family and quasi-family relationships. The objective of the research was to identify the criminological specifics of family and domestic crime in order to develop scientifically based recommendations for its prevention and improvement of legal regulation of this area. **Methods.** The research used analysis and synthesis, a systems approach, comparative legal, statistical, sociological methods, and criminological analysis. The research was based on a comprehensive interdisciplinary approach, which made it possible not only to systematize scientific ideas about family and domestic crime but also to formulate proposals for organizing its prevention. **Results.** The concept of family and domestic crime covers a wide range of crimes against life and health, sexual integrity, and the interests of the family and minors. It is characterized by high latency and recidivism. The research identified a multi-layered system of determinants of family and domestic crime, ranging from socioeconomic factors (unemployment, poverty) to cultural stereotypes that tolerate violence. The results of a study of the personality of the aggressor and victim demonstrated the asymmetry of their relationship, based on power and control, the cyclical nature of violence, and the helplessness of its victims. It was established that effectively combating family and domestic crime requires a comprehensive approach integrating legislative improvements (including the introduction of protective regulations), social support, psychological assistance, and cultural and educational measures.

в Российской Федерации для разработки рекомендаций по ее профилактике и совершенствованию нормативного регулирования правоотношений в данной сфере.

МЕТОДЫ

В ходе исследования анализ и синтез использовались для изучения и систематизации теоретических подходов к определению понятия семейно-бытовой преступности, установления ее признаков, особенностей, выявления возможностей классификации. С их помощью обобщались выводы, сделанные в работах российских и зарубежных ученых, а также нормы законодательства. Сравнительно-правовой метод был востребован при сопоставлении положений российского и зарубежного законодательства в части, касающейся противодействия семейно-бытовой преступности, и опыта их реализации на практике (например применение охранных ордеров и механизмов раннего вмешательства). Статистический метод позволил проанализировать показатели преступности, представленные в материалах МВД России и иных официальных источниках. Для изучения структуры, динамики и детерминант семейно-бытовой преступности, характеристик личности преступника и жертвы, а также факторов виктимности потребовалось осуществить криминологический анализ. Системный подход применялся для выявления взаимосвязей между социально-экономическими, культурными, правовыми и индивидуально-личностными детерминантами преступности. Он обеспечил возможность рассматривать семейно-бытовое насилие как результат взаимодействия множества факторов макро- и микроуровня.

Социологические методы (качественные и количественные) оказались необходимы при работе с данными исследований общественного мнения, сведениями о поведении жертв и агрессоров и способствовали выявлению мотивационных особенностей семейного насилия и причин его высокой латентности.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Семейно-бытовая преступность выступает одним из наиболее опасных для общества и устойчивых негативных явлений. Как отмечает К.М. Валиганджиева, в семейно-бытовой среде агрессор и жертва, как правило, проживают в одной семье. Поэтому пострадавшие часто принимают решение не обращаться в полицию, даже если продолжают испытывать физические и психологические страдания [2, с. 195]. Такое виктимное поведение жертв насилия формирует особую мотивационную структуру преступного поведения агрессоров: она основывается на межличностных конфликтах, эмоциональной нестабильности, ревности, материальной зависимости, злоупотреблении алкоголем или наркотиками и ряде других личностных и социальных факторах [3, с. 38].

Семейно-бытовые отношения в Уголовном кодексе Российской Федерации не выделены в качестве самостоятельного объекта охраны. Тем не менее преступность в рассматриваемой нами сфере охватывает широкий спектр посягательств: это преступления против жизни и здоровья (убийство, умышленное причинение вреда здоровью, побои и др.), против половой неприкосновенности, свободы, чести и достоинства личности, а также против интересов семьи и несовершеннолет-

них. Ключевым критерием причисления того или иного посягательства к семейно-бытовой преступности является совершение деяния внутри семьи либо в условиях устойчивых бытовых отношений.

Современное состояние семейно-бытовой преступности в России вызывает серьезную озабоченность как в научных кругах, так и на уровне государственной политики. Для преступности этого вида характерны высокая латентность, нестабильность динамики, высокая частотность рецидива и значительность социальных последствий для жертв и общества в целом [4, с. 102]. По данным МВД России, в стране ежегодно регистрируются десятки тысяч преступлений, связанных с семейно-бытовыми отношениями¹. Зачастую они совершаются в состоянии алкогольного опьянения или эмоционального напряжения, что усиливает их латентность и рецидивность.

Классификация семейно-бытовых преступлений позволяет систематизировать формы насильственного и иного противоправного поведения, имеющего место при их совершении. Основными группами семейно-бытовых преступлений, если обособлять их по объекту посягательства, являются:

1. *Преступления против жизни и здоровья* (побои, умышленное причинение вреда здоровью, угрозы убийством, убийство). Динамика регистрации случаев нанесения побоев (а это наиболее распространенные семейно-бытовые преступления) демонстрирует постепенное, но устойчивое снижение показателей: 2020 год – 5716, 2021 год – 5095, 2022 год – 3817, 2023 год – 3236, 2024 год – 2982. Оно обусловлено произошедшей в 2017 году декриминализацией части побоев, когда они были переведены в разряд административных правонарушений (ст. 6.1.1 КоАП РФ). В результате теперь до 90% случаев нанесения побоев находятся в сфере административно-правовой оценки, что ослабляет превентивную роль уголовного наказания и усиливает у агрессоров ощущение безнаказанности².

2. *Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности* (ст.ст. 131, 132, 135 УК РФ). Для них в семейном контексте характерен высокий уровень обеспечения скрытности их совершения из-за авторитетного положения преступников (родители, опекуны) по отношению к жертвам [5, с. 40].

3. *Преступления против интересов семьи и несовершеннолетних*: неисполнение обязанностей по воспитанию ребенка (ст. 156 УК РФ), вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность (ст. 150 УК РФ) и жестокое обращение с детьми. Их совершение сопряжено с психическим насилием, запугиванием, нарушением условий развития, что приводит к социальной дезадаптации жертвы и повышенной виктимности [6, с. 9].

4. *Имущественные преступления* (вымогательство, кража, мошенничество в отношении родственников, особенно пожилых) менее типичны, они не доминируют в структуре семейно-бытовой преступности [7, с. 237].

Наибольшую опасность представляет насилие в отношении женщин и несовершеннолетних, осуществляемое при их совместном проживании с агрессором [8, с. 520]. Значительная часть таких преступлений остается незарегистрированной из-за испытываемого жертвами страха, их экономической зависимости от агрессоров, а также отсутствия уверенности в том, правоохранительные органы смогут их защитить от дальнейших проявлений насилия [9, с. 369; 10, с. 56].

Итак, следует говорить о том, что семейно-бытовые преступления охватывают широкий спектр уголовно наказуемых деяний, причины совершения которых коренятся в межличностных конфликтах, различных формах зависимости, неравенстве субъектов отношений, их эмоциональной нестабильности. Систематизация способствует структурированию научного анализа таких деяний и разработке мер по профилактике правонарушений в рассматриваемой среде.

Результаты анализа причин и условий семейно-бытовой преступности позволяют выявить глубинные факторы ее возникновения и развития. Для преступности данного вида характерна многоуровневая система детерминантов, включающая несколько их групп: социально-экономические, социально-психологические, правовые, культурно-нормативные и индивидуально-личностные.

Социально-экономические детерминанты оказывают фундаментальное влияние на показатели семейно-бытовой преступности. Безработица, низкий уровень жизни, бедность, жилищные проблемы, хроническое чувство социальной несправедливости формируют среду, благоприятствующую внутрисемейным конфликтам. Особенно остро проблема проявляется в неблагополучных семьях, столкнувшихся с отсутствием стабильного дохода, проживающих в антисанитарных условиях и под воздействием стрессогенных факторов.

Социально-психологические детерминанты представлены нарушениями внутрисемейных коммуникаций, дефицитом взаимного уважения и доверия, патриархальными установками на подчиненное положение женщины, отсутствием навыков ненасильственного разрешения конфликтов. Эти обстоятельства способствуют эскалации напряженности и росту числа насильственных инцидентов. Особую опасность представляет агрессивная семейная среда, где насилие воспринимается как допустимый способ воспитания или контроля. Не меньшую угрозу создает злоупотребление алкоголем и психоактивными веществами, снижающее самоконтроль и усиливающее агрессию.

Правовые детерминанты – это низкий уровень правосознания и правовой культуры населения, слабое знание норм семейного и уголовного законодательства, недоверие к правоохранительной системе, латентность семейно-бытового насилия. Эти факторы препятствуют своевременному выявлению и пресечению преступлений в рассматри-

¹ Статистика и аналитика // МВД России: сайт // URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 01.12.2025).

² Декриминализация побоев в семье ухудшила ситуацию с домашним насилием в России // Интерфакс: сайт. 25.10.2018 // URL: <https://www.interfax.ru/presscenter/635045> (дата обращения: 01.12.2025).

ваемой среде. Кроме того, формальный подход в правоприменительной практике снижает превентивный эффект наказания и не способствует ресоциализации правонарушителей.

Культурно-нормативные детерминанты связаны с тем, что в некоторых социальных группах сохраняется толерантное отношение к внутрисемейному насилию, оправдываемое традициями, религиозными предписаниями, представлениями о главенствующей роли мужчины. Такие установки закрепляют асимметричную модель семейных отношений и повышают риск девиантного поведения.

Индивидуально-личностные детерминанты, предрасполагающие к насильственному поведению, предопределяются психологическими особенностями правонарушителя (повышенная возбудимость, низкий уровень самоконтроля, склонность к агрессии, инфантилизм, травматический опыт детства и др.). Здесь следует отметить большое значение реализуемого в семье сценария отношений: дети, воспитанные в обстановке, допускающей насилие, часто воспроизводят эту модель поведения во взрослой жизни.

Результаты научных исследований подтверждают цикличность семейно-бытового насилия: жертвы не покидают насильственные отношения, а агрессоры избегают эффективной коррекции, что усиливает риск рецидивов [1, с. 137; 8, с. 526]. Вместе с тем важно иметь в виду, что семейно-бытовая преступность обусловлена взаимодействием макроуровневых (социальные институты, нормы) и микроуровневых (личность, семейные отношения) детерминантов. Она представляет собой устойчивую форму девиантного поведения, возникающую в контексте внутрисемейных отношений.

Одной из ключевых задач криминологии является изучение особенностей личности преступника и жертвы преступления. В рассматриваемой нами сфере необходимо учитывать ярко выраженный межличностный и латентный характер совершаемых деяний, а также высокую степень их предопределенности психологическими и социальными факторами.

Преступники в сфере семейно-бытового насилия – это, как правило, мужчины в возрасте от 25 до 49 лет, часто обладающие низким уровнем образования и нестабильным социальным положением, со склонностью к злоупотреблению алкоголем или другими психоактивными веществами. Многие из них ранее имели судимости. Факторами, способствующими формированию у них склонности к агрессии, являются опыт детского насилия, наличие психопатологических черт (например повышенная раздражительность, эмоциональная нестабильность), социальная изоляция, утрата трудового статуса. Отличительной особенностью таких преступников является склонность к импульсивным и агрессивным реакциям, особенно в ситуациях, связанных с потерей контроля над партнером или борьбой за доминирование. Часто у них наблюдаются патологическая ревность и стремление контролировать поведение членов семьи, которых они воспринимают как «личную собственность». Для многих из них характерна

демонстрация деспотических черт характера, что выражается в эмоциональном и психологическом давлении, предшествующем актам физической агрессии.

Жертвы семейно-бытового насилия в подавляющем большинстве – это женщины, находящиеся в экономической, эмоциональной и социальной зависимости от агрессора. Часто это домохозяйки с несовершеннолетними детьми, обладающие ограниченными ресурсами для самостоятельного выхода из насильственных отношений. Страх общественного осуждения, тревога за будущее детей, отсутствие поддержки со стороны близкого окружения, надежда на изменение поведения партнера препятствуют своевременному обращению за помощью. Психологический портрет жертвы включает в себя повышенную тревожность, низкую самооценку, депрессивные состояния, чувство беспомощности. В ряде случаев наблюдается феномен «цикла насилия», описанный американским психологом Ленор Уокер. Периоды насилия сменяются фазами примирения. Это чередование создает у жертвы ложную надежду на улучшение ситуации и иллюзию стабильности отношений, что значительно затрудняет для нее принятие решения разорвать насильственные отношения и обратиться за помощью [11, с. 29]. Кроме того, многие жертвы сами переживали насилие в родительской семье. Это способствует формированию толерантности к агрессии и ошибочного представления о том, что такое поведение является нормой.

Результаты исследования элементов криминологической характеристики семейно-бытового насилия позволяют определить основные направления противодействия преступности данного вида. В этой деятельности требуется применение комплексного подхода, интегрирующего правовые, социальные, психологические и культурно-воспитательные компоненты [12, с. 130; 13, с. 28].

Меры правового характера основываются на совершенствовании законодательства. Вопросы нормативно-правового регулирования защиты семейно-бытовой сферы от преступных посягательств продолжают оставаться предметом научной дискуссии. Проблема заключается в том, что есть лишь общие нормы уголовного и административного законодательства, однако до сих пор не существует специального федерального закона о профилактике семейно-бытового насилия, что значительно ограничивает возможности реализации системных мер по предотвращению рецидивов [14, с. 106]. В связи с этим отметим, что активно обсуждается введение института защитных предписаний (охранных ордеров) в качестве эффективного механизма оперативного противодействия домашнему насилию [15, с. 189].

Опыт использования защитных предписаний (охранных ордеров) в целях оперативной профилактики семейно-бытового насилия имеется в странах СНГ (Беларусь, Молдова). Такой документ выдается полицией незамедлительно по заявлению жертвы или при выявлении факта насилия, угрозы либо попытки его совершения для обеспечения безопасности пострадавшего и его близких.

Предписание обычно распространяется на срок от 3 до 30 суток и налагает на агрессора комплекс запретов и обязанностей: воздержание от любых форм насилия (физического, психологического, сексуального), преследования, контактов с жертвой (включая телефонные, интернет-контакты и личное посещение), приобретения и хранения оружия. Кроме того, агрессор должен покинуть место совместного с жертвой проживания и пройти специализированную психологическую программу коррекции. Документ содержит описание инцидента, перечень ограничений, сроки действия и юридические последствия нарушения сформулированных в нем требований (административная или уголовная ответственность).

В 2025 году на обсуждение был представлен проект Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия»¹. Он предусматривает введение двухуровневой системы защитных предписаний: судебные и полицейские (оперативные), позволяющие проводить срочное вмешательство без ожидания разбирательства в суде. Предполагается, что такой подход поспособствует решению проблемы высокой латентности домашнего насилия и предотвращению рецидивов. Нарушение предписания повлечет за собой усиление ответственности, чем обеспечивается системность защиты жертв. Принятие данного закона, по нашему мнению, окажет позитивное воздействие на криминогенную обстановку в семейно-бытовой сфере. Во-первых, введение оперативных защитных предписаний позволит существенно уменьшить временной разрыв между заявлением потерпевшего и предоставлением ему защитных мер, что критически важно в ситуациях непосредственной опасности. Во-вторых, двухуровневая система обеспечит более гибкий и дифференцированный подход к предотвращению насилия в зависимости от степени угрозы. В-третьих, усиленная ответственность за нарушение предписания создаст мощный сдерживающий эффект. Вместе с тем повысится и осведомленность населения о недопустимости домашнего насилия. Ожидается, что реализация положений иницируемого закона приведет к сокращению числа повторных случаев совершения насилия, снижению уровня латентности преступлений рассматриваемого вида и, как следствие, более полному и объективному отражению показателей семейно-бытовой преступности в статистике. Кроме того, создание специализированной нормативной базы предоставит органам внутренних дел возможность сформировать более четкие алгоритмы действий при выявлении фактов насилия, что обеспечит единообразие правоприменения и повысит эффективность профилактической работы. Принятие Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия» ознаменует переход к более современной, жертвоцентричной, комплексной системе противодействия семейно-бытовой преступности. Это, несомненно, окажет позитивное влияние на состояние преступности в целом и

будет способствовать повышению уровня общественной безопасности.

Социальная компонента профилактики семейно-бытовой преступности ориентирована на устранение социально-экономических факторов, способствующих возникновению насилия в семье. Прежде всего это реализация программ материальной поддержки малообеспеченных и многодетных семей, создание доступных механизмов трудоустройства (особенно для лиц, склонных к агрессии), развитие жилищных программ для малоимущих граждан. Большое значение имеет организация кризисных центров, предоставляющих временное убежище жертвам бытового насилия, материальную помощь, содействие в оформлении документов и пособий. Социальные службы должны проводить мониторинг неблагополучных семей, выявлять признаки проявления в них насилия на ранних стадиях, оказывать помощь по преодолению социальной дезадаптации. Кроме того, необходимо развивать систему социального патронажа в отношении лиц из групп повышенного риска – пожилых людей, инвалидов, детей из малообеспеченных семей – с целью предотвращения их виктимизации.

Психологическая компонента охватывает оказание квалифицированной помощи как жертвам семейно-бытового насилия, так и агрессорам. Следует открывать для жертв специализированные психологические кабинеты и консультационные центры, где могло бы проводиться индивидуальное и групповое психотерапевтическое лечение посттравматического синдрома, депрессивных состояний и низкой самооценки. Особое значение имеет семейное консультирование, направленное на восстановление доверительных отношений и развитие коммуникативных навыков. Для агрессоров нужна обязательная психологическая коррекция, предусматривающая их прохождение через программы управления гневом, развитие у них эмпатии, преодоление ими патологической ревности и потребности в контроле. Телефоны доверия и онлайн-консультирование должны обеспечивать круглосуточный доступ к психологической помощи. Кроме того, важна работа психологов с пережившими насилие детьми с целью предотвращения воспроизведения ими насильственных моделей во взрослой жизни.

Культурно-воспитательная компонента профилактики связана с трансформацией социальных норм, толерантных к домашнему насилию, и формированием общественного неприятия такого поведения. Для успешного решения этих задач, на наш взгляд, необходимо следующее:

1. Работа с молодежью и подрастающим поколением: внедрение в школьную программу курсов, предоставляющих знания по семейной психологии, воспитанию детей, ненасильственному разрешению конфликтов, развитию эмоционального интеллекта. Молодежные организации должны проводить тренинги, ориентированные на развитие навыков здорового общения, укрепле-

¹ Депутат Госдумы готовит законопроект, направленный на борьбу с домашним насилием // Агентство социальной информации: сайт. 06.06.2025 // URL: <https://asi.org.ru/news/2025/06/06/deputat-gosdumy-gotovit-zakonoproekt-napravlenyj-na-borbu-s-domashnim-nasiliem/> (дата обращения: 01.12.2025).

ние уважения к личности и отказ от патриархальных стереотипов.

2. Просветительские кампании: информационно-воспитательная работа, направленная на изменение отношения общества к насилию в семье. Медийные проекты, общественные форумы, лекции и семинары должны способствовать осознанию того, что домашнее насилие – не частная проблема, а преступление, требующее общественного вмешательства.

3. Работа с религиозными и общественными организациями: привлечение лидеров таких организаций, в том числе религиозных деятелей, к формированию норм нетерпимости к насилию, переосмыслению традиционных ролей в семье в контексте современного равноправия.

4. Преодоление культурных стереотипов: особое внимание следует уделять этнокультурным сообществам, где сохраняются традиции, оправдывающие насилие, с целью их постепенного преодоления через диалог и образование.

5. Развитие культуры позитивного воспитания: популяризация ненасильственных методов воспитания детей, отказа от физических наказаний и психологического давления как инструментов педагогического воздействия.

Комплексная реализация правовых, социальных, психологических и культурно-воспитательных компонентов профилактики не только позволит сократить количество преступлений в семейно-бытовой сфере, но и будет способствовать глубокому изменению социальных установок, формированию культуры ненасилия и развитию в гражданском обществе нетерпимости к любым проявлениям агрессии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенного нами исследования семейно-бытовой преступности в Российской Федерации позволяют сделать ряд значимых выводов о ее масштабах и специфике, о направлениях противодействия этому социально опасному явлению.

Семейно-бытовая преступность представляет собой устойчивую, отличающуюся латентностью форму девиантного поведения, в которой отражается высокая степень криминализации внутрисемейных отношений. Ее специфика заключается в том, что преступные деяния совершаются в условиях близких личных связей между агрессором и жертвой насилия, что затрудняет выявление, предупреждение и расследование преступлений. Статистические данные свидетельствуют о значительном количестве ежегодно регистрируемых случаев домашнего насилия, однако реальные масштабы проблемы остаются скрытыми в силу испытываемого жертвами страха, их экономической зависимости и недоверия к правоохранительной системе.

Криминологический анализ выявил многоуровневую систему детерминантов семейно-бытовой преступности, включающую в себя социально-экономические, социально-психологические, правовые, культурные и индивидуально-личностные факторы. Взаимодействие этих детерминантов на макро- и микроуровнях формирует криминогенную среду, способствующую возникновению

и воспроизведению насилия в семье. Предельно негативную роль играют алкоголизм, безработица, культурные стереотипы, оправдывающие агрессию, а также цикличность домашнего насилия, когда жертвы не покидают насильственные отношения, а поведение агрессоров не подвергается эффективной коррекции.

Изучение личности преступника и жертвы в сфере семейно-бытовой преступности демонстрирует асимметричные отношения. Преступники, как правило, – это мужчины с признаками личностной патологии, социальной дезадаптации, с опытом насилия в детстве, стремящиеся установить доминирование через физическое, эмоциональное и психологическое воздействие. Жертвы – преимущественно женщины и дети, находящиеся в условиях экономической и социальной зависимости от агрессора, подверженные психологическому воздействию цикла насилия, который затрудняет их выход из патогенных отношений.

В результате исследования было установлено, что эффективное противодействие семейно-бытовой преступности требует системного комплексного подхода, охватывающего правовые, социальные, психологические и культурно-воспитательные компоненты. Совершенствование законодательства, в частности принятие Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия» и введение института защитных предписаний, создаст необходимую нормативно-правовую базу для оперативного вмешательства в конфликтные ситуации и защиты жертв. Однако нормативных мер будет недостаточно без реализации программ социальной поддержки малоимущих семей, развития системы психологической помощи как жертвам, так и агрессорам, а также целенаправленной культурно-воспитательной работы, направленной на формирование общественной нетерпимости к насилию. Формирование в обществе культуры ненасилия, особенно в рамках работы с детьми и молодежью, способно разорвать цикл воспроизведения насильственных моделей поведения и будет содействовать развитию конструктивных способов разрешения конфликтов. Преодоление культурных стереотипов, традиционных взглядов на роли в семье и признание равноправия всех ее членов являются долгосрочными, но стратегически важными направлениями профилактики.

Таким образом, профилактика семейно-бытовой преступности – это не только задача уголовной юстиции, но и комплексная социальная стратегия, требующая координированного участия государства, гражданского общества, представителей науки. Эффективная реализация предложенных нами профилактических мер позволит уменьшить количественные показатели, характеризующие преступность рассматриваемого вида, а также повлиять на ее специфику посредством снижения уровня латентности и рецидивности. Всё это поможет укрепить институт семьи, традиционные ценности, повысить качество жизни граждан и обеспечить устойчивое развитие общества на основе принципов безопасности, справедливости и человеческого достоинства. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Желудков М.А., Алексеева А.П. Кризис семейных отношений в современном обществе как одно из условий низкой эффективности профилактики преступности несовершеннолетних // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 2 (98). С. 131-139.
2. Валигаджиева К.М. Криминологическая характеристика семейно-бытовых преступлений // Государственная служба и кадры. 2023. № 5. С. 194-197.
3. Алексеева А.П. Предупреждение наркотизма среди молодежи в регионе. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2005. 184 с.
4. Ивасюк О.Н. Особенности причинного комплекса современных бытовых преступлений и проблемы их предупреждения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 4 (88). С. 97-102.
5. Латышева Е.В. Особенности и проблемы статистического учета преступности в семейно-бытовой сфере // Вестник экономики, управления и права. 2024. № 1. С. 38-45.
6. Амирова Д.К., Куницына Ю.В. Законодательная регламентация уголовной ответственности за семейно-бытовое насилие: проблемы и пути их решения // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2021. № 1 (11). С. 7-11.
7. Страмилов С.Ю. Меры специально-криминологического предупреждения убийств, совершаемых в семейно-бытовой сфере: характеристика и проблемы применения // Право и управление. 2024. № 3. С. 236-242.
8. Кошелев Н.А., Цуревская О.Е. Анализ распространенных насильственных преступлений, совершаемых на бытовой почве // Вестник науки. 2024. № 5 (74). С. 517-529.
9. Нигматуллин М.Р. Деятельность органов внутренних дел по предупреждению семейно-бытовых преступлений // Викимнология. 2023. Т. 10. № 3. С. 368-376.
10. Алексеева А.П., Зуева О.В., Иванов А.С., Кривошеин П.К. Мониторинг общественного мнения как способ оценки деятельности российской полиции // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 4 (35). С. 50-57.
11. Нигматуллин М.Р. Викимнологическая характеристика жертв семейно-бытовых преступлений // Викимнология. 2017. № 4 (14). С. 29-32.
12. Смольяков А.А., Трифонов В.Г., Гаврилова О.В. Организационно-правовые проблемы предупреждения семейно-бытового насилия в России // Закон. Право. Государство. 2021. № 1 (29). С. 130-134.
13. Алексеева А.П., Белокобыльская О.И., Третьяков Ю.В. Возможности унификации критериев соотношения терминов, включенных в понятийный аппарат в сфере превенции преступности и преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 25-30.
14. Ляхова Л.Е. Анализ отдельных положений проекта Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» // Марийский юридический вестник. 2024. № 3-4 (44). С. 105-110.
15. Амельчаков И.Ф., Катаева О.В. О необходимости совершенствования правовой основы профилактики семейно-бытового насилия // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2013. № 1 (14). С. 188-193.

REFERENCES

1. Zheludkov M.A., Alekseyeva A.P. Krizis semeynykh otnosheniy v sovremennom obshchestve kak jedno iz usloviy nizkoy effektivnosti profilaktiki prestupnosti nesovershennoletnikh // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2023. № 2 (98). S. 131-139.
2. Valigadzhieva K.M. Kriminologicheskaya kharakteristika semeyno-bytovykh prestupleniy // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. 2023. № 5. S. 194-197.
3. Alekseyeva A.P. Preduprezhdeniye narkotizma sredi molodezhi v regione. Volgograd: Volgogradskaya akademiya MVD Rossii, 2005. 184 s.
4. Ivasyuk O.N. Osobennosti prichinnogo kompleksa sovremennykh bytovykh prestupleniy i problemy ikh preduprezhdeniya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2020. № 4 (88). S. 97-102.
5. Latysheva Ye.V. Osobennosti i problemy statisticheskogo ucheta prestupnosti v semeyno-bytovoy sfere // Vestnik ekonomiki, upravleniya i prava. 2024. № 1. S. 38-45.
6. Amirova D.K., Kunitsyna Yu.V. Zakonodatel'naya reglamentatsiya ugovnoy otvetstvennosti za semeyno-bytovoye nasiliye: problemy i puti ikh resheniya // Uchenyye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. № 1 (11). S. 7-11.
7. Stramilov S.Yu. Mery spetsial'no-kriminologicheskogo preduprezhdeniya ubiystv, sovershayemykh v semeyno-bytovoy sfere: kharakteristika i problemy primeneniya // Pravo i upravleniye. 2024. № 3. S. 236-242.
8. Koshelev N.A., Tsurevskaya O.Ye. Analiz rasprostranennykh nasil'stvennykh prestupleniy, sovershayemykh na bytovoy pochve // Vestnik nauki. 2024. № 5 (74). S. 517-529.

9. Nigmatullin M.R. Deyatel'nost' organov vnutrennikh del po preduprezhdeniyu semeyno-bytovykh prestupleniy // *Viktimologiya*. 2023. T. 10. № 3. S. 368-376.
10. Alekseyeva A.P., Zuyeva O.V., Ivanov A.S., Krivoshein P.K. Monitoring obshchestvennogo mneniya kak sposob otsenki deyatel'nosti rossiyskoy politsii // *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii*. 2015. № 4 (35). S. 50-57.
11. Nigmatullin M.R. Viktimologicheskaya kharakteristika zhertv semeyno-bytovykh prestupleniy // *Viktimologiya*. 2017. № 4 (14). S. 29-32.
12. Smol'yakov A.A., Trifonov V.G., Gavrilova O.V. Organizatsionno-pravovyye problemy preduprezhdeniya semeyno-bytovogo nasiliya v Rossii // *Zakon. Pravo. Gosudarstvo*. 2021. № 1 (29). S. 130-134.
13. Alekseyeva A.P., Belokobyl'skaya O.I., Tret'yakov Yu.V. Vozmozhnosti unifikatsii kriteriyev sootnosheniya terminov, vklyuchennykh v ponyatiynyy apparat v sfere preventsii prestupnosti i prestupleniy // *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii*. 2023. № 3 (66). S. 25-30.
14. Lyakhova L.Ye. Analiz otdel'nykh polozheniy proyekta Federal'nogo zakona «O profilaktike semeyno-bytovogo nasiliya v Rossiyskoy Federatsii» // *Mariyskiy yuridicheskiy vestnik*. 2024. № 3-4 (44). S. 105-110.
15. Amel'chakov I.F., Katayeva O.V. O neobkhodimosti sovershenstvovaniya pravovoy osnovy profilaktiki semeyno-bytovogo nasiliya // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*. 2013. № 1 (14). S. 188-193.

© Ивасюк О.Н., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Ивасюк О.Н. Современная семейно-бытовая преступность: криминологическое исследование // *Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2025. № 4 (82). С. 18-25.

Оксана Николаевна ПАХОМОВА,

кандидат юридических наук, доцент, ORCID 0009-0003-9830-0449
Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Калининград)
доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала
oksana.39rus@mail.ru

УДК [343.988:325.14]:004.77

ЦИФРОВОЕ НАСИЛИЕ В ОТНОШЕНИИ МИГРАНТОВ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Цифровое насилие, мигрант, виктимность мигрантов, латентность, противодействие цифровому насилию, международное сотрудничество.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В статье рассматривается цифровое насилие в отношении мигрантов.

Подчеркивается недостаточность научной разработки данного явления и необходимость ее углубления. Повышенного внимания в данном случае требуют вопросы латентности преступлений, виктимности мигрантов, в том числе российских граждан, оказавшихся за рубежом. Наука должна способствовать формированию эффективного комплексного механизма противодействия насилию анализируемого вида. В связи с этим может быть полезно изучить и адаптировать к отечественным условиям зарубежный опыт внедрения современных практик организации такого противодействия.

Методы. Методологическую основу исследования, результаты которого отражены в статье, составил диалектический метод, позволивший рассматривать цифровое насилие как динамичное явление. Статистический метод был использован для работы с данными ООН, МВД России и Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, характеризующими динамику миграционных потоков и показателей преступности. Метод сравнительного анализа применялся для сопоставления отечественного и зарубежного опыта противодействия цифровому насилию. Кроме того, применялись методы абстрагирования, обобщения и анализа. **Результаты.** Феномен цифрового насилия в отношении мигрантов, в том числе представителей российской диаспоры за рубежом, следует изучать с учетом высокой виктимности потерпевших и латентности посягательств изучаемого вида. В статье дано определение цифрового насилия в отношении мигрантов: это противоправное психологическое и эмоциональное воздействие, осуществляемое посредством информационно-телекоммуникационных технологий, направленное на причинение морального, физического или имущественного вреда мигранту вопреки его воле, основанное на использовании его уязвимости. Представлены факторы, обуславливающие высокую степень виктимности мигрантов в цифровой среде: низкая цифровая и правовая грамотность, анклавизация, языковой барьер. Показаны формы цифрового насилия в отношении мигрантов и связанные с ним тенденции, в частности появление всё новых анонимных онлайн-механизмов вербовки и эксплуатации, повышающих латентность преступных деяний. Сформулированы рекомендации по противодействию цифровому насилию в отношении мигрантов. Они предусматривают внедрение в систему профилактики передовых технологий, а также совершенствование уголовного законодательства путем закрепления насилия рассматриваемого вида в качестве обстоятельства, отягчающего наказание.

ВВЕДЕНИЕ

В 2025 году, несмотря на относительное снижение количества так называемых цифровых преступлений, их было совершено все-таки достаточно много. В том числе в отношении уязвимых социальных групп, таких как мигранты. За семь месяцев было зарегистрировано 424,9 тысячи преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (-2,3% по сравнению с показателем за тот же период 2024 года). При этом более половины (51,8%) этих преступлений относится к категориям тяжких и особо тяжких (220,1 тысячи)¹. Цифровое насилие представляет значительную

угрозу для прав человека, интересов общества и государства, подрывая доверие к социальным и государственным институтам. Необходимость модернизации комплексного механизма противодействия преступлениям рассматриваемого вида, в том числе усиления ответственности за их совершение, подчеркивается в решениях Совета безопасности Российской Федерации².

Понятия «цифровое насилие» и «мигрант» не имеют в России законодательного определения и единообразного научного толкования. В нормативных актах используются понятия «иностран- ный гражданин», «лицо без гражданства»³. Следует иметь в виду, что в более широком смысле по-

¹ Дистанционные мошенники за семь месяцев выманили у россиян 120 млрд рублей // ТАСС: сайт. 30.08.2025 // URL: <https://tass.ru/proisshestiya/24910341> (дата обращения: 10.09.2025).

² В СБ выступили за усиление ответственности за компьютерные преступления // ТАСС: сайт. 09.10.2025 // URL: <https://tass.ru/proisshestiya/25301913> (дата обращения: 12.10.2025).

³ Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан

Oksana N. PAKHOMOVA,

Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor, ORCID 0009-0003-9830-0449

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)

Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminology

and Criminal Executive Law of the Kaliningrad Branch

oksana.39rus@mail.ru

DIGITAL VIOLENCE AGAINST MIGRANTS

KEYWORDS. Digital violence, migrant, migrant victimization, latency, countering digital violence, international cooperation.

ANNOTATION. Introduction. The article examines digital violence against migrants. The insufficient scientific research on this phenomenon and the need for further study are emphasized. In this case, increased attention is required to the issues of crime latency and victimization of migrants, including Russian citizens abroad. Research should contribute to the development of an effective, comprehensive mechanism for countering this type of violence. In this regard, it may be useful to study and adapt foreign experience in implementing modern practices for organizing such counteraction to domestic conditions. **Methods.** The methodological basis of the study, the results of which are reflected in the article, is the dialectical method, which made it possible to consider digital violence as a dynamic phenomenon. A statistical method was used to work with data from the UN, Ministry of the Interior of Russia and the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation, characterizing the dynamics of migration flows and crime rates. The comparative analysis method was applied to compare domestic and foreign experiences in countering digital violence. In addition, methods of abstraction, generalization, and analysis were used. **Results.** The phenomenon of digital violence against migrants, including members of the Russian diaspora abroad, should be studied given the high victimization rate of victims and the latency of these types of attacks. This article defines digital violence against migrants as unlawful psychological and emotional pressure exerted through information and telecommunications technologies, aimed at causing moral, physical, or property harm to a migrant against their will, exploiting their vulnerability. The article presents the key factors contributing to the high level of migrant victimization in the digital environment: low digital and legal literacy, enclavization, and language barriers. It also examines the forms of digital violence against migrants and related trends, particularly the emergence of increasingly anonymous online recruitment and exploitation mechanisms that increase the latency of criminal acts. Recommendations for countering digital violence against migrants are provided. They envisage the introduction of advanced technologies into the prevention system, as well as the improvement of criminal legislation by establishing violence of this type as an aggravating circumstance.

нятие «мигрант» охватывает и российских граждан, находящихся за рубежом. По состоянию на середину 2024 года в нашей стране было зарегистрировано 6,2 млн трудовых мигрантов (4,5% от общей численности населения)¹. Иностранные туристы, студенты, трудовые мигранты, экспаты становятся жертвами осуществляемой посредством интернета вербовки и киберпреследования. Задачей проведенного нами исследования было обобщение статистических данных, судебной практики, международного опыта, а также современных научных разработок для определения специфики цифрового насилия в отношении мигрантов в целях совершенствования мер противодействия ему.

МЕТОДЫ

Методологической основой исследования стал диалектический метод познания, позволивший рассматривать цифровое насилие как динамичное явление, эволюционирующее под влиянием противоречивых процессов, происходящих в обществе. Статистический метод применен для обработки и анализа официальных данных Отдела

населения Департамента ООН по экономическим и социальным вопросам, Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, МВД России, Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Были проведены сбор, систематизация и обработка сведений, отражающих динамику миграционных потоков, и показателей, характеризующих преступность в сфере миграции. Метод сравнительного анализа использовался при сопоставлении отечественных и зарубежных практик противодействия цифровому насилию в отношении мигрантов, выявления положительного опыта в данной сфере. Методы абстрагирования, обобщения и анализа были востребованы для систематизации и толкования полученных результатов.

РЕЗУЛЬТАТЫ

1. Установлено, что тематика цифрового насилия в отношении мигрантов (масштабы и уровень латентности этого явления, анонимность исполнителей, виктимизация мигрантов, в том числе российских граждан, находящихся за рубежом) остается недостаточно изученной. Необходимо

в Российской Федерации»; Федеральный закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»; Указ Президента Российской Федерации от 15.10.2025 № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026-2030 годы».

¹ Жандарова И. Сила есть – рабочие руки будут? Как нам лучше регулировать миграцию // Российская газета: сайт. 04.10.2024 // URL: <https://rg.ru/2024/10/04/v-rossii-sokrashchaetsia-chislo-trudovyh-migrantov.html> (дата обращения: 10.09.2025).

проведение дальнейших исследований для выявления факторов, обуславливающих существование преступности рассматриваемого вида, и разработки эффективных мер, направленных на противодействие ей. Такие исследования соответствуют российским национальным интересам, поскольку позволят разработать эффективные механизмы превенции цифрового насилия в отношении мигрантов всех категорий, являющихся уязвимой группой. Включение этих механизмов в общую систему профилактики преступлений будет способствовать повышению уровня общественной безопасности, а также эффективности охраны правопорядка, обеспечения защиты личности, общества и государства [1, с. 549].

2. Сформулировано определение понятия цифрового насилия в отношении мигрантов. Это специфическая форма противоправного психологического и эмоционального воздействия, осуществляемого посредством информационно-телекоммуникационных технологий, направленного на причинение морального, физического или имущественного вреда мигранту вопреки его воле. В отличие от других цифровых преступлений его содержание состоит в насилии над личностью, обусловленном специфическими социально-демографическими факторами, такими как незнание местного языка, низкий уровень грамотности, социальная изоляция и анклавизация. Цифровое насилие в отношении мигрантов представляет собой комплексное воздействие, нарушающее права потерпевших на безопасность, свободу и достоинство.

3. Определены формы цифрового насилия, осуществляемого в отношении мигрантов:

- онлайн-вербовка с использованием фальшивых предложений о трудоустройстве (как правило, задействуются методы социальной инженерии, технологии дипфейка и искусственного интеллекта);
- принудительное участие в цифровых преступлениях (например совершаемых посредством платформ «Telegram», «TikTok» и т.п. для вовлечения в терроризм, трудовую и сексуальную эксплуатацию);
- травля и клевета в соцсетях (дезинформация, стигматизация);
- шантаж (угроза депортации, распространение интимных фото без согласия и др.).

4. Проанализирована специфика уголовно-правового противодействия цифровому насилию в отношении мигрантов. Действующий правовой механизм предусматривает квалификацию деяний, содержащих различные элементы цифрового насилия, по ст.ст. 126 (похищение человека), 127.1 (торговля людьми), 127.2 (использование рабского труда), 205-208 (терроризм и содействие ему), 240-242 (организация проституции), 280-282.4 (экстремизм и возбуждение ненависти) УК РФ. Следует

констатировать, что конструкции существующих норм не учитывают специфики современных форм цифрового насилия в отношении мигрантов [2, с. 25].

В целях совершенствования уголовно-правовой базы противодействия цифровому насилию рассматриваемого вида, выполнения обязательств, принятых на себя Россией в соответствии с Конвенцией ООН против киберпреступности от 24 декабря 2024 года¹, а также реализации положений Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026-2030 годы², считаем необходимым поддержать предложение К.Н. Евдокимова о дополнении перечня обстоятельств, отягчающих наказание, включив в п. «к» ч. 1 ст. 63 УК РФ слова: «с использованием компьютерной информации, компьютерных устройств, информационно-телекоммуникационных сетей либо иных средств хранения, обработки, передачи и защиты компьютерной информации» [3, с. 34]. Полагаем, это позволит укрепить противодействие всем формам цифрового насилия, в том числе осуществляемого в отношении мигрантов. При совершенствовании законодательства целесообразно избегать таких терминов, как буллинг, секстинг и т.д., заменяя их аналогами из русского языка. Например, слово «травля» достаточно точно передает смысл буллинга. Такой подход обеспечит ясность и полноту понимания и толкования преступлений, совершаемых в цифровом пространстве.

Необходимо развивать комплексную систему противодействия цифровому насилию в отношении мигрантов, предусматривающую профилактику, выявление и пресечение преступлений на ранних стадиях, международное сотрудничество, использование технологий искусственного интеллекта для мониторинга цифрового пространства, развитие межведомственного взаимодействия МВД России, ФСБ России и других ведомств, имеющих отношение к работе с мигрантами.

ОБСУЖДЕНИЕ

В нормативно-правовых актах, научных работах и материалах практики применения законодательства проблематика цифрового насилия в отношении мигрантов упоминается косвенно, отсутствует универсальный подход к толкованию данного явления. Большинство исследований сосредоточено на преступлениях, совершаемых мигрантами [4, с. 46]. Ряд авторов изучают отдельные аспекты защиты прав мигрантов [5, с. 302], регулирование миграционной политики [6, с. 84], латентность, характерную для преступности мигрантов, особенности личности преступников-мигрантов [7, с. 156], [8, с. 88], [9, с. 128], [10, с. 145], анклавизацию мигрантов [11, с. 236], [12, с. 326]. Подвергаются анализу проблемы уголовной политики в части, касающейся противодействия незаконной миграции [13, с. 83], [14, с. 59].

¹ Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям. Принята резолюцией 79/243 от 24.12.2024 Генеральной Ассамблеей ООН.

² Указ Президента Российской Федерации от 15.10.2025 № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026-2030 годы».

Таблица 1.

**ДИНАМИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЁННЫХ ИНОСТРАННЫМИ
ГРАЖДДАНАМИ И ЛИЦАМИ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА И В ОТНОШЕНИИ НИХ**

Иностранцами гражданами и лицами без гражданства на территории Российской Федерации...	...совершено преступлений, тысяч	динамика показателя	в том числе гражданами государств - участников СНГ, тысяч	динамика показателя	их удельный вес	Количество преступлений в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, тысяч	динамика показателя
2020 г.	34,4	-1,5%	30,8	-0,6%	89,6%	16,0	4,9%
2021 г.	36,4	+5,9%	28,5	-0,7%	78,3%	16,0	-0,1%
2022 г.	40,2	+10,3%	32,9	+15,5%	82,0%	16,1	+0,8%
2023 г.	38,9	-3,0%	32,5	-1,3%	83,5%	14,1	-12,4%
2024 г.	38,6	-0,9%	32,7	+0,6%	84,8%	11,7	-17,2%
2025 г. (январь-август)	29,7	12,6%	25,2	+13,7%	84,8%	6,4	-19,1%

Статистика не отражает реальной ситуации в изучаемой нами сфере из-за высокого уровня латентности преступлений в отношении мигрантов и ввиду использования цифровой формы осуществления насилия. Для приблизительной оценки масштаба проблемы рассмотрим доступные сведения о преступлениях, совершаемых иностранцами гражданами и лицами без гражданства в Российской Федерации, и преступлениях против них. Эти данные имеют опосредованную связь с проблематикой кибернасилия, но демонстрируют общий фон миграционной преступности, охватывающий и ее онлайн-формы.

Статистика МВД России показывает постепенное снижение количества преступлений в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства: 16,0-16,1 тысячи в 2020-2022 годах, 14,1 тысячи в 2023 году (-12,4%), 11,7 тысячи в 2024 году (-17,2%), 6,4 тысячи за январь-август 2025 года (-19,1%). Общее снижение за период с 2022 по 2024 год – 27%¹ (см. таблицу 1). Возможными причинами такой динамики являются повышение эффективности

правоохранительной деятельности, ослабление миграционных потоков и высокая латентность преступлений рассматриваемого вида [7, с. 156]. Судебная статистика показывает, что средняя за пять лет доля иностранцев среди всех осуждённых составляет 3,71%².

Согласно методическим рекомендациям ООН международным мигрантом считается человек, который пересекает границу государств, меняет страну проживания, непрерывно проживает в другой стране не менее 12 месяцев³. Данные, приведенные в таблице 2, демонстрируют общемировой прирост числа международных мигрантов – со 154 млн в 1990 году до 304 млн в 2024 году, что отражает повышение мобильности населения под влиянием экономических, политических и технологических процессов. Наиболее заметен рост в Азии (с 47 млн до 92 млн), Европе (с 51 млн до 94 млн) и Северной Америке (с 28 млн до 61 млн).

В России понятия «мигрант» и связанные с ним (трудовые мигранты, внутренние мигранты, цифровые мигранты, беженцы, вынужденные пере-

¹ Статистика и аналитика // МВД России: сайт // URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 10.10.2025).

² Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: сайт // URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 10.09.2025).

³ International Migrant Stock 2024. Key facts and figures. Advance unedited version. New York, 2025 // Организация Объединенных Наций: сайт // URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/undesa_pd_2025_intlmigstock_2024_key_facts_and_figures_advance-unedited.pdf?ysclid=mhp8yyg2l0355644888 (дата обращения: 10.09.2025).

Таблица 2.

ДИНАМИКА МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В МИРЕ

Регион, группа развития, страна или территория	Число международных мигрантов, тысяч			Доля международных мигрантов в общей численности населения (в %)			Доля женщин среди международных мигрантов (в %)
	1990	2010	2024	1990	2010	2024	
Мир	153 916	221 020	304 022	2.9	3.1	3.7	48.0
ЕВРОПА	51 465	72 509	94 052	7.1	9.8	12.6	51.5
Восточная Европа	22 316	19 390	18 646	7.2	6.6	6.5	53.7
Российская Федерация	11 525	11 200	7 606	7.7	7.8	5.3	50.8
Беларусь	1 249	1 090	1 055	12.3	11.5	11.6	54.2
Украина	6 893	4 819	5 064	13.2	10.4	13.4	57.0
Северная Европа	6 656	11 953	18 543	7.2	12.0	17.0	49.6
Латвия	646	314	220	24.3	15.0	11.8	59.5
Эстония	382	218	203	24.3	16.4	14.9	56.5
Литва	349	161	175	9.5	5.2	6.1	47.0
Южная Европа	5 473	15 213	20 120	3.8	9.9	13.3	52.4
Испания	814	6 281	8 871	2.1	13.4	18.5	51.7
Западная Европа	17 020	25 953	36 742	9.6	13.8	18.4	50.9
Франция	5 890	7 322	9 187	10.3	11.5	13.8	52.3
Германия	6 960	11 666	16 750	8.7	14.4	19.8	50.0
Швейцария	1 252	2 054	2 774	18.7	26.2	31.1	50.3
АЗИЯ	46 701	64 340	92 170	1.5	1.5	1.9	41,9
Центральная Азия	6 301	3 787	3 910	12.3	5,9	4,8	57,0
Казахстан	3 289	1 857	2 090	19.2	11.0	10.1	59.3
Кыргызстан	623	232	195	14.0	4.2	2.7	59.6
Таджикистан	429	280	277	7.9	3.7	2.6	56.8
Туркменистан	307	198	194	8.2	3.6	2.6	52.6
Узбекистан	1 653	1 220	1 155	8.1	4.3	3.2	53.2
Восточная Азия	4 118	7 484	11 559	0.3	0.5	0.7	54.1
Китай	518	1 010	1 639	0.0	0.1	0.1	51,6
Юго-Восточная Азия	2 637	8 567	11 030	0.6	1.4	1.6	40.2
Камбоджа	38	82	84	0.5	0.6	0.5	46.1
Мьянма	134	76	79	0.3	0.2	0.1	45.2
Западная Азия	14 489	30 063	49 212	9.8	12.8	15.9	34.8
Армения	434	211	275	12.2	7.2	9.2	57.0
Азербайджан	402	251	218	5.6	2.7	2.1	52.1
Грузия	304	73	82	5.6	1.9	2.1	56.1
Кувейт	1 056	1 872	3 323	62.7	63.6	67.3	34.0
Катар	216	1 409	2 337	49.0	82.4	76.7	22.7
ОАЭ	1 302	5 446	8 157	68.6	78.5	74.0	32.7
Северная Америка	27 543	51 008	61 208	9.8	14.8	15.9	51.3
США	23 266	43 947	52 375	9.2	14.1	15.2	51.1

селенцы, соотечественники за рубежом) не имеют универсального толкования, что затрудняет учет и правовую защиту потерпевших от цифрового насилия. Миграционный поток в нашу страну стабильно увеличивался до начала пандемии коронавируса COVID-19. В 2019 году на миграционный учет было поставлено 19,518 млн человек, в 2020 году – 9,802 млн, в 2021 году – около 14 млн, из которых 9,5 млн прибыли с целью трудоустройства. По данным Российской академии наук, за 2016–2022 годы гражданство Российской Федерации приобрели 2 миллиона 969 тысяч 555 иностранцев, преимущественно – граждане Украины, далее – мигранты из Таджикистана, Казахстана и Армении. В период с 1991 по 2021 год Россию покинули около 7,9 млн человек. Корректировка на основе статистики принимающих стран увеличивает этот показатель до 15–16 млн человек¹. Эмиграция затрагивает в основном высокообразованных людей с высшим образованием и научными степенями, а иммиграция привлекает низкоквалифицированных специалистов. Примерно 300 тысяч российских студентов обучаются за рубежом, ежегодно по разным причинам выезжают еще около 70 тысяч человек².

Вопросы виктимности мигрантов (в том числе российских граждан, пребывающих за рубежом) в цифровом пространстве в современной научной доктрине не получили надлежащей проработки, оставаясь, как правило, за рамками исследований [14, с. 52]. Отсутствие эффективной правовой защиты в юрисдикции принимающих стран усугубляет виктимизацию приезжих: цифровые следы (личные данные, переписка) могут быть использованы для шантажа, вербовки в экстремистские группы, травли. В первую очередь это касается студентов и низкоквалифицированных работников, не обладающих знаниями, не владеющих языками, имеющими низкий уровень цифровой грамотности. Следует иметь в виду, что приток таких мигрантов увеличивает угрозу цифровой эксплуатации.

Информационно-телекоммуникационные технологии влияют на масштабы вовлечения мигрантов в транснациональную организованную преступность, связанную с торговлей людьми, незаконным провозом людей через границы, оборотом оружия и наркотиков, в террористические и экстремистские группы³. Поданным ООН, в 2023

году во всем мире погибли или пропали без вести более 8500 мигрантов, многие из них стали жертвами онлайн-насилия⁴. Согласно определению, используемому ООН, цифровое насилие представляет собой совокупность разнообразных форм противоправного воздействия, осуществляемого в киберпространстве. Это, в частности, хейтспич (выражение ненависти в оскорбительной форме), дезинформация, травля, клевета, направленные на дискриминацию и стигматизацию (навешивание негативных социальных ярлыков)⁵.

Цифровое насилие относительно недавно стало предметом научных исследований, особенно в контексте его совершения в отношении представителей уязвимых групп – женщин и несовершеннолетних. Так, Э.Л. Сидоренко, в ходе изучения цифрового насилия, которому подвергаются дети, выявила его специфику, указав среди прочего на высокую латентность (до 70%) и организованность данной формы преступной деятельности. Она проанализировала конкретные проявления такого насилия и предложила алгоритмы их квалификации [15, с. 68]. О.М. Андрюшенкова, рассмотрев типичные формы онлайн-насилия, отметила поливариативность его проявлений [16, с. 152]. Е.Ю. Антонова подчеркнула связь некоторых процессов цифровизации с ростом масштабов сексуального насилия [17, с. 450]. В качестве меры совершенствования противодействия цифровому насилию она предложила внести в уголовное законодательство поправки в виде включения в составы преступлений дополнительного квалифицирующего признака – совершение деяния с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Речь, в частности, идет о преступлении, предусмотренном ст. 135 УК РФ (развратные действия) [17, с. 450]. Т.В. Пинкевич в рамках анализа данных о преступлениях, совершенных против несовершеннолетних посредством информационных технологий, рассматривала цифровое неравенство как фактор преступности [18, с. 137], [19, с. 538]. Обратим внимание на то, что отечественные авторы научных работ выделяют более десяти видов цифрового насилия [15, с. 73], [20, с. 33].

В 2025 году были внесены изменения в нормы Общей и Особенной частей УК РФ. Пунктом «ф» дополнена ч. 1 ст. 63 УК РФ: отягчающим наказанием обстоятельством признано совершение преступления с использованием программно-аппарат-

¹ Фиолетов С. Уникальный атлас отразил процессы переселения людей из страны в страну за 30 лет // РАН: сайт. 02.03.2023 // URL: <https://new.ras.ru/activities/news/unikalnyy-atlas-otrazil-protsessy-pereseleniya-lyudey-iz-strany-v-stranu-za-30-let/> (дата обращения: 10.09.2025).

² Котляр П. «Мы хотим видеть среди наших студентов граждан России, Белоруссии, Украины» // Газета.ру: сайт. 23.03.2022 // URL: <https://www.gazeta.ru/science/2022/03/23/14656675.shtml> (дата обращения: 10.09.2025).

³ Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям. Принята резолюцией 79/243 от 24.12.2024 Генеральной Ассамблеей ООН.

⁴ Маколифф М., Оучо Л.А. Доклад о миграции в мире 2024. Женева: Международная организация по миграции (МОМ), 2024; URL: <https://publications.iom.int/system/files/pdf/pub2023-081-l-world-migration-report-2024-ru.pdf> (дата обращения: 10.09.2025).

⁵ Организация Объединенных Наций по вопросам гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин 2023. Цифровое насилие в отношении женщин и девочек: базовое исследование в Европе и Центральной Азии // Региональный офис ООН-Женщины по Европе и Центральной Азии: сайт // URL: <https://eca.unwomen.org/en/digital-library/publications/2023/10/digital-violence-against-women-and-girls-baseline-study> (дата обращения: 10.09.2025).

ных средств доступа к информационным ресурсам, информационно-телекоммуникационным сетям, доступ к которым ограничен. В ст.ст. 274.3, 274.4, 274.5 УК РФ закреплены новые составы преступлений: криминализированы незаконное использование телекоммуникационного оборудования (например SIM-ферм для спама или мошенничества), передача абонентских номеров и данных для онлайн-регистрации в корыстных или преступных целях¹. Однако необходимо иметь в виду, что эти меры не решают задач комплексного противодействия цифровому насилию, так как направлены на борьбу с цифровыми преступлениями конкретных видов.

Цифровое насилие подразумевает более широкий спектр действий: использование дипфейков, искусственного интеллекта, электронной почты, систем обмена мгновенными сообщениями и веб-сайтов в целях запугивания или преследования человека (группы людей), вербовки, обмана, травли, угроз распространения персонализированной информации и т.д. Включенные в уголовный кодекс в 2025 году нормы фокусируются на инфраструктуре (телекоммуникации и данные) и шпионаже. Они не касаются деяний, представляющих собой нападение на личность, осуществляемое в цифровой форме. А ведь с его помощью могут быть совершены иные преступления, обладающие высокой степенью общественной опасности (ст.ст. 119, 127.1, 128.1, 163, 205-207 УК РФ и др.).

С учетом того, что киберпреступность продолжает эволюционировать [20, с. 27], важно разработать оптимально унифицированное определение цифрового насилия и закрепить его в норме Общей части УК РФ, предусматривающей обстоятельства, отягчающие наказание². Не следует забывать, что в цифровом пространстве существует множество форм онлайн-взаимодействия. Это могут быть дебаты, конструктивная критика, политическая агитация, коммерческая реклама и даже сбор информации в соответствии с положениями Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Без указания на противоправность определения рискует охватить и легальные деяния.

Наиболее характерные формы цифрового насилия в отношении мигрантов эксплуатируют их уязвимости: языковые барьеры, материальную нужду, страх перед депортацией. Воздействие зачастую осуществляется посредством фальшивых предложений о трудоустройстве, например в IT-сфере, модельном бизнесе, туризме. Организованные преступные группы используют технологии

искусственного интеллекта, дипфейков, социальной инженерии для онлайн-вербовки мигрантов из стран СНГ, Азии и Африки³. Контролируемые транснациональными синдикатами скам-центры стали появляться после 2020 г. в Мьянме, Камбодже, Лаосе⁴. Иллюстрацией реализуемых ими мошеннических схем являются примеры россиян Дашимы О., поверившей обещаниям о работе моделью, и Вадима П., получившего предложение о работе в IT-сфере; гражданина Казахстана Г., завербованного обманом в 2024 году; оказавшейся в рабстве белорусской гражданки Веры К.⁵ Во всех случаях преступники сочетали различные формы цифрового (вербовка, манипуляция информацией, эксплуатация посредством онлайн-платформы) и физического насилия (принудительное перемещение, лишение свободы, избивание за неповиновение и др.).

В настоящее время некоторые российские служащие предлагают расширить географию стран, из которых в нашу страну привлекаются трудовые мигранты. Обратить внимание, например, на Мьянму, которая при численности населения в 55 миллионов человек экспортирует трудовых ресурсов, по разным оценкам, в объемах до 6 миллионов человек⁶. Такие предложения представляются криминологически не обоснованными. Их реализация может обернуться повышением рисков виктимизации как самих мигрантов, так и населения принимающих регионов России. Впрочем, весьма осторожно и взвешенно следует подходить к инициативам противоположного характера, предполагающим, в частности, введение визового режима со всеми государствами или запрет на перемещение семей мигрантов по территории Российской Федерации [21, с. 108].

Прежде всего России необходимо руководствоваться собственными национальными интересами. При реализации Концепции государственной миграционной политики на 2026-2030 годы следует устранить дисбаланс между привлечением низко- и высококвалифицированных работников, создавая социальные и экономические стимулы для последних [22, с. 140]. Естественно, такие меры должны предусматривать полный контроль за развитием ситуации, взаимодействие всех государственных органов с использованием передовых цифровых технологий, реализацию положений о международном сотрудничестве и обмене информацией в соответствии с Конвенцией ООН «О противодействии киберпреступности» 2024 года.

В Европе с 15 по 19 сентября 2025 года под эгидой Европола эксперты проводили исследование

¹ Федеральный закон от 31.07.2025 № 282-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

² Евдокимов К.Н. Противодействие компьютерной преступности: теория, законодательство, практика: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2021. 557 с.

³ Доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации «О ситуации с правами человека в отдельных странах» // МИД России: сайт. 06.06.2023 // URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1884435/> (дата обращения: 12.09.2025).

⁴ Мошеннические парки в Мьянме: как россиянки стали жертвами торговцев людьми // ТАСС: сайт. 14.04.2025 // URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/23677745> (дата обращения: 10.09.2025).

⁵ Вишневецкая Е. «Рабыня за миску риса»: спасенную из рабства в Мьянме россиянку доставили в Бангкок // Газета.ru. 07.10.2025 // URL: <https://www.gazeta.ru/social/2025/10/07/21819728.shtml> (дата обращения: 07.10.2025).

⁶ СМИ: в России зафиксировали рекордный приток мигрантов // РИА Новости: сайт. 06.03.2025 // URL: <https://ria.ru/20250306/migranty-2003317361.html> (дата обращения: 07.10.2025).

социальных сетей, торговых онлайн-площадок, приложений для знакомств и поиска работы, сайтов эскорт-агентств и платформ мгновенного обмена сообщениями с целью выявления лиц, занимающихся сексуальной или трудовой эксплуатацией в интернете. В результате этой работы были обнаружены признаки торговли людьми на 44 сайтах, выявлены 33 потенциальные жертвы торговли людьми, 31 потенциальный преступник, 302 URL-адреса и 137 аккаунтов в социальных сетях, связанные с торговлей людьми, деятельность которых координируется несколькими организованными группами¹. Эксперты отметили увеличение в глобальной сети количества рекламных объявлений, созданных при помощи технологии искусственного интеллекта для заманивания жертв. В то же время в даркнете были найдены сайты, на которых размещались материалы, демонстрирующие сцены сексуального насилия над детьми, имеющие признаки задействия в торговле органами, предлагающие аренду, покупку и продажу несовершеннолетних, включая новорождённых.

Наиболее типичными для России формами цифрового насилия в отношении мигрантов являются онлайн-вербовка и принудительное участие в преступлениях. Результаты анализа 25 приговоров, вынесенных судами по итогам рассмотрения уголовных дел о преступлениях в отношении мигрантов, показали, что цифровое насилие наиболее часто сопутствует проявлениям терроризма, незаконной миграции, торговле людьми, сексуальной эксплуатации². Например, торговля людьми, как правило, координируется с использованием современных компьютерных технологий. И это касается не только вербовки мигрантов, но и их транспортировки и эксплуатации, в том числе в сексуальных и репродуктивных целях. Весной 2025 года суд в Ставропольском крае вынес приговор в отношении семерых участников организованной группы, занимавшейся торговлей мигрантами³. В Казани трое граждан Молдовы эксплуатировали инвалидов, в том числе мигрантов, принуждая к попрошайничеству. Их действия были квалифицированы по п. «а» ч. 3 ст. 127.1 и ч. 3 ст. 127.2 УК РФ⁴. В октябре 2025 года кассационный суд признал законными приговоры по делу о суррогатном материнстве и торговле детьми в отношении организованной группы лиц, которая,

используя поддельные документы для перемещения детей за границу, продавала новорождённых иностранцам. Криминальный доход составил 72,5 млн рублей⁵. Во всех взятых для примера случаях преступники применяли к мигрантам элементы цифрового насилия в виде вербовки, дезинформации и принуждения.

В настоящее время основным инструментом вербовки являются социальные сети («TikTok», «Telegram»). Вербовщики используют технологии социальной инженерии, обещают вознаграждение за теракты и обманывают своих жертв. Примером служит теракт, осуществленный в комплексе «Крокус Сити Холл» 22 марта 2024 года. В ходе подготовки к нему граждане Таджикистана в возрасте 19-32 лет координировали действия посредством аккаунтов в «Telegram», созданных для вербовки мигрантов. Их кураторы находились за границей. По данным информационно-аналитической компании «Интернет-розыск» за 2025 год, количество вербовочных аккаунтов выросло с 294 в марте до 1098 в мае, ежедневное число сообщений с признаками вербовки – с 5 до 15 тысяч. Это подтверждает уязвимость мигрантов перед цифровым манипулированием, особенно в условиях анклавизации и существования языкового барьера.

По оценкам Интерпола, терроризм по-прежнему наиболее тесно связан с преступностью в сфере нелегальной миграции⁶. Особенностью цифрового насилия, проявляющегося в преступлениях, совершаемых в этой сфере, является то, что оно может прямо включаться в их механизм. Это выражается в создании фейковых миграционных или кадровых агентств в соцсетях, продаже поддельных электронных документов через даркнет, обмане при оформлении цифровых миграционных карт и трудоустройстве. Например, мигрантов могут вербовать через фейковые сайты трудоустройства для нелегальной работы. При разоблачении основания их нахождения на территории Российской Федерации аннулируются, а сведения о них вносятся в реестр контролируемых лиц.

Одной из наиболее латентных форм цифрового насилия является массовое распространение в соцсетях текстов с высказываниями негативного характера о том, что мигранты ведут себя вызывающе, не уважают российские традиции, сожительствуют с местными женщинами, из-за них растёт преступность и т.д. Потерпевшие боятся

¹ Over 30 potential victims identified in action against human trafficking enabled online [Более 30 потенциальных жертв выявлены в ходе онлайн-мероприятия по борьбе с торговлей людьми] // Europol: сайт. 13.10.2025 // URL: <https://www.europol.europa.eu/media-press/newsroom/news/over-30-potential-victims-identified-in-action-against-human-trafficking-enabled-online> (дата обращения: 13.10.2025).

² В 2025 году изучались приговоры, тексты которых размещены в открытом доступе на портале «Судебные и нормативные акты РФ» // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 13.10.2025).

³ На Ставрополье семерых жителей осудили за торговлю людьми // ТАСС: сайт. 11.04.2025 // URL: <https://tass.ru/proisshestiya/23664273> (дата обращения: 13.10.2025).

⁴ Сегодня огласили приговор по делу о торговле людьми и эксплуатации рабского труда инвалидов // Официальный канал прокуратуры Республики Татарстан в «Telegram». 04.12.2024 // URL: <https://t.me/prokrt/4051> (дата обращения: 13.10.2025).

⁵ Фигуранты дела о продаже детей иностранцам не смогли оспорить приговор // ТАСС: сайт. 22.10.2025 // URL: <https://tass.ru/proisshestiya/25412965> (дата обращения: 13.10.2025).

⁶ Представители НЦБ Интерпола МВД России приняли участие в Международной конференции по проблеме распространения идеологии экстремизма // МВД России: сайт. 19.09.2025 // URL: https://мвд.рф/мвд/structure1/Upravlenija/Nacionalnoe_centralnoe_bjuro_Interpola/Publikacii_i_vistuplenija/item/70375406/ (дата обращения: 13.10.2025).

обращаться в правоохранительные органы в силу правовой неграмотности, языкового барьера или по причине того, что находятся в нашей стране нелегально. Результаты редких опросов мигрантов показывают, что иногда чужие люди подходят к ним и начинают снимать на камеру без спроса, после чего видео появляются в соцсетях. Или случается, что незнакомцы набрасываются на них с обвинениями, приписывая поступки, к которым мигранты не имели отношения¹.

Необходимость совершенствования правового механизма противодействия цифровому насилию, в том числе в отношении мигрантов, подтверждают инициативы законодателей. В частности, предлагается ввести в ряд статей УК РФ (клевета, кража, мошенничество, мошенничество в сфере компьютерной информации, вымогательство, причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием) дополнительный квалифицирующий признак – совершение преступления с использованием изображения или голоса (в том числе фальсифицированных или искусственно созданных) и (или) биометрических данных гражданина. Такие поправки предусмотрены проектом федерального закона о внесении изменений в УК РФ в части установления уголовной ответственности за совершение преступлений с использованием технологий подмены личности². Отметим, что данный законопроект использует формулировку «фальсифицированные или искусственно созданные», толкование которой может быть неоднозначным, а также описывает лишь способ совершения имущественных преступлений, хотя технологии подмены личности применяются при совершении и значительно более опасных преступлений (например ст.ст. 207, 207.2 УК РФ и т.д.)³.

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что судебная практика, имеющая отношение к проблеме цифрового насилия, сосредоточена главным образом на квалификации преступлений в сфере компьютерной информации (ст.ст. 272-274.1 УК РФ) и отдельных составов преступлений, совершенных с использованием сети Интернет, таких как незаконный оборот наркотиков, изготовление и оборот порнографий (ст.ст. 228.1, 242, 242.1 УК РФ). Это отражено в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 года⁴. При этом не раскрывается специфика цифрового насилия, в том числе совершен-

ного в отношении мигрантов. Пленум ограничивается разъяснениями по квалификации использования электронных сетей для узкого круга преступлений, но не принимает во внимание более широкий спектр деяний, охватываемых понятием «цифровое насилие». Кроме того, акцент делается на технических аспектах, суд не углубляется в сущность субъективного содержания цифрового насилия, не затрагивает вопросы его мотивации, рецидивности, масштабов причиняемого ущерба. Эти обстоятельства не позволяют комплексно решать вопросы, касающиеся квалификации современных форм цифрового насилия, в том числе совершаемого в отношении представителей уязвимых групп.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эффективная уголовно-правовая защита мигрантов от цифрового насилия является обязательным элементом правового механизма обеспечения национальных интересов, поскольку охрана уязвимых групп способствует минимизации вероятности разрастания социальных конфликтов, поддержанию общественного порядка, укреплению доверия населения к государственным институтам, что соответствует принципам национальной безопасности и международным стандартам в сфере прав человека.

Миграция – объективный социальный, экономический, политический глобальный процесс, затрагивающий все страны и континенты. Все государства выстраивают свою миграционную политику с учетом собственных национальных интересов и целей. Анализ международного опыта в сфере миграционной политики позволил нам прийти к выводу о том, что при совершенствовании российского миграционного законодательства целесообразно применять комбинированный подход, сочетающий в себе элементы принуждения и стимулирования. Это предполагает введение строгой регламентации въезда в Россию иностранных граждан, их пребывания и трудовой деятельности на ее территории, включая механизмы контроля, санкций за нарушения и интеграционные требования (например обязательное знание языка и культуры). Одновременно должна быть обеспечена комплексная поддержка мигрантов: реализация программ адаптации, предоставление субсидий, образовательные инициативы, применение цифровых инструментов для облегчения социальной интеграции. ■

¹ Громов С. Недовольны мигрантами и делят людей на своих и чужих. Почему в российских городах развернулась травля приезжих из республик СССР // 76.ru: сайт. 12.09.2023 // URL: <https://76.ru/text/world/2023/09/12/72694673/> (дата обращения: 13.10.2025).

² Проект федерального закона № 718538-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части установления уголовной ответственности за совершение преступлений с использованием технологий подмены личности)» // Система обеспечения законодательной деятельности: сайт. 16.09.2024 // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718538-8> (дата обращения: 13.10.2025).

³ Заключение на проект федерального закона № 718538-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (первое чтение) // Система обеспечения законодательной деятельности: сайт. 27.10.2025 // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/1ef9da10-9c9e-617a-9f8e-2b41787ba13d> (дата обращения: 27.10.2025).

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеева А.П. Профилактика правонарушений в России: законодательные основы и перспективы реализации // Преступность, уголовная политика, уголовный закон. Сборник научных трудов. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2013. С. 549-551.
2. Алексеева А.П., Белокобыльская О.И., Третьяков Ю.В. Возможности унификации критериев соотношения терминов, включенных в понятийный аппарат в сфере превенции преступности и преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 25-30.
3. Евдокимов К.Н. Уголовная ответственность за преступления против жизни и здоровья, совершенные с использованием информационно-коммуникационных технологий // Российский следователь. 2021. № 12. С. 34-38.
4. Афанасьева О.Р., Гончарова М.В. Преступность мигрантов как объект криминологического исследования // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2021. № 1 (81). С. 46-50.
5. Колозян А.Ш. Преступность мигрантов в России: реальность, вызовы и перспективы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 3 (67). С. 295-302.
6. Кириленко В.П., Алексеев Г.В., Чаава М.З. Международная защита прав трудящихся-мигрантов и миграционное законодательство // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 2. С. 84-94.
7. Исраилова Э.А., Рубинская Э.Д. Привлечение иностранных высококвалифицированных специалистов в Россию: миграционная политика и направления ее совершенствования // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2021. № 4 (76). С. 156-161.
8. Сердюков К.Н. Преступность иностранных мигрантов в России: факты и домыслы // Демографическое обозрение. 2024. № 11 (3). С. 88-101.
9. Антонов-Романовский Г.В., Сальников П.П., Чирков Д.К. Преступность мигрантов-иностранцев в Российской Федерации: современные тенденции // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 3. С. 128-138.
10. Капинус О.С. Преступность иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 1. С. 145-151.
11. Сафонова К.Р., Логвинова И.А. Преступность мигрантов: криминологический анализ // Уголовное право в эволюционирующем обществе. Сборник научных статей. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. С. 236-238.
12. Власов Ю.А. Уголовная политика России в сфере обеспечения миграционной безопасности // Уголовная политика и правоприменительная практика. Сборник материалов международной научно-практической конференции. СПб, 2022. С. 326-341.
13. Урда М.Н. Международно-правовые акты противодействия незаконной миграции // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11. № 3. С. 83-95.
14. Кузьмин Ю.А. Мигранты как потенциальные жертвы преступлений: виктимологический аспект // Oeconomia et Jus. 2021. № 1. С. 52-59.
15. Сидоренко Э.Л. Цифровое насилие в отношении детей: понятие, виды и особенности квалификации // Lex Russica. 2024. Т. 77. № 12 (217). С. 68-83.
16. Андрюшенкова О.М. Современные проявления цифрового насилия в обществе // Экономика и управление: опыт и новые решения в эпоху трансформаций. 2024. № 1. С. 152-156.
17. Антонова Е.Ю. Сексуальное насилие в эпоху цифровизации: вопросы правовой оценки // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18. № 5. С. 450-459.
18. Пинкевич Т.В. Криминальные угрозы и криминогенные риски преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних с использованием цифровых технологий // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 2 (56). С. 137-145.
19. Пинкевич Т.В. Цифровое неравенство как фактор преступности // Виктимология. 2024. Т. 11. № 4. С. 538-545.
20. Алексеева А.П., Ничуговская О.Н. Киберпреступность: основные черты и формы проявления // Преступность в сфере информационных и телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. 2017. № 1. С. 27-34.
21. Богданов А.В., Ильинский И.И., Кудин О.В. Влияние миграционной ситуации в России на терроризм и экстремизм // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 97-108.
22. Сюнь Ю. Китайский опыт совершенствования миграционной политики: основные этапы и нерешенные проблемы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 5. С. 131-142.

REFERENCES

1. Alekseyeva A.P. Profilaktika pravonarusheniy v Rossii: zakonodatel'nyye osnovy i perspektivy realizatsii // Prestupnost', ugovolnaya politika, ugovolnyy zakon. Sbornik nauchnykh trudov. Saratov: Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya, 2013. S. 549-551.
2. Alekseyeva A.P., Belokobyl'skaya O.I., Tret'yakov Yu.V. Vozmozhnosti unifikatsii kriteriyev sootnosheniya terminov, vklyuchennykh v ponyatiynyy apparat v sfere preventsii prestupnosti i prestupleniy // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2023. № 3 (66). S. 25-30.

3. Yevdokimov K.N. Ugolovnaya otvetstvennost' za prestupleniya protiv zhizni i zdorov'ya, sovershennyye s ispol'zovaniyem informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy // Rossiyskiy sledovatel'. 2021. № 12. S. 34-38.
4. Afanas'yeva O.R., Goncharova M.V. Prestupnost' migrantov kak ob'yekt kriminologicheskogo issledovaniya // Vestnik Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii. 2021. № 1 (81). S. 46-50.
5. Kolozyan A.Sh. Prestupnost' migrantov v Rossii: real'nost', vyzovy i perspektivy // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. 2024. № 3 (67). S. 295-302.
6. Kirilenko V.P., Alekseyev G.V., Chaava M.Z. Mezhdunarodnaya zashchita prav trudyashchikhsya-migrantov i migratsionnoye zakonodatel'stvo // Yevraziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika. 2022. T. 16. № 2. S. 84-94.
7. Israilova E.A., Rubinskaya E.D. Privlecheniye inostrannykh vysokokvalifitsirovannykh spetsialistov v Rossiyu: migratsionnaya politika i napravleniya yeye sovershenstvovaniya // Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta (RINKH). 2021. № 4 (76). S. 156-161.
8. Serdyukov K.N. Prestupnost' inostrannykh migrantov v Rossii: fakty i domysly // Demograficheskoye obozreniye. 2024. № 11 (3). S. 88-101.
9. Antonov-Romanovskiy G.V., Sal'nikov P.P., Chirkov D.K. Prestupnost' migrantov-inostrantsev v Rossiyskoy Federatsii: sovremennyye tendentsii // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2019. № 3. S. 128-138.
10. Kapinus O.S. Prestupnost' inostrannykh grazhdan i lits bez grazhdanstva v Rossiyskoy Federatsii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2022. № 1. S. 145-151.
11. Safonova K.R., Logvinova I.A. Prestupnost' migrantov: kriminologicheskiy analiz // Ugolovnoye pravo v evolyutsioniruyushchem obshchestve. Sbornik nauchnykh statey. Kursk: Yugo-Zapadnyy gosudarstvennyy universitet, 2022. S. 236-238.
12. Vlasov Yu.A. Ugolovnaya politika Rossii v sfere obespecheniya migratsionnoy bezopasnosti // Ugolovnaya politika i pravoprimeritel'naya praktika. Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb, 2022. S. 326-341.
13. Urda M.N. Mezhdunarodno-pravovyie akty protivodeystviya nezakonnoy migratsii // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo. 2021. T. 11. № 3. S. 83-95.
14. Kuz'min Yu.A. Migranty kak potentsial'nyye zhertvy prestupleniy: viktimologicheskii aspekt // Oeconomia et Jus. 2021. № 1. S. 52-59.
15. Sidorenko E.L. Tsifrovoye nasiliye v otnoshenii detey: ponyatiye, vidy i osobennosti kvalifikatsii // Lex Russica. 2024. T. 77. № 12 (217). S. 68-83.
16. Andryushenkova O.M. Sovremennyye proyavleniya tsifrovogo nasiliya v obshchestve // Ekonomika i upravleniye: opyt i novyye resheniya v epokhu transformatsiy. 2024. № 1. S. 152-156.
17. Antonova Ye.Yu. Seksual'noye nasiliye v epokhu tsifrovizatsii: voprosy pravovoy otsenki // Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal. 2024. T. 18. № 5. S. 450-459.
18. Pinkevich T.V. Kriminal'nyye ugrozy i kriminogennyye riski prestupleniy, sovershayemykh v otnoshenii nesovershennoletnikh s ispol'zovaniyem tsifrovyykh tekhnologiy // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2024. T. 15. № 2 (56). S. 137-145.
19. Pinkevich T.V. Tsifrovoye neravenstvo kak faktor prestupnosti // Viktimologiya. 2024. T. 11. № 4. S. 538-545.
20. Alekseyeva A.P., Nichugovskaya O.N. Kiberprestupnost': osnovnyye cherty i formy proyavleniya // Prestupnost' v sfere informatsionnykh i telekommunikatsionnykh tekhnologiy: problemy preduprezhdeniya, raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy. 2017. № 1. S. 27-34.
21. Bogdanov A.V., Il'inskiy I.I., Kudin O.V. Vliyaniye migratsionnoy situatsii v Rossii na terrorizm i ekstremizm // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2025. № 1 (105). S. 97-108.
22. Syun' Yu. Kitayskiy opyt sovershenstvovaniya migratsionnoy politiki: osnovnyye etapy i nereshennyye problemy // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki. 2018. № 5. S. 131-142.

© Пахомова О.Н., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Пахомова О.Н. Цифровое насилие в отношении мигрантов // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (82). С. 26-36.

Юлия Александровна СЛУЧЕВСКАЯ,
кандидат юридических наук, доцент, ORCID 0000-0002-0142-5372
Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Санкт-Петербург)
докторант научно-исследовательского отдела
ula-sl@mail.ru

Научная статья
УДК 343.775:343.9.024

ОРГАНИЗОВАННАЯ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Преступность, виды преступности, организованная преступность, транснациональная организованная преступность, экологическая преступность, транснациональная организованная экологическая преступность.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Повышенной опасностью для общества и государства обладает организованная экологическая преступность, которая в настоящее время приобрела транснациональный характер. Она не замыкается в границах стран и причиняет колоссальный вред экологическим системам в мировом масштабе. Перед исследованием, результаты которого представлены в настоящей статье, автор ставил следующие задачи: изучить признаки транснациональной организованной преступности и определить, какие из них характерны для организованной экологической преступности транснационального характера; рассмотреть ее основные виды; проанализировать последствия транснациональных экологических преступлений, совершаемых организованными преступными группами; выявить особенности противодействия наиболее распространенным преступлениям такого рода. *Методы.* При проведении исследования использовались общенаучные и частнонаучные методы, в том числе системно-структурный, формально-логический, сравнительно-правовой. *Результаты.* Под организованной экологической преступностью транснационального характера предлагается понимать осуществляемую на территории нескольких государств систематическую и скоординированную деятельность организованных преступных групп, которая направлена на совершение экологических преступлений (незаконная торговля видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения; незаконный, нерегулируемый и незарегистрированный промысел, проводимый в нарушение мер контроля, введенных различными региональными рыбохозяйственными организациями; незаконный оборот древесины и древесных продуктов; незаконное перемещение и захоронение опасных отходов; незаконная торговля запрещенными загрязнителями и др.).

ВВЕДЕНИЕ

Организованная преступность является не просто одним из видов преступности, как, например, насильственная, террористическая или какая-либо иная, это особое качественное состояние преступности и общества в целом [1]. Сферы социальной жизни, связанные с получением денежных доходов и с трудом поддающиеся контролю, оказываются наиболее уязвимыми. Поэтому для преступного мира они становятся объектом особого внимания. Добыча и потребление природных ресурсов не стали исключением.

Усиление связей экологической преступности с организованной преступностью рассматривается криминологами в качестве новой угрозы национальной безопасности [2, с. 24]. Повышенной опасностью для общества и государства обладает организованная экологическая преступность, которая приобрела транснациональный характер. Она не остается в национальных границах и при-

чиняет колоссальный вред экологическим системам в мировом масштабе. Борьба с преступлениями такого вида является задачей весьма сложной. Правоохранительные органы противодействуют не только конкретным преступникам, но и раскинутой по всему миру сети черного рынка, где действуют свои законы спроса и предложения и максимально широко используются противоправные методы [3, с. 130].

Экологическая преступность всё больше приобретает черты транснациональности и организованности [4, с. 107]. Эта общемировая тенденция обусловлена тем, что доходы от некоторых видов экологических преступлений достигают многомиллиардных сумм и оказываются сопоставимы с доходами от других наиболее опасных и распространенных видов транснациональной организованной преступной деятельности – незаконного оборота оружия, наркотиков, торговли людьми и т.д. Объемы прибыли бывают значительными

Yulia A. SLUCHEVSKAYA,

Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor,
ORCID 0000-0002-0142-5372

Saint Petersburg University of the Ministry
of the Interior of Russia (Saint Petersburg, Russia)
Doctoral Student of the Research Department
ula-sl@mail.ru

TRANSNATIONAL ORGANIZED ENVIRONMENTAL CRIME

KEYWORDS. Crime, types of crime, organized crime, transnational organized crime, environmental crime, transnational organized environmental crime.

ANNOTATION. *Introduction.* Organized environmental crime, which has now acquired a transnational character, poses an increased danger to society and the state. It is not limited to national borders and causes colossal harm to ecological systems on a global scale. Before conducting the study, the results of which are presented in this article, the author set the following objectives: to study the characteristics of transnational organized crime and determine which of them are characteristic of organized environmental crime of a transnational nature; to consider its main types; to analyze the consequences of transnational environmental crimes committed by organized criminal groups; to identify the peculiarities of counteracting the most common crimes of this kind. *Methods.* The study utilized general and specific scientific methods, including systemic-structural, formal-logical, and comparative-legal. *Results.* Organized environmental crime of a transnational nature is proposed to be understood as systematic and coordinated activities of organized criminal groups carried out on the territory of several states, which are aimed at committing environmental crimes (illegal trade in endangered species of wild fauna and flora; illegal, unregulated and unregistered fishing carried out in violation of control measures introduced by various regional fisheries organizations; illegal trafficking in timber and timber products; illegal movement and disposal of hazardous waste; illegal trade in prohibited pollutants, etc.).

даже при ее осуществлении в небольших масштабах, и доходность с каждым годом становится всё выше. Причем разрушительным последствиям деятельности международных преступных сообществ, специализирующихся на совершении экологических преступлений, не только для конкретных стран и регионов мира, но и для всего человечества еще не дана должная оценка.

Различные аспекты противодействия транснациональной организованной преступности неоднократно становились объектом исследовательского интереса. Между тем сложившиеся в науке взгляды и идеи, связанные с понятием этого социально-правового явления, нуждаются в совершенствовании с учетом современных реалий [5, с. 91]. Кроме того, отметим, что в специальных исследованиях в недостаточной степени раскрыты проблемы, возникающие в связи с развитием организованной экологической преступности транснационального характера. Их изучению и была посвящена проделанная нами работа. В ходе ее осуществления требовалось решить следующие задачи: рассмотреть признаки транснациональной организованной преступности и выявить те из них, которые характерны для организованной экологической преступности транснационального характера; определить ее основные виды; проанализировать последствия соответствующих преступлений; установить особенности противодействия совершению организованными преступными группами наиболее распространенных транснациональных экологических преступлений.

МЕТОДЫ

При проведении исследования, результаты которого отражены в настоящей публикации, ис-

пользовались общие и частные методы: системно-структурный, формально-логический, сравнительно-правовой. Эти методы позволили в полной мере достичь цели нашего исследования и решить поставленные задачи.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изучение организованной экологической преступности транснационального характера как сложного социально-правового явления связано с уточнением ряда понятийных категорий. Авторы научных работ не пришли к единству во мнениях по поводу определения основных признаков организованной преступности и ее понятия. В настоящее время доминирует деятельностный подход, в соответствии с которым дефиниция «организованная преступность» формулируется с помощью такого признака, как функционирование устойчивых преступных организаций (сообществ) [6].

Именно такой подход свойственен международно-правовым решениям и документам. В них под преступными организациями транснационального характера понимаются те, которые базируются в одном государстве, а осуществляют свою преступную деятельность в другом или в нескольких государствах. Признаки организованной преступной группы, совершающей преступления транснационального характера, определены в Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 года (далее – Конвенция). Это структурно оформленная группа в составе трех или более лиц, существующая в течение определенного периода времени и действующая согласованно с целью совершения одного или нескольких серьезных преступлений для того,

чтобы получить, прямо или косвенно, финансовую или иную материальную выгоду.

Если говорить о специфике экологических преступлений, то использование понятия, сформулированного таким образом, вызывает ряд вопросов. Так, в качестве одного из признаков организованной преступной группы в Конвенции определена цель ее деятельности – совершение одного или нескольких «серьезных преступлений». Под таковым в этом международном документе понимается преступление, наказуемое лишением свободы на срок не менее четырех лет.

Представляется, что данный критерий не может быть универсальным и достаточным для оценки преступных посягательств, ибо выбор меры наказания в каждом конкретном случае – вопрос не столько права, сколько факта. К сожалению, приходится признать, что криминализация и пенализация деяний, причиняющих вред окружающей среде, не адекватны их опасности. Лишь незначительное количество экологических преступлений в национальных законодательствах подпадает под категорию «серьезных». Не случайно на XIII Конгрессе ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию говорилось о необходимости признать преступления против дикой флоры и фауны серьезными¹. И хотя сегодня такого рода призывы играют роль лишь «мягкой силы», есть все основания полагать, что общемировым трендом станет ужесточение санкций за совершение экологических правонарушений. И это уже происходит в уголовном законодательстве ряда стран.

Помимо сказанного, выработанный в Конвенции подход к определению понятия «организованная преступная группа, совершающая преступления транснационального характера» не позволяет выявить специфику и оценить масштабы последствий преступности в экологической сфере. На наш взгляд, следует принимать во внимание еще и количество экологических преступлений, совершенных организованными преступными группами, а также анализировать ущерб, наносимый экосистемам, которые расположены в местах осуществления такой преступной деятельности и (или) наступления негативных последствий.

Большинство ученых, исследующих транснациональную организованную преступность, давая ей определение, в той или иной степени учитывают положения Конвенции. Например, под таковой предлагается понимать совокупность общеуголовных преступлений, совершаемых в составе организованных преступных формирований (групп, сообществ, организаций), которые осложнены наличием «иностранный элемент» (в структуре субъекта, объекта либо одновременно и того, и другого) и противодействие которым предпола-

ет применение сил и ресурсов правоохранительных органов двух и более государств [7, с. 130]. Это определение представляется спорным. На наш взгляд, не совсем удачно использование термина «иностранный элемент», который может быть истолкован весьма широко. Помимо этого, наличие объективно существующего явления (транснациональной организованной преступности) фактически ставится в зависимость от его процессуальных характеристик (реакции правоохранителей двух и более государств).

Вместе с тем правовой подход, который сводится к формальному перечислению признаков организованной преступности, не отражает сути изучаемого явления. В связи с этим обосновывается необходимость применения криминологического подхода [8, с. 171]. Организованную преступность предлагается рассматривать как негативное социальное явление, представляющее собой преступную (а в ряде случаев и не преступную) деятельность, направленную на получение преступных доходов, а также совокупность иерархически построенных организованных преступных формирований, использующих для достижения поставленных целей коррупционные связи и обладающих наивысшей степенью латентности в результате функционирования собственной системы нейтрализации всех форм социального контроля [9, с. 145]. Это определение видится в достаточной степени обоснованным, хотя и оно не лишено изъянов. Организованная преступность теснейшим образом связана с коррупцией, между тем этот признак, на наш взгляд, не является определяющим, поэтому нецелесообразно упоминать его в качестве обязательной характеристики рассматриваемого вида преступности.

Сегодня к числу основных видов транснациональных экологических преступлений, совершаемых организованными преступными группами, относятся:

- 1) незаконная торговля видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения²;
- 2) незаконный, нерегулируемый и незарегистрированный промысел в нарушение мер контроля, введенных различными региональными рыбохозяйственными организациями;
- 3) незаконный оборот древесины и древесных продуктов;
- 4) незаконное перемещение и захоронение опасных отходов³;
- 5) незаконная торговля запрещенными загрязнителями⁴.

В последнее время фиксируется повышенный интерес организованных преступных сообществ к таким относительно новым видам экологических преступлений, как транспортировка контролиру-

¹ Calls for wildlife and forest crime to be treated as serious crime // URL:

https://cites.org/eng/iccwc_crime_congress_2015 (дата обращения: 28.07.2025).

² В нарушение положений Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения, 1972 года – СИТЕС.

³ В нарушение положений Базельской конвенции о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением 1989 года.

⁴ Например, торговля веществами, перечисленными в Монреальском протоколе по веществам, разрушающим озоновый слой 1987 года, в Стокгольмской Конвенции о стойких органических загрязнителях 2001 года и др.

емого биологического или генетически модифицированного материала, незаконный сброс нефти и других отходов в морскую среду, незаконный оборот опасных химических веществ и пестицидов, контрабанда топлива различных видов с целью избежать уплаты налогов и будущих ограничительных мер на выброс углерода в атмосферу.

Среди всех экологических преступлений *незаконная торговля видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения*, относится к группе наиболее сложных с точки зрения пресечения и расследования. Специфика географии такой преступной деятельности состоит в том, что торговля дикими животными и растениями осуществляется преимущественно по маршруту из менее развитых стран в более развитые (с юга на север). В странах Юго-Восточной Азии распространена нелегальная торговля дикими животными и растениями, части и дериваты (производные) которых используются в традиционной медицине. Рынок здесь имеет весьма значительные масштабы, так как в этом регионе проживает пятая часть населения Земли, при этом и количество людей, и объемы реально располагаемых ими доходов постоянно растут. Кражи, совершаемые под заказ частных коллекционеров, зоопарков, медицинских центров и исследовательских лабораторий, также представляют собой довольно распространенное в мире явление.

Необходимо обратить внимание и еще на одну важную особенность рынка незаконной торговли видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения: увеличение масштабов истребления исчезающих видов животных и растений приводит к значительному повышению стоимости объектов нелегальной добычи. Ресурс для осуществления данного вида преступной деятельности (в отличие от других, например от торговли наркотиками) трудно восстановить. По оценкам экспертов, незаконной является приблизительно четверть всей торговли объектами дикой природы [10].

Незаконная рубка лесных насаждений, по мнению специалистов, составляет от 50% до 90% всей лесохозяйственной деятельности в основных странах-производителях продукции деревообработки и обеспечивает 15-30% всей торговли древесиной в мире [11, с. 58]. Более половины тропической древесины, ежегодно импортируемой в Европейский Союз, заготавливается нелегально [10]. К числу регионов, наиболее сильно страдающих от деятельности организованных преступных сообществ, специализацией которых является незаконный оборот древесины и древесных продуктов, относят бассейн реки Амазонки, Центральную Африку и Юго-Восточную Азию. Главным фактором, предопределяющим интерес организованной преступности к странам этих регионов, является высокий уровень коррупции во всех секторах экономики, в том числе в лесной промышленности. В этой сфере организованные преступные группы действуют на всей производственной цепочке: заготовка древесины и древесных продуктов, их пе-

реработка, транспортировка, реализация готовой продукции. В наиболее криминализированных странах мира такого рода деятельность сопровождается коррупционными преступлениями, мошенничеством, отмыванием денег, а иногда и насильственными преступлениями, включая убийства. На этапе реализации готовой продукции криминальный рынок оборота древесины и древесных продуктов встраивается в легальный. Торговля осуществляется на основе законных рыночных отношений. С одной стороны, происходит отмывание доходов, полученных преступным путем, с другой – инвестирование преступных доходов в легальную экономику.

Говоря о *незаконном перемещении и захоронении опасных отходов*, а также о *незаконной торговле запрещенными загрязнителями*, необходимо отметить, что, как правило, в них участвуют не отдельные лица или группы преступников, а целые корпорации. Жертвами таких преступлений становятся жители стран, для которых свойственны высокий уровень коррупции, неэффективное государственное управление и неразвитое законодательство. В основном транспортировка опасных отходов осуществляется из развитых стран в развивающиеся (с севера на юг). Государственные структуры страны происхождения опасных отходов и запрещенных загрязнителей зачастую осведомлены о перемещении. В этом случае можно говорить об экологическом неравенстве как глобальной проблеме, поиск решения которой должен происходить на уровне международного сообщества.

В России преступления, связанные с незаконным завладением природными ресурсами, всё чаще приобретают формы длительной организованной противоправной деятельности. Варварской эксплуатацией окружающей среды занимаются корыстные преступные объединения хозяйственного типа («беловоротничковая» организованная преступность)¹. Для них характерны высокая сплоченность, устойчивость и иерархичная структура, а также маскировка криминальной деятельности под легальную. Такие преступные организации наименее уязвимы, их выявление чрезвычайно затруднено. Существуют объективные проблемы привлечения участвующих в них лиц к уголовной ответственности, так как нередко они встроены в коррупционные цепочки и осуществляют свою незаконную деятельность под прикрытием высокопоставленных должностных лиц.

В нашей стране в последнее десятилетие зафиксировано увеличение числа выявляемых участников организованных преступных групп, которые специализируются на совершении экологических преступлений. И это без учета показателей латентности, которые и в отношении организованной преступности в целом (это гиперлатентный вид преступности), и в отношении экологической преступности, остаются очень высокими. Доля участников организованных преступных групп, совершающих экологические преступления, в общей структуре выявленных в России участников организованных преступных групп, постоянно растет.

¹ Королева М.В., Мацкевич И.М. Проблемы борьбы с организованной преступностью: Учебное пособие. М.: Проспект, 2021. С. 28.

Окружающая среда всё чаще становится объектом внимания и интересов посягающих на нее организованных преступных групп и сообществ.

Последствия деятельности организованной экологической преступности транснационального характера отличаются от последствий совершения преступлений представителями оргпреступности иных видов [12, с. 32]. Транснациональная экологическая преступность связана с огромными рисками и наносит колоссальный вред государствам. Помимо прямых издержек, следует принимать во внимание косвенные и скрытые последствия таких преступлений – снижение биоразнообразия, эрозию почв, обезлесивание, наводнения и т.п. Эти последствия связаны с такими масштабами вреда, которые далеко не всегда поддаются материальному исчислению. Кроме непосредственного ущерба, который причиняется природной среде и ее компонентам, транснациональная организованная преступность наносит масштабный социальный вред. В результате деятельности преступных организаций из легального бизнеса в преступную сферу вытесняются люди, жизнь которых в той или иной степени была связана с добычей природных ресурсов. Иными словами, эта социальная группа подвергается угрозе криминализации.

Экологическая преступность, являясь сферой специализации организованных преступных сообществ, как правило, не существует автономно, а связана с другими видами преступной деятельности [13]. Так, на рыболовеских судах, вовлеченных в незаконную добычу водных биоресурсов, распространено жестокое обращение с рабочими, а сами они зачастую являются жертвами преступных групп, занимающихся торговлей людьми. Зачастую используется рабский труд, применяются деструктивные методы рыболовства и обман, позволяющие получить прибыль за счет местного населения прибрежных государств [14, с. 109].

Во многих случаях нелегальное перемещение через границу диких животных и растений, их частей и дериватов, сопровождается другой противоправной деятельностью – перевозкой наркотиков или иных запрещенных веществ. Жертвами преступников периодически становятся экоактивисты, выступающие в защиту прав граждан на безопасную окружающую среду.

Высокая доходность экологической преступности при относительно небольших издержках делает ее объектом внимания не только «традиционных» организованных преступных групп. Фиксируется вовлечение в экологическую преступность террористических сообществ, которые используют полученные таким образом доходы для финансирования иных видов своей преступной деятельности.

Далее, необходимо учитывать, что экологические преступления несут меньше рисков для преступников, чем другие виды транснациональной преступности. Это, как уже отмечалось, объясняется и довольно мягкими санкциями, предусмотренными в национальных законодательствах

большинства стран за совершение экологических преступлений, и тем, что правоохранительные органы в меньшей степени уделяют внимание расследованию таких преступлений по сравнению с незаконным оборотом оружия, наркотиков, торговлей людьми и другими видами организованной преступной деятельности.

Показательной является многолетняя криминальная история самого известного в Индии браконьера – Сансара Чанда. В период с 1974 по 2005 год он и члены возглавляемого им преступного сообщества обвинялись в браконьерстве пятьдесят семь раз. Однако по причине слабости доказательной базы, некачественного проведения расследования, отсутствия заинтересованности представителей правоохранительной системы и, вероятно, подкупа и запугивания свидетелей в течение длительного времени преступники не привлекались к ответственности. Только в 2010 году в отношении Сансара Чанда был вынесен обвинительный приговор. По самым скромным подсчетам, его преступным сообществом было уничтожено 250 тигров, две тысячи леопардов, пять тысяч выдр и 50 тысяч мелких диких кошек и лисиц. Главными каналами сбыта тигровых шкур, зубов, когтей и других частей животных являлись Китай, Непал и Тибет. Браконьеры истребили всю популяцию тигров Сарисского тигрового заповедника, что стало настоящим шоком для индийских властей¹.

Борьбу с организованной преступностью значительно затрудняет и то, что она быстро адаптируется к изменениям в правовых установках и регламентации мер ответственности, а также к трансформации мер ответственности государственными [15, с. 148]. Например, в соответствии с Конвенцией о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (СИТЕС), был установлен минимальный размер контролируемой партии слоновой кости – более 1 кг. В результате торговцы на вполне законных основаниях перевозили сотни тонн слоновой кости с меньшим поперечным сечением бивней для изготовления именных японских печатей «ханко». Такая деятельность причинила значительный вред популяции слонов.

Необходимо подчеркнуть, что в разных странах по-разному относятся к вопросам криминализации и наказуемости деяний, причиняющих вред окружающей среде. Одни и те же поступки в каких-то странах признаются преступлениями, а в других нет (яркий пример – использование генетически модифицированных организмов). Отсутствие единообразия в уголовно-правовой политике в отношении ответственности за нанесение экологического ущерба преступные сообщества используют в своих интересах. Поэтому унификация национальных норм, регулирующих такую ответственность, остается одной из наиболее актуальных задач.

В мировой практике противодействия организованной экологической преступности уникальным является опыт Италии, где с 1990-х годов используется термин «экомафия». В этой стране

¹ Wildlife safer as Sariska's butcher Sansar Chand dies // URL: <https://www.dailypioneer.com/2014/page1/wildlife-safer-as-sariskas-butcher-sansar-chand-dies.html> (дата обращения: 29.06.2025).

организованные преступные сообщества, специализирующиеся на совершении экологических преступлений, воспринимаются в качестве самостоятельного криминального явления мафиозного характера [16]. В итальянском Национальном управлении по борьбе с мафией есть сотрудники, которые специализируются на раскрытии преступлений, причиняющих вред природной среде и ее компонентам, а в национальном парламенте еще с 1995 года работает комиссия по расследованию деятельности экомáfии. Основное внимание уделяется борьбе с незаконной утилизацией отходов, нелегальными раскопками и самовольным строительством, которое причиняет вред окружающей среде. Однако, несмотря на значительные успехи правоохранителей, активность экомáfиозных структур по-прежнему остается в Италии главным препятствием в противодействии экологической преступности.

Уровень, содержательность и направленность международного правового регулирования ответственности за совершение экологических преступлений организованными преступными сообществами заметно отличаются в зависимости от видов и форм преступной деятельности. Так, например, незаконная добыча водных биологических ресурсов рассматривается главным образом на уровне национального законодательства. Между тем география этой сферы экологической преступной деятельности является наиболее широкой. Незаконная добыча водных биологических ресурсов зачастую совершается в международных водах (в открытом море), где преступники пользуются возможностью действовать беспрепятственно, вне юрисдикции государств, которым причиняется значительный ущерб. При этом колоссальный вред наносится как морским экосистемам, так и социально-экономическому благополучию прибрежных стран.

Отсутствие закрепления в международных правовых актах ответственности за деяния, которые в России признаны преступлениями, совершаемыми в экологической сфере, характерно и для других проявлений экопреступности. Примером является незаконная вырубка леса. В качестве противоправных деяния такого вида рассматриваются лишь на уровне национального законодательства, а оно в разных странах значительно различается.

Наиболее полную регламентацию в международном экологическом праве получила незаконная торговля видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения. Осознание

масштабов угрозы привело к тому, что в этой сфере весьма успешно реализована кооперация деятельности правоохранительных органов разных стран.

Необходимость международного сотрудничества в противодействии организованной экологической преступности остается острой проблемой. В связи с этим, например, участникам надгосударственных объединений (БРИКС, ШОС, СНГ) предлагается разработать универсальные стандарты оказания помощи по уголовным делам, связанным с трансграничной деятельностью организованных преступных групп, специализирующихся на совершении экологических преступлений [17, с. 109]. Именно от уровня организационно-правового обеспечения международного сотрудничества правоохранительных органов во многом зависит эффективность противодействия транснациональной организованной преступности [18, с. 60].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Учитывая изложенное, под организованной экологической преступностью транснационального характера следует понимать осуществляемую на территории нескольких государств систематическую и скоординированную деятельность организованных преступных групп, которая направлена на совершение экологических преступлений (незаконная торговля видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения; незаконный, нерегулируемый и незарегистрированный промысел в нарушение мер контроля, введенных различными региональными рыбохозяйственными организациями; незаконный оборот древесины и древесных продуктов; незаконное перемещение и захоронение опасных отходов; незаконная торговля запрещенными загрязнителями и др.).

Проблематика противодействия транснациональной экологической преступности в настоящее время занимает в науке и правоохранительной практике периферийные позиции, что негативно отражается на всей системе уголовной политики в этой сфере. Явно недостаточно места занимают вопросы организованной экологической преступности в научных трудах, где до сих пор оргпреступности рассматривается лишь в связи с экономическими, насильственными преступлениями, незаконным оборотом оружия, торговлей людьми, миграцией. Представляется, что организованной экологической преступности транснационального характера должно быть уделено более значительное внимание в специальных криминологических исследованиях. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Долгова А.И. Криминологические оценки организованной преступности и коррупции, правовые баталии и национальная безопасность. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2011. 665 с.
2. Дубовик О.Л. Экологическая преступность в Российской Федерации: состояние, тенденции и связи с транснациональной, коррупционной и организованной преступностью // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2010. № 1. С. 17-29.
3. Алексеева А.П. Ответственность за экологические правонарушения (преступления) // Пути развития российской юридической науки и образования в XXI веке. Тезисы докладов научно-практической конференции. Волгоград: Волгоградский филиал Московского университета потребительской кооперации, 2001. С. 129-132.

4. Редникова Т.В. Организованная экологическая преступность в России и за рубежом: криминологическая характеристика и меры противодействия // Lex Russica. 2018. № 9 (142). С. 98-111.
5. Островских Ж.В. Противодействие транснациональной организованной преступности в современных условиях: постановка проблемы // Актуальные проблемы политики противодействия преступности. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2023. С. 90-97.
6. Третьяков В.И. Транснациональная организованная преступность в России: понятие, структура, признаки // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2009. № 1. С. 80-83.
7. Митьков В.Н. К вопросу об определении понятия транснациональной организованной преступности // Правовое государство: теория и практика. 2016. № 1 (43). С. 127-131.
8. Староверов А.В. К вопросу о понятии организованной преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 1. С. 171-173.
9. Яхонтова О.С., Трабо В.Н. Причинный комплекс и направления профилактики организованной преступности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 3 (95). С. 143-151.
10. Elliott L. Transnational Environmental Crime in the Asia-Pacific: an «un(der)secutized» security problem? // Pacific Review. 2007. Vol. 20. No. 4. P. 499-522.
11. Мартынюк А.А., Кузьмичев Е.П., Трушина И.Г. Нелегальные рубки: международный политический контекст // Лесохозяйственная информация. 2018. № 1. С. 50-62.
12. Тимошенко Ю.А. Организованная экологическая преступность: причины и способы предупреждения // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 6 (74). С. 29-34.
13. Нигматуллин Р.В., Сулейманова Р.Ф. Стратегия ООН в борьбе с транснациональной организованной преступностью // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 2. С. 358-368.
14. Ван З., Серебренникова А.В., Лин Й., Лебедев М.В. Транснациональная организованная преступность на море: международное противодействие и обеспечение национальных интересов // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 3. С. 107-112.
15. Пихов А.Х.-А. К вопросу современной транснациональной организованной преступности в России // Судебная экспертиза и исследования. 2024. № 4. С. 147-150.
16. Ди Лелло Финуоли Д. Организованная экологическая преступность. Пример Италии // Экологическое право. 2005. № 6. С. 31-33.
17. Михайлов Д.О. Транснациональная организованная экологическая преступность: постановка проблемы // Ius Publicum et Privatum. 2024. № 3 (27). С. 104-112.
18. Митьков В.Н., Бабушкин А.А. Региональные подразделения НЦБ Интерпола МВД России как субъекты оперативно-розыскного противодействия транснациональной преступности в современных условиях // Вестник ТИПК МВД России. 2015. № 1 (4). С. 60-64.

REFERENCES

1. Dolgova A.I. Kriminologicheskiye otsenki organizovannoy prestupnosti i korruptsii, pravovyye batalii i natsional'naya bezopasnost'. M.: Rossiyskaya kriminologicheskaya assotsiatsiya, 2011. 665 s.
2. Dubovik O.L. Èkologicheskaya prestupnost' v Rossiyskoy Federatsii: sostoyaniye, tendentsii i svyazi s transnatsional'noy, korruptsionnoy i organizovannoy prestupnost'yu // Kriminologicheskii zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. 2010. № 1. S. 17-29.
3. Alekseyeva A.P. Otvetstvennost' za ekologicheskiye pravonarusheniya (prestupleniya) // Puti razvitiya rossiyskoy yuridicheskoy nauki i obrazovaniya v XXI veke. Tezisy dokladov nauchno-prakticheskoy konferentsii. Volgograd: Volgogradskiy filial Moskovskogo universiteta potrebitel'skoy kooperatsii, 2001. S. 129-132.
4. Rednikova T.V. Organizovannaya ekologicheskaya prestupnost' v Rossii i za rubezhom: kriminologicheskaya kharakteristika i mery protivodeystviya // Lex Russica. 2018. № 9 (142). S. 98-111.
5. Ostrovskikh Zh.V. Protivodeystviye transnatsional'noy organizovannoy prestupnosti v sovremennykh usloviyakh: postanovka problemy // Aktual'nyye problemy politiki protivodeystviya prestupnosti. Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Irkutsk: Baykal'skiy gosudarstvennyy universitet, 2023. S. 90-97.
6. Tret'yakov V.I. Transnatsional'naya organizovannaya prestupnost' v Rossii: ponyatiye, struktura, priznaki // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2009. № 1. S. 80-83.
7. Mit'kov V.N. K voprosu ob opredelenii ponyatiya transnatsional'noy organizovannoy prestupnosti // Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika. 2016. № 1 (43). S. 127-131.
8. Staroverov A.V. K voprosu o ponyatii organizovannoy prestupnosti // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2017. № 1. S. 171-173.
9. Yakhontova O.S., Trabo V.N. Prichinnyy kompleks i napravleniya profilaktiki organizovannoy prestupnosti // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2022. № 3 (95). S. 143-151.
10. Elliott L. Transnational Environmental Crime in the Asia-Pacific: an «un(der)secutized» security problem? // Pacific Review. 2007. Vol. 20. No. 4. P. 499-522.

11. Martynyuk A.A., Kuz'michev Ye.P., Trushina I.G. Nelegal'nyye rubki: mezhdunarodnyy politicheskiy kontekst // Lesokhozyaystvennaya informatsiya. 2018. № 1. С. 50-62.
12. Timoshenko Yu.A. Organizovannaya ekologicheskaya prestupnost': prichiny i sposoby preduprezhdeniya // Vestnik Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii. 2019. № 6 (74). S. 29-34.
13. Nigmatullin R.V., Suleymanova R.F. Strategiya OON v bor'be s transnatsional'noy organizovannoy prestupnost'yu // Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal. 2016. T. 10. № 2. S. 358-368.
14. Van Z., Serebrennikova A.V., Lin Y., Lebedev M.V. Transnatsional'naya organizovannaya prestupnost' na more: mezhdunarodnoye protivodeystviye i obespecheniye natsional'nykh interesov // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. 2020. T. 13. № 3. S. 107-112.
15. Pikhov A.Kh.-A. K voprosu sovremennoy transnatsional'noy organizovannoy prestupnosti v Rossii // Sudebnaya ekspertiza i issledovaniya. 2024. № 4. S. 147-150.
16. Di Lello Finuoli D. Organizovannaya ekologicheskaya prestupnost'. Primer Italii // Ekologicheskoye pravo. 2005. № 6. S. 31-33.
17. Mikhaylov D.O. Transnatsional'naya organizovannaya ekologicheskaya prestupnost': postanovka problemy // Ius Publicum et Privatum. 2024. № 3 (27). S. 104-112.
18. Mit'kov V.N., Babushkin A.A. Regional'nyye podrazdeleniya NTSB Interpola MVD Rossii kak sub'yekty operativno-rozysknogo protivodeystviya transnatsional'noy prestupnosti v sovremennykh usloviyakh // Vestnik TIPK MVD Rossii. 2015. № 1 (4). S. 60-64.

© Случевская Ю.А., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Случевская Ю.А. Организованная экологическая преступность транснационального характера // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (82). С. 37-44.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Елена Лорисовна КОЗЛОВА,

кандидат юридических наук, ORCID 0000-0002-0623-1286

Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Калининград)

доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала

k_elena1979@mail.ru

Научная статья
УДК 343.2/.7:343.359

НЕЦЕЛЕВОЕ РАСХОДОВАНИЕ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ: ИССЛЕДОВАНИЕ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Нецелевое расходование средств, бюджетные средства, состав преступления, распорядитель бюджетных средств, получатель бюджетных средств, проблемы пенализации.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Автором представлены результаты исследования состава преступления, предусмотренного ст. 285.1 УК РФ «Нецелевое расходование бюджетных средств», в контексте современной правоприменительной практики и научных дискуссий. Проблематика обеспечения бюджетной дисциплины в настоящее время сохраняет высокий уровень актуальности. Оно имеет большое значение для государства и общества в условиях необходимости повышения эффективности контроля за расходованием бюджетных средств. *Методы.* Исследование проводилось посредством осуществления анализа, абстрагирования, обобщения, использования сравнительно-правового и статистического научных методов. *Результаты.* На основе анализа состава преступления, предусмотренного ст. 285.1 УК РФ, делается вывод о том, что его объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона имеют сложный и многогранный характер, чем обусловлена необходимость точного законодательного закрепления и унифицированного толкования в судебной практике. Требуется совершенствование законодательства в части, касающейся противодействия нецелевому расходованию бюджетных средств (расширение субъектного состава, корректировка пороговых значений ущерба и т.д.). Это позволит повысить эффективность правоприменения в борьбе с нецелевым расходованием бюджетных средств как угрозой финансовой стабильности государства. Предполагается, что реализация разработанных автором законодательных инициатив будет полезна для оптимизации уголовно-правового регулирования в сфере охраны бюджетных средств, дифференциации ответственности и предупреждения преступлений, совершаемых против интересов государственной службы.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из ключевых функций современного государства является обеспечение благополучия своих граждан. Она нормативно закреплена в ст. 7 Конституции Российской Федерации, провозглашающей Россию социальным государством, политика которого направлена на создание условий для достойной жизни и свободного развития человека. Реализация этой

масштабной задачи осуществляется прежде всего посредством механизма бюджетного финансирования: средства публичных бюджетов всех уровней выступают материальной основой для проведения социальной политики. В связи с этим ключевое значение имеет вопрос рационального и строгого целевого использования финансовых ресурсов. Однако в настоящее время проявляется устойчивая тенденция, связанная с нецелевым

Elena L. KOZLOVA,

Cand. Sci. (Jurisprudence), ORCID 0000-0002-0623-1286

Saint Petersburg University of the Ministry
of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)

Associate Professor of the Department of Criminal Law,
Criminology and Criminal-Executive Law of the Kaliningrad Branch
k_elena1979@mail.ru

UNEARMARKED EXPENDITURE OF BUDGETARY FUNDS: RESEARCH OF THE CORPUS DELICTI IN THE CONTEXT OF IMPROVING THEIR CRIMINAL LAW PROTECTION

KEYWORDS. Unearmarked expenditure, budgetary funds, budget administrator, budget recipient, corpus delicti, penalization issues.

ANNOTATION. *Introduction.* The author presents the results of research of the corpus delicti of the crime provided for by Article 285.1 of the Criminal Code of the Russian Federation «Unearmarked expenditure of budgetary funds» in the context of modern law enforcement practice and academic discussions. The issue of ensuring budget discipline currently remains highly relevant. It is of great importance for the state and society in the context of the need to improve the efficiency of control over the expenditure of budgetary funds. *Methods.* The study was conducted through analysis, abstraction, generalization, use of comparative legal and statistical scientific methods. *Results.* Based on the analysis of corpus delicti of the crime provided for by Article 285.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, it is concluded that its object, objective side, subject and subjective side are complex and multifaceted, which necessitates precise legislative consolidation and unified interpretation in judicial practice. It is necessary to improve the legislation in terms of combating the unearmarked expenditure of budgetary funds (expansion of the subject composition, adjustment of the threshold values of damage, etc.). This will improve the effectiveness of law enforcement in combating the misuse of budgetary funds as a threat to the state's financial stability. It is expected that the implementation of the legislative initiatives developed by the author will be useful for streamlining criminal law regulation in the area of protecting budgetary funds, differentiating liability, and preventing crimes committed against the interests of the civil service.

и неэффективным расходованием бюджетных ассигнований.

Результаты анализа статистических данных судебной системы Российской Федерации показывают, что по-прежнему значительным остается количество уголовных дел, возбуждаемых в связи с совершением должностных преступлений. За 2024 год было рассмотрено 3562 дела, относящихся к категории «Другие преступления против интересов службы в органах власти и местного самоуправления» (ст.ст. 285-288, 292, 293 УК РФ), по ним осуждено 2863 человека¹. По информации МВД России, в 2023 году сохранялась тенденция к снижению общего количества зарегистрированных преступлений (на 1% по сравнению с показателем 2022 года). Однако в структуре экономических преступлений нарушения, допускаемые в бюджетной сфере, продолжают занимать заметное место². Согласно данным Счетной палаты Российской Федерации, в 2024 году в ходе осуществления внешнего государственного аудита было выявлено 33 факта неэффективного использования средств федерального бюджета и иных ресурсов на общую сумму 12,7 млрд рублей³.

В таких обстоятельствах нецелевое расходование бюджетных средств представляет серьезную

угрозу экономической безопасности России. Оно обладает внушительным потенциалом подрыва финансовых основ государства и порождает системные нарушения прав социально уязвимых категорий населения, что, в свою очередь, негативно влияет на уровень общественного доверия к институтам государственной власти и закону в целом.

МЕТОДЫ

В ходе проведения исследования, результаты которого представлены в статье, метод анализа позволил подробно рассмотреть каждый элемент состава преступления: объект, объективную сторону, субъект, субъективную сторону. Метод абстрагирования применялся для выявления специфических признаков нецелевого расходования бюджетных средств, выделяющих его из общего круга должностных преступлений. Сравнительно-правовой метод использовался для сопоставления правовых конструкций состава преступления, предусмотренного ст. 285.1 УК РФ, и составов других преступлений. Статистический метод обеспечил анализ количества зарегистрированных преступлений и направленных в суд уголовных дел, размеров ущерба и иных показателей, представленных в отчетах Счетной палаты Российской

¹ Уголовное судопроизводство. Общие показатели по категориям дел. 2024 год // Судебная статистика РФ: сайт // URL: <https://stat.api-пресс.рф/stats/ug/t/11/s/1> (дата обращения: 20.10.2025).

² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2023 года // МВД России: сайт. 20.01.2024 // URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/> (дата обращения: 20.10.2025).

³ Постановление Совета Федерации от 27.03.2025 № 71-СФ «Об отчете о работе Счетной палаты Российской Федерации в 2024 году» // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: сайт // URL: <http://council.gov.ru/activity/documents/165336/> (дата обращения: 20.10.2025).

Федерации, МВД России и в документах судебной статистики. Это обеспечило возможность оценить масштабы распространенности преступления рассматриваемого нами вида и динамику их изменений. Метод обобщения использовался для систематизации данных, полученных по итогам теоретического и эмпирического анализа, выявления тенденций и формирования предложений по совершенствованию законодательства и практики его применения.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Статья 285.1 УК РФ «Нецелевое расходование бюджетных средств» была введена в уголовное законодательство федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ¹. Закрепленные в ней нормы призваны обеспечивать уголовно-правовую охрану бюджетных правоотношений. Несмотря на то, что эти нормы действуют уже более двух десятилетий, в науке и правоприменительной практике остаются нерешенными некоторые вопросы, касающиеся элементов состава рассматриваемого преступления. Это обстоятельство обусловило актуальность проведенного нами исследования.

Объект преступления: дискуссионные подходы

Одним из предметов научных дискуссий является определение объекта преступления, предусмотренного ст. 285.1 УК РФ. В юридической литературе представлены различные позиции ученых относительно его непосредственного объекта.

Н.А. Лисенкова [1], Д.К. Ксенофонтова, З.И. Корякина [2, с. 29] считают, что основным непосредственным объектом в данном случае выступает надлежащее финансовое обеспечение задач и функций государства и местного самоуправления, а факультативным непосредственным объектом – интересы граждан и организаций, для обеспечения которых предназначались бюджетные средства, израсходованные нецелевым образом. Иначе определяет объект преступления А.Н. Лясколо: как общественные отношения, обеспечивающие деятельность власти и управления в сфере бюджетных отношений, а именно законный порядок осуществления должностным лицом полномочий по расходованию бюджетных средств [3, с. 27]. В свою очередь, С.Э. Калижникова подчеркивает, что родовым объектом являются отношения в сфере государственной власти, видовым – интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления, а непосредственным – надлежащее исполнение функций и задач, связанных с использованием бюджетных средств [4, с. 89].

Научная новизна нашего подхода состоит в признании комплексности характера объекта преступления, предусмотренного ст. 285.1 УК РФ. Предлагаем, что его непосредственный объект следует рассматривать как совокупность общественных отношений, обеспечивающих: во-первых, нормальное функционирование государственного аппарата управления и органов местного самоуправления; во-вторых, реализацию принципа адресно-

го и целевого расходования бюджетных средств, закрепленного в ст. 38 Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее – БК РФ); в-третьих, соблюдение прав и законных интересов граждан и организаций на получение бюджетного финансирования.

Объективная сторона: проблемы терминологического несоответствия

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 285.1 УК РФ, выражена действием – расходованием бюджетных средств на цели, не соответствующие условиям их получения, совершенным в крупном размере.

В научной литературе сохраняет остроту обсуждение вопроса о соотношении терминов, используемых в УК РФ («расходование»), БК РФ и КоАП РФ («использование»). Некоторые ученые (например И.В. Упоров, Р.А. Эфрикян, Д.В. Бушков, А.А. Кумыков) уверены в том, что по отношению к уголовному законодательству норма БК РФ является образующей, и предлагают привести в этой части текст УК РФ в соответствие с формулировкой, используемой БК РФ [5, с. 89]. Другие исследователи, в частности В.Г. Саркисянц, склоняются к мнению, что термины «расходование» и «использование» синонимичны [6, с. 76].

На наш взгляд, законодатель обоснованно использует различные термины. «Расходование» подразумевает активные действия по списанию денежных средств со счета, что соответствует процедуре финансирования, закрепленной ст. 219 БК РФ. «Использование» имеет более широкое значение, здесь охватывается весь процесс применения бюджетных средств. Таким образом, уголовная ответственность наступает за конкретное действие по расходованию средств, а не за их общее использование, что в полной мере отвечает принципу определенности уголовного закона.

Кроме того, отметим, что в теории уголовного права дискуссионным остается вопрос о моменте окончания преступления, предусмотренного ст. 285.1 УК РФ. Одни авторы (В.Е. Зварыгин, А.С. Кондаков) утверждают, что преступление следует считать оконченным с момента исполнения денежных обязательств [7, с. 309]. Другие (А.А. Говоров, В.А. Минеев, А.М. Марзаганова, А.Г. Карпов) связывают окончание преступления с моментом списания бюджетных средств со счета [8, с. 102; 9, с. 27; 10, с. 147; 11, с. 203]. Судебная практика² исходит из того, что объективную сторону преступления составляет совершение конкретной платежно-расчетной операции по нецелевому расходованию средств, поэтому оно должно рассматриваться как оконченное с момента осуществления данной операции. При этом последующее восстановление объемов средств не отменяет имевшего уже место факта использования средств не по целевому назначению.

Итак, по нашему мнению, есть основания говорить о том, что объективную сторону престу-

¹ Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации».

² См., например: Постановление Никольского районного суда Пензенской области от 02.09.2022 по делу № 5-208/2022 // URL: <https://www.consultant.ru/legalnews/20980/> (дата обращения: 20.10.2025).

пления, предусмотренного ст. 285.1 УК РФ, составляют конкретные проявления нецелевого расходования средств: финансирование расходов, не включенных в смету доходов и расходов; финансирование расходов в объеме, превышающем запланированный, за счет недофинансирования других расходов; использование средств с нарушением кодов бюджетной классификации.

Субъект преступления:

проблемы законодательного регулирования

Согласно ч. 1 ст. 285.1 УК РФ субъектом преступления является должностное лицо получателя бюджетных средств. Понятие должностного лица раскрывается в примечании 1 к ст. 285 УК РФ.

Им охватываются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления и иных организациях.

Получатель бюджетных средств, в соответствии со ст. 162 БК РФ, – это орган государственной власти, орган управления государственным внебюджетным фондом, орган местного самоуправления, находящееся в ведении главного распорядителя (распорядителя) бюджетных средств казенное учреждение, имеющие право на принятие и исполнение бюджетных обязательств.

Здесь наука и практика сталкиваются с рядом проблем. Одна из них связана с тем, что уголовный закон не принимает во внимание должностных лиц главных распорядителей и распорядителей бюджетных средств. Хотя уровень общественной опасности их деяний при нецелевом расходовании бюджетных средств значительно выше, чем у получателей этих средств (главный бухгалтер, например, не является получателем бюджетных средств, однако имеет право подписи финансовых распорядительных документов). Д.К. Ксенофонтова, З.И. Корякина и А.А. Пастушенко справедливо указывают на необходимость расширения субъектного состава преступления, предусмотренного ст. 285.1 УК РФ, за счет включения в него вышеуказанных лиц [12, с. 64; 13, с. 173; 14, с. 53].

Другая проблема касается ответственности руководителей юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и физических лиц – получателей субсидий из бюджета. В соответствии со ст. 78 БК РФ субсидии предоставляются на безвозмездной и безвозвратной основе и имеют целевой характер. Однако при нецелевом расходовании таких субсидий привлечение к уголовной ответственности по ст. 285.1 УК РФ невозможно, поскольку перечисленные лица не являются участниками бюджетного процесса в понимании уголовного закона.

Существует и третья проблема. Она обусловлена правовым статусом государственных корпораций (за исключением «Росатома» и «Роскосмоса»). Им, согласно ст. 78.3 БК РФ, из федерального бюджета предоставляются субсидии на различные цели. Однако должностные лица этих корпораций

не могут быть привлечены к ответственности по ст. 285.1 УК РФ.

Субъективная сторона преступления

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 285.1 УК РФ, характеризуется прямым умыслом. Виновное лицо осознает, что расходует бюджетные средства на цели, не соответствующие условиям их получения, и желает совершения этих действий. Е.М. Шашкова отмечает, что мотив и цель не являются обязательными признаками субъективной стороны данного состава преступления. Это обстоятельство отличает его от смежного состава злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), при квалификации деяния по которому необходимо установление корыстной или иной личной заинтересованности [15].

Если нецелевое расходование средств осуществляется для предотвращения наступления более существенного вреда, действия виновного следует рассматривать с учетом правил ст. 39 УК РФ о крайней необходимости. Ими предусмотрено освобождение от уголовной ответственности, если деяние совершено для предотвращения более значительного общественного вреда при непосредственной угрозе его наступления и отсутствии иных законных способов предотвращения. В контексте рассматриваемого нами преступления подобная норма позволяет законно оправдать действия должностных лиц, если они направлены на предотвращение крупного ущерба общественным или государственным интересам (например, срыва выполнения важных социальных программ, возникновения угрозы жизни и здоровью граждан или иных чрезвычайных обстоятельств). Кроме сопоставления размеров вреда, которого удалось избежать, и причиненного, критерием применения ст. 39 УК РФ в данном случае служит отсутствие альтернативных законных способов решения возникшей проблемы. Вместе с тем необходимо учитывать и еще одно существенное обстоятельство: действия лица должны быть осознанными и добросовестными, совершаемыми без умысла причинения вреда или корыстных мотивов. Такой подход к квалификации деяния соответствует гуманистическим принципам уголовного права, ориентированным на справедливость и адекватность наказания, и поддерживается как в научной доктрине, так и в судебной практике.

Несмотря на то, что в науке уголовного права доминирует представление об умышленной природе преступления, предусмотренного ст. 285.1 УК РФ, существует и альтернативная точка зрения, допускающая возможность их совершения по неосторожности. Следует отметить, что эта позиция находит подтверждение в судебной практике¹, в материалах которой встречаются формулировки о «ложном понимании интересов службы».

Квалифицирующие признаки и проблемы пенализации

Часть 2 ст. 285.1 УК РФ предусматривает два квалифицирующих признака: совершение деяния группой лиц по предварительному сговору и со-

¹ См., например: Приговор Кировского районного суда г. Томска от 08.04.2016 по делу № 1-176/2016 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт // URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 20.10.2025).

вершение деяния в особо крупном размере. В примечании к статье указано, что крупным размером признается сумма свыше 1,5 млн рублей, а особо крупным размером – свыше 7,5 млн рублей.

Названные суммы вызывают критику со стороны ряда ученых, отмечающих слишком высокие минимальные пределы, установленные для крупного и особо крупного размера нецелевого расходования бюджетных средств. Некоторые из них (А.В. Офицерова, С.В. Попов и др.) предлагают уменьшить суммы ущерба, закрепленные в примечании к ст. 285.1 УК РФ, поскольку текущие размеры не соответствуют общественной опасности деяния [16, с. 134; 17, с. 43]. При этом также следует обратить внимание на то, что санкция ст. 15.14 КоАП РФ «Нецелевое использование бюджетных средств» предусматривает наказание для должностных лиц в виде штрафа от 20 до 50 тысяч рублей или дисквалификации на срок от одного года до трех лет, что, по нашему мнению, явно недостаточно для эффективной превенции.

Вопрос о целесообразности уменьшения размеров крупного и особо крупного ущерба, установленных в ст. 285.1 УК РФ, требует рассмотрения с учетом специфики бюджетных правоотношений и текущих тенденций уголовно-правового регулирования. Несмотря на системное повышение порогов ущерба, наносимого экономическими преступлениями, применение данной практики в отношении преступлений в бюджетной сфере не выглядит однозначно справедливым. Следует иметь в виду, что даже, казалось бы, незначительные (по размеру ущерба) нарушения бюджетной дисциплины могут привести к серьезным последствиям в социальной сфере и нанести ущерб решению основных государственных задач. Кроме того, слишком высокие пороги ущерба создают условия для фактической декриминализации ряда случаев нецелевого расходования бюджетных средств, что снижает превентивный потенциал уголовной ответственности и ослабляет контроль за бюджетными средствами. В пользу уменьшения порогов ущерба можно привести и такой аргумент: это позволит повысить оперативность и качество правоохранительной деятельности, так как обеспечит более правильное реагирование на преступления, ущерб от которых вызывает весьма негативный социальный эффект.

Другая проблема заключается в отсутствии в ст. 285.1 УК РФ такого квалифицирующего признака, как совершение преступления организованной группой. Д.К. Ксенофонтова справедливо указывает на то, что даже для смежного по объекту преступления (ст. 286.1 УК РФ) предусмотрен такой признак. А ведь в коррупционной среде создание организованных преступных групп является распространенным явлением, что требует дифференциации уголовной ответственности.

Обратим также внимание на то, что законодатель не учел возможность наступления в результате нецелевого расходования бюджетных средств тяжких последствий. В результате совершения данного преступления могут остаться без финансирования социально-значимые мероприятия (в сфере оздоровления, образования, реабилитации,

обеспечения жильем и т.д.), что может привести даже к причинению вреда жизни и здоровью людей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании результатов проведенного анализа нами были сформулированы предложения по совершенствованию законодательства. Представляется целесообразным:

1) расширить субъектный состав преступления, предусмотренного ст. 285.1 УК РФ, исключив из ее текста указание на то, что субъектом может быть только должностное лицо получателя бюджетных средств. Предлагаем изложить начало ч. 1 ст. 285.1 УК РФ в следующей редакции: «Расходование бюджетных средств должностным лицом органа, осуществляющего операции со средствами бюджета...»;

2) уменьшить размеры крупного и особо крупного ущерба. Считаем, что крупным размером можно было бы определить сумму, превышающую 500 тысяч рублей, а особо крупным – превышающую 3 млн рублей;

3) дополнить ч. 2 ст. 285.1 УК РФ квалифицирующим признаком «совершение преступления организованной группой»;

4) дополнить ст. 285.1 УК РФ частью 3, предусматривающей ответственность за деяния, указанные в первой или второй ее части, если они повлекли за собой тяжкие последствия;

5) разъяснить в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации понятия «расходование» и «бюджетные средства» для обеспечения единообразия правоприменительной практики.

По итогам исследования элементов состава преступления, предусмотренного ст. 285.1 УК РФ, мы пришли к следующим выводам:

- во-первых, объект преступления имеет комплексный характер и охватывает общественные отношения по обеспечению нормального функционирования государственного аппарата, соблюдению принципа целевого характера расходования бюджетных средств и защите прав граждан и организаций на получение бюджетного финансирования;

- во-вторых, объективная сторона преступления состоит в осуществлении активного действия по расходованию бюджетных средств, момент окончания преступления связан с совершением платежно-расчетной операции, а терминологические различия, выявляемые при сравнении формулировок, используемых в УК РФ и БК РФ, отражают обращение кодексов к разным аспектам бюджетного процесса;

- в-третьих, субъектный состав преступления требует законодательного расширения за счет включения должностных лиц главных распорядителей и распорядителей бюджетных средств, а также руководителей организаций - получателей субсидий из бюджета;

- в-четвертых, субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом, при этом нет необходимости устанавливать корыстные мотивы, что упрощает процесс доказывания (по сравнению с доказыванием в случае со ст. 285 УК РФ);

- в-пятых, действующая система квалифицирующих признаков и размеров ущерба не в полной мере отражает общественную опасность преступления предусмотренного ст. 285.1 УК РФ, и требует обновления.

Новизна проведенного нами исследования состоит в проведении комплексного анализа элементов состава преступления с учетом современной судебной практики и статистических данных, а

также выработке предложений по совершенствованию уголовного законодательства. Реализация предложенных изменений позволит повысить эффективность уголовно-правовой охраны бюджетных правоотношений, обеспечить дифференциацию уголовной ответственности и будет способствовать достижению целей уголовного наказания в сфере предупреждения преступлений против интересов государственной службы. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Лисенкова Н.А. Нецелевое расходование бюджетных средств // Проблемы науки. 2018. № 2 (26). С. 61-63.
2. Ксенофонтова Д.К., Корякина З.И. Уголовно-правовая характеристика нецелевого расходования бюджетных средств // Вестник Северо-Восточного федерального университета. 2019. № 4 (16). С. 28-31.
3. Лясколо А.Н. Нецелевое расходование средств бюджетов: уголовно-правовой анализ // Уголовное право. 2021. № 2. С. 25-38.
4. Калижникова С.Э. Уголовно-правовая характеристика состава преступления, предусмотренного статьей 285.1 УК РФ // Молодой учёный. 2023. № 35 (482). С. 88-90.
5. Упоров И.В., Эфрикян Р.А., Бушков Д.В., Кумыков А.А. Уголовная ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов и проблемы ее законодательного регулирования: Монография. М.: НИИ истории, экономики и права, 2016. 144 с.
6. Саркисянц В.Г. Криминологический и уголовно-правовой анализ нецелевого расходования бюджетных средств и государственных внебюджетных фондов: Монография. М.: Московский институт права, 2007. 189 с.
7. Зварыгин В.Е., Кондаков А.С. Противодействие нецелевому расходованию бюджетных средств и средств из внебюджетных государственных фондов уголовно-правовыми средствами // Вестник Удмуртского университета. 2025. № 2 (35). С. 305-310.
8. Говоров А.А. Общие положения криминалистической характеристики нецелевого расходования бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов // Вестник Тульского государственного университета. 2017. № 4 (2). С. 102-108.
9. Минеев В.А. Уголовно-правовая характеристика нецелевого расходования бюджетных средств: постановка проблемы // Российский следователь. 2008. № 6. С. 26-28.
10. Марзаганова А.М. Ответственность за нецелевое использование бюджетных средств по уголовному законодательству зарубежных стран с развивающейся рыночной экономикой // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. 2011. № 2. С.143-148.
11. Карпов А.Г. Нецелевое расходование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов: уголовно-правовой и криминологический анализ. Н. Новгород, 2007. 251 с.
12. Ксенофонтова Д.К., Корякина З.И. К вопросу о субъекте уголовной ответственности за нецелевое расходование бюджетных средств // Вестник Северо-Восточного федерального университета. 2020. № 4 (20). С.63-66.
13. Пастушенко А.А. Должностное лицо международной организации как субъект нецелевого расходования бюджетных средств // Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права. 2015. № 6 (80). С. 172-175.
14. Фазылов Р.Р. Уголовная ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов: Монография. Казань, 2005. 110 с.
15. Шашкова Е.М. Ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств по уголовному кодексу Российской Федерации // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010. № 3 (15). Ч. 2. С. 159-165.
16. Офицерова А.В. К вопросу об эффективности санкций ст. 285.1 УК РФ // Научные труды РАЮН. Вып. 9. Т. 3. М., 2009.
17. Попов С.В. Уголовная ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств // Российский судья. 2006. № 11. С. 42-46.

REFERENCES

1. Lisenkova N.A. Netselovoye raskhodovaniye byudzhethnykh sredstv // Problemy nauki. 2018. № 2 (26). S. 61-63.
2. Ksenofontova D.K., Koryakina Z.I. Ugolovno-pravovaya kharakteristika netselevogo raskhodovaniya byudzhethnykh sredstv // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta. 2019. № 4 (16). S. 28-31.
3. Lyaskalo A.N. Netselovoye raskhodovaniye sredstv byudzhetrov: ugolovno-pravovoy analiz // Ugolovnoye pravo. 2021. № 2. S. 25-38.
4. Kalizhnikova S.E. Ugolovno-pravovaya kharakteristika sostava prestupleniya, predusmotrennogo stat'yey 285.1 UK RF // Molodoy uchonyy. 2023. № 35 (482). S. 88-90.

5. Uporov I.V., Efrikyan R.A., Bushkov D.V., Kumykov A.A. Ugolovnaya otvetstvennost' za netselevoye raskhodovaniye byudzhethnykh sredstv i sredstv gosudarstvennykh vnebyudzhethnykh fondov i problemy yeye zakonodatel'nogo regulirovaniya: Monografiya. M.: NII istorii, ekonomiki i prava, 2016. 144 s.
6. Sarkisyants V.G. Kriminologicheskii i ugolovno-pravovoy analiz netselevogo raskhodovaniya byudzhethnykh sredstv i gosudarstvennykh vnebyudzhethnykh fondov: Monografiya. M.: Moskovskiy institut prava, 2007. 189 s.
7. Zvarygin V.Ye., Kondakov A.S. Protivodeystviye netselevomu raskhodovaniyu byudzhethnykh sredstv i sredstv iz vnebyudzhethnykh gosudarstvennykh fondov ugolovno-pravovymi sredstvami // Vestnik Udmurtskogo universiteta. 2025. № 2 (35). S. 305-310.
8. Govorov A.A. Obshchiye polozheniya kriminalisticheskoy kharakteristiki netselevogo raskhodovaniya byudzhethnykh sredstv i sredstv gosudarstvennykh vnebyudzhethnykh fondov // Vestnik Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 4 (2). S. 102-108.
9. Mineyev V.A. Ugolovno-pravovaya kharakteristika netselevogo raskhodovaniya byudzhethnykh sredstv: postanovka problemy // Rossiyskiy sledovatel'. 2008. № 6. S. 26-28.
10. Marzaganova A.M. Otvetstvennost' za netselevoye ispol'zovaniye byudzhethnykh sredstv po ugolovnomu zakonodatel'stvu zarubezhnykh stran s razvivayushcheysya rynochnoy ekonomikoy // Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K.L. Khetagurova. 2011. № 2. S.143-148.
11. Karpov A.G. Netselevoye raskhodovaniye byudzhethnykh sredstv i sredstv gosudarstvennykh vnebyudzhethnykh fondov: ugolovno-pravovoy i kriminologicheskii analiz. N. Novgorod, 2007. 251 s.
12. Ksenofontova D.K., Koryakina Z.I. K voprosu o sub'yekte ugolovnoy otvetstvennosti za netselevoye raskhodovaniye byudzhethnykh sredstv // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta. 2020. № 4 (20). S.63-66.
13. Pastushenko A.A. Dolzhnostnoye litso mezhdunarodnoy organizatsii kak sub'yekt netselevogo raskhodovaniya byudzhethnykh sredstv // Vestnik Khabarovskoy gosudarstvennoy akademii ekonomiki i prava. 2015. № 6 (80). S. 172-175.
14. Fazylov R.R. Ugolovnaya otvetstvennost' za netselevoye raskhodovaniye byudzhethnykh sredstv i sredstv gosudarstvennykh vnebyudzhethnykh fondov: Monografiya. Kazan', 2005. 110 s.
15. Shashkova Ye.M. Otvetstvennost' za netselevoye raskhodovaniye byudzhethnykh sredstv po ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii // Uchenyye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 3 (15). CH. 2. S. 159-165.
16. Ofitserova A.V. K voprosu ob effektivnosti sanktsiy st. 285.1 UK RF // Nauchnyye trudy RAYuN. Vyp. 9. T. 3. M., 2009.
17. Popov S.V. Ugolovnaya otvetstvennost' za netselevoye raskhodovaniye byudzhethnykh sredstv // Rossiyskiy sud'ya. 2006. № 11. S. 42-46.

© Козлова Е.Л., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Козлова Е.Л. Нецелевое расходование бюджетных средств: исследование состава преступления в контексте совершенствования их уголовно-правовой охраны // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (82). С. 45-51.

Вячеслав Владимирович АДАМОВИЧ,

ORCID 0009-0008-5348-8763

Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Санкт-Петербург)

адъюнкт

triger228@yandex.ru

Научный руководитель:

Антон Геннадьевич АНТОНОВ,

доктор юридических наук, профессор,

профессор кафедры уголовного права

Санкт-Петербургского университета МВД России

Научная статья

УДК 343.23:343.575

ХАРАКТЕР ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ НЕЗАКОННОГО СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ В СВЯЗИ С ОПРЕДЕЛЕНИЕМ ЕГО ОБЪЕКТА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. *Общественная опасность деяния, объект преступления, незаконный сбыт, наркотические средства, общественные отношения, здоровье населения, общественная безопасность.*

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Объект преступления характеризует систему социальных ценностей, которым в результате совершения деяния причиняется вред (или создается угроза его причинения). В связи с этим такие деяния рассматриваются в качестве опасных для общества. Система объектов незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, предусмотренных уголовным законом, позволяет определить только те общественные отношения, вред которым причиняется первоначально. В то же время общественная опасность таких преступлений распространяется на более широкий круг социальных ценностей, выходя за пределы объекта, на который деяние оказывает разрушительное воздействие непосредственно. Поэтому особенно актуальным представляется определение характера общественной опасности незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов. **Методы.** В процессе проведения исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, были востребованы общенаучные методы (диалектический, системный, логический, анализ, синтез, дедукция, индукция), а также формально-юридический метод. Их комплексное использование позволило выявить проблемы, связанные с определением характера общественной опасности незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов. **Результаты.** Проведенный автором анализ уголовного законодательства и научных трудов позволил ему представить классификацию уровней общественной опасности незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов в зависимости от объекта преступления.

ВВЕДЕНИЕ

Уголовно-правовое противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов всегда являлось одной из приоритетных задач борьбы с преступностью в Российской Федерации. Сложный механизм противоправной деятельности данного вида обусловил ее разделение на различные самостоятельные акты преступного поведения, совершаемые как приобретателями таких средств и веществ, так и лицами, осуществляющими их нелегальное распространение.

Незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов представля-

ет собой наиболее опасное уголовно-наказуемое деяние из числа преступлений, составляющих рассматриваемую группу. Это обусловлено тем, что его последствиями оказываются деструктивные изменения в демографической, социальной, политической, экономической и иных сферах общественной жизни.

Большое значение имеет рассмотрение общественной опасности незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов с уголовно-правовой точки зрения, поскольку она является одним из материальных признаков преступления, а значит, позволяет разобраться в содержании объективной (качественной) стороны

Vyacheslav V. ADAMOVICH,
ORCID 0009-0008-5348-8763
Saint Petersburg University of the Ministry
of the Interior of Russia (Saint Petersburg, Russia)
Adjunct
triger228@yandex.ru

Scientific supervisor:

Anton G. ANTONOV,
Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law
of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia

**THE NATURE OF THE PUBLIC DANGER OF THE ILLEGAL SALE
OF NARCOTIC DRUGS, PSYCHOTROPIC SUBSTANCES AND THEIR
ANALOGUES IN RELATION TO THE DEFINITION OF ITS TARGET**

KEYWORDS. Public danger of the act, object of the crime, illegal
sale, narcotic drugs, public relations, public health, public safety.

ANNOTATION. *Introduction.* The object of a crime characterizes the system of social values that are harmed (or threatened with harm) as a result of the act. In this regard, such acts are considered dangerous to society. The system of objects of illegal sale of narcotic drugs, psychotropic substances, and their analogues, provided for by criminal law, allows us to determine only those social relations that are initially harmed. At the same time, the social danger of such crimes extends to a wider range of social values, going beyond the object on which the act has a direct destructive effect. Therefore, determining the nature of the social danger of illegal sale of narcotic drugs, psychotropic substances, and their analogues is particularly relevant. *Methods.* In the course of the study, the results of which are presented in this article, general scientific methods (dialectical, systemic, logical, analysis, synthesis, deduction, induction), as well as the formal-legal method, were in demand. Their integrated use made it possible to identify the problems associated with determining the nature of the social danger of illegal sale of narcotic drugs, psychotropic substances, and their analogues. *Results.* The author's analysis of criminal legislation and scientific works allowed him to present a classification of the levels of public danger of the illegal sale of narcotic drugs, psychotropic substances, and their analogues, depending on the object of the crime.

преступного посягательства, включающем в себя объект уголовно-правовой охраны.

Объект преступления – важнейший элемент его состава. Это охраняемые уголовным законом общественные отношения, которым в результате совершения преступления причинен существенный вред или угрожал причинение такого вреда. Именно выявление объекта посягательства предоставляет возможность раскрыть истинную сущность преступления. В связи с этим раскрыть в полной мере характер общественной опасности незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов возможно только после осуществления анализа социальных ценностей, на которые посягает это преступление.

МЕТОДЫ

Методологической основой исследования, результаты которого представлены в статье, выступил диалектический метод познания. Его использование помогло подтвердить когерентность и взаимозависимость характера общественной опасности и объекта преступления. Методы дедукции и индукции применялись при выявлении объектов незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов. Системный метод исследования позволил рассмотреть совокупность объектов преступления в качестве взаимосвязанных элементов системы, построенной по принципу сужения охраняемых уголовным законом общественных отношений. Путем обобщения теоретических положений автору удалось

прийти к выводу о необходимости выделения новых качественных уровней общественной опасности незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов. Формально-юридический метод использовался при изучении норм Особенной части уголовного закона, определяющих социальные ценности, на которые посягает преступление, предусмотренное ст. 228.1 УК РФ.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В науке уголовного права существуют различные подходы к пониманию общественной опасности преступления, ее качественного наполнения и критериев, ее обуславливающих.

Д.В. Мирошниченко предлагает понимать общественную опасность как некий моральный смысл тех или иных действий, поскольку она участвует в формировании представления о предельной социальной нетерпимости поступка, реакцией на который является моральный упрек, оценивающий действие как вредоносное [1, с. 85].

Такой подход подразумевает, что общественная опасность в полной мере предопределяется ценностью тех общественных отношений, на которые преступник осуществляет посягательство, ввиду того что негативная социальная оценка его действий свидетельствует о значимости объекта уголовно-правовой охраны для общества. Подобной точки зрения придерживается, например, В.В. Хилюта. Он утверждает, что общественная опасность всегда производна от вреда, от тех ценностей, которые подвергаются воздействию [2, с. 56].

Некоторые ученые придерживаются мнения о том, что характер общественной опасности обуславливается всеми признаками объекта преступления – как обязательными, так и факультативными [3, с. 155]. Другие считают, что он определяется уголовным законодательством, зависит от признаков преступления, установленных судом, и является, исходя прежде всего из направленности деяния на причинение вреда охраняемым уголовным законом социальным ценностям [4, с. 146; 5, с. 91; 6, с. 999].

Ф.Н. Сотсков пишет, что характер общественной опасности деяния указывает на объект посягательства, форму вины, способ совершения преступления, содержание причиненного вреда¹. В свою очередь, И.А. Солодков полагает, что характер общественной опасности преступления отражает ее качество и глубину².

Действительно, чем ценнее и многообразнее общественные отношения, на которые осуществляется посягательство, тем опаснее оно для общества. Из этого следует, что объект преступного посягательства неразрывно связан с характером общественной опасности и включен в нее.

Судя по тому, в какой раздел Особенной части УК РФ законодатель поместил нормы об ответственности за незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, родовым объектом этого преступления являются общественные отношения в сфере общественной безопасности и общественного порядка.

Общественная безопасность как достаточно широкая и неопределенная категория охватывает два самостоятельных понятия. Безопасность представляет собой состояние защищенности от внешних и внутренних угроз³, а указание на общество акцентирует внимание на объекте, состоянии защищенности которого должно обеспечиваться. В связи с этим можно утверждать, что любое преступление, являясь общественно опасным деянием, имманентно представляет угрозу для безопасности общества, располагая потенциалом выведения его из состояния защищенности. По мнению Е.С. Витовской, общественная безопасность по своей сути – сверхобъект, лишенный определенности. На него посягает любое преступление, предусмотренное уголовным законом. И незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов не является исключением⁴.

Данное обстоятельство обусловлено тем, что общественная опасность осуществления такого сбыта затрагивает различные сферы жизнедеятельности общества. Наиболее важной из них представляется обеспечение здоровья населения. В связи с этим состояние незащищенности здоровья населения позволяет говорить о невозможности достижения общественной безопасности.

Также в широком смысле следует рассматривать и общественный порядок: как систему общественных отношений, складывающихся под воздействием социальных норм [7, с. 94].

Понимание обществом вреда наркомании и немедицинского употребления наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов указывает на то, что поведение, связанное с их распространением, не соответствует нормам, принятым в данном обществе. Это позволяет считать его девиантным, а значит, нарушающим общественный порядок. Таким образом, незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов опосредованно посягает на данный объект уголовно-правовой охраны.

Общественные отношения в сфере охраны здоровья населения и общественной нравственности представляют собой элементы видового объекта уголовно-правовой охраны, что следует из названия главы, в которой структурно расположено преступление, предусмотренное ст. 228.1 УК РФ. Впрочем, несмотря на закрепление в законе двух названных элементов, в науке уголовного права вопрос о видовом объекте незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов не имеет однозначного решения.

Спорным в данном случае видится включение в состав видового объекта преступления общественных отношений в сфере охраны общественной нравственности. Такая позиция объясняется тем, что нравственность опирается на силу общественного мнения, сформирована сложившейся в обществе системой ценностей, а также учитывает существующие в настоящее время представления об отклоняющемся поведении, в связи с чем она не является абсолютно устойчивой категорией, которая может быть юридизирована.

Следует согласиться с тем, что общественная нравственность представляет собой категорию морально-этического характера. Ей незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов причиняет вред не напрямую, а опосредованно – как морально-этической области человеческого взаимодействия [8, с. 42]. Также как и любое другое это преступление является безнравственным.

Поэтому считаем целесообразным в качестве видового объекта уголовно-правовой охраны в случае с незаконным сбытом наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов признать только общественные отношения в сфере охраны здоровья населения. Угроза причинения вреда такого порядка возникает ввиду распространения субстанций, неизбежно негативно влияющих на здоровье человека при их употреблении. Кроме того, само распространение изначально не имеет конкретного адресата, и, соответственно,

¹ Сотсков Ф.Н. Общественная опасность деяния в уголовном праве России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук М., 2009. С. 17.

² Солодков И.А. Общественная опасность преступления и ее уголовно-правовое измерение: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 14.

³ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

⁴ Витовская Е.С. Уголовно-правовая оценка общественной опасности преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ: Дис. ... канд. юрид. наук. Новокузнецк, 2023. С. 43.

угроза возникает для неопределенного круга лиц, то есть для населения в целом.

Е.Ю. Четвертакова понимает под здоровьем населения совокупность охраняемых уголовным законом общественных отношений, нормальное состояние и развитие которых является основой обеспечения физического, душевного, духовного и социального состояния неопределенно большого круга лиц¹. В свою очередь, А.Е. Шалагин считает, что здоровье населения в уголовно-правовом значении представляет собой охраняемую уголовным законом обособленную группу общественных отношений, отражающих физическое и психическое благополучие людей, объединенных одной территорией или местностью, условиями проживания, труда и отдыха².

Определение общественных отношений в сфере охраны здоровья населения видовым объектом незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов позволяет рассматривать характер общественной опасности данного преступления на качественно ином уровне. Е.В. Новикова пишет, что наркотизация является растянутым во времени процессом, длительность развития которого и последствия для человеческого организма индивидуальны и зависят от многих факторов. В связи с этим посягательство на здоровье населения обладает потенциальным, отдаленным во времени, накопительным характером причинения вреда неопределенному кругу лиц в результате нарушения преступником правил оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов [9, с. 89].

Таким образом, становится очевидным, что преступное посягательство на общественные отношения в сфере охраны здоровья населения не является прямым и воздействующим моментально, а предусматривает совокупное причинение вреда здоровью многих людей, то есть обладает опосредованным характером.

Если определение родового и видового объектов преступного посягательства сковано структурой Особенной части уголовного закона, то по поводу непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК РФ, развернулась дискуссия. В науке уголовного права существует мнение, согласно которому видовой и непосредственный объекты преступного посягательства совпадают [8, с. 45]. В таком случае в качестве непосредственного объекта незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов следует рассматривать общественные отношения в сфере охраны здоровья населения³ [10, с. 13]. Иной подход к проблеме состоит в признании непосредственным объектом этого преступления общественных отношений, складывающихся

в сфере законного оборота средств и веществ обозначенных в правовой норме видов. Сторонники этого подхода считают, что ограничение, накладываемое на свободный оборот каких-либо предметов, влечет за собой установление специальных правил, в соответствии с которыми их оборот должен осуществляться. Поэтому нарушение таких правил уже само по себе является преступным. Причинение же вреда здоровью населения является возможным дополнительным негативным последствием этого нарушения. А значит, здоровью населения следует определить место факультативного объекта преступления [11, с. 77]. Ю.С. Жариков обосновывает такую позицию еще и тем, что вред здоровью населения причиняется не во всех случаях: например, приобретатель наркотического средства может употребить его или отказаться от употребления [12, с. 108].

На наш взгляд, следует согласиться с тем, что указание в диспозиции ст. 228.1 УК РФ на незаконность действий свидетельствует о том, что общественные отношения, регулирующие законный порядок оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов нарушаются во всех случаях совершения предусмотренных ею преступлений. А вот вред общественным отношениям в области охраны здоровья населения причиняется не всегда, что также неоспоримо. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 15 июня 2006 г. подчеркнул, что ст. 228.1 УК РФ не требует наличия в качестве обязательного признака объективной стороны преступления последствий в виде распространения перечисленных в ней средств и веществ⁴.

Такой подход позволяет говорить о подчиненности общественных отношений в сфере упорядоченного законом оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов общественным отношениям в области охраны здоровья населения, поскольку причинение вреда первым создает угрозу причинения вреда вторым. В этом и раскрывается качественная составляющая общественной опасности преступлений рассматриваемого нами вида. Данная корреляционная связь между общественными отношениями, которым в результате преступного посягательства причиняется вред (или создается угроза причинения им вреда), позволяет признать в качестве непосредственного объекта уголовно-правовой охраны общественные отношения в сфере законного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов.

Далее обратим внимание на то, что объект уголовно-правовой охраны является элементом состава преступления, необходимым для юридической оценки действий лица, то есть охватывает только

¹ Четвертакова Е.Ю. Проблемы уголовной ответственности за совершение незаконных действий с наркотическими средствами и психотропными веществами: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 12.

² Шалагин А.Е. Преступления против здоровья населения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. С. 7.

³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева. М., 2003. С. 559; Васильев С.А. Уголовно-правовая характеристика преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2005. С. 14.

⁴ См. п. 13.1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами».

те общественные отношения, которым причиняется очевидный вред, а значит, далеко не все из тех, которые оказываются затронуты преступлением.

Важно отметить, что объемы понятий «характер общественной опасности» и «объект преступления» различаются. Ученые-правоведы указывают на то, что рассмотрение в качестве критериев оценки общественной опасности только обстоятельств, имеющих уголовно-правовое значение, приводит к сужению реального круга факторов, ее предопределяющих, поскольку преступление как событие, происходящее в окружающей действительности, отражается на различных сферах жизни общества [13, с. 204]. Характер общественной опасности должен определяться как более широкое понятие, которое не может быть сведено исключительно к объекту преступного посягательства, закрепленному в уголовном законе. С другой стороны, установление объекта уголовно-правовой охраны невозможно без определения характера общественной опасности деяния. В.Д. Филимонов предлагает подразделять общественную опасность на юридическую и социальную. Под последней он понимает такие социальные последствия преступления, которые не могут быть квалифицированы с помощью юридических критериев (например негативные результаты провоцирующего воздействия, оказанного преступлением на граждан с неустойчивой психикой, побуждающего их к совершению преступлений) [14, с. 107-108].

Преступление, предусмотренное ст. 228.1 УК РФ, причиняет вред более широкому кругу общественных отношений, чем те, о которых можно судить по объекту преступного посягательства. Часть вреда, причиняемого им некоторым социальным ценностям, не является очевидной и не может быть обнаружена моментально.

Здесь целесообразно упомянуть предложение А.Г. Антонова о разделении общественной опасности преступлений по нескольким уровням. В частности, он говорил об уровне абстрактной кумулятивной общественной опасности, указывая на качественно иное ее состояние, предполагающее более высокую концентрацию общественной опасности, с большей вероятностью причинения вреда смежным общественным отношениям. На этом уровне невозможно заключить типичные вредные последствия преступления в какие-либо рамки ввиду их неограниченности¹.

Незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов в полной мере обладает абстрактной кумулятивной общественной опасностью, поскольку причиняет вред различным сферам жизни общества. Данное обстоятельство связано с пониманием незаконного сбыта как деятельности, направленной на реализацию

наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, организованный и устойчивый характер которой позволяет говорить о ее непрерывности, продолжительности, а также ориентации на причинение вреда широкому кругу социальных ценностей. Последствия преступления выражаются в деструктивных изменениях в демографической (снижение рождаемости, ухудшение генофонда, рост смертности населения), экономической (повышение уровня безработицы, перераспределение денежной массы в теневую экономику в ущерб легальной, материальные затраты на расследование уголовных дел о наркопреступлениях), социальной (увеличение количества реабилитационных центров для наркозависимых, подмена социальных ценностей, рост преступности, препятствование нормальному физическому и нравственному развитию несовершеннолетних), оборонительной (освобождение лиц призывного возраста от военной службы ввиду их наркозависимости), политической (обострение коррупции, ослабление суверенитета страны) сферах жизни общества. По своей сути, как отмечает Р.А. Александров, объектом незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов выступают не просто здоровье населения и нравственные устои, под угрозу ставится состояние национальной безопасности².

Раскрывая сущность общественной опасности преступления, П.А. Фефелов пишет, что оно имеет антиобщественную ценностную ориентацию и способно быть прецедентом для повторения подобной деятельности в будущем [15, с. 138]. Незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов обладает свойством повторяемости. Оно обеспечивает качественно иной уровень общественной опасности, что обусловлено длительным деструктивным воздействием на различные социальные ценности посредством прямого посягательства на объекты уголовно-правовой охраны, предусмотренные Особенной частью УК РФ.

Следует отметить, что в случае с наркопреступностью причинение вреда социальным ценностям представляет собой производные последствия, оно не является прямым, в связи с чем общественная опасность носит скрытый характер. Такие последствия А.М. Бычкова называет «последствиями последствий», то есть позиционирует их как вторичные по отношению к незаконному распространению наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов³.

Итак, по нашему мнению, можно провести условное деление характера общественной опасности незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов на уровни в зависимости от объекта преступного посягательства:

¹ Антонов А.Г. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Рязань, 2013. С. 22-23.

² Александров Р.А. Государственно-правовое противодействие наркобизнесу в контексте генезиса и эволюции системы национальной безопасности России (опыт ретроспективного анализа и теоретико-правового моделирования): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. СПб, 2008. С. 44.

³ Бычкова А.М. Уголовно-правовые меры противодействия наркопреступности: Учебное пособие. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2018. С. 40.

1) уровень *первоначальной общественной опасности*, отражающий воздействие на предусмотренные Особенной частью уголовного закона в качестве объекта преступления общественные отношения, которым в первую очередь причиняется вред (создается угроза его причинения) в результате преступного посягательства (общественные отношения в сфере законного оборота наркотических средств, обеспечения безопасности здоровья населения);

2) уровень *производной общественной опасности*, характеризующий не прямое, но при этом существенно влияющее на характер общественной опасности преступления вредоносное воздействие на социальные ценности, не охватываемые уголовным законом, возможность проявления которого возникает после или вместе с посягательством на объект уголовно-правовой охраны (повышение криминогенного фона, рост безработицы и т.д.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Объект преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК РФ, является необходимым для квалификации элементом состава данного преступления, отражающим характер общественной опасности посягательства.

Характер общественной опасности незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов – это важнейшее ее свойство, позволяющее определить социальные ценности, подвергающиеся негативному воздействию в результате преступного поведения, раскрыть его социальную сущность.

При этом характер общественной опасности рассматриваемого нами преступления нельзя

свести исключительно к особенностям непосредственного воздействия на объект уголовно-правовой охраны. Дело в том, что закрепление законодателем в качестве ее непосредственного объекта общественных отношений в сфере законного оборота наркотических средств, видового объекта – общественных отношений в сфере охраны здоровья населения, родового объекта – общественной безопасности охватывает лишь минимум социальных ценностей, необходимый для уголовно-правовой оценки деяния. В то же время его общественная опасность распространяется далеко за пределы объекта преступления, поскольку оно в результате воздействия на обязательные для квалификации объекты уголовно-правовой охраны негативно влияет и на иные социальные ценности.

Данное обстоятельство позволяет сформулировать представления о двух уровнях общественной опасности преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК РФ. Уровень первоначальной общественной опасности отражает очевидное деструктивное воздействие на охраняемые уголовным законом общественные отношения, которым в результате совершения преступления вред наносится в первую очередь. Уровень производной общественной опасности характеризует имплицитное негативное воздействие на социальные ценности, не предусмотренные уголовным законом в качестве объектов уголовно-правовой охраны, но находящиеся во взаимосвязи и взаимозависимости с законодательно регламентированными ее объектами, которым наносится вред первоначально. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мирошниченко Д.В. Методологические предпосылки для дискуссии об общественной опасности в уголовном праве // Ученые труды Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева. 2024. № 2 (73). С. 83-86.
2. Хилота В.В. Определяет ли общественная опасность классификацию и категоризацию преступлений в уголовном праве? // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2024. № 1. С. 52-60.
3. Антонов А.Г., Агильдин В.В., Витовская Е.С. К вопросу о характере общественной опасности преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 1. С. 154-161.
4. Агаев Г.А., Сафонов В.Н. Дискуссионные вопросы доктринального толкования и практики понимания признака преступления «общественная опасность» // Закон. Право. Государство. 2021. № 1 (29). С. 144-152.
5. Епифанов Б.В. Общественная опасность преступления как фундаментальная и интегративная категория уголовного права: подходы к законодательной дефиниции // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 4 (76). С. 90-94.
6. Корнеев С.А., Головастова Ю.А. Общественная опасность в современной доктрине уголовного права: инверсионные тенденции развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2024. Т. 15. № 4. С. 993-1011.
7. Солдатов А.П. Ретроспектива понятия «общественный порядок» и ее значение в условиях современности // Академическая мысль. 2023. № 4 (25). С. 92-96.
8. Николаев К.Д. Объект и предмет преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков // Вестник Воронежского института МВД России. 2009. № 4. С. 42-46.
9. Новикова Е.В. Об общественной опасности незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов // Право.by. 2022. № 4 (78). С. 86-94.
10. Кравченко Р.М. «Незаконные» предметы в системе признаков состава преступления // Криминалистика. 2022. № 4 (41). С. 10-15.
11. Колесов О.С. Легальный оборот наркотических средств и психотропных веществ как объект уголовно-правовой охраны // Бизнес в законе. 2010. № 4. С. 75-77.
12. Жариков Ю.С. К вопросу об объекте преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков // Современное право. 2011. № 3. С. 106-110.

13. Багдасаров В.Ю., Каипбекова С.В., Рябова Л.В., Мельников В.Ю. Оценка общественной опасности преступления и ее критерии // International Law Journal. 2024. Т. 7. № 6. С. 200-206.
14. Филимонов В.Д. Принципы уголовного права. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. 139 с.
15. Фефелов П.А. Общественная опасность преступного деяния // Советское государство и право. 1997. № 5. С. 135-141.

REFERENCES

1. Miroshnichenko D.V. Metodologicheskiye predposylki dlya diskussii ob obshchestvennoy opasnosti v ugovnom prave // Uchenyye trudy Rossiyskogo universiteta advokatury i notariata imeni G.B. Mirzoyeva. 2024. № 2 (73). S. 83-86.
2. Khilyuta V.V. Opredelyayet li obshchestvennaya opasnost' klassifikatsiyu i kategorizatsiyu prestupleniy v ugovnom prave? // Uголовное право: strategiya razvitiya v XXI veke. 2024. № 1. S. 52-60.
3. Antonov A.G., Agil'din V.V., Vitovskaya Ye.S. K voprosu o kharaktere obshchestvennoy opasnosti prestupleniy v sfere nezakonnogo oborota narkoticheskikh sredstv, psikhotropnykh veshchestv i ikh analogov // Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal. 2017. Т. 11. № 1. S. 154-161.
4. Agayev G.A., Safonov V.N. Diskussionnyye voprosy doktrinal'nogo tolkovaniya i praktiki ponimaniya priznaka prestupleniya «obshchestvennaya opasnost'» // Zakon. Pravo. Gosudarstvo. 2021. № 1 (29). S. 144-152.
5. Yepifanov B.V. Obshchestvennaya opasnost' prestupleniya kak fundamental'naya i integrativnaya kategoriya ugovnogo prava: podkhody k zakonodatel'noy definitsii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2017. № 4 (76). S. 90-94.
6. Korneyev S.A., Golovastova Yu.A. Obshchestvennaya opasnost' v sovremennoy doktrine ugovnogo prava: inversionnyye tendentsii razvitiya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. 2024. Т. 15. № 4. S. 993-1011.
7. Soldatov A.P. Retrospektiva ponyatiya «obshchestvennyy poryadok» i yeye znachenije v usloviyakh sovremennosti // Akademicheskaya mysl'. 2023. № 4 (25). S. 92-96.
8. Nikolayev K.D. Ob"yekt i predmet prestupleniy, svyazannykh s nezakonnym oborotom narkotikov // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2009. № 4. S. 42-46.
9. Novikova Ye.V. Ob obshchestvennoy opasnosti nezakonnogo oborota narkoticheskikh sredstv, psikhotropnykh veshchestv, ikh prekursorov i analogov // Pravo.by. 2022. № 4 (78). S. 86-94.
10. Kravchenko R.M. «Nezakonnnyye» predmety v sisteme priznakov sostava prestupleniya // Kriminalist". 2022. № 4 (41). S. 10-15.
11. Kolesov O.S. Legal'nyy oborot narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv kak ob"yekt ugovno-pravovoy okhrany // Biznes v zakone. 2010. № 4. S. 75-77.
12. Zharikov Yu.S. K voprosu ob ob"yekte prestupleniy, svyazannykh s nezakonnym oborotom narkotikov // Sovremennoye pravo. 2011. № 3. S. 106-110.
13. Bagdasarov V.Yu., Kaipbekova S.V., Ryabova L.V., Mel'nikov V.Yu. Otsenka obshchestvennoy opasnosti prestupleniya i yeye kriterii // International Law Journal. 2024. Т. 7. № 6. S. 200-206.
14. Filimonov V.D. Printsipy ugovno prava. M.: Tsentr YurInfoR, 2002. 139 s.
15. Fefelov P.A. Obshchestvennaya opasnost' prestupnogo deyaniya // Sovetskoye gosudarstvo i pravo. 1997. № 5. S. 135-141.

© Адамович В.В., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Адамович В.В. Характер общественной опасности незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов в связи с определением его объекта // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (82). С. 52-58.

Евгений Анатольевич КОНОВАЛОВ,
ORCID 0009-0007-1001-9767
Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Санкт-Петербург)
адъюнкт
kvl-75@mail.ru

Научный руководитель:
Антон Геннадьевич АНТОНОВ,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры
уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России

Научная статья
УДК 343.2

ДОБРОВОЛЬНЫЙ ОТКАЗ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ И МЕСТО В СИСТЕМЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Добровольный отказ от преступления, приготовление к преступлению, покушение на преступление, основания освобождения от уголовной ответственности, деятельное раскаяние, задачи уголовного законодательства, уголовный закон.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Институт добровольного отказа от преступления (ст. 31 УК РФ) занимает обособленное место в системе уголовного законодательства. Он закреплен в гл. 6 УК РФ «Неоконченное преступление». Однако в теории уголовного права по-прежнему ведутся дискуссии по поводу правовой природы добровольного отказа от преступления. Это обстоятельство способствует формированию различных подходов к реализации данного института в правоприменительной практике [1], а также препятствует полному раскрытию его потенциала в рамках решения задач уголовного законодательства. *Методы.* Методологическую основу исследования, результаты которого изложены в настоящей статье, составили диалектический метод познания окружающей действительности, общенаучные методы (анализ и синтез), частнонаучные методы (обобщения и аналогии), методы описания и логического осмысления. *Результаты.* Обосновывается, что добровольный отказ от преступления является нормой, не исключающей уголовную ответственность, а стимулирующей к прекращению криминальной активности лица на начальных стадиях преступной деятельности. Определено, что социально полезное поведение и направленность на решение задач уголовного законодательства подчеркивают единую правовую природу добровольного отказа от преступления и деятельного раскаяния. Предлагается рассмотреть возможность признания добровольного отказа от преступления в качестве основания освобождения от уголовной ответственности и законодательного закрепления соответствующей нормы в гл. 11 УК РФ.

ВВЕДЕНИЕ

Государство преследует цель обеспечить возможность разрешения уголовно-правовых конфликтов на любой из их стадий: приготовления к преступлению, покушения на совершение преступления, оконченого преступления. Эти стадии умышленной преступной деятельности находят отражение в типах проявления преступной воли вовне. Н.С. Таганцев, рассматривая этапы (ступени) развития преступной дея-

тельности, выделял три таких типа: воля обнаружившаяся, заявившая чем-либо свое бытие, но не приступавшая еще к осуществлению задуманного; воля осуществляющаяся, то есть покушающаяся учинить преступное деяние; воля осуществившаяся [2, с. 323].

Действующее уголовное законодательство и уголовно-правовая доктрина исходят из принципа ненаказуемости голгого умысла¹. Сформировавшийся умысел в процессе его реализации может

¹ Здесь представляют научный интерес инициированная В.Н. Борковым дискуссия о допустимости признания сформированным умысла на сбыт наркотических средств при отсутствии их приобретателя и о правомерности адресованного разрабатываемому лицу предложения довести сбыт наркотических средств до конца (см.: Борков В.Н. Склонение лица к контролируемому окончанию совершаемого преступления // Уголовное право и оперативно-разыскная деятельность: проблемы законодательства, науки и практики. Материалы международной научно-практической конференции. М., 2021. С. 28-34), а также результаты проведенного нами анализа правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации и разъяснений Верховного Суда Российской Федерации.

Evgeny A. KONOVALOV,
ORCID 0009-0007-1001-9767
Saint Petersburg University of the Ministry
of the Interior of Russia (Saint Petersburg, Russia)
Adjunct
kvl-75@mail.ru

Scientific supervisor:

Anton G. ANTONOV,
Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law
of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia

**VOLUNTARY RENUNCIATION OF A CRIME: ITS CRIMINOLOGICAL
SIGNIFICANCE AND PLACE WITHIN THE SYSTEM OF CRIMINAL LEGISLATION**

KEYWORDS. Voluntary renunciation of a crime, preparation for
a crime, criminal attempt, grounds for exemption from criminal liability,
active repentance, objectives of criminal legislation, criminal law.

ANNOTATION. *Introduction.* The institution of voluntary renunciation of a crime (Article 31 of the Criminal Code of the Russian Federation) occupies a special place in the criminal legislation system. It is enshrined in Chapter 6 of the Criminal Code of the Russian Federation «Unfinished Crime». However, in the theory of criminal law, there are still ongoing debates regarding the legal nature of voluntary renunciation of a crime. This circumstance contributes to the formation of various approaches to the implementation of this institution in law enforcement practice [1], and also hinders the full disclosure of its potential in the context of solving the problems of criminal legislation. *Methods.* The methodological basis of the study, the results of which are presented in this article, consisted of the dialectical method of cognition of the surrounding reality, general scientific methods (analysis and synthesis), specific scientific methods (generalizations and analogies), methods of description and logical understanding. *Results.* It is substantiated that voluntary renunciation of a crime is a norm that does not exclude criminal liability, but stimulates the cessation of criminal activity of a person at the initial stages of criminal activity. It has been determined that socially beneficial behavior and a focus on solving criminal law problems emphasize the unified legal nature of voluntary renunciation of a crime and active repentance. It is proposed to consider the possibility of recognizing voluntary renunciation of a crime as grounds for exemption from criminal liability and legislatively enshrining the corresponding provision in Chapter 11 of the Criminal Code of the Russian Federation.

претерпеть изменения. Лицо может совершить как более, так и менее тяжкое преступление, либо полностью отказаться от совершения преступления. Однако, совершая приговорительные к преступлению действия, лицо осознает, что они создают условия для конкретного преступления, и тем не менее осуществляет эти действия [3, с. 70]. Подобные обстоятельства свидетельствуют об общественной опасности подготавливаемого деяния и самого лица, его подготавливающего.

Субъект преступного умысла осознаёт не общественную опасность «вообще», а характер общественной опасности, присущий преступлениям, к виду которых относится замышляемое им деяние¹. Опасность – это состояние объекта, в котором он оказывается в результате общественно вредных изменений, произведенных в нем преступным действием субъекта [4]. С осознанием общественной опасности связано осознание, хотя бы в общих чертах, объекта преступления².

В.Д. Филимонов, выделяя среди объектов преступлений охраняемые и охраняющие общественные отношения [5], отмечал, что общественная опасность – это не столько причинение вреда,

сколько возможность причинения вреда объекту преступления [6]. В исключительных случаях такая деятельность может охватываться объективной стороной состава преступления, закрепленного уголовно-правовой нормой, либо свидетельствовать о том, с какого момента и каким образом объекту уголовно-правовой охраны начинает причиняться или может начать причиняться вред³.

Таким образом, характер общественной опасности не только обусловлен объективным вредом, который причиняется общественным отношениям в результате совершения преступного деяния [4], но и угрозой причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны. Предшествующая преступлению деятельность лица имеет большое значение для определения общественной опасности подготавливаемого, совершающегося или совершенного преступления, а также при установлении его уголовно-правовых последствий.

Н.Д. Дурманов писал, что для определения общественной опасности приговорительных действий важно иметь представление о назначении предметов и средств, используемых для совершения преступления, а также близости и степени вы-

¹ Дагель П.С. Проблемы вины в советском уголовном праве: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Л.: ЛГУ, 1969. С. 16.

² Там же.

³ См., например, п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2006 № 14 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» в части, касающейся сбыта наркотических средств.

полнения приготовительных действий к моменту совершения преступления [3, с. 70]. Следовательно, на каждом этапе приближения к преступному результату увеличивается степень опасности деяния, поэтому более поздняя стадия совершения преступления характеризуется и более высокой степенью общественной опасности [7, с. 53].

П.С. Дагель предлагал дифференцировать общественную опасность самого деяния (причиненный вред) и общественную опасность лица, совершившего это деяние (потенциальная опасность причинения вреда в будущем). Вместе с тем он полагал, что степень общественной опасности деяния, вызывающая необходимость борьбы с ним мерами уголовной репрессии, зависит: от объекта посягательства; от характера посягательства (способ, последствия и т.д.); от распространенности деяний данного вида; от времени и других условий совершения деяния; от лица, совершившего деяние¹.

Результаты анализа норм, включенных в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ), позволяют говорить о триаде общественной опасности: это, во-первых, общественная опасность деяния; во-вторых, общественная опасность его последствий; и, наконец, общественная опасность виновного в его совершении лица. Полагаем, что в рамках добровольного отказа от совершения преступления совершающееся (приготавливаемое) общественно опасное деяние не утрачивает своей общественной опасности – бывшее не может стать небывшим. Однако, совершая позитивную деятельность, направленную на нейтрализацию результатов уже осуществленной подготовки к преступлению, лицо способно снизить уровень своей общественной опасности или вообще утратить таковую.

МЕТОДЫ

Методологическую основу проведенного нами исследования составил всеобщий диалектический метод познания, который обеспечил возможность рассмотреть институт добровольного отказа от преступления в динамике его уголовно-правовых и криминологических характеристик. Для структурного анализа содержания ст. 31 УК РФ, а также сопоставления изучаемого нами института со смежными правовыми категориями – деятельным раскаянием и неоконченным преступлением – и разграничения с ними использовались формально-логический и догматический методы. Применение метода анализа было направлено на выявление специфики добровольного отказа на различных стадиях совершения преступления, включая приготовление и покушение. Обобщение полученных результатов было проведено для формирования комплексного научного представления о сущности и правовой природе института добровольного отказа, а также о его функциональной роли в достижении целей уголовного законодательства посредством метода синтеза. Для уточнения авторского определения добровольного отказа от преступления, а также аргументации

основной гипотезы о возможности его признания отдельным основанием освобождения от уголовной ответственности дополнительно задействовались формально-логический метод и метод логического осмысления.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Согласно ч. 1 ст. 31 УК РФ добровольным отказом от преступления признается прекращение лицом приготовления к преступлению либо прекращение действий (бездействий), непосредственно направленных на совершение преступления, если лицо осознавало возможность доведения преступления до конца. Не подлежит уголовной ответственности за преступление лицо, которое добровольно и окончательно отказалось от доведения этого преступления до конца (ч. 2 ст. 31 УК РФ). Таким образом, лицо может избежать привлечения к уголовной ответственности, если добровольно прекратило свои преступные действия на стадиях приготовления к преступлению или покушения на преступление. Ключевым условием является осознание им реальной возможности достижения преступного результата. Исключение составляют случаи, когда фактически совершенные действия образуют самостоятельный состав преступления (ч. 3 ст. 31 УК РФ).

Буквальное толкование положений ст. 31 УК РФ позволяет говорить о том, что добровольный отказ возможен только на стадиях приготовления к преступлению и покушения на его совершение. Правовая природа рассматриваемого института обуславливает наличие предварительной преступной деятельности и (или) создания условий для совершения преступления. Логическим следствием из этого является вывод о невозможности добровольного отказа от совершения преступления с неосторожной формы вины, поскольку в таком случае предварительная преступная деятельность не осуществляется.

Иногда приготовительные действия по причине их большой общественной опасности могут являться оконченным преступлением либо одним из действий, входящих в объективную сторону преступления (например ст. 209 УК РФ). Но чаще всего они в объективную сторону не входят, находятся за пределами состава преступления.

Приготовление к преступлению характеризуется рядом объективных и субъективных признаков. К числу первых относятся такие проявления подготовительной деятельности, как: приискание, изготовление, приспособление средств и орудий совершения преступления; приискание соучастников преступления; сговор на совершение преступления; иное умышленное создание условий для совершения преступления.

Даже в тех случаях, когда лицо, осуществляя приготовительные действия, не совершает общественно опасного деяния, предусмотренного объективной стороной состава того или иного преступления, мы не можем отрицать, что приготовление входит в качестве видового понятия в более общие понятия неоконченного преступления и

¹ Дагель П.С. Роль уголовной репрессии в борьбе с преступностью в период развернутого строительства коммунизма (в свете учения В.И. Ленина об убеждении и принуждении): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л.: ЛГУ, 1962. С. 19-20.

преступления вообще [8, с. 65]. Необходимым материальным признаком приготовления как вида неоконченной преступной деятельности является общественная опасность образующих приготовление действий [8, с. 65]. При этом, если лицо, обладая свободной волей, решается на приготовление к преступной деятельности, то это свидетельствует не столько об общественной опасности умышленно подготавливаемого им деяния, сколько об общественной опасности самого лица.

С субъективной стороны для приготовления к преступлению свойственен умышленный характер преступной деятельности. Совершение приготовительных действий есть результат осознанного волевого выбора лица. Как отмечалось выше, невозможно приготовление к преступлению с неосторожной формой вины.

Государство, в различных социально-экономических условиях своего развития в рамках борьбы с преступностью закрепляло приготовительные действия, представляющие повышенную общественную опасность, в качестве наказуемых. В таких случаях целью законодателя являлось не только «охарактеризовать приготовительные действия наперед совершенно точными чертами»¹, но и стимулировать лицо к отказу от предварительной преступной деятельности, а также предупредить совершение других преступлений.

Вторая стадия преступления – покушение – также допускает возможность добровольного отказа. При неоконченном покушении он выражается в пассивной форме – в воздержании от дальнейших действий, направленных на выполнение объективной стороны преступления. Исключение составляют преступления, совершаемые путем бездействия: в таких случаях необходимо, чтобы отказ имел активный характер. Особенность добровольного отказа на стадии неоконченного покушения заключается в прекращении действий, создающих угрозу причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны.

В то же время в юридической литературе и теории уголовного права описаны редкие примеры, когда добровольный отказ от преступления возможен при оконченном покушении [9] либо повторном посягательстве при неоконченном покушении [10].

На наш взгляд, добровольный отказ при оконченном покушении – случай исключительный, фактически невозможный. На этой стадии посягательство находится в своем динамическом развитии, создается реальная угроза причинения вреда либо такой вред причиняется. Если виновный выполнил все действия для причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны, но не достиг своей цели из-за обстоятельств, не зависящих от него (выстрелил и промахнулся), такие действия невозможно признать добровольным отказом. Если при оконченном покушении причинен вред и лицо стремится минимизировать наступившие последствия, подобные его действия необходимо

расценивать как позитивную постпреступную деятельность при неоконченном преступлении. При этом, если лицо продолжает сохранять контроль над дальнейшим ходом событий, оно может лишь способствовать предотвращению преступного результата, но при всем желании не может изменить содеянного². В оконченном покушении наглядно отражается принцип необратимости действий: даже если преступление не доведено до конца, действия, совершенные лицом, посягают на объект уголовно-правовой охраны.

Соответственно, при оконченном покушении добровольный отказ от преступления чаще всего невозможен (или возможен в исключительных случаях, как в классическом примере, смоделированном в уголовно-правовой литературе, с введением яда, а затем противоядия). Для добровольного отказа при оконченном покушении необходимо, чтобы между моментом совершения общественно опасного деяния и наступлением общественно опасных последствий лицо должно было сохранять полный контроль над развитием причинной связи [11, с. 75; 3, с. 193-204], что фактически не может быть обеспечено в реальной жизни. Лицо, создавшее угрозу причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны, должно своевременно (своими действиями или бездействием) устранить (предотвратить) данную угрозу причинения вреда.

Таким образом, добровольный отказ возможен на стадиях приготовления и покушения. На стадии приготовления чаще всего отказ выражается в пассивной форме (прекращении создания условий для совершения преступления). При неоконченном покушении форма его проявления может быть как активной, так и пассивной. При оконченном покушении в большинстве случаев действия виновного необходимо рассматривать как позитивную постпреступную деятельность при неоконченном преступлении. Очевидно, что на стадии оконченного преступления добровольный отказ невозможен, и действия лица, направленные на предотвращение преступных последствий, могут расцениваться только как деятельное раскаяние.

Важно отметить, что приготовление и покушение уголовно наказуемы. Так, согласно ч. 2 ст. 30 УК РФ уголовная ответственность наступает за приготовление к тяжким и особо тяжким преступлениям. По общему правилу, незавершенность преступной деятельности не является основанием для освобождения от уголовной ответственности, если иное прямо не указано в законе. Ответственность за неоконченное преступление, в соответствии с ч. 3 ст. 29 УК РФ, наступает по статье кодекса, предусматривающей ответственность за оконченное преступление, со ссылкой на ст. 30 УК РФ.

Приготовление к преступлению и покушение на его совершение являются общественно опасными, виновными действиями лица. Основания ответственности в этих обстоятельствах подобны

¹ Спасович В.Д. Учебник уголовного права. Т. 1. Общая часть уголовного права материального. СПб: Тип. Иосафата Огризко, 1863. С. 141.

² Скорилкин Н.М. Добровольный отказ от преступления и его место в системе обстоятельств, освобождающих от уголовной ответственности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 12.

основаниям ответственности, предусмотренной за оконченное преступление [4]. Следовательно, приготовительным действиям лица, направленным на совершение преступления, осуществленным до добровольного отказа, также свойственна общественная опасность.

В уголовном законодательстве с учетом специфики предварительной преступной деятельности уголовная ответственность, наступающая на разных стадиях преступления, дифференцирована. Это позволяет сделать вывод о том, что при приготовлении и покушении, равно как и при оконченном преступлении, основание уголовной ответственности едино – наличие состава преступления [12, с. 3], а соответственно, и наличие общественной опасности действий лица.

Общественная опасность является обязательным признаком любого состава преступления, в том числе неоконченного. В случаях с приготовлением и покушением она заключается в возможности совершения того преступления, к осуществлению которого субъект уже приступил [8, с. 205]. Неоконченное преступление обладает потенциалом дальнейшего развития, так как представляет собой совершаемое преступление, которое может быть прервано как по воле виновного, так и помимо нее. При этом общественная опасность неоконченного преступления сохраняется и в той, и в другой ситуации. Если деяние, прерванное против воли лица, общественно опасно, то и деяние, прекращенное им самим в связи с его добровольным отказом от преступления, не утрачивает своей общественной опасности.

Следовательно, неверно считать, что совершаемые действия, признаваемые общественно опасными до добровольного отказа, утрачивают свою общественную опасность в результате прекращения их дальнейшего динамического развития. С.В. Пархоменко подчеркивает: «Добровольный отказ не может исключать уголовную ответственность за уже совершенное деяние, он может влечь только те правовые последствия, которые определены реализацией содержания охранительно-правоотношения» [13, с. 49]. Если действия, совершенные лицом до добровольного отказа, были объективно общественно опасными и за их осуществление предусмотрена уголовная ответственность, то и после добровольного отказа они объективно продолжают оставаться общественно опасными.

Только субъективно обусловленные изменения, произошедшие в поведении лица, выраженные в осознанном волевом отказе от продолжения совершения преступных действий, позволяют остановить динамическое развитие преступления. Могут быть предприняты меры, направленные на предотвращение преступных последствий. Ими невозможно устранить общественную опасность – сделать существующее несуществующим, – однако возможно ее нейтрализовать, обезвредить. В таком случае добровольность прекращения покушения на преступление или приготовления к его со-

вершению указывает на отсутствие общественной опасности лица, осуществившего это покушение или приготовление¹, а своевременное устранение опасности причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны свидетельствует об утрате (снижении) общественной опасности лица [14]. Именно возможность отступить от уже начатого покушения или приготовления без последующего привлечения к уголовной ответственности побуждает лицо прекратить начатую преступную деятельность².

Таким образом, добровольный отказ не исключает преступности деяния, а стимулирует к тому, чтобы уже на начальном этапе преступной деятельности принять решение воздержаться от совершения преступления. Утрата виновным лицом общественной опасности (или ее снижение) позволяет говорить об отсутствии необходимости его привлечения к уголовной ответственности. При утрате лицом общественной опасности применение к нему мер государственной репрессии является нецелесообразным, это в конечном счете способствует достижению целей общего и специального предупреждения преступлений.

Посредством норм, закрепленных в ст. 31 УК РФ, государство создает условия для пресечения развития преступной деятельности на начальном ее этапе. Тем самым оно не только стремится к соблюдению принципов экономии репрессии и гуманизма, но и защищает охраняемые уголовным законом общественные отношения. В данном случае защита видится в том, что остановка лицом осуществления своего преступного поведения ожидается законодателем и поощряется им [15]. В рамках института добровольного отказа от совершения преступлений реализуется специальное предупреждение в отношении лица, прекратившего преступную деятельность, и общее предупреждение в отношении остальных лиц.

Такие признаки, как социальная полезность поведения и направленность на решение задач уголовного законодательства, подчеркивают единство правовой природы добровольного отказа от преступления и деятельного раскаяния. Разница лишь в том, что добровольный отказ регулирует уголовно-правовые отношения, возникающие при неоконченной преступной деятельности, в то время как деятельное раскаяние касается уголовно-правовых отношений в рамках позитивной постпреступной деятельности.

Итак, перед институтом добровольного отказа, стимулирующего лицо прекратить преступное поведение, стоят задачи предупредить совершение преступления и защитить объект уголовно-правовой охраны от причинения вреда, пресечь дальнейшую преступную деятельность, а также обеспечить условия, в которых не наступают общественно опасные последствия, которые имели бы место в результате преступления. По своей правовой природе добровольный отказ есть особое основание для освобождения от уголовной ответственности. Оно связано с социально пози-

¹ Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права. В 6 т. Т. 2. Часть общая. Преступление. М.: Наука, 1970. С. 433-434.

² Там же.

тивным поведением лица при неоконченной преступной деятельности и имеет единую правовую природу с деятельным раскаянием.

ОБСУЖДЕНИЕ

Правовые последствия добровольного отказа от преступления требуют более глубокого осмысления в контексте восстановления социальной справедливости. Если одной из задач привлечения к уголовной ответственности является восстановление справедливости, то данное обстоятельство должно находить свое отражение и в случаях освобождения от уголовной ответственности. По причине того, что в результате неоконченного преступления, включая ситуации, когда в действиях лица, добровольно отказавшегося от совершения преступления, отсутствует иной состав преступления, потерпевшему наносится физический, материальный либо иной вред, возникает вопрос о необходимости возмещения этого вреда.

А.Ф. Бернер подчеркивал: «Преступлением оскорбляется общая воля (закон, общество, государство), но наряду с этим обычно оскорбляется и отдельная воля лица, пострадавшего от преступления. Обе эти воли следует удовлетворить – наказание должно вернуть как обществу, так и потерпевшему чувство и сознание господства справедливости»¹. В связи с этим заслуживают внимания доктринальные предложения о необходимости предусмотреть возмещение или компенсацию вреда, причиненного потерпевшему, в качестве обязательного условия освобождения от уголовной ответственности при добровольном отказе от преступления. Проблематичной остается и практика прекращения уголовных дел на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, где указывается «отсутствие в деянии состава преступления».

Вместе с тем представляется обоснованным предложение В.В. Сверчкова рассматривать добровольный отказ от преступления в качестве нереабилитирующего основания освобождения от уголовной ответственности, обусловленного снижением общественной опасности лица, отказавшегося от доведения преступной деятельности до конца, а также его деяния [16, с. 270].

Результаты историко-правового анализа свидетельствуют о том, что в рамках проекта УК РФ, подготовленного рабочей группой Государственно-правового управления Президента Российской Федерации в 1994 году, изначально предполагалось

закрепление института добровольного отказа от преступления в главе «Освобождение от уголовной ответственности» [16, с. 275]. Аналогичные институту добровольного отказа нормы есть в законодательстве зарубежных стран. Там они нередко включены в разделы уголовных законов, посвященные освобождению от уголовной ответственности.

Кроме того, следует отметить, что в своей практике Верховный Суд Российской Федерации неоднократно ссылался на положения ст. 31 УК РФ как на основание освобождения от уголовной ответственности. Так, например, в 2023 году его Судебная коллегия по уголовным делам в кассационном определении указала: «Суд обоснованно не выявил в действиях Б. признаков добровольного отказа от доведения преступления до конца, что в силу ст. 31 УК РФ влекло *освобождение* (выделено нами – Е.К.) от уголовной ответственности»².

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обладая большим предупредительным потенциалом, стимулируя позитивное поведение и гарантируя освобождение от уголовной ответственности, нормы, касающиеся добровольного отказа от преступления, своим первоочередным адресатом имеют не правоприменителя, а оступившегося человека, желающего вернуться на путь законности. Криминологическая обусловленность добровольного отказа заключается в низкой общественной опасности лица, отказавшегося от доведения преступления до конца. Применение к такому лицу репрессивных мер со стороны государства является нецелесообразным.

Статьи уголовного закона, подобные ст. 31 УК РФ, должны содержать максимально полную информацию и быть доступны для понимания прежде всего лиц, совершающих преступление [17]. В связи с этим вопрос о месте института добровольного отказа в системе уголовного законодательства должен решаться в соответствии с его правовой природой и на законотворческом уровне [16, с. 275].

Полагаем, что добровольный отказ от преступления – это отдельное основание освобождения от уголовной ответственности лица, утратившего общественную опасность в связи с прекращением преступного посягательства, позволяющее решать задачи уголовного законодательства без применения репрессивных мер. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Свиридов Ю.В. Проблемы толкования и правоприменения добровольного отказа от преступления // Вестник Сургутского государственного университета. 2025. Т. 13. № 1. С. 117-126.
2. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. В 2 ч. Ч. 1. М.: Юрайт, 2024. 414 с.
3. Дурманов Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1955. 211 с.
4. Кузнецова Н.Ф. Избранные труды: Сборник. СПб, 2003. 832 с.
5. Филимонов В.Д. Охранительная функция уголовного права: Монография. СПб, 2003. 198 с.
6. Филимонов В.Д. Уголовно-правовое значение последствий общественно опасного деяния // Уголовное право. 2009. № 2. С. 70-75.

¹ Бернер А.Ф. Учебник уголовного права. Части Общая и Особенная. СПб: Издание Н.Н. Неклюдова, 1865. Т. 1. Часть Общая. С. 560.

² Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 23.05.2023 № 33-УД23-10-А2.

7. Землюков С.В. Уголовно-правовые проблемы преступного вреда. Новосибирск: Новосибирский университет, 1991. 244 с.
8. Тишкевич И.С. Избранные труды. Минск, 2014. 484 с.
9. Тер-Акопов А.А. Добровольный отказ от совершения преступления. М., 1982. 96 с.
10. Филатова М.А., Панфиленок М.М. Уголовно-правовое значение отказа от последующих попыток при неоконченном покушении // Уголовное право. 2024. № 12 (172). С. 48-58.
11. Освобождение от уголовной ответственности: теория, закон, практика / В.К. Андрианов, Н.В. Генрих, Д.А. Дорогин, Ю.Е. Пудовочкин, А.А. Толкаченко / Под ред. Ю.Е. Пудовочкина. М.: Российский государственный университет правосудия, 2021. 435 с.
12. Галахова А.В. Стадии совершения преступления. М.: РПА МЮ РФ, 1994. 45 с.
13. Пархоменко С.В. Виды деяний, преступность которых исключается // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2003. № 4. С. 5-139.
14. Антонов А.Г. К вопросу о правовой природе добровольного отказа от преступления // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра. Материалы международной научно-практической конференции. СПб: СПбУ МВД России, 2023. С. 37-40.
15. Mingkai Zh. Criminal Law: Volumes 1 & 2. Beijing: Law Press, 2000.
16. Сверчков В.В. Освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного дела (преследования), отказ в его возбуждении. Проблемы теории и практики: Монография. СПб, 2008. 586 с.
17. Звечаровский И.Э. Добровольный отказ от доведения преступления до конца: Монография. СПб, 2008. 86 с.

REFERENCES

1. Sviridov Yu.V. Problemy tolkovaniya i pravoprimeneniya dobrovol'nogo otказа ot prestupleniya // Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2025. T. 13. № 1. S. 117-126.
2. Tagantsev N.S. Russkoye ugovnoye pravo. V 2 ch. Ch. 1. M.: Yurayt, 2024. 414 s.
3. Durmanov N.D. Stadii soversheniya prestupleniya po sovetскому ugovnomu pravu. M.: Gosyurizdat, 1955. 211 s.
4. Kuznetsova N.F. Izbrannyye trudy: Sbornik. SPb, 2003. 832 s.
5. Filimonov V.D. Okhranitel'naya funktsiya ugovnogo prava: Monografiya. SPb, 2003. 198 s.
6. Filimonov V.D. Ugolovno-pravovoye znachenie posledstviy obshchestvenno opasnogo deyaniya // Ugolovnoye pravo. 2009. № 2. S. 70-75.
7. Zemlyukov C.B. Ugolovno-pravovyye problemy prestupnogo vreda. Novosibirsk: Novosibirskiy universitet, 1991. 244 s.
8. Tishkevich I.S. Izbrannyye trudy. Minsk, 2014. 484 s.
9. Ter-Akopov A.A. Dobrovol'nyy otказ ot soversheniya prestupleniya. M., 1982. 96 s.
10. Filatova M.A., Panfilenok M.M. Ugolovno-pravovoye znachenie otказа ot posleduyushchikh popytok pri neokonchenom pokushenii // Ugolovnoye pravo. 2024. № 12 (172). S. 48-58.
11. Osvozhdeniye ot ugovnoy otvetstvennosti: teoriya, zakon, praktika / V.K. Andrianov, N.V. Genrikh, D.A. Dorogin, Yu.Ye. Pudovochkin, A.A. Tolkachenko / Pod red. Yu.Ye. Pudovochkina. M.: Rossiyskiy gosudarstvennyy universitet pravosudiya, 2021. 435 s.
12. Galakhova A.V. Stadii soversheniya prestupleniya. M.: RPA MYU RF, 1994. 45 s.
13. Parkhomenko S.V. Vidy deyaniy, prestupnost' kotorykh isklyuchayetsya // «Chernyye dyry» v rossiyskom zakonodatel'stve. 2003. № 4. S. 5-139.
14. Antonov A.G. K voprosu o pravovoy prirode dobrovol'nogo otказа ot prestupleniya // Ugolovnoye zakonodatel'stvo: vchera, segodnya, zavtra. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb: SPbU MVD Rosii, 2023. S. 37-40.
15. Mingkai Zh. Criminal Law: Volumes 1 & 2. Beijing: Law Press, 2000.
16. Sverchkov V.V. Osvozhdeniye ot ugovnoy otvetstvennosti, prekrashcheniye ugovnogo dela (presledovaniya), otказ v yego возбужdenii. Problemy teorii i praktiki: Monografiya. SPb, 2008. 586 s.
17. Zvecharovskiy I.E. Dobrovol'nyy otказ ot dovedeniya prestupleniya do kontsa: Monografiya. SPb, 2008. 86 s.

© Коновалов Е.А., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Коновалов Е.А. Добровольный отказ от преступления: криминологическое значение и место в системе уголовного законодательства // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (82). С. 59-65.

Татьяна Олеговна САПРЫКИНА,

ORCID 0009-0002-9544-2786

Волгоградская академия МВД России (г. Волгоград)

преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин

tatochka-99@mail.ru

Научная статья

УДК 343.296:[343.237+343.236.1]

ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА (УЩЕРБА), ПРИЧИНЁННОГО ПОТЕРПЕВШЕМУ НЕОКОНЧЕННЫМИ И СОВЕРШЁННЫМИ В СОУЧАСТИИ НАСИЛЬСТВЕННЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Возмещение вреда, моральный вред, потерпевший, неоконченное преступление, покушение на преступление, соучастие в преступлении, организованная группа, солидарная ответственность.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Актуальность исследования, результаты которого представлены в статье, обусловлена отсутствием в российском законодательстве и правоприменительной практике единых критериев возмещения вреда, в том числе морального, потерпевшим от неоконченных, а также совершенных в соучастии насильственных преступлений. Это приводит к принятию произвольных и не всегда справедливых судебных решений о размере возмещения. *Методы.* Методологическую основу исследования составили формально-догматический и системный методы. Эмпирическая база представлена результатами анализа более 150 судебных решений по уголовным делам за период с 2021 по 2024 год, размещенных в электронных базах данных, а также сведениями, полученными в ходе анкетирования 189 следователей и судей. *Результаты.* Установлено, что судебная практика при рассмотрении вопросов возмещения морального вреда в случаях покушений на насильственные преступления не учитывает пониженную общественную опасность неоконченного деяния, а размеры компенсаций чаще всего приравниваются к выплатам, назначаемым за совершение окончанных преступлений. Обоснована необходимость использования при расчете размера возмещения морального вреда, если имело место только покушение на преступление, понижающего коэффициента (до трех четвертых от суммы, которая полагалась бы за окончанное преступление). Для случаев соучастия предлагается закрепить дифференциацию ответственности. При этом следовало бы различать солидарную и долевую ответственность. Первая должна наступать за причинение морального вреда и при совершении преступления организованной группой (с повышающим коэффициентом 1,05). Вторая – за причинение физического и имущественного вреда при групповых преступлениях, совершенных по предварительному сговору (в зависимости от роли каждого из соучастников).

ВВЕДЕНИЕ

Обеспечение эффективного и справедливого возмещения вреда, причиненного потерпевшим насильственными преступлениями, будучи элементом межотраслевого механизма защиты прав личности, представляет собой одну из ключевых задач уголовного судопроизводства. Гарантия, закрепленная ст. 52 Конституции Российской Федерации, предполагает не только формальное право на компенсацию, но и наличие действенных, системных процедур ее реализации, адекватных характеру и тяжести причиненного ущерба. Однако на практике процесс возмещения вреда, в особенности морального, сталкивается с существенными проблемами, когда соприкасается с такими сложными институтами уголовного права, как неоконченная преступная деятельность и соучастие. Отсутствие законодательно закрепленных и единообразно применяемых судами критериев определения размера компенсации,

дифференцированных в зависимости от стадии совершения преступления и формы соучастия, оборачивается значительным разбросом сумм возмещений, что противоречит принципам справедливости, соразмерности и правовой определенности.

Актуальность проведенного нами исследования обусловлена наличием значительного пробела в правовом регулировании и правоприменении. Как показывают результаты анализа практики рассмотрения уголовных дел, зачастую суды испытывают затруднения при определении размера компенсации за причинение вреда, в частности морального, потерпевшим от неоконченных насильственных преступлений. С одной стороны, вред, прежде всего физический и имущественный, на стадии покушения может быть причинен в меньшем объеме, чем при окончанном преступлении. С другой стороны, нравственные и физические страдания (моральный вред) потерпевшего, связанные с непосредственной угрозой его жизни,

Tatiana O. SAPRYKINA,
ORCID 0009-0002-9544-2786
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Volgograd, Russia)
Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines
tatochka-99@mail.ru

COMPENSATION FOR HARM (DAMAGE) CAUSED TO THE VICTIM BY UNFINISHED AND COMMITTED IN COMPLICITY VIOLENT CRIMES

KEYWORDS. Compensation for damages, moral damages, victim, unfinished crime, attempted crime, complicity in a crime, organized group, joint and several liability.

ANNOTATION. *Introduction.* The relevance of the study, the results of which are presented in the article, is due to the lack of uniform criteria for compensation for damages, including moral damages, to victims of unfinished violent crimes and those committed with complicity in Russian legislation and law enforcement practice. This leads to arbitrary and not always fair judicial decisions on the amount of compensation. *Methods.* The methodological basis of the study consists of formal-dogmatic and systemic methods. The empirical base is represented by the results of an analysis of more than 150 court decisions on criminal cases for the period from 2021 to 2024, posted in electronic databases, as well as data obtained from a survey of 189 investigators and judges. *Results.* It has been established that judicial practice, when considering compensation for moral damages in cases of attempted violent crimes, fails to take into account the reduced social danger of an unfinished act, and the amounts of compensation are, in most cases, equated to payments awarded for completed crimes. The need to use a decreasing coefficient (up to three-quarters of the amount that would be awarded for a completed crime) when calculating the amount of compensation for moral damages in cases of only an attempted crime is substantiated. In cases of complicity, it is proposed to establish a differentiation of liability. A distinction should be made between joint liability, which occurs for causing moral damages and when a crime is committed by an organized group (with an increasing coefficient of 1.05), and shared liability, which occurs for causing physical and property damage in group crimes committed by prior conspiracy (depending on the role of each accomplice).

здоровью и личной неприкосновенности, при покушении нередко оказываются не менее, а иногда и более интенсивными в силу психологических механизмов восприятия угрозы. Однако в сложившейся практике судопроизводства размер компенсации за покушение зачастую необоснованно приближается к размеру компенсации, назначаемой в случае окончательного преступления. Следует констатировать, что объективно более низкий уровень общественной опасности неоконченного деяния при этом не учитывается.

Не менее острой остается проблема распределения ответственности за причиненный вред между соучастниками. Если обратиться к опыту гражданского законодательства, то обращает на себя внимание закрепление в нем солидарной ответственности лиц, совместно причинивших вред (ст. 1080 ГК РФ). Однако автоматическое применение этого принципа ко всем случаям соучастия без учета формы, в которой оно было реализовано (группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа), и индивидуальной роли каждого из соучастников может приводить к несправедливому распределению бремени возмещения. Прежде всего это касается возмещения имущественного и физического вреда, в причинении которого вклад соучастников может быть различным. Вопрос о том, должна ли ответственность за моральный вред, обладающий неделимым характером, всегда быть солидарной, а за материальный – долевой, требует глубокого научного осмысления. Следует найти и формализовать оптимальное его решение.

Цель проведенного нами исследования состояла в разработке на основе результатов комплекс-

ного анализа проблем, возникающих при определении размеров возмещения потерпевшим вреда, причиненного им неоконченными и совершенными в соучастии насильственными преступлениями, рекомендаций по дифференциации и формализации соответствующих компенсационных выплат. Для достижения поставленной цели необходимо было решить следующие задачи:

- рассмотреть судебную практику возмещения вреда, причиненного на стадиях приготовления к насильственному преступлению и покушения на его совершение, выявить устойчивые тенденции и противоречия;
- исследовать особенности распределения ответственности между соучастниками в случаях причинения вреда различных видов;
- оценить обоснованность и эффективность применения солидарной и долевой ответственности в зависимости от формы соучастия;
- разработать научно обоснованные критерии определения размера компенсации морального вреда с учетом степени общественной опасности неоконченного деяния;
- сформулировать предложения по совершенствованию правоприменительной практики.

МЕТОДЫ

Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных и частнонаучных методов познания, соответствующих поставленным целям и задачам. Ведущая роль была отведена формально-догматическому (нормативно-логическому) методу. Его использование позволило осуществить детальный анализ норм уголовного (ст.ст. 30, 32-36, 66 УК РФ), уголовно-процессуального (ст. 42 УПК РФ) и гражданского (ст.ст. 1064,

1080, 1099-1101 ГК РФ) законодательства, регулирующих вопросы возмещения вреда. Системный метод применялся для изучения института возмещения вреда как элемента единого механизма защиты прав потерпевшего, функционирующего на стыке уголовного и гражданского права.

Эмпирическую базу исследования сформировали результаты анализа более 150 приговоров и решений судов общей юрисдикции по делам о насильственных преступлениях (против жизни и здоровья, половой неприкосновенности, собственности, сопряженных с насилием). Для накопления материала использовался метод случайной и стратифицированной выборки, ею были охвачены электронные базы данных за период с 2021 по 2024 год. Выборка стратифицирована по видам преступлений (оконченные и неоконченные) и формам соучастия. Для получения репрезентативных выводов о позициях правоприменителей и выявления латентных проблем был применен метод анонимного анкетирования. Анкета содержала как закрытые вопросы (множественный выбор), так и открытые, позволяющие респондентам аргументировать свою позицию. Обработка полученных данных проводилась с помощью методов статистического анализа (дескриптивная статистика, корреляционный анализ) и контент-анализа качественных ответов. В анкетировании приняли участие 189 следователей и судей судов общей юрисдикции из различных регионов России.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Анализ судебной практики позволил выявить устойчивые и в некоторой степени противоречивые тенденции в подходах к возмещению вреда, причиненного неоконченными преступлениями. Сопоставление различных теоретических позиций, обоснованных в трудах таких известных ученых, как В.М. Савицкий, И.И. Потеружа [1], Р.Д. Рахунов [2], и других исследователей, предоставило возможность сформировать представления о природе и объеме вреда, причиняемого на стадиях неоконченного преступления, а также об ответственности соучастников.

Прежде всего отметим, что по итогам исследования был полностью подтвержден теоретический постулат Н.Ф. Кузнецовой о том, что приготовление к преступлению (ч. 1 ст. 30 УК РФ) представляет собой создание условий для его совершения, но не начало исполнения его состава, в силу чего непосредственного воздействия на объект уголовно-правовой охраны не происходит [3, с. 47]. Во всех изученных нами по материалам уголовных дел случаях приготовления к насильственным преступлениям (приобретение оружия, разработка плана нападения, слежка за жертвой и т.д.) физического или имущественного вреда потерпевшим – физическим лицам – причинено не было. Результаты анкетирования показали, что 97% респондентов из числа следователей никогда не сталкивались с тем, чтобы в таких случаях причинялся вред указанных видов. На этой стадии преступной деятельности речь идет только о причинении вреда охраняемым уголовным законом государственным и общественным интересам, выражающегося

в нарушении уголовно-правового запрета. Компенсация данного вреда осуществляется исключительно в рамках публично-правовых отношений посредством назначения наказания, что, как верно отмечает М.С. Афанасова, отчасти служит целям компенсации расходов государства на разрешение уголовно-правового конфликта [4, с. 164].

На стадии покушения (ч. 3 ст. 30 УК РФ) ситуация кардинально меняется. Как писал Л.Д. Гаухман, «покушение – это действие или бездействие, непосредственно направленное на совершение преступления, содержащее часть признаков его объективной стороны» [5, с. 124]. Анализ уголовных дел показал, что физический вред причинялся потерпевшим в 55% случаев покушения на насильственные преступления, имущественный вред имел место в 45% случаев. Здесь дискуссионным является вопрос о моральном вреде. По результатам проведенного нами анализа было установлено, что компенсация за причинение морального вреда назначалась судами к взысканию в 83% случаев. При этом для обоснования наличия морального вреда делается ссылка на такие обстоятельства, как непосредственная угроза жизни и здоровью, пережитый страх и унижение. Такой подход находит поддержку в научной литературе. Например, П.С. Яни указывал на то, что сам факт посяательства на личность, даже если оно не достигло цели, способен причинять значительные нравственные страдания [6, с. 91].

Одна из проблем, выявленных в ходе исследования, заключается в отсутствии четкой зависимости размера компенсации морального вреда от степени завершенности преступления. Нами было рассчитано, что средний ее размер в случаях оконченного умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 111 УК РФ) по изученным уголовным делам составил 250 тысяч рублей. В то же время средний размер компенсации за покушение на это же преступление оказался равен 220 тысячам рублей. Это 88% от показателя по оконченным преступлениям. Аналогичная картина наблюдается и при рассмотрении других составов насильственных преступлений. Подобный подход к определению размера компенсации, по сути, игнорирует объективно более низкий уровень общественной опасности покушения, хотя данное обстоятельство находит свое отражение в уголовном законе через институт смягчения наказания (ст. 66 УК РФ). Это создает ситуацию правового дисбаланса, когда уголовно-правовая ответственность виновного дифференцируется, а гражданско-правовая ответственность по возмещению морального вреда – нет. О.А. Михаль справедливо подчеркивает, что общественная опасность неоконченного преступления меньше в силу недоведения его до конца [7, с. 43], однако это не учитывается при компенсации морального вреда.

Что касается соучастия в совершении преступления, то результаты анализа материалов уголовных дел показывают, что в 62% случаев суды привлекают соучастников к солидарной ответственности за причиненный вред, руководствуясь общей нормой ст. 1080 ГК РФ. То есть применяет-

ся недифференцированный подход. Установлено, что при совершении преступления группой лиц по предварительному сговору (ч. 2 ст. 35 УК РФ) суды лишь в 15% случаев предпринимают попытки определять размер возмещения материального ущерба в зависимости от конкретной роли того или иного соучастника. Здесь обратим внимание на позицию А.В. Наумова, который указывал на сложности доказывания индивидуального вклада каждого соучастника в общий преступный результат¹. Моральный вред является неделимым последствием самого факта группового насильственного посягательства. Суды взыскивали компенсацию за его причинение с соучастников солидарно в 95% случаев, изученных нами по материалам уголовных дел. Этот показатель подтверждает обоснованность точки зрения И.В. Белоусова, рассматривающего групповое насилие как единое причиняющее вред воздействие на потерпевшего [8, с. 173].

Другая проблема связана с возмещением вреда, причиненного организованными группами (ч. 3 ст. 35 УК РФ). Повышенная общественная опасность данной формы соучастия неоднократно подчеркивалась Верховным Судом Российской Федерации². Однако в настоящее время это обстоятельство не находит прямого отражения в практике назначения компенсации за причиненный потерпевшему моральный вред.

Результаты проведенного нами анкетирования подтвердили наличие описанных выше проблем. 72% судей и 68% следователей признали, что существующие критерии определения размера компенсации морального вреда при покушении являются размытыми и недостаточными. При этом 68% судей и 66% следователей поддержали идею использования при его расчете понижающего коэффициента по аналогии со ст. 66 УК РФ. Что касается преступлений, совершенных в соучастии, то 64% респондентов высказались за более гибкий подход, предполагающий долевою ответственность соучастников за причиненный физический и имущественный вред с учетом роли каждого из них и солидарную ответственность за моральный вред.

Итоги исследования свидетельствуют о наличии системной проблемы, требующей научно обоснованного решения. Представляется целесообразным и справедливым распространить фундаментальную логику уголовного закона, отраженную в ст. 66 УК РФ, на смежный гражданско-правовой институт компенсации морального вреда. Принцип соразмерности, являющийся краеугольным камнем правовой ответственности, диктует необходимость учета степени реализации преступного умысла. Считаем, что понижающий коэффициент можно закрепить на уровне разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, установив, что размер компенсации морального вреда за покушение на преступление не должен превышать трех четвертых от максимальной суммы, взыскиваемой за окончательное пре-

ступление. Выглядит логическим противоречием то, что наказание за покушение на совершение насильственного преступления смягчается по сравнению с окончательным преступлением, а ответственность по возмещению вреда – нет. О.В. Воронин подчеркивает, что «при определении размера компенсации морального вреда необходимо учитывать степень вины причинителя вреда, которая при покушении объективно меньше, чем при окончательном преступлении» [9, с. 45].

С виктимологической точки зрения, хотя покушение и причиняет значительные нравственные страдания, его последствия часто отличаются от вреда, образующегося при окончательном преступлении. М.Н. Малеина отмечает, что «моральный вред от реально наступивших последствий (инвалидность, утрата трудоспособности) носит более устойчивый и глубокий характер, чем вред от пережитой угрозы» [10, с. 112]. Коэффициент три четвертых позволил бы учесть это отличие, не отрицая самого факта причинения покушением вреда. По нашему мнению, в рамках этого лимита суду следует предоставить право дифференцированно подходить к определению суммы компенсационной выплаты с учетом конкретных обстоятельств дела. Это согласуется с позицией А.М. Эрделевского, который обосновывал необходимость разработки более формализованных критериев оценки морального вреда [11, с. 56].

В контексте соучастия нами предлагается внедрить дифференцированный подход, основанный на природе причиняемого вреда. Возмещение физического и имущественного вреда, причиненного группой лиц или группой лиц по предварительному сговору, должно основываться на принципе долевою ответственности и осуществляться пропорционально установленной судом степени участия в совершении преступления каждого из соучастников. Это потребует более тщательного исследования обстоятельств дела, что, впрочем, соответствует необходимости решения задачи индивидуализации ответственности. В свою очередь, моральный вред, причиняемый самим фактом группового насилия, является неделимым, что обуславливает солидарную ответственность за его причинение.

Для преступлений, совершенных организованной группой, с учетом их качественно более высокой общественной опасности предлагаем установить солидарную ответственность за все виды вреда с применением повышающего коэффициента в размере 1,05 к общей сумме компенсации. А.И. Рарог отмечает, что «повышенная опасность организованной группы проявляется в тщательности подготовки, распределении ролей и устойчивости преступных связей» [12, с. 156]. «Сам факт посягательства со стороны организованной структуры, – добавляет к этому С.В. Максимов, – причиняет потерпевшему уникальные страдания, связанные с осознанием невозможности противостоять сплоченной группе» [13, с. 92]. Моральный вред в таком случае приобретает специфический

¹ Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. М., 1996. С. 291.

² См., например: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)».

характер. «Групповой характер преступления, – пишет Л.В. Бойко, – усиливает психологическое воздействие на потерпевшего, вызывая чувство особой уязвимости и страха» [14, с. 67]. В.П. Верин подчеркивает: «Организованная преступность создает атмосферу безнаказанности, что усугубляет моральные страдания жертвы» [15, с. 34].

Предлагаемый нами коэффициент призван отразить повышенный уровень психических страданий потерпевшего, обусловленный организованным характером посягательства. Вместе с тем его применение получит и компенсационно-превентивный характер, так как солидарная ответственность участников организованной группы в этом случае будет соответствовать принципу адекватного возмещения вреда. И.А. Клепицкий считает, что «такой подход создает дополнительные материальные издержки для участников преступных объединений, выполняя превентивную функцию» [16, с. 89].

Использование предлагаемых нами коэффициентов могло бы способствовать совершенствованию судебной деятельности, обеспечению соблюдения принципов объективности и соразмерности, уменьшило бы вероятность принятия необоснованных решений. По словам А.Б. Смирнова, «отсутствие четких ориентиров для определения размера компенсации морального вреда приводит к существенному разбросу сумм взыскания» [17, с. 56]. М.Г. Ширвиндт подчеркивает, что «формализация подходов к возмещению вреда необходима для обеспечения единства судебной практики» [18, с. 78].

Таким образом, можно констатировать, что разработка и внедрение дифференцированных подходов к возмещению вреда, причиненного потерпевшим от насильственных преступлений, является насущной потребностью современной правовой системы. Наши предложения – установление коэффициента три четверти для расчета компенсации вреда, причиненного в результате покушения на насильственное преступление, и повышающего размер компенсации коэффициента 1,05 в случае с преступлениями, совершенными организованными группами (преступными сообществами, преступными организациями), – представляют собой не новации, носящие технический характер, а логическое развитие принципов справедливости, соразмерности и системности права. Их теоретическая ценность заключается в преодолении сложившегося методологического разрыва между уголовно-правовой и гражданско-правовой оценкой одного и того же противоправного деяния. Если уголовное законодательство давно и последовательно придерживается идеи пониженной общественной опасности неоконченного преступления и повышенной – группового, то институт возмещения вреда, в первую очередь морального, до сих пор не воспринял ее, что порождает противоречия в правоприменительной практике.

Практическая значимость сформулированных нами предложений состоит в возможности создания посредством их реализации четких, объективных и предсказуемых ориентиров для

принятия судами решений о размерах компенсационных выплат потерпевшим от насильственных преступлений. Это позволит обеспечить единообразие подхода к обоснованию таких решений в случаях совершения преступления в соучастии или неоконченного преступления. Вместе с тем будут укреплены гарантии потерпевшего на получение справедливой компенсации, размер которой адекватно отражает как степень реализации преступного умысла, так и специфику причиненных страданий. Для судей было бы значимым появление инструментария, позволяющего аргументированно обосновывать размер компенсации с опорой не только на внутреннее убеждение, но и на формализованные критерии. В более широком смысле реализация данных предложений может способствовать укреплению доверия к правосудию и повышению эффективности защиты фундаментальных прав личности, что является целью любого правового государства. Направление дальнейших исследований в рассматриваемой сфере нам видится в детальной проработке методик распределения долей ответственности между соучастниками при возмещении вреда (ущерба).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное нами комплексное исследование позволило выявить и проанализировать системные проблемы в сфере возмещения вреда (ущерба) потерпевшим от насильственных преступлений в случаях совершения неоконченного насильственного преступления и соучастия в преступной деятельности. Доказана необоснованность и противоречивость сложившейся судебной практики, в рамках которой размеры возмещения морального вреда за покушение зачастую неоправданно приближаются к размерам выплат за оконченные преступления, что игнорирует объективно более низкий уровень общественной опасности неоконченного деяния. Выявлена необходимость внедрения в правоприменительную деятельность принципа соразмерности, заимствованного из уголовного законодательства, и установления понижающего коэффициента (до трех четвертых) для компенсации морального вреда при покушении на совершение насильственного преступления.

Что касается соучастия в преступлении, аргументирована целесообразность разграничения видов ответственности: долевая – для возмещения физического и имущественного вреда, причиненного группой лиц или по предварительному сговору, с учетом индивидуального вклада каждого из соучастников; солидарная – для компенсации неделимого морального вреда. Для случаев совершения преступлений организованными группами предложено установить солидарную ответственность за причинение вреда всех видов с применением повышающего коэффициента (1,05), что соответствовало бы повышенному уровню общественной опасности данной формы соучастия.

Реализация этих предложений, прежде всего посредством опубликования Пленумом Верховного Суда Российской Федерации соответствующих

разъяснений¹, будет способствовать обеспечению принципов справедливости и соразмерности, до-

стижению правовой определенности при разрешении вопросов, касающихся возмещения вреда. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Савицкий В.М., Потеружа И.И. Потерпевший в советском уголовном процессе. М.: Наука, 1963. 188 с.
2. Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М.: Юридическая литература, 1961. 312 с.
3. Кузнецова Н.Ф. Ответственность за приготовление к преступлению и за покушение на преступление по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1958. 214 с.
4. Афанасова М.С. Проблемы компенсации расходов государства на уголовно-правовое противодействие преступлениям // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 11. С. 162-166.
5. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М.: Центр ЮрИнфоР, 2001. 487 с.
6. Яни П.С. Моральный вред как следствие преступления // Законность. 2008. № 5. С. 90-93.
7. Михаль О.А. Общественная вредность неоконченных преступлений: соотношение с категориями преступлений // Научный вестник Омской академии МВД России. 2005. № 2. С. 43-47.
8. Белоусов И.В. К вопросу о причинении вреда здоровью, совершенном в соучастии // Территория науки. 2013. № 3. С. 172-175.
9. Воронин О.В. Соразмерность ответственности и степень вины при возмещении морального вреда // Закон. 2012. № 7. С. 43-48.
10. Малеина М.Н. Компенсация морального вреда: законодательство и судебная практика // Государство и право. 2013. № 4. С. 108-115.
11. Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики. М.: Волтерс Клувер, 2009. 320 с.
12. Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб: Юридический центр Пресс, 2014. 324 с.
13. Максимов С.В. Особенности возмещения вреда от преступлений, совершенных в соучастии // Уголовное право. 2018. № 3. С. 89-95.
14. Бойко Л.В. Психологические аспекты морального вреда от преступных посягательств // Юридическая психология. 2015. № 2. С. 65-69.
15. Верин В.П. Преступления в сфере организованной преступности: криминологические и уголовно-правовые аспекты. М.: Юрлитинформ, 2011. 256 с.
16. Клепицкий И.А. Экономические аспекты борьбы с организованной преступностью // Журнал российского права. 2017. № 8. С. 85-92.
17. Смирнов А.Б. Проблемы единства судебной практики по делам о компенсации морального вреда // Вестник гражданского процесса. 2020. № 1. С. 54-60.
18. Ширвиндт М.Г. Формализация критериев оценки морального вреда как способ обеспечения правовой определенности // Законодательство. 2016. № 9. С. 75-80.

REFERENCES

1. Savitskiy V.M., Poteruzha I.I. Poterpevshiy v sovetskom ugovnom protsesse. M.: Nauka, 1963. 188 s.
2. Rakhunov R.D. Uchastniki ugovno-protsessual'noy deyatel'nosti. M.: Yuridicheskaya literatura, 1961. 312 s.
3. Kuznetsova N.F. Otvetstvennost' za prigotovleniye k prestupleniyu i za pokusheniye na prestupleniye po sovetskomu ugovnomu pravu. M.: Gosyurizdat, 1958. 214 s.
4. Afanasova M.S. Problemy kompensatsii raskhodov gosudarstva na ugovno-pravovoye protivodeystviye prestupleniyam // Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki. 2023. № 11. S. 162-166.
5. Gaukhman L.D. Kvalifikatsiya prestupleniy: zakon, teoriya, praktika. M.: Tsentr YurInfoR, 2001. 487 s.
6. Yani P.S. Moral'nyy vred kak posledstviye prestupleniya // Zakonnost'. 2008. № 5. S. 90-93.
7. Mikhal' O.A. Obshchestvennaya vrednost' neokonchennykh prestupleniy: sootnosheniye s kategoriyami prestupleniy // Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. 2005. № 2. S. 43-47.
8. Belousov I.V. K voprosu o prichinenii vreda zdorov'yu, sovershennom v souchastii // Territoriya nauki. 2013. № 3. S. 172-175.
9. Voronin O.V. Sorazmernost' otvetstvennosti i stepen' viny pri vozmeshchenii moral'nogo vreda // Zakon. 2012. № 7. S. 43-48.
10. Maleina M.N. Kompensatsiya moral'nogo vreda: zakonodatel'stvo i sudebnaya praktika // Gosudarstvo i pravo. 2013. № 4. S. 108-115.
11. Erdelevskiy A.M. Kompensatsiya moral'nogo vreda: analiz i kommentariy zakonodatel'stva i sudebnoy praktiki. M.: Volters Kluver, 2009. 320 s.

¹ Например, было бы целесообразно внести изменения и дополнения в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда».

12. Rarog A.I. Kvalifikatsiya prestupleniy po sub'yektivnym priznakam. SPb: Yuridicheskiy tsentr Press, 2014. 324 s.
13. Maksimov S.V. Osobennosti vozmeshcheniya vreda ot prestupleniy, sovershennykh v souchastii // Ugolovnoye pravo. 2018. № 3. S. 89-95.
14. Boyko L.V. Psikhologicheskiye aspekty moral'nogo vreda ot prestupnykh posyagatel'stv // Yuridicheskaya psikhologiya. 2015. № 2. S. 65-69.
15. Verin V.P. Prestupleniya v sfere organizovannoy prestupnosti: kriminologicheskiye i ugolovno-pravovyye aspekty. M.: Yurlitinform, 2011. 256 s.
16. Klepitskiy I.A. Ekonomicheskiye aspekty bor'by s organizovannoy prestupnost'yu // Zhurnal rossiyskogo prava. 2017. № 8. S. 85-92.
17. Smirnov A.B. Problemy yedinstva sudebnoy praktiki po delam o kompensatsii moral'nogo vreda // Vestnik grazhdanskogo protsessa. 2020. № 1. S. 54-60.
18. Shirvindt M.G. Formalizatsiya kriteriyev otsenki moral'nogo vreda kak sposob obespecheniya pravovoy opredelennosti // Zakonodatel'stvo. 2016. № 9. S. 75-80.

© Сапрыкина Т.О., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Сапрыкина Т.О. Возмещение вреда (ущерба), причинённого потерпевшему неоконченными и совершёнными в соучастии насильственными преступлениями // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (82). С. 66-72.

Александр Александрович НАСОНОВ,
доктор юридических наук, ORCID 0000-0001-9637-7029
Воронежский институт МВД России (г. Воронеж)
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
nasonov.aa@mail.ru

Научная статья
УДК 343.13

О ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ГАРАНТИЯХ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОТЕРПЕВШИХ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Законный представитель, несовершеннолетний потерпевший, свидетельский иммунитет, дознание в сокращенной форме, особый порядок судебного разбирательства, примирение сторон, запрашиваемое к выдаче лицо, защитник.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В статье представлены результаты исследования проблемы усиления процессуальными гарантиями деятельности по защите прав и законных интересов несовершеннолетних потерпевших в отечественном уголовном судопроизводстве. Необходимость скорейшего решения данной проблемы обусловлена не только ростом числа преступлений, жертвами которых оказываются несовершеннолетние, но и наличием пробелов в системе уголовно-процессуальных гарантий, сопровождающих деятельность законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего по отстаиванию прав представляемого лица. *Методы.* При проведении исследования были использованы всеобщий диалектический метод, общенаучные и частнонаучные методы (анализ и синтез, системно-структурный, формально-юридический). *Результаты.* Сформулированы предложения, направленные на расширение гарантий защиты прав и законных интересов несовершеннолетних потерпевших. Они напрямую связаны с усовершенствованием процессуального статуса законного представителя таких участников уголовного судопроизводства. Представляется целесообразным расширить круг прав законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего. Рекомендуется укрепить процессуальный статус законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего правом давать согласие на переход к сокращенной форме дознания, к особому порядку судебного разбирательства, к примирению сторон по делам частного обвинения. В целях обеспечения эффективности деятельности, осуществляемой законным представителем несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, а также лица, запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования или исполнения приговора, предлагается распространить на этого законного представителя правила свидетельского иммунитета, предусмотренные ч. 3 ст. 56 УПК РФ.

ВВЕДЕНИЕ

Несовершеннолетние являются наиболее уязвимой категорией лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве. Они не всегда способны полноценно реализовывать предоставленные им права в силу своих психофизиологических особенностей. Недаром Пекинские правила¹ ориентируют на учет особых потребностей несовершеннолетних на всех стадиях уголовного процесса. Отечественное законодательство также идет по этому пути, устанавливая усложненную уголовно-процессуальную форму, в рамках которой осуществляется производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних (гл. 50 УПК РФ). Усложнение достигается за счет дополнительных уголовно-процессуальных гарантий, которые предоставляются несовершеннолетним при производстве расследования по уголовному делу и рассмотрении его в суде. Важной для таких лиц гарантией является обязательное участие в уголовном процессе защитника и законного представителя.

МЕТОДЫ

В ходе исследования, результаты которого представлены в данной статье, использовались всеобщий диалектический метод, общенаучные и частнонаучные методы. Всеобщий диалектический метод научного познания позволил всесторонне рассмотреть поставленную проблему. Методы анализа и синтеза были востребованы для выявления роли законного представителя несовершеннолетнего в защите интересов представляемого им лица. Системно-структурный метод послужил для изучения структуры процессуального статуса законного представителя потерпевшего с учетом возложенной на него процессуальной роли. Формально-юридический метод применялся для выявления в нормативной регламентации участия законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего пробелов и противоречий. Их наличие обуславливает направления коррекции процессуального статуса законного представителя.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству и защитник, и законный представитель наделены комплексом прав, позволяющих им отстаивать интересы несовершеннолетних (например ст.ст. 426, 428 УПК РФ). К числу последних в первую очередь следует отнести лиц, осуществляющих в уголовном судопроизводстве функцию защиты. Защитительная деятельность свойственна не только подозреваемому, обвиняемому, но и лицу, запрашиваемому к выдаче для уголовного преследования или исполнения приговора. Несмотря на то, что гл. 54 УПК РФ не содержит упоминания о несовершеннолетних, их участия в экстрадиционном производстве исключать нельзя. Это следует из содержания п. «h» ст. 4 Типового договора о выдаче²,

согласно которому недостижение лицом совершеннолетия по закону запрашиваемого государства не является императивным основанием для отказа в выдаче [1, с. 221].

На стороне несовершеннолетних, выполняющих функцию обвинения (потерпевшего, гражданского истца), также может выступать законный представитель. Кроме того, его помощью вправе воспользоваться и несовершеннолетний свидетель, который не участвует в выполнении ни одной из перечисленных в ст. 15 УПК РФ уголовно-процессуальных функций. В этой ситуации и самому несовершеннолетнему свидетелю, и его законному представителю в уголовном процессе отводится вспомогательная роль.

Как верно отмечает Н.Ю. Литвинцева, деятельность законного представителя является важной гарантией осуществления прав несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства [2, с. 568].

Однако обладание законным представителем широкими правами само по себе еще не гарантирует их надлежащей реализации: для нее должны быть созданы тщательно регламентированные законодательством условия [3, с. 49]. К сожалению, законодатель не достаточно внимательно относится к данной проблеме. Законный представитель призван отстаивать интересы представляемого им в уголовном судопроизводстве лица, однако следует констатировать, что в настоящее время круг гарантий, способствующих решению этой задачи, нуждается в существенном дополнении. А оно возможно только в случае более четкого определения процессуального статуса законного представителя, что не раз подчеркивалось в научной литературе [4, с. 206; 5, 6, 7].

В рассматриваемом нами контексте было бы не лишним обратить внимание на ст. 56 УПК РФ и закрепляемое ею право на свидетельский иммунитет. Согласно действующему законодательству правом на такой иммунитет, кроме прочих лиц, обладают адвокат, защитник подозреваемого и обвиняемого (п. 2 ч. 3 ст. 56 УПК РФ), а также адвокат, оказывающий юридическую помощь (п. 3 ч. 3 ст. 56 УПК РФ). Однако самое непосредственное отношение к реализации прав лица, участвующего в уголовном судопроизводстве, включая его право на защиту, имеет (наряду с защитником, адвокатом) и законный представитель данного лица. Следовательно, для успешного выполнения законным представителем своей процессуальной роли его необходимо наделить правами, похожими на те, которыми обладают названные в ст. 56 УПК РФ защитники подозреваемого, обвиняемого и адвокаты. Достижению этой цели будет способствовать распространение свидетельского иммунитета на законного представителя несовершеннолетнего, будь то подозреваемый, обвиняемый, гражданский истец, потерпевший, свидетель или лицо, запрашиваемое к выдаче для уголовного

¹ Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила): приняты 29.11.1985 резолюцией 40/33 на 96-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций.

² Типовой договор о выдаче: принят резолюцией 45/116 Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 14.12.1990.

Alexander A. NASONOV

Doctor of Law, ORCID 0000-0001-9637-7029

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia (Voronezh, Russia)

Senior Lecturer at the Department of Criminal Procedure

nasonov.aa@mail.ru

ON ADDITIONAL GUARANTEES FOR THE PROTECTION OF THE RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS OF MINOR VICTIMS IN DOMESTIC CRIMINAL PROCEEDINGS

KEYWORDS. Legal representative, minor victim, witness immunity, abbreviated inquiry, special trial procedure, reconciliation of the parties, person requested for extradition, defense counsel.

ANNOTATION. Introduction. The article presents the results of a study of the problem of strengthening procedural guarantees for the protection of the rights and legitimate interests of minor victims in domestic criminal proceedings. The need for a prompt solution to this problem is due not only to the growing number of crimes involving minors, but also to the existence of gaps in the system of criminal procedural guarantees that accompany the activities of the legal representative of a minor victim in upholding the rights of the person represented.

Methods. The study utilized the general dialectical method, general scientific and specific scientific methods (analysis and synthesis, systemic-structural, formal-legal). **Results.** Proposals are formulated aimed at expanding the guarantees for the protection of the rights and legitimate interests of minor victims. They are directly related to the improvement of the procedural status of the legal representative of such participants in criminal proceedings. It seems appropriate to expand the range of rights of the legal representative of a minor victim. It is recommended to strengthen the procedural status of the legal representative of a minor victim by granting them the right to consent to a transition to an abbreviated form of inquiry, a special trial procedure, and reconciliation of the parties in private prosecution cases. To ensure the effectiveness of the legal representative of a minor suspect, accused, or person requested for extradition for criminal prosecution or execution of a sentence, it is proposed to extend the witness immunity rules stipulated in Part 3 of Article 56 of the Russian Criminal Procedure Code to this legal representative.

преследования или исполнения приговора. Для этого в ч. 3 ст. 56 УПК РФ необходимо включить норму, согласно которой такие законные представители не подлежат допросу в качестве свидетелей об обстоятельствах, ставших им известными в связи с защитой представляемого ими лица, за исключением случаев, когда о допросе в качестве свидетеля ходатайствует сам законный представитель с согласия и в интересах представляемого несовершеннолетнего.

Однако одного сходства прав законного представителя с правами адвокатов, защитников недостаточно для того, чтобы решить проблему надлежащей защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства. Требуется также, чтобы права законного представителя были подобны правам представляемого им лица. И в научной литературе на это уже обращалось внимание [8, с. 394]. Законодатель в основном следует данному курсу, но все-таки наблюдаются пробелы, нуждающиеся в восполнении на нормотворческом уровне.

Так, по непонятным причинам УПК РФ не закрепляет обладания законным представителем несовершеннолетнего потерпевшего правом давать согласие на переход к сокращенной форме дознания. Она не может применяться, если подозреваемым является несовершеннолетний, если деяние совершено в состоянии невменяемости, если у лица после совершения им преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение (есть основания для производства о применении принудительных мер медицинского характера) [9, с. 48]. Но несовершеннолетние при производстве дознания в сокращенной форме могут обладать статусом другого участника уголов-

ного процесса – потерпевшего. И о защите их прав законодательно следует позаботиться.

Не закреплено в УПК РФ и право законного представителя потерпевшего давать согласие на переход к особому порядку судебного разбирательства, а также на прекращение уголовного дела за примирением сторон по делам частного обвинения. Причем самому несовершеннолетнему такие права принадлежат независимо от того, способен он полноценно осуществлять свою защиту или нет. Учитывая специфику возраста, психические, интеллектуальные и другие особенности лица, не достигшего возраста совершеннолетия, нетрудно прийти к выводу о том, что для отстаивания его интересов одной самозащиты недостаточно. Эффективность уголовно-процессуальной защиты, осуществляемой только самим несовершеннолетним, в большинстве случаев будет вызывать сомнения. Поэтому законодатель и дает возможность этому лицу воспользоваться помощью и защитника, и законного представителя.

Несмотря на это, если говорить о несовершеннолетних потерпевших, защита их интересов оставляет желать лучшего. Данная проблема требует незамедлительного решения на фоне увеличения количества преступлений, совершаемых в отношении представителей рассматриваемой нами возрастной группы. И прежде всего речь идет о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних [10, с. 11; 11, с. 23; 12, 13].

Проблема защиты прав несовершеннолетних потерпевших приобрела особую остроту не только потому, что растет число таких лиц. К сожалению, не сформировано четкого и безупречного механизма, посредством которого их права могут быть эффективно реализованы. И это, в свою оче-

редь, нередко приводит к нарушению прав лиц данной категории.

Правоприменительная практика знакома со случаями нарушения прав несовершеннолетних потерпевших и возникновения угрозы такого нарушения. Достаточно нескольких примеров, чтобы убедиться в том, что права данных участников уголовного судопроизводства уязвимы.

Так, Приморским краевым судом в приговоре от 14 апреля 2014 г., вынесенном в отношении Ф., обвинявшегося в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, было отмечено, что процессуальные нарушения, допущенные следователем при допросе малолетней потерпевшей, привели к признанию ее показаний недопустимым доказательством. Это стало основанием для вынесения оправдательного вердикта. На данное обстоятельство обратила внимание Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассматривавшая апелляционное представление государственного обвинителя на данный приговор. Рассматривая апелляционное представление по другому уголовному делу, та же коллегия отметила, что постановление следователем при допросе малолетней потерпевшей наводящих вопросов, проведение допроса в ночное время в течение нескольких часов повлекли за собой признание недопустимыми ее показаний¹. Еще один подобного рода пример представляет определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 14 декабря 2020 г. по делу № 77-2366/2020. Здесь речь идет о том, что несовершеннолетний потерпевший, не достигший к моменту допроса шестнадцатилетнего возраста, был предупрежден судом об ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний и допрошен в отсутствие педагога и психолога. Это дало основания для признания его показаний недопустимыми.

Очевидно, что подобные случаи свидетельствуют о необходимости усиления защиты интересов несовершеннолетних потерпевших, в том числе и за счет повышения активности участия в ней законных представителей таких лиц. Представляется, что для упреждения возникновения ситуаций, схожих с описанными выше, было бы целесообразным включить законных представителей потерпевшего в число лиц, дающих согласие на переход к сокращенной форме дознания, к особому порядку судебного разбирательства, на прекращение уголовного дела за примирением сторон (по делам частного обвинения). Не менее важным видится наделение законного представителя потерпевшего, частного обвинителя, правом получать письменное уведомление о продлении следователем срока предварительного следствия,

о приостановлении предварительного следствия, о возобновлении предварительного следствия, об окончании следственных действий, о направлении уголовного дела в суд.

Большая часть из перечисленных прав, которыми следует наделить законного представителя, воспроизводит аналогичные права представляемого им лица и ориентирована на получение необходимой информации о движении уголовного дела. Очевидно, что это имеет большое значение для законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего, в том числе и с точки зрения выбора средств защиты, система которых предусматривает и дачу согласие. Важность фигуры законного представителя в деле защиты интересов его представляемого была подчеркнута в одном из постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Внимание было обращено на следующее: когда по делу частного обвинения мнение несовершеннолетнего потерпевшего по вопросу о примирении с обвиняемым и прекращении уголовного дела не совпадает с мнением его законного представителя, основания для прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон отсутствуют². Представляется, что такой подход следует распространить и на другие случаи участия законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего в уголовном судопроизводстве. Это поможет занять данному участнику процесса активную и продуктивную позицию относительно защиты прав и законных интересов своего несовершеннолетнего представляемого.

Впрочем, сказанное вовсе не означает, что без закрепления соответствующих возможностей законного представителя в уголовно-процессуальных нормах это лицо остается бездейственным. Законные представители зачастую весьма эффективно используют свои уже имеющиеся возможности в сфере защиты прав несовершеннолетнего потерпевшего. Показательным в этом смысле является применение такого процессуального средства, нередко используемого субъектами защиты, как жалоба [14, с. 34; 15]. Во многих случаях в жалобах законного представителя оспаривается размер возмещаемого несовершеннолетнему потерпевшему ущерба³; отмечается, что лица, ведущие уголовный процесс, нарушают права несовершеннолетних потерпевших⁴. Жалобы затрагивают и многие другие вопросы.

Несмотря на это, следует отметить, что закрепленных на сегодняшний день прав законному представителю явно недостаточно для грамотного выполнения своей процессуальной роли. Представляется, что в целях эффективной защиты прав несовершеннолетнего потерпевшего необходимо

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 04.09.2014 № 56-АПУ14-34 // Верховный Суд Российской Федерации: сайт // URL: <https://www.vsrfr.ru/files/14781/> (дата обращения: 13.05.2025).

² См. п. 31 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.06.2010 № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве».

³ См., например: апелляционное постановление Ростовского областного суда № 22-3473/2021 от 05.07.2021 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/HI2ZGvcpxb5W/>.

⁴ См., например: апелляционное постановление Московского областного суда № 22К-4389/2020 от 16.07.2020 по делу № 22К-4389/2020 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/I0b8CV1f1iQn/>.

наделить его законного представителя более широкими возможностями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании вышеизложенного нами сформулирован ряд выводов. Прежде всего подчеркнем, что усиление дополнительными гарантиями правозащитной и правообеспечительной деятельности, осуществляемой в отношении несовершеннолетних потерпевших, неразрывно связано с укреплением процессуального статуса его законного представителя. Его процессуальные возможности должны быть дополнены правом на свидетель-

ский иммунитет в соответствии с ч. 3 ст. 56 УПК РФ, правом соглашаться на переход к сокращенной форме дознания, к особому порядку судебного разбирательства, на прекращение уголовного дела за примирением сторон по делам частного обвинения, правом получать письменное уведомление о продлении следователем срока предварительного следствия, о приостановлении предварительного следствия, о возобновлении предварительного следствия, об окончании следственных действий, о направлении уголовного дела в суд. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Насонов А.А. Меры уголовно-процессуального принуждения, применяемые к лицу, запрашиваемому к выдаче для уголовного преследования // Вестник Воронежского института МВД России. 2017. № 1. С. 221-225.
2. Литвинцева Н.Ю. Законные представители несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства // Известия Байкальского государственного университета. 2017. Т. 27. № 4. С. 568-576.
3. Муравьев К.В., Соколов А.Б., Козловский П.В., Алексеева А.П. Тактико-криминалистическое обеспечение допроса несовершеннолетнего // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 4 (75). С. 47-52.
4. Куклин Д.А. Конституционные права потерпевшего, обеспечивающие участие представителя и законного представителя в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 6. С. 204-206.
5. Никитина К.Д. Правовой статус законного представителя при проведении допроса несовершеннолетнего (малолетнего) потерпевшего // Актуальные исследования. 2023. № 43 (173). С. 57-59.
6. Махова И.В. Процессуальный статус законного представителя малолетнего потерпевшего в уголовном судопроизводстве по делам о половых преступлениях // Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития. Материалы международной научно-практической конференции. М.: МосУ МВД России, 2017. С. 76-79.
7. Диденко В.И., Новикова Е.А., Леонова К.И. К вопросу о процессуальном статусе законных представителей несовершеннолетних потерпевших, свидетелей // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 3. С. 230-234.
8. Коротеева Е.А. Уголовно-процессуальные средства обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних потерпевших и их представителей // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2011. № 1 (10). С. 388-394.
9. Насонова И.А., Зотова М.В. Протокольная форма досудебной подготовки материалов как базовая модель для дознания в сокращенной форме // Вестник Воронежского института МВД России. 2017. № 2. С. 47-53.
10. Колосович М.С., Смагоринский Б.П. Перспективы развития мер противодействия преступлениям против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних // XII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии». Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2024. С. 11-13.
11. Колосович М.С., Алексеева А.П., Глебов В.Г. Современные меры предупреждения преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 1 (64). С. 22-38.
12. Тимошина Е.М. Основные криминологические показатели половых преступлений против несовершеннолетних // Научный портал МВД России. 2020. № 4 (52). С. 55-65.
13. Чаплыгина В.Н., Калюжный А.Н. Законный представитель несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и потерпевших на стадии предварительного расследования: проблема определения статуса // Современное уголовно-процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. Сборник материалов Международной конференции. Орел: ОрЮ МВД России, 2016. С. 399-403.
14. Насонова И.А. Ходатайства, жалобы, отводы: сходства и различия // Вестник Воронежского института МВД России. 2011. № 1. С. 34-38.
15. Ахмедов У.Н.О., Коноплина А.С. Ходатайства и жалобы в уголовном процессе как средства защиты прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и потерпевших // Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних. 2021. № 1 (8). С. 5-15.

REFERENCES

1. Nasonov A.A. Mery ugolovno-protsessual'nogo prinuzhdeniya, primenyayemyye k litsu, zaprashivayemomu k vydache dlya ugolovnogo presledovaniya // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2017. № 1. S. 221-225.

2. Litvintseva N.Yu. Zakonnyye predstaviteli nesovershennoletnikh uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva // Izvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. T. 27. № 4. S. 568-576.
3. Murav'yev K.V., Sokolov A.B., Kozlovskiy P.V., Alekseyeva A.P. Taktiko-kriminalisticheskoye obespecheniye doprosa nesovershennoletnego // Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. 2019. № 4 (75). S. 47-52.
3. Kuklin D.A. Konstitutsionnyye prava poterpevshego, obespechivayushchiye uchastiye predstavatelya i zakonnoego predstavatelya v ugolovnom sudoproizvodstve // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2019. № 6. S. 204-206.
4. Nikitina K.D. Pravovoy status zakonnoego predstavatelya pri provedenii doprosa nesovershennoletnego (maloletnego) poterpevshego // Aktual'nyye issledovaniya. 2023. № 43 (173). S. 57-59.
5. Makhova I.V. Protsessual'nyy status zakonnoego predstavatelya maloletnego poterpevshego v ugolovnom sudoproizvodstve po delam o polovyykh prestupleniyakh // Ugolovnoye sudoproizvodstvo: sovremennoye sostoyaniye i strategiya razvitiya. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. M.: MosU MVD Rossii, 2017. S. 76-79.
6. Didenko V.I., Novikova Ye.A., Leonova K.I. K voprosu o protsessual'nom statute zakonnykh predstaviteley nesovershennoletnikh poterpevshikh, svideteley // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. 2020. T. 13. № 3. S. 230-234.
7. Koroteyeva Ye.A. Ugolovno-protsessual'nyye sredstva obespecheniya prav i zakonnykh interesov nesovershennoletnikh poterpevshikh i ikh predstaviteley // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2011. № 1 (10). S. 388-394.
8. Nasonova I.A., Zotova M.V. Protokol'naya forma dosudebnoy podgotovki materialov kak bazovaya model' dlya dozvaniya v sokrashchennoy forme // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2017. № 2. S. 47-53.
9. Kolosovich M.S., Smagorinskiy B.P. Perspektivy razvitiya mer protivodeystviya prestupleniyam protiv polovoy neprikosnovennosti i polovoy svobody nesovershennoletnikh // XII Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii». Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2024. S. 11-13.
10. Kolosovich M.S., Alekseyeva A.P., Glebov V.G. Sovremennyye mery preduprezhdeniya prestupleniy protiv polovoy neprikosnovennosti i polovoy svobody nesovershennoletnikh // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2023. № 1 (64). S. 22-38.
11. Timoshina Ye.M. Osnovnyye kriminologicheskiye pokazateli polovyykh prestupleniy protiv nesovershennoletnikh // Nauchnyy portal MVD Rossii. 2020. № 4 (52). S. 55-65.
12. Chaplygina V.N., Kalyuzhnyy A.N. Zakonnyy predstavitel' nesovershennoletnikh podozrevayemykh, obvinyayemykh i poterpevshikh na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya: problema opredeleniya statusa // Sovremennoye ugolovno-protsessual'noye pravo Rossii: uroki istorii i problemy dal'neyshego reformirovaniya. Sbornik materialov Mezhdunarodnoy konferentsii. Orel: OrYu MVD Rossii, 2016. S. 399-403.
13. Nasonova I.A. Khodataystva, zhaloby, otvody: skhodstva i razlichiya // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2011. № 1. S. 34-38.
14. Akhmedov U.N.O., Konoplina A.S. Khodataystva i zhaloby v ugolovnom protsesse kak sredstva zashchity prav i zakonnykh interesov nesovershennoletnikh podozrevayemykh, obvinyayemykh i poterpevshikh // Ugolovno-protsessual'naya okhrana prav i zakonnykh interesov nesovershennoletnikh. 2021. № 1 (8). S. 5-15.

© Насонов А.А., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Насонов А.А. О дополнительных гарантиях защиты прав и законных интересов несовершеннолетних потерпевших в отечественном уголовном судопроизводстве // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (82). С. 73-78.

Альбина Владимировна КУЛЬЧАРОВА,
кандидат юридических наук, ORCID 0000-0003-0867-0335
Волгоградская академия МВД России (г. Волгоград)
доцент кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса
по предварительному следствию в органах внутренних дел
albi_cha@mail.ru

Научная статья
УДК 343.13

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС ПОДОЗРЕВАЕМОГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Уголовное дело, подозреваемый, процессуальный статус, заподозренный, задержание подозреваемого, мера пресечения.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Придание участнику уголовного судопроизводства конкретного уголовно-процессуального статуса по уголовному делу – задача не из простых, особенно если речь идет о лице, подозреваемом в совершении преступления. Законодатель очень серьезно подошел к данному вопросу, последовательно закрепив в ч. 1 ст. 46 УПК РФ четыре основания для признания лица подозреваемым. Если с применением оснований, описанных в п.п. 1 и 4 части первой названной статьи кодекса, всё относительно ясно, то реализация положений п.п. 2 и 3 сталкивается с коллизиями как в доктрине, так и в практике уголовного судопроизводства. Задержание лица по подозрению в совершении преступления возможно осуществить только по 81% деяний, признаваемых преступлениями, при наличии предписанных ст. 91 УПК РФ условий. Избрание меры пресечения до предъявления обвинения допустимо только в отношении лица, уже обладающего статусом подозреваемого, соответственно, к лицу, которое подозревается в совершении преступления (заподозренному), данное основание неприменимо. Цель исследования, результаты которого отражены в настоящей статье, состояла в разрешении подобного рода коллизий посредством комплексного и системного анализа процессуального статуса подозреваемого, разработки практических рекомендаций и предложений нормативного характера.

Методы. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы познания (анализ, синтез, анкетирование) и частнонаучные методы, используемые в юриспруденции (системно-структурный, формально-юридический, сравнительно-правовой, логический).

Результаты. По итогам проведенного исследования был сделан вывод о том, что в целях соблюдения прав и законных интересов лиц, подозреваемых в совершении преступления, следует включить в понятийный аппарат УПК РФ дефиницию «лицо, подозреваемое в совершении преступления» (заподозренный). Это позволит отличать обозначаемого ею субъекта от такого участника досудебного производства, как подозреваемый. Кроме того, предлагается предусмотреть в ст.ст. 91, 92, 100 УПК РФ возможность избрания меры пресечения в отношении не только подозреваемого, но и лица, еще не получившего этого статуса.

ВВЕДЕНИЕ

Президент В.В. Путин, выступая 5 марта 2025 года на ежегодном расширенном заседании коллегии МВД России, акцентировал внимание правоохранителей на необходимости неукоснительного соблюдения закона и абсолютного обеспечения порядка и дисциплины¹. Особое значение выполнение этого требования главы государства имеет для лиц, подозреваемых в совершении преступления, в чьей добропорядочности усомнились, выдвинув предположение о причастности к криминальной деятельности [1, с. 437].

Ежегодно в России регистрируется большое количество преступлений: в 2022 году – 1 миллион 966,8 тысячи, в 2023 году – 1 миллион 947,2 тысячи, в 2024 году – 1 миллион 911,3 тысячи². Обычной практикой является избрание на первоначальном этапе расследования мер пресечения в отношении подозреваемых и обвиняемых. Однако во многих случаях эти меры приходится отменять из-за недоказанности причастности лиц к преступлению или отсутствия в их деянии события либо состава преступления. Число лиц, в отношении которых были избраны, а затем отменены меры пресечения, в нашей стране из года в год сохраняется на

¹ Расширенное заседание коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации // Президент России: сайт. 05.03.2025 // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/76408> (дата обращения: 30.06.2025).

² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за 2022-2024 гг. // МВД России: сайт // URL: <https://мвд.рф/reports?ysclid=1qq9xmahwd740385280> (дата обращения: 30.06.2026).

Albina V. KULCHAROVA,

Cand. Sci. (Jurisprudence), ORCID 0000-0003-0867-0335

Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia (Volgograd, Russia)

Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Educational and Scientific Complex on Preliminary Investigation in Law Enforcement Agencies

albi_cha@mail.ru

PROCEDURAL STATUS OF A SUSPECT IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA

KEYWORDS. Criminal case, procedural status, suspect, suspected person, detention of a suspect, preventive measure.

ANNOTATION. *Introduction.* Granting a participant in criminal proceedings a specific criminal procedural status in a criminal case is not an easy task, especially when it comes to a person suspected of committing a crime. The legislator took this issue very seriously, consistently enshrining in Part 1 of Article 46 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation four grounds for recognizing a person as a suspect. If everything is relatively clear with the application of the grounds described in paragraphs 1 and 4 of Part 1 of the named article of the Code, then the implementation of the provisions of paragraphs 2 and 3 encounters collisions both in the doctrine and in the practice of criminal proceedings. Detention of a person on suspicion of committing a crime is possible only for 81% of acts recognized as crimes, subject to the conditions prescribed by Article 91 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Selection of a preventive measure before filing charges is permissible only in relation to a person who already has the status of a suspect, accordingly, this basis is not applicable to a person suspected of committing a crime (suspected person). The purpose of the study, the results of which are reflected in this article, was to resolve such collisions through a comprehensive and systemic analysis of the procedural status of the suspect, the development of practical recommendations and proposals of a normative nature. *Methods.* The methodological basis of the study was formed by general scientific methods of scientific cognition (analysis, synthesis, questionnaires) and specific scientific methods used in jurisprudence (systemic-structural, formal-legal, comparative-legal, logical). *Results.* Based on the results of the study, it was concluded that in order to observe the rights and legitimate interests of persons suspected of committing a crime, it is necessary to include in the conceptual apparatus of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation the definition of «a person suspected of committing a crime» (suspected person). This will allow distinguishing the subject designated by it from such a participant in pre-trial proceedings as a suspect. In addition, it is proposed to provide in Articles 91, 92, 100 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation the possibility of choosing a preventive measure not only for a suspect, but also for a person who has not yet received this status.

предельно высоком уровне: в 2022 году – 1137 человек, в 2023 году – 1127 человек, в первом полугодии 2024 году – 279 человек¹. Приходится констатировать, что обеспечение противодействия преступности и одновременно соблюдения прав и законных интересов лиц, подозреваемых в совершении преступлений, задача, увы, не из легких.

При этом следует иметь в виду, что еще при рассмотрении вопроса о привлечении лица в качестве подозреваемого и наделении его соответствующим уголовно-процессуальным статусом правоохранители сталкиваются с коллизиями теоретического и прикладного характера, не урегулированными уголовно-процессуальным законом, требующими научного осмысления и законодательного разрешения.

МЕТОДЫ

Методологическую основу исследования, результаты которого представлены в статье, составил диалектический метод научного познания. Его применение помогло раскрыть концептуальные особенности наделения лица, подозреваемого в совершении преступления (заподозренного), процессуальным статусом подозреваемого во всеобщей связи с другими правовыми явлениями уголовного судопроизводства. Универсальные методы анализа и синтеза, системно-структурный ме-

тод позволили рассмотреть закрепленные в ч. 1 ст. 46 УПК РФ основания признания лица подозреваемым с позиции их взаимосвязи и в качестве отдельных составных элементов процессуального статуса подозреваемого. Посредством формально-юридического метода был проведен комплексный анализ действующих нормативных правовых актов и правоприменительной практики. Обобщение итогов анкетирования 50 сотрудников органов предварительного следствия и дознания МВД России, представляющих разные регионы страны, способствовало выявлению проблем, возникающих в рамках формирования процессуального статуса подозреваемого. Сравнительно-правовой и логический методы обеспечили возможность системного толкования правовых норм, характеризующих процессуальный статус подозреваемого и статус лица, подозреваемого в совершении преступления (заподозренного), их сопоставления, выявления сходств и различий между ними.

РЕЗУЛЬТАТЫ

На первоначальном этапе уголовного преследования уяснение сути таких важных понятий, как «подозрение», «подозреваемый», «лицо, подозреваемое в совершении преступления», «лицо, совершившее преступление», имеет большое значение для реализации гарантий защиты прав и за-

¹ Информация Генеральной Прокуратуры Российской Федерации за 2022-2024 гг. // Единая межведомственная информационно-статистическая система: сайт // URL: <https://fedstat.ru/organizations/> (дата обращения: 30.06.2025).

конных интересов лиц, вовлеченных в уголовный процесс, в связи с наличием подозрений в их причастности к совершению преступления. В УПК РФ этим уголовно-правовым категориям посвящено немало нормативных предписаний. Термином «подозреваемый» законодатель оперирует в тексте уголовно-процессуального закона 424 раза, используя его в 110 статьях. Термин «подозрение» использован 26 раз в 14 статьях. Словосочетание «лицо, подозреваемое в совершении преступления» употребляется 18 раз в 11 статьях, словосочетание «лицо, совершившее преступление» – 2 раза в 2 статьях. Подчеркнем, что в данном случае частота использования терминов вовсе не свидетельствует о единообразном подходе законодателя к трактовке обозначаемых ими понятий и практиков к содержанию этих понятий применительно к уголовно-процессуальной деятельности. О возникающих в рамках института задержания коллизиях, связанных с этими терминами, писал в разные годы в своих работах А.В. Куликов [2, с. 27; 3, с. 106]. Полагаем, что необходимость устранить разногласия и уравнивать значения имеющегося в УПК РФ понятия «лицо, подозреваемое в совершении преступления» и предлагаемого уголовно-процессуальной доктриной понятия «заподозренный» [4, с. 36; 5, с. 1475; 6, с. 86; 7, с. 99; 8, с. 64] назрела уже давно. Последним термином, по нашему мнению, целесообразно обозначать начало подозрения, что позволит более точно раскрыть процессуальный статус подозреваемого [9, с. 888].

При проведении исследования мы ограничились анализом норм, формирующих процессуальный статус подозреваемого. Недостаточная определенность правового положения данного лица и многозначность законодательных конструкций, осложняющая приведение процесса применения норм уголовно-процессуального закона к единообразию, сигнализируют о насущной необходимости унификации практики привлечения лица в качестве подозреваемого путем внесения изменений в УПК РФ.

Порядок формирования правового статуса подозреваемого в уголовном процессе подробно представлен в работах И.В. Смольковой. Она считает, что «сначала необходимо сформулировать подозрение, а затем уже осуществлять процессуальные действия, в результате которых может появиться подозреваемый» [10, с. 205]. Мы полностью согласны с данным мнением, однако ч. 1 ст. 46 УПК РФ нормативно закрепляет другую логику определения границы «между лицом, подозреваемым в совершении преступления, но не обладающим процессуальным статусом подозреваемого, и собственно подозреваемым» [10, с. 202].

Первое основание приобретения заподозренным лицом статуса подозреваемого предполагает наличие возбужденного в отношении этого лица уголовного дела (п. 1 ч. 1 ст. 46 УПК РФ). Установочные данные лица должны быть достоверно известны органам предварительного расследования. Причем лицо, совершившее преступление (заподозренное), должно быть не просто установлено, в отношении него должны возникнуть достаточные поводы и основания для осуществления уголовно-

го преследования от имени государства. Возбуждение при таких обстоятельствах уголовного дела обуславливает присвоение заподозренному уголовно-процессуального статуса подозреваемого, который сохраняется за ним до принятия решения о привлечении его в качестве обвиняемого.

Подвергая анализу данное основание признания лица подозреваемым, К.В. Муравьев и И.С. Дикарев еще в 2013 году указывали на то, что каких-либо особых условий для начала производства по уголовному делу в отношении определенного субъекта законодателем не установлено [11, с. 110]. Решение этого вопроса отдано «на откуп правоприменителю, не имеющему четких ориентиров, которые обеспечили бы обоснованность признания лица подозреваемым и связанных с этим ограничений прав личности» [12, с. 21]. Очевидная в данном случае неопределенность уголовно-процессуального закона до настоящего времени не устранена. Должностным лицам органов предварительного расследования приходится на основе собственного практического опыта самостоятельно принимать решения о виде начинаемого ими уголовного преследования (персонифицированное или неперсонифицированное) и фактическом процессуальном положении лица, в отношении которого оно будет осуществляться. Рассматриваемое основание активно применяется правоохранителями при наделении заподозренного лица процессуальным статусом подозреваемого, что подтверждается результатами проведенного нами анкетирования сотрудников органов предварительного следствия и дознания МВД России.

Второе основание признания заподозренного лица подозреваемым связано с применением к нему меры уголовно-процессуального принуждения в виде задержания (п. 2 ч. 1 ст. 46 УПК РФ). Это означает, что лицо становится подозреваемым после кратковременного лишения его права на свободу и личную неприкосновенность. При этом должны соблюдаться несколько важных условий.

Первое из них состоит в том, что применение задержания возможно только по возбужденному уголовному делу. Оно может быть возбуждено как в отношении конкретного лица (раскрытое преступление), так и в отношении неустановленного лица в обстановке неочевидности (нераскрытое преступление). В первом случае необходимости получения лицом процессуального статуса подозреваемого по рассматриваемому основанию в принципе не существует, так как оно уже является подозреваемым ввиду возбуждения в отношении него уголовного дела. Наделение лица статусом подозреваемого посредством его задержания в порядке ст.ст. 91-92 УПК РФ, как показывает правоприменительная практика, более востребовано тогда, когда преступление не раскрыто. В результате задержания заподозренное лицо вовлекается в судопроизводство в рамках ранее возбужденного уголовного дела.

Например, 26 июня 2024 года следственным отделом МО МВД России «Кунгурский» Пермского края было возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 228 УК РФ в отношении неустановленного лица. Спустя день личность человека, совершившего

преступление, удалось установить. Им оказался Х. После его задержания по подозрению в совершении преступления 27 июня 2024 года Х. получил статус подозреваемого и в тот же день был допрошен в качестве такового¹. Аналогичный порядок надления лица процессуальным статусом подозреваемого применяется и в органах дознания. Так, по находившемуся в производстве специализированного подразделения дознания ОМВД России по Октябрьскому району г. Томска уголовному делу, возбужденному в условиях неочевидности по ч. 1 ст. 161 УК РФ, после установления лица, совершившего преступление, данное заподозренное лицо сначала было задержано, надлено статусом подозреваемого, а затем допрошено в таком качестве по существу подозрения².

Вторым условием возможности производства задержания является совершение заподозренным лицом преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы. Данное условие задержания может быть реализовано только по 323 из 399 (81%) видов преступлений, представленных в УК РФ. Это связано с тем, что санкции, установленные для 76 (19%) других видов преступлений, не допускают применения наказания в виде лишения свободы. То есть в этих случаях надление лица процессуальным статусом подозреваемого посредством задержания в порядке ст.ст. 91-92 УПК РФ исключено. Некоторые авторы научных работ проявляют обеспокоенность тем, что могут сложиться обстоятельства, когда вовлечение лица, совершившего преступление, не обладающее достаточно высокой степенью общественной опасности, в уголовное судопроизводство в качестве подозреваемого окажется невозможным ввиду существования прямого законодательного запрета [13, с. 763]. Это подчеркивает необходимость более четкого формулирования предписаний, регулирующих основания признания лица подозреваемым.

Третьим условием из числа рассматриваемых является наличие одного из оснований задержания лица по подозрению в совершении преступления, предусмотренных ч.ч. 1-2 ст. 91 УПК РФ. Так как эти основания каких-либо коллизий при признании лица подозреваемым не создают, мы остановимся только на одном из них. В соответствии с ч. 2 ст. 91 УПК РФ для появления в уголовном судопроизводстве подозреваемого в установленных законом обстоятельствах следователь или дознаватель может направить в суд ходатайство об избрании в отношении заподозренного лица меры пресечения в виде заключения под стражу. Данное основание неприменимо к лицу, подозреваемому в совершении преступления, так как избрание меры пресечения в виде заключения под стражу, согласно ст. 108 УПК РФ, допускается только в отношении подозреваемого или обвиняемого. Ни тем, ни другим задерживаемое по подо-

зрению в совершении преступления лицо еще не является.

Часть 1 ст. 91 УПК РФ предписывает, что «орган дознания, дознаватель, следователь вправе задержать лицо по подозрению в совершении преступления». Это дает основания говорить о том, что законодатель не считает такое задерживаемое лицо подозреваемым. Упорство своей воли он проявляет в названии ст. 91 УПК РФ «Основания задержания подозреваемого» и корреспондирующей с ней ст. 92 УПК РФ «Порядок задержания подозреваемого». Судя по наименованиям этих статей, включенные в них нормы распространяются только на подозреваемого, хотя, по сути, применимы как к заподозренному лицу, так и к лицу, обладающему статусом подозреваемого. Например, когда уголовное дело уже возбуждено в отношении конкретного лица, надленного, соответственно, этим статусом, но в силу наличия предусмотренных ст.ст. 91-92 УПК РФ оснований имеется необходимость произвести его задержание.

В целях устранения противоречий, возникающих при применении положений ст.ст. 46, 91-92 УПК РФ, полагаем целесообразным включить в ст. 5 УПК РФ п. 15.1 следующего содержания: «Лицо, подозреваемое в совершении преступления, – это лицо, заподозренное в совершении преступления, не обладающее процессуальным статусом подозреваемого в силу отсутствия одного из оснований, предписанных пунктами 1-4 части 1 статьи 46 настоящего Кодекса». В названии ст.ст. 91, 92 УПК РФ и в их текстах перед словами «подозреваемый», «подозреваемого» добавить слова «лицо, подозреваемое в совершении преступления», «лица, подозреваемого в совершении преступления». Разграничение процессуальных статусов данных лиц позволит очертить границы возникшего в их отношении подозрения в совершении преступления. Вместе с тем это укрепит предоставляемые им процессуальные гарантии посредством оптимального урегулирования их статуса нормами УПК РФ.

Третье основание надления статусом подозреваемого связано с применением в соответствии со ст. 100 УПК РФ к заподозренному лицу меры пресечения до предъявления ему обвинения (п. 3 ч. 1 ст. 46 УПК РФ). Этот порядок привлечения лица к судопроизводству в качестве подозреваемого, как уже было отмечено ранее, противоречит положениям закона. Дело в том, что избрание меры пресечения до предъявления обвинения возможно только в отношении подозреваемого. Следовательно, к лицу, еще только заподозренному в совершении преступления и пока не являющемуся подозреваемым по статусу, мера пресечения применена быть не может. Полагаем, что в связи с этим в тексте ст. 100 УПК РФ и названии данной статьи целесообразно перед словом «подозрева-

¹ Апелляционное постановление Пермского краевого суда № 22К-5092/2024 от 30.08.2024 по делу № 3/2-75/2024 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/f6VdW5jTdtgK/> (дата обращения: 17.03.2025).

² Апелляционное постановление Томского областного суда № 22-2385/2024 от 29.08.2024 по делу № 3/2-231/2024 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/KXfw8o9UeeQX/> (дата обращения: 17.03.2025).

емого» добавить слова «лица, подозреваемого в совершении преступления».

Примечательно, что в п. 3 ч. 1 ст. 46 УПК РФ речь идет именно о применении меры пресечения, то есть не только о принятии следователем, дознавателем, судом решения о ее избрании, но и о действии избранной в таком порядке меры до ее отмены или изменения. Таким образом, лицо, получившее статус подозреваемого посредством избрания в отношении него до предъявления обвинения меры пресечения, будет считаться подозреваемым не более 10 суток (в исключительных случаях 45 суток) с момента ее применения или с момента задержания по подозрению в совершении преступления.

Так, например, по уголовному делу, возбужденному 17 июля 2020 года следственным отделом Астраханского ЛО МВД России на транспорте по факту хищения 8 июля 2020 года мобильного телефона, принадлежащего гражданину Ф., 28 мая 2025 года была установлена причастность к совершению данного преступления гражданина Г. Ввиду отсутствия оснований, предписанных п.п. 1-2 ч. 1 ст. 46 УПК РФ, для наделения гражданина Г. процессуальным статусом подозреваемого следователем в тот же день в отношении него была применена мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении. После этого заподозренное в совершении преступления лицо, получившее процессуальный статус в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 46 УПК РФ, было допрошено в качестве подозреваемого¹.

Четвертое основание признания лица подозреваемым (п. 4 ч. 1 ст. 46 УПК РФ) предусматривает его уведомление о подозрении в совершении преступления в соответствии со ст. 223.1 УПК РФ. Оно может быть применено только в том случае, когда уголовное дело, находящееся в компетенции дознания, возбуждено в условиях неочевидности по факту совершения преступления, и только если в отношении лица в ходе дознания были получены достаточные данные, дающие основание подозревать его в совершении расследуемого преступления. Более того, указанное лицо получает уголовно-процессуальный статус подозреваемого лишь после письменного его уведомления о возникшем подозрении. Данное уведомление позволяет лицу, подозреваемому в совершении преступления, уяснить сущность возникшего в отношении него подозрения (формулировку и квалификацию). В дальнейшем в ходе допроса в качестве подозреваемого такое лицо может выразить свое отношение к подозрению. Это важно, так как позднее – при предъявлении обвинения путем вынесения обвинительного акта или составления обвинительного постановления – дача показаний по существу предъявленного обвинения законом не предусмотрена. Рассматриваемое основание наделения лица статусом подозреваемого активно применяется дознавателями, каких-либо неустраимых коллизий в правоприменительной практике с ним не связано.

Так, например, 28 ноября 2023 года отделом дознания Астраханского ЛО МВД России на транспорте при производстве предварительного расследования по уголовному делу, возбужденному 14 июня 2023 года в отношении неустановленного лица, были получены достаточные данные, дающие основание подозревать гражданина К. в осуществлении 11 июня 2023 года на реке Волга незаконного лова водных биологических ресурсов при помощи плавной сети с нанесением ущерба на общую сумму 37501 рубль. Гражданин К. в тот же день был уведомлен о подозрении в совершении инкриминируемого ему преступления и получил статус подозреваемого².

Весь период действия данного основания привлечения лица к судопроизводству в качестве подозреваемого (с 2007 года) в теории уголовного процесса не утихают дискуссии вокруг возможности его распространения на предварительное следствие [14, с. 57]. Полагаем, что это предложение заслуживает поддержки. Его реализация позволила бы следователю наделять лицо процессуальным статусом подозреваемого при отсутствии оснований для использования таких средств объективизации подозрения, как задержание или применение меры пресечения [15, с. 11]. Кроме того, следует иметь в виду, что в настоящее время у следователя нет подобного рода оснований для придания лицу статуса подозреваемого по уголовному делу, возбужденному по факту совершения преступления в отношении неустановленного лица [6, с. 85].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрев четыре основания для наделения лица уголовно-процессуальным статусом подозреваемого, мы пришли к выводу о целесообразности включения в понятийный аппарат УПК РФ дефиниции «лицо, подозреваемое в совершении преступления (заподозренный)». Вместе с тем считаем необходимым предусмотреть в ст.ст. 91, 92, 100 УПК РФ возможность избрания меры пресечения в отношении не только подозреваемого, но и заподозренного, то есть лица, еще не получившего данного статуса.

Предлагаемые нами законодательные новации позволят легально наделять лиц, подозреваемых в совершении преступления, процессуальным статусом подозреваемого, а также помогут избежать коллизий, возникающих в практике досудебного производства. Лица, подозреваемые в совершении преступлений, за которые санкциями соответствующих статей УК РФ не предусмотрено наказание в виде лишения свободы, при отсутствии оснований для их задержания по подозрению в совершении преступления смогут получать процессуальный статус подозреваемого путем применения к ним меры пресечения, соразмерной содеянному ими. Это будет способствовать обеспечению защиты прав и законных интересов лиц, заподозренных в совершении преступлений, и повышению эффективности предварительного расследования. ■

¹ Уголовное дело № 120...000274 по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ по обвинению гражданина Г. // Архив Трусковского районного суда г. Астрахани за 2025 год.

² Уголовное дело № 123...000192 по п. «б», п. «в» ч. 1 ст. 256 УК РФ по обвинению гражданина К. // Архив Трусковского районного суда г. Астрахани за 2024 год.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Сопнева Е.В. Охрана прав подозреваемого лица // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 4 (47). С. 437-438.
2. Куликов А.В., Чобанов Г.А. К вопросу разграничения понятий уголовно-правового и уголовно-процессуального задержания лица, подозреваемого в совершении преступления // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2019. № 3. С. 25-33.
3. Куликов А.В., Шелег О.А. Коллизии понятий задержания лица, совершившего преступление, и подозреваемого (конституционные, уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты) // Вестник экономической безопасности. 2023. № 2. С. 105-110.
4. Карнеева Л.М. Подозреваемый в советском уголовном процессе // Социалистическая законность. 1959. № 4. С. 35-38.
5. Сопнева Е.В. Заподозренный как способ выражения подозрения // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4. С. 1474-1480.
6. Есина А.С., Жамкова О.Е., Карнеева Л.М. О процессуальном статусе подозреваемого: взгляд на проблему через 60 лет // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 84-86.
7. Мельников В.Ю. Задержание подозреваемого как мера принуждения: от подозрения к подозреваемому // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2005. № 2 (259). С. 94-104.
8. Давлетов А.А. Проблема статуса уголовно преследуемого лица в стадии возбуждения уголовного дела // Российский юридический журнал. 2015. № 4 (103). С. 61-67.
9. Заливин А.Н. «Лицо, подозреваемое в совершении преступления» или «подозреваемый»: соотношение понятий // Научные труды Российской академии юридических наук (РАЮН). 2009. Вып. 9. Т. 3. С. 884-888.
10. Смолькова И.В. Понятие оснований признания лица подозреваемым в российском уголовном судопроизводстве // Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения: Материалы международной научно-практической конференции. Омск: ОА МВД России, 2024. С. 201-205.
11. Муравьев К.В. Сущность процессуального акта о возбуждении уголовного дела в отношении лица // Уголовное право. 2013. № 1. С. 106-112.
12. Дикарев И.С. Подозрение в уголовном процессе // Законность. 2013. № 8 (946). С. 20-22.
13. Адамович В.В. Институт задержания подозреваемого: проблемы правоприменения, потребности практики и новые видения теории // Безопасность личности, общества и государства: теоретико-правовые аспекты: Сборник научных статей международной научной конференции. СПб: СПбУ МВД России, 2024. С. 760-765.
14. Грачев С.А. Направление следователем уведомления о подозрении: возможно ли? // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: Материалы международной научно-практической конференции. Ч. 2. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2018. С. 55-58.
15. Дикарев И.С., Никонович С.Л. Выдвижение подозрения в уголовном процессе // Вестник военного права. 2021. № 3. С. 7-12.

REFERENCES

1. Sopneva Ye.V. Okhrana prav podozrevayemogo litsa // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2014. № 4 (47). S. 437-438.
2. Kulikov A.V., Chobanov G.A. K voprosu razgranicheniya ponyatiy ugovolno-pravovogo i ugovolno-protsessual'nogo zaderzhaniya litsa, podozrevayemogo v sovershenii prestupleniya // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskkiye i yuridicheskkiye nauki. 2019. № 3. S. 25-33.
3. Kulikov A.V., Sheleg O.A. Kollizii ponyatiy zaderzhaniya litsa, sovershivshego prestupleniye, i podozrevayemogo (konstitutsionnyye, ugovolno-pravovyye i ugovolno-protsessual'nyye aspekty) // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. 2023. № 2. S. 105-110.
4. Karneyeva L.M. Podozrevayemyy v sovetskom ugovolnom protsesse // Sotsialisticheskaya zakonnost'. 1959. № 4. S. 35-38.
5. Sopneva Ye.V. Zapodozrennyy kak sposob vyrazheniya podozreniya // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. 2014. № 4. S. 1474-1480.
6. Yesina A.S., Zhamkova O.Ye., Karneyeva L.M. O protsessual'nom statuse podozrevayemogo: vzglyad na problemu cherez 60 let // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. 2022. № 3. S. 84-86.
7. Mel'nikov V.Yu. Zaderzhaniye podozrevayemogo kak mera prinuzhdeniya: ot podozreniya k podozrevayemomu // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye. 2005. № 2 (259). S. 94-104.
8. Davletov A.A. Problema statusa ugovolno presleduyemogo litsa v stadii vzbuzhdeniya ugovolnogo dela // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. 2015. № 4 (103). S. 61-67.
9. Zalivin A.N. «Litso, podozrevayemoye v sovershenii prestupleniya» ili «podozrevayemyy»: sootnosheniye ponyatii // Nauchnyye trudy Rossiyskoy akademii yuridicheskikh nauk (RAYuN). 2009. Vyp. 9. T. 3. S. 884-888.
10. Smol'kova I.V. Ponyatiye osnovaniy priznaniya litsa podozrevayemym v rossiyskom ugovolnom sudoproizvodstve // Pravovyye i humanitarnyye problemy ugovolno-protsessual'nogo prinuzhdeniya. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Omsk: OA MVD Rossii, 2024. S. 201-205.

11. Murav'yev K.V. Sushchnost' protsessual'nogo akta o возбуждении уголовного дела v otnoshenii litsa // Ugolovnoye pravo. 2013. № 1. S. 106-112.
12. Dikarev I.S. Podozreniye v уголовном protsesse // Zakonnost'. 2013. № 8 (946). S. 20-22.
13. Adamovich V.V. Institut zaderzhaniya podozrevayemogo: problemy pravoprimeneniya, potrebnosti praktiki i novyye videniya teorii // Bezopasnost' lichnosti, obshchestva i gosudarstva: teoretiko-pravovyye aspekty. Sbornik nauchnykh statey mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. SPb: SPbU MVD Rossii, 2024. S. 760-765.
14. Grachev S.A. Napravleniye sledovatelem uvedomleniya o podozrenii: vozmozhno li? // Aktual'nyye problemy bor'by s prestupnost'yu: voprosy teorii i praktiki. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Ch. 2. Krasnoyarsk: SibYUI MVD Rossii, 2018. S. 55-58.
15. Dikarev I.S., Nikonovich S.L. Vydvizheniye podozreniya v уголовном protsesse // Vestnik voyennogo prava. 2021. № 3. S. 7-12.

© Кульчарова А.В., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Кульчарова А.В. Процессуальный статус подозреваемого в уголовном судопроизводстве России // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (82). С. 79-85.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Иван Викторович РЫЖКОВ,

кандидат юридических наук, ORCID 0000-0003-12-76-3972

Волгоградская академия МВД России (г. Волгоград)

заместитель начальника кафедры криминалистической техники

учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности

van-astra.net@list.ru

Анна Андреевна РЫЖКОВА,

ORCID 0009-0004-5846-9773

Волгоградская академия МВД России (г. Волгоград)

преподаватель кафедры трасологии и баллистики учебно-

научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности

an.ryzh@bk.ru

Научная статья
УДК 343.98

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИСТОРИИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УНИФИЦИРОВАННЫХ КОМПЛЕКТОВ ДЛЯ ИЗЪЯТИЯ СЛЕДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ (КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ЧЕМОДАНОВ)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Криминалистический чемодан, технико-криминалистические средства, унифицированный криминалистический комплект, криминалистическая техника, расследование преступлений, технико-криминалистическое обеспечение следственных действий.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В статье представлены результаты исследования, в ходе которого был проведен ретроспективный анализ совершенствования комплектации унифицированных криминалистических чемоданов, предназначенных для полноценного технико-криминалистического обеспечения следственных действий. Авторами изучено влияние научно-технического прогресса, эволюции криминалистики и судебной экспертизы, особенностей формирования научно-исследовательских и экспертно-криминалистических подразделений в органах внутренних дел, а также организационно-правовых и методических положений, регламентирующих порядок применения технико-криминалистических средств, на элементный состав криминалистических (следственных) чемоданов. **Методы.** При проведении исследования комплексно применялись общенаучные, частнонаучные и специальные методы, что позволило определить основные исторические периоды и закономерности совершенствования комплектации унифицированных технико-криминалистических средств, предназначенных для изъятия следов преступлений, а также особенности их модернизации в зависимости от конкретных задач правоохранительных органов и условий применения. **Результаты.** Авторы приходят к выводу о том, что в процессе изменения подходов к комплектации унифицированных криминалистических чемоданов сформировались устойчивые тенденции к утверждению в органах внутренних дел единых нормативных и методических требований, предъявляемых к ним, и разработке научных рекомендаций по совершенствованию их конструкции и комплектаций. Определение исторических периодов трансформации подходов к наполняемости унифицированных криминалистических чемоданов специальными средствами дало возможность выявить ключевые закономерности их модернизации. Это, по мнению авторов, создает теоретическую основу для формулирования конкретных, научно обоснованных и практико-ориентированных предложений по дальнейшей оптимизации содержимого криминалистических чемоданов, а также подготовке перспективных конструктивных решений.

ВВЕДЕНИЕ

Эффективность раскрытия и расследования преступлений во многом обусловлена уровнем технической оснащенности сотрудников правоохранительных органов. Ключевая роль в применении технико-криминалистических средств в процессе собирания и исследования следов совершенных противоправных деяний отводится сотрудникам экспертно-криминалистических подразделений Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – ЭКП МВД России), а также следователям-криминалистам Следственного комитета Российской Федерации (далее – СК РФ). Видовой спектр и характеристики технических средств, используемых сотрудниками ЭКП МВД России и СК РФ, находятся в корреляционной зависимости от состояния криминальной среды в конкретный временной период как в стране в целом, так и в границах обслуживания отдельного территориального органа названных правоохранительных структур.

В наибольшей мере значимость своевременного и качественного применения сотрудниками ЭКП МВД России и СК РФ технико-криминалистических средств проявляется на первоначальном этапе расследования, поскольку оно является необходимым условием эффективного производства неотложных следственных действий, направленных на обнаружение, фиксацию и изъятие следов преступлений. Унифицированный подход к комплектации криминалистических чемоданов обеспечивает возможность собирания на месте происшествия следов преступления широкого видового разнообразия, минимизируя риск их утраты.

Между тем развитие науки и техники предопределяет целесообразность повышения эргономичности и снижения общей массы применяемых комплектов криминалистических средств, их адаптации к работе в экстремальной оперативной обстановке и сопряжения отдельных их элементов с новыми цифровыми технологиями. Совокупность входящих в современный унифицированный криминалистический чемодан изделий является результатом планомерного изучения потребностей следователей и специалистов в технико-криминалистическом обеспечении следственных действий, приспособления бытовых инструментов и веществ к задачам криминалистической техники, а также разработки специализированных средств по заявкам правоохранительных органов.

МЕТОДЫ

Методологическую основу проведенного исследования составил комплекс общенаучных и частнонаучных методов познания, адаптированных к специфике ретроспективного и криминалистического анализа процессов совершенствования унифицированных комплектов технико-криминалистических средств для изъятия следов преступлений. В частности, фундаментальные положения диалектического метода познания, принципы историзма, системности и объективности позволили рассмотреть предмет исследования в контексте развития криминалистики, судебной экспертизы, а также экспертно-криминалистических и

научных подразделений отечественных органов внутренних дел. Сравнительно-исторический и формально-юридический методы способствовали определению ключевых этапов трансформации подходов к комплектации унифицированных криминалистических чемоданов. Применение метода системно-структурного анализа дало возможность установить связи между элементами данных комплектов и уровнем развития научно-технического прогресса. Метод анкетирования обеспечил выявление актуальных проблем оснащенности ЭКП МВД России технико-криминалистическими средствами.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изучение научных источников [1, 2, 3] позволило установить, что в нашей стране история формирования комплектов технических средств и приспособлений для изъятия следов преступлений берет начало на рубеже XIX-XX веков. В это время происходило освоение опыта формирования первых комплектов технико-криминалистических средств, предназначавшихся для обнаружения, фиксации и изъятия следов, накопленного зарубежными криминалистами. Их российские коллеги использовали, как правило, офицерскую сумку (сумку-планшет). В ее комплектацию входили:

- письменные принадлежности (ручки с перьями, карандаши, чернильный прибор, склянка с нигрозином, листы писчей бумаги);
- измерительные приборы (сантиметровая лента, шагомер);
- средства для освещения (свечи, спички, в редких случаях – складной карманный фонарь);
- лупа;
- материалы для изготовления слепков (склянки с гипсом и маслом, щетка);
- стеклянные трубки (для исследования обнаруженных веществ на предмет наличия в них мышьяка);
- материалы для сохранения и упаковки следов (плотная бумага, нитки, должностная печать, средство для оклеивания) [1, с. 179].

Кроме того, с учетом особенностей оперативной обстановки по инициативе сотрудников сыскных подразделений, иных полицейских чинов и представителей судебных органов, принимавших участие в раскрытии и расследовании преступлений, содержимое следственной сумки нередко дополнялось:

- фотоаппаратом с фотографическими принадлежностями;
- медицинскими и слесарными инструментами (пинцетами, щипцами, ножами и т.д.);
- иными слепочными массами (гипсом, пчелиным воском, в том числе с примесью гуттаперчи или парафина, гуттаперчевым составом, смешанным с мелом или магнезией);
- комплектом средств для выявления и изъятия следов рук, а также дактилоскопирования [2].

Следует отметить, что в распоряжении некоторых сведущих лиц и сотрудников кабинетов научно-судебной экспертизы имелись специальные дактилоскопические ящики (разработанные Шнейдаром), в комплект которых входили: мяг-

Ivan V. RYZHKOV,

Cand. Sci. (Jurisprudence), ORCID 0000-0003-12-76-3972

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Volgograd, Russia)

Deputy Head of the Department of Forensic Technology of the Educational

and Scientific Complex of Forensic Expertise

van-astra.net@list.ru

Anna A. RYZHKOVA,

ORCID 0009-0004-5846-9773

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Volgograd, Russia)

Lecturer at the Department of Traceology and Ballistics of the Educational

and Scientific Complex of Forensic Activities

an.ryzh@bk.ru

MAIN STAGES IN THE DEVELOPMENT OF STANDARDIZED CRIME DETECTION KITS (FORENSIC SUITCASES)

KEYWORDS. Forensic suitcase, forensic equipment, standardized forensic kit, forensic technology, crime investigation, forensic support for investigative actions.

ANNOTATION. *Introduction.* The article presents the results of a study that included a retrospective analysis of the improvement of the configuration of standardized forensic suitcases designed to provide comprehensive technical and forensic support for investigative actions. The authors examined the influence of scientific and technological progress, the evolution of forensic science and forensic examination, the specifics of the formation of research and forensic units in internal affairs agencies, as well as organizational, legal and methodological provisions governing the use of technical and forensic equipment, on the elemental composition of forensic (investigative) suitcases. *Methods.* The study utilized a comprehensive combination of general scientific, specific scientific and specialized methods, which made it possible to identify the main historical periods and patterns of improvement in the configuration of standardized technical and forensic equipment designed to recover traces of crimes, as well as the specifics of their modernization depending on the specific tasks of law enforcement agencies and the conditions of use. *Results.* The authors conclude that, as approaches to the packaging of standardized forensic suitcases evolved, consistent trends emerged toward the adoption of uniform regulatory and methodological requirements within internal affairs agencies and the development of scientific recommendations for improving their designs and packaging. Identifying historical periods of transformation in approaches to the packaging of standardized forensic suitcases with specialized equipment made it possible to identify key patterns in their modernization. According to the authors, this creates a theoretical basis for formulating specific, scientifically sound, and practice-oriented proposals for further optimization of forensic suitcase contents, as well as for developing promising design solutions.

кие кисти для обработки поверхностей, пленки для копирования выявленных следов рук, запас аргентората (алюминиевого порошка), типографская краска, металлическая пластина и резиновый валик [3]. Иногда в данные комплекты включали также иные мелкодисперсные вещества, применяемые для выявления следов рук, например порошок графита, жженую магнезию, свинцовые белила, и модернизированные пленки с желатиновой основой для копирования следов рук.

Изучение характеристик составных элементов первых криминалистических сумок и сопоставление их с уровнем развития методов зарождавшейся судебной экспертизы, а также объемом компетенций лиц, в чьи обязанности входило выявление и изъятие следов преступлений, позволило нам прийти к выводу о том, что имевшиеся в то время технико-криминалистические средства в полной мере обеспечивали потребности лиц, вовлеченных в процесс раскрытия и расследования преступлений. Между тем отсутствие единого нормативного, научного и методического подхода к формированию унифицированных комплектов технико-криминалистических средств обуславливало значительную вариативность наполнения криминалистических сумок. Перечень укладываемых в них элементов зависел преимущественно

от личного опыта сотрудников сыскных и иных подразделений полиции, а также представителей суда.

Следующий этап истории трансформации содержания унифицированных комплектов технико-криминалистических средств для изъятия следов преступлений приходится на 1920-1930 годы. Он связан с образованием в структуре Народного комиссариата внутренних дел (далее – НКВД) научно-технических отделов (далее – НТО) [4, с. 10]. Становление экспертно-криминалистической службы повлияло на видовой спектр и характеристики технико-криминалистических средств, которые использовались при проведении следственных действий и могли входить в комплектацию унифицированных чемоданов. Их совершенствование нашло отражение в нормативных документах, регламентирующих техническую обеспеченность НТО, и научно-практических пособиях, раскрывающих особенности обнаружения, изъятия и исследования следов преступлений.

Так, например, в изданном 27 июня 1928 года циркуляре НКВД «Об организации научно-технических частей в уголовно-розыскных учреждениях» был представлен список предназначенных для оборудования научно-технических кабинетов типовых инструментов и технико-криминалисти-

ческих средств, которые, в частности, могли применяться в целях изъятия следов преступлений [5]. В «Руководстве по осмотру места происшествия» 1938 года Б. Комаринец обобщил сведения о технико-криминалистических средствах, приемах и методах, использовавшихся для изъятия следов преступлений. В сборнике «Сто лет экспертно-криминалистической службе системы МВД России», опубликованном в 2019 году, представлены данные о том, что серьезное внимание вопросам оптимизации перечня технико-криминалистических средств, применение которых целесообразно при проведении отдельных следственных действий, уделяли ведущие криминалисты 20-30-х годов XX века (В.Л. Русецкий, С.М. Потапов, П.С. Семеновский, П.В. Верховский) в рамках преподавания на курсах подготовки квалифицированных кадров для научно-технических подразделений [4, с. 10].

Таким образом, есть основания говорить о том, что в рассматриваемый период были сформированы предпосылки для разработки организационно-правовых и научно-методических основ единого подхода к формированию комплектов технико-криминалистических средств, предназначенных для изъятия следов преступлений.

Ключевым этапом истории совершенствования криминалистических чемоданов стало время с 1940-х по 1980-е годы, что обусловлено планомерным развитием научных основ криминалистической техники и судебной экспертизы. В годы Великой Отечественной войны сотрудниками НТО Московского уголовного розыска была разработана и утверждена комплектация чемоданов для осмотров мест происшествий [5]. К сожалению, далеко не со всеми сведениями, касающимися содержания этих унифицированных комплектов технико-криминалистических средств, можно свободно ознакомиться, поскольку содержание нормативных документов, регламентировавших организацию и материально-техническое обеспечение деятельности подразделений органов внутренних дел того времени, преимущественно относилось к категории информации ограниченного доступа.

Катализатором процессов модернизации комплектации унифицированных криминалистических чемоданов стало создание в 1945 году Научно-исследовательского института криминалистики (далее – НИИК) НКВД СССР, в круг непосредственных задач которого входила, кроме прочего, и разработка криминалистической техники. Результаты научных исследований сотрудников института, отражающие сведения о тактике применения унифицированных комплектов технико-криминалистических средств для изъятия следов преступлений, были представлены в учебных таблицах и пособиях¹ [6, с. 163].

Разработанные в НИИК унифицированные комплекты для изъятия следов преступлений (следственные чемоданы) содержали: приборы для письма, измерительные инструменты (линейку, рулетку, транспортир), фотоаппарат и фото-

графические принадлежности, ряд слесарных и бытовых инструментов (ножницы, пинцет, универсальный нож, стеклорез и др.), технико-криминалистические средства для дактилоскопирования (валик и краску), лупу, свечу, вещества для изготовления слепков (пластилин, шеллак, гипс), дактилоскопические кисти и порошки (графит, аргенторат), светлые и темные дактилоскопические пленки, резиновые перчатки, средства для упаковки следов (стеклянные емкости, конверты, бумагу, нить) и иные средства, предназначенные для работы на месте производства следственного действия.

Результаты исследовательских работ в области криминалистической техники, осуществленных научно-техническими подразделениями МВД СССР, предопределили появление к началу 1980-х годов унифицированного комплекта технико-криминалистических средств, обладающего внешними характеристиками и компоновкой, сходными с современными аналогами [7]. Например, в состав криминалистического чемодана «ОПЧ-82» были, кроме прочего, включены: криминалистические масштабные линейки, магнитная и флейцевая кисти, набор дактилоскопических порошков (топаз, окись цинка, сажа, сапфир, рубин), паста «К» с катализатором, степлер (скоросшиватель), цифровые указатели, электрический фонарь, стерильные салфетки. При этом, в отличие от криминалистических чемоданов нашего времени, в комплект «ОПЧ-82» входили набор ключей от почтовых ящиков, принадлежности для окуривания парами йода, трафарет для исследования машинописных документов, что свидетельствует о высокой степени адаптации унифицированных комплектов, предназначенных для работы со следами преступлений, к актуальному для тех лет состоянию криминальной среды и ее специфике.

Таким образом, формирование в системе МВД СССР научно-технических и научно-исследовательских подразделений способствовало утверждению формы и содержания унифицированного криминалистического чемодана. Благодаря этому сотрудники органов внутренних дел были комплексно обеспечены новыми для того периода средствами выявления и изъятия следов преступлений.

Современный этап рассматриваемого нами процесса (с 1990-х годов по наши дни), демонстрирующий закономерное развитие научно-технических достижений в области криминалистической техники, характеризуется модернизацией комплектующих унифицированных криминалистических чемоданов, а также улучшением их эргономичности и мобильности [8, 9].

В настоящее время направление совершенствования комплектации криминалистических чемоданов в отечественных органах внутренних дел определяется экспертно-криминалистическим центром (далее – ЭКЦ) МВД России. Благодаря сотрудникам этого головного ведомственного экспертного подразделения в нее были включены:

¹ Антонов А.И., Бунимович Д.З. Применение следственного чемодана. Учебные таблицы / Под ред. П.И. Тарасова-Родионова. М.: Госкиноиздат, 1950. 41 с.; Антонов А.И. Применение следственного чемодана: пособие для следователей. М.: Госюриздат, 1952. 222 с.

цифровой фотоаппарат, обеспечивающий возможность получения изображений, которые могут быть подвергнуты экспертным исследованиям; масштабный измерительный инструментарий (люминесцентные прямая и угловая линейки); набор для неразрушающего отделения липкой ленты от различных поверхностей; компактные ультрафиолетовые осветители; диагностические полоски для выявления следов крови и другие технико-криминалистические средства [10, с. 69; 11, 12].

За счет использования современных ударопрочных материалов и внесения конструктивных изменений (например добавления поворотных металлических опор (ножек)) повышена эргономичность и мобильность криминалистических чемоданов.

Вместе с тем отметим, что задачи по модификации унифицированных комплектов решаются также путем разработки сотрудниками образовательных организаций МВД России альтернативных мобильных версий. Здесь можно обратить внимание, например, на ситуативно-модульный жилет эксперта-криминалиста «Сталинград», обеспечивающий функциональность использования сотрудниками ЭКП МВД России на месте проведения следственного действия технико-криминалистических средств¹.

Динамичный характер модернизации унифицированных криминалистических чемоданов находит отражение в систематическом совершенствовании соответствующей нормативной правовой базы. Примером тому являются, в частности, положения Приказа МВД России от 27 апреля 2024 г. № 227 «О внесении изменений в приложение № 1 к приказу МВД России от 29.03.2013 № 178 «О Перечне образцов (комплексов, систем) специальной техники, принятых на снабжение органов внутренних дел Российской Федерации»».

Между тем эмпирические данные, полученные в результате анкетирования сотрудников территориальных ЭКП МВД России, указывают на низкую частоту использования некоторых компонентов криминалистических чемоданов. Так, крайне редко при осмотре места происшествия сотрудники территориальных ЭКП МВД России пользуются компасом, лазерной указкой, смотровым телескопическим зеркалом, гистологической препаровальной иглой, одноразовым шприцем, пробирками с пластиковыми закручивающимися крышками, офицерской линейкой, наборами цветных и простых карандашей, механическим карандашом, ластиком, индикаторной отверткой, рядом слесарных инструментов (ножовкой, зубилом, надфилями, стеклорезом и т.д.).

Полагаем, что низкая востребованность данных предметов в ходе осмотра места происшествия предопределяет целесообразность проведения ЭКП МВД России исследования в целях осуществления комплексного анализа частоты и эффективности применения каждого из имеющихся в унифицированных криминалистических чемоданах элементов [13, с. 251; 14, с. 269]. Это позволит

выявить избыточность и функциональное дублирование некоторых из них. На основе результатов исследования могут быть разработаны предложения по нормативному закреплению исчерпывающего перечня функций и типовых задач, решаемых на месте происшествия, в том числе с учетом оперативной обстановки в тех или иных регионах России.

Кроме того, целесообразность исследований, ориентированных на совершенствование унифицированных криминалистических чемоданов, обусловливается необходимостью адаптации их применения к условиям сложной оперативной обстановки, например в зоне проведения специальной военной операции и на прилегающих к ней территориях [15]. Результаты анализа особенностей работы сотрудников ЭКП МВД России в Донецкой и Луганской народных республиках, Херсонской и Запорожской областях свидетельствуют о существовании на практике потребности в унифицированных криминалистических комплектах, разработанных на базе тактического рюкзака, которые можно было бы носить вместе со средствами индивидуальной бронезащиты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, проведенное нами исследование позволило установить, что совершенствование унифицированных криминалистических комплектов для изъятия следов преступлений представляет собой сложный, многогранный процесс, детерминированный достижениями научно-технической сферы и характером оперативной обстановки (спецификой криминальной среды) в тот или иной конкретный временной период. Полученные результаты дают основания для выделения в рамках этого процесса следующих исторических периодов:

1) конец XIX – начало XX века – отсутствие специальных комплектов для работы в условиях проведения следственных действий стало причиной инициативного формирования сотрудниками сыскных и иных подразделений полиции, представителями судебных органов первых наборов средств для работы со следами преступлений на базе офицерских сумок;

2) 1920–1930-е годы – благодаря деятельности НТО НКВД СССР закладываются основы нормативного регламентирования и методической стандартизации унифицированных комплектов технико-криминалистических средств;

3) 1940–1980-е годы – разработка унифицированных криминалистических (следственных) чемоданов и их внедрение в экспертно-криминалистическую и следственную деятельность;

4) 1990-е годы – настоящее время – происходит повышение эргономичности, технологичности и мобильности унифицированных криминалистических комплектов для работы со следами преступлений.

В результате осуществленного исторического анализа нами выявлены следующие законо-

¹ Павленков Р.В., Досова А.В., Сидоренко О.В., Плотников Д.В., Шукуров Р.Н., Брадулина О.А. Ситуативно-модульный жилет эксперта-криминалиста. Патент на полезную модель RU 226634 U1, 14.06.2024. Заявка № 2023128946 от 08.11.2023.

мерности совершенствования унифицированных комплектов технико-криминалистических средств:

- детерминированность научно-техническим прогрессом;

- тенденция к унификации и нормативной регламентации состава;
- практико-ориентированная оптимизация;
- адаптация к оперативной обстановке;
- повышение эргономичности. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики / Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. М.: ЛексЭст, 2002. 1088 с.
2. Трегубов С.Н. Основы уголовной техники. Научно-технические приемы расследования преступлений. Практическое руководство для судебных деятелей. Петроград: Издание Юридического книжного склада «Право», 1915. 334 с.
3. Хазиев Ш.Н. Из истории бертильонажа и дактилоскопии в дореволюционной России // Папиллярные узоры: идентификация и определение характеристик личности. М., 2002. С. 204-234.
4. Сто лет экспертно-криминалистической службе системы МВД России. Сборник. М.: ЭКЦ МВД России, 2019. 280 с.
5. Миронов А.И. Криминалистическая служба МВД России в ее историческом развитии // 85 лет Экспертно-криминалистической службе органов внутренних дел России. Сборник статей. М.: ЭКЦ МВД России, Центр социальных программ МВД России, 2004.
6. Трошина Н.В. Памяти известного ученого, криминалиста, основателя тактики и методики следственного эксперимента П.И. Тарасова-Родионова // КриминалистЪ. 2025. № 1. С. 161-168.
7. Ищенко Е.П. Тактические аспекты применения научно-технических средств при собирании доказательственной информации // Теория и практика собирания доказательственной информации техническими средствами на предварительном следствии. Сборник научных трудов. Киев, 1980. С. 184-188.
8. Крамаренко В.П., Шевченко Е.С. Основы тактики использования технико-криминалистических средств, применяемых для раскрытия и расследования преступлений // Евразийская адвокатура. 2021. № 2 (51). С. 80-84.
9. Меретуков Г.М. Правовые основы использования технических средств в расследовании преступлений: уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. № 132. С. 1300-1308.
10. Репин А.В. Возможности использования отдельных способов макрофото съемки как альтернатива микрофото съемке в дактилоскопической экспертизе // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 1 (54). С. 68-74.
11. Звягин И.С., Звягин Д.С. О некоторых проблемах криминалистического обеспечения осмотра места происшествия // Вестник Воронежского института МВД России. 2021. № 2. С. 262-266.
12. Дронова О.Б., Сидоренко Д.Н. Институт экспертно-криминалистической деятельности в России: генезис и становление // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2024. Т. 15. № 3. С. 780-797.
13. Коновалов Н.А. Фиксация местоположения следов и объектов на месте происшествия // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 1. С. 250-252.
14. Смагин П.Г. Эффективность использования отдельных информационных технологий при расследовании преступлений // Вестник Воронежского института МВД России. 2021. № 3. С. 268-272.
15. Косыева К.А. Новые задачи полевой криминалистики при расследовании преступлений в условиях специальной военной операции // Вопросы российской юстиции. 2025. № 36. С. 357-363.

REFERENCES

1. Gross G. Rukovodstvo dlya sudebnykh sledovateley kak sistema kriminalistiki / Novoye izd., perepech. s izd. 1908 g. M.: LeksEst, 2002. 1088 s.
2. Tregubov S.N. Osnovy ugolovnoy tekhniki. Nauchno-tekhicheskiye priyemy rassledovaniya prestupleniy. Prakticheskoye rukovodstvo dlya sudebnykh deyateley. Petrograd: Izdaniye Yuridicheskogo knizhnogo sklada «Pravo», 1915. 334 s.
3. Khaziyevev Sh.N. Iz istorii bertil'onazha i daktiloskopii v dorevolutsionnoy Rossii // Papillyarnyye uzory: identifikatsiya i opredeleniye kharakteristik lichnosti. M., 2002. S. 204-234.
4. Sto let ekspertno-kriminalisticheskoy sluzhbe sistemy MVD Rossii. Sbornik. M.: ECTS MVD Rossii, 2019. 280 s.
5. Mironov A.I. Kriminalisticheskaya sluzhba MVD Rossii v yeye istoricheskom razvitii // 85 let Ekspertno-kriminalisticheskoy sluzhbe organov vnutrennikh del Rossii. Sbornik statey. M.: ECTS MVD Rossii, Tsentr sotsial'nykh programm MVD Rossii, 2004.
6. Troshina N.V. Pamyati izvestnogo uchenogo, kriminalista, osnovatelya taktiki i metodiki sledstvennogo eksperimenta P.I. Tarasova-Rodionova // Kriminalist". 2025. № 1. S. 161-168.

7. Ishchenko Ye.P. Takticheskiye aspekty primeneniya nauchno-tekhnicheskikh sredstv pri sobiraniy dokazatel'stvennoy informatsii // Teoriya i praktika sobiraniya dokazatel'stvennoy informatsii tekhnicheskimi sredstvami na predvaritel'nom sledstvii. Sbornik nauchnykh trudov. Kiyev, 1980. S. 184-188.

8. Kramarenko V.P., Shevchenko Ye.S. Osnovy taktiki ispol'zovaniya tekhniko-kriminalisticheskikh sredstv, primenyayemykh dlya raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy // Yevraziyskaya advokatura. 2021. № 2 (51). S. 80-84.

9. Meretukov G.M. Pravovyye osnovy ispol'zovaniya tekhnicheskikh sredstv v rassledovanii prestupleniy: ugovorno-protseessual'nyye i kriminalisticheskiye aspekty // Politematicheskyy setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2017. № 132. S. 1300-1308.

10. Repin A.V. Vozmozhnosti ispol'zovaniya otchel'nykh sposobov makrofotos'yemki kak al'ternativa mikrofotos'yemke v daktiloskopicheskoy ekspertize // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2024. № 1 (54). S. 68-74.

11. Zvyagin I.S., Zvyagin D.S. O nekotorykh problemakh kriminalisticheskogo obespecheniya osmotra mesta proisshestiya // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2021. № 2. S. 262-266.

12. Dronova O.B., Sidorenko D.N. Institut ekspertno-kriminalisticheskoy deyatel'nosti v Rossii: genezis i stanovleniye // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. 2024. T. 15. № 3. S. 780-797.

13. Konovalov N.A. Fiksatsiya mestopolozheniya sledov i ob'yektov na meste proisshestiya // Uchenyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki. 2015. № 1. S. 250-252.

14. Smagin P.G. Effektivnost' ispol'zovaniya otchel'nykh informatsionnykh tekhnologiy pri rassledovanii prestupleniy // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2021. № 3. S. 268-272.

15. Kosyyeva K.A. Novyye zadachi polevoy kriminalistiki pri rassledovanii prestupleniy v usloviyakh spetsial'noy voyennoy operatsii // Voprosy rossiyskoy yustitsii. 2025. № 36. S. 357-363.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© Рыжков И.В., Рыжкова А.А., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Рыжков И.В., Рыжкова А.А. Основные этапы истории совершенствования унифицированных комплектов для изъятия следов преступлений (криминалистических чемоданов) // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (82). С. 86-92.

Светлана Михайловна ГОЛЯТИНА,
кандидат юридических наук, ORCID 0000-0001-6077-9827
Волгоградская академия МВД России (г. Волгоград)
доцент кафедры криминалистики учебно-научного комплекса
по предварительному следствию в органах внутренних дел
sgoliatina@mvd.ru

Научная статья
УДК 343.982.4:343.575

СУДЕБНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О НЕЗАКОННОМ СБЫТЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Судебная лингвистическая экспертиза, незаконный оборот наркотиков, сбыт наркотических средств, конспирация преступной деятельности, зашифрованная система коммуникации, текст, имплицитность, сленг, «разовый код».

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Наркоманию по праву называют чумой XXI века. Ежегодно наркотики калечат тысячи человеческих судеб. Их регулярное потребление разрушает физическое и психическое здоровье людей, влечет за собой тяжелые социальные последствия для личности, нередко приводит к преждевременной смерти. В настоящее время наркопреступность всё активнее использует достижения технологического прогресса. Сбыт наркотических средств стал осуществляться бесконтактным способом – посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет, прежде всего с использованием возможностей его теневого сегмента – даркнета. Участники наркогрупп общаются друг с другом в чатах, мессенджерах и т.д. В целях конспирации своей незаконной деятельности они используют сленговые слова и выражения, «разовые коды», расшифровать которые, а значит, установить смысловое содержание текста, нередко возможно только с помощью применения специальных лингвистических знаний. *Методы.* Методологическую базу исследования, результаты которого представлены в статье, составили диалектический метод познания окружающей действительности, совокупность общенаучных и частнонаучных методов (наблюдение, описание, абстрагирование и обобщение, лексико-семантический анализ, контекстологический анализ и др.). *Результаты.* Автором было осуществлено изучение материалов уголовных дел, возбужденных по ст. 228.1 УК РФ, и текстов рекламных объявлений о продаже наркотиков и поиске лиц, желающих заниматься их распространением. Это позволило прийти к выводу о том, что участники наркогрупп нередко в целях маскировки своей деятельности используют в общении зашифрованную систему коммуникации, которую составляют сленговые и стилистически нейтральные слова и фразы с особыми значениями – так называемые «разовые коды». Смысловое содержание сформированных с ее помощью текстов можно установить, в частности, путем применения метода контекстологического анализа, когда слово исследуется с учетом его вербального и невербального окружения (пресуппозиций).

ВВЕДЕНИЕ

Наркомания является одной из наиболее сложных проблем современного общества. Регулярное потребление психоактивных веществ (далее – ПАВ) в немедицинских целях наносит непоправимый вред физическому и психическому здоровью человека, приводит к деградации личности, разрушению семей, способствует формированию преступного поведения и нередко оканчивается летальным исходом [1]. В 2024 году в России количество наркозависимых составляло

около шести миллионов человек: 60% из них – люди в возрасте 16-30 лет, 20% – 9-13 лет¹. Данные показатели, по мнению специалистов, объясняются тем, что «социальные сети активно формируют образ «модного» потребления... Подростки, молодежь стремятся к экспериментам, поиску новых ощущений, не осознавая всей опасности»². Прежде всего это имеет отношение к потреблению так называемых «дизайнерских» наркотиков. За последние несколько лет они заполнили нарко-рынок, что стало возможным с появлением множе-

¹ Статистика по наркомании в России // НЦРБ: сайт. 28.01.2025 // URL: https://med-b-nevelskaya-r424.gosweb.gosuslugi.ru/novosti/novosti_53.html (дата обращения: 10.11.2025).

² Гришина М.В. Почему появляется мода на новые наркотические вещества, опаснее ли они старых? // Первая наркология: сайт. 13.11.2025 // URL: <https://1narcology.ru/stati/pochemu-poyavlyayetsya-moda-na-novye-narkoticheskie-veschestva-opasnee-li-oni-staryh.html?ysclid=mi1rjzp6od448255887> (дата обращения: 10.11.2025).

Svetlana M. GOLYATINA,

Cand. Sci. (Jurisprudence), ORCHID 0000-0001-6077-9827

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Volgograd, Russia)

Associate Professor of the Department of Criminalistics of the Educational and Scientific Complex for Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies
sgoliatina@mvd.ru

FORENSIC LINGUISTIC EXAMINATION IN CRIMINAL CASES INVOLVING ILLEGAL DRUG SALES

KEYWORDS: Forensic linguistic examination, illegal drug trafficking, drug distribution, conspiracy of criminal activity, encrypted communication system, text, implicitness, slang, one-time code.

ANNOTATION. *Introduction.* Drug addiction is rightly called the plague of the 21st century. Every year, drugs ruin thousands of lives. Regular use devastates physical and mental health, entails severe social consequences for the individual, and often leads to premature death. Currently, drug-related crime is increasingly exploiting technological advances. Drug trafficking has become contactless – via the internet, primarily through its shadow segment, the darknet. Drug gang members communicate with each other in chat rooms, instant messaging apps, and other services. To conceal their illegal activities, they use slang words and expressions, as well as one-time codes. Deciphering these, and thus determining the meaning of the text, is often only possible through specialized linguistic knowledge. *Methods.* The methodological basis of the study, the results of which are presented in the article, consisted of the dialectical method of cognition of the surrounding reality, a combination of general and specific scientific methods (observation, description, abstraction and generalization, lexical-semantic analysis, contextual analysis, etc.). *Results.* The author studied the materials of criminal cases initiated under Article 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and the texts of advertisements for the sale of drugs and the search for persons willing to engage in their distribution. This led to the conclusion that members of drug groups often use an encrypted communication system to disguise their activities. This system consists of slang and stylistically neutral words and phrases with special meanings – so-called one-time codes. The semantic content of texts formed with its help can be determined, in particular, by applying the method of contextual analysis, when a word is examined taking into account its verbal and non-verbal environment (presuppositions).

ства маркетплейсов, онлайн-площадок и сетевых форумов, торгующих ПАВ, агрессивная реклама которых давно вышла за пределы даркнета.

Удельный вес сбыта наркотических средств в структуре наркопреступности в России в 2024 году составил 68,2% (134998 преступлений из 198043 зарегистрированных)¹. В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» под незаконным сбытом наркотических средств следует понимать «незаконную деятельность лица, направленную на их возмездную либо безвозмездную реализацию (продажа, дарение, обмен, уплата долга, дача взаймы и т.д.) другому лицу (далее – приобретателю). При этом сама передача лицом реализуемых средств, веществ, растений приобретателю может быть осуществлена любыми способами, в том числе непосредственно, путем сообщения о месте их хранения приобретателю, проведения закладки в обусловленном с ним месте, введения инъекции».

В настоящее время сбыт наркотиков осуществляется преимущественно бесконтактно – с использованием технологий дистанционной коммуникации, позволяющих общаться удаленно без физического присутствия. Формами такого общения являются чаты, переписки в мессенджерах, элек-

тронные письма, телефонные разговоры и т.д. В передаваемых с их помощью сообщениях может содержаться информация о местах приобретения ПАВ, способах их изготовления, получении денежных средств от сбыта запрещенных веществ и т.д. При этом чаще всего подобного рода сведения маскируются, скрываются от третьих лиц с помощью сленга, «разовых кодов», а сама коммуникация характеризуется высокой степенью имплицитности. Понять, о чем идет речь, что подразумевается под тем или иным словом, установить юридически значимые обстоятельства нередко можно только посредством применения специальных лингвистических знаний, процессуальной формой использования которых является судебная лингвистическая экспертиза.

МЕТОДЫ

Методологическую базу проведенного нами исследования составили общенаучный диалектический метод познания окружающей действительности, востребованный для полного и всестороннего изучения явлений, взаимосвязей и противоречий между ними, а также совокупность общенаучных и частнонаучных методов. Наблюдение применялось для восприятия продуктов речевой деятельности в целях их дальнейшего исследования. Описание потребовалось для фиксации результатов наблюдения. Методы абстрагирования и обобщения послужили рассмотрению существенных свойств изучаемых объектов. Лексико-се-

¹ Состояние преступности в России за январь - декабрь 2024 г. М.: ГИАЦ МВД России, 2025.

мантический анализ помог устанавливать значение слов и словосочетаний. Контекстологический анализ позволил определить значение многозначного слова и охарактеризовать его с позиций сочетаемости, вычленив имплицитные (завуалированные) смыслы, и др.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Судебной лингвистической экспертизой называется «процессуальное действие, состоящее из исследования текста и завершающееся дачей письменного заключения эксперта-лингвиста по вопросам, разрешение которых требует применения специальных лингвистических знаний, в целях установления фактов и обстоятельств, имеющих значение доказательств»¹. Ее основы были заложены в работах А.Н. Баранова, Ю.А. Бельчикова, Ю.К. Сафоновой, Б.С. Шварцкопфа [2, 3, 4] Е.И. Галяшиной [5], Н.Д. Голева [6] и ряда других ученых. Как самостоятельный род экспертиз судебная лингвистическая экспертиза появилась в 2000-х годах. С тех пор она играет важную роль в доказывании по уголовным делам, связанным с клеветой, экстремизмом, незаконным оборотом наркотиков и т.д. Ее объектами являются продукты речевой деятельности – «речевые проявления в форме письменного текста или устного высказывания» [7, с. 178], «единицы языка и речи, тексты, представленные на любом материальном носителе» [8, с. 48]. Эксперту-лингвисту для исследования могут предоставляться аудио- или видеоматериалы на цифровом носителе информации с полной расшифровкой разговора (без пропуска слов и их описательных обозначений), изображения (скриншоты) интернет-страниц с указанием момента фиксации (например текстовые комментарии, реклама) или демонстрирующие содержимое экрана смартфона (если речь идет о переписке в мессенджере).

При расследовании незаконного сбыта наркотических средств на разрешение эксперта-лингвиста могут быть поставлены следующие вопросы:

- 1) содержится ли в представленном на исследование тексте информация о сбыте, пересылке, фасовке, передаче наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов;
- 2) содержится ли в представленном на исследование тексте информация о получении денежных средств от сбыта наркотиков;
- 3) содержится ли в представленном на исследование тексте информация о местах и способах приобретения наркотических средств;
- 4) дает ли лицо, участвующее в акте коммуникации, рекомендации об условиях безопасного сбыта наркотических средств.

Перечень вопросов не является исчерпывающим, он может дополняться с учетом обстоятельств уголовного дела.

Ключевые задачи судебной лингвистической экспертизы, производимой в интересах расследования незаконного сбыта наркотических средств обычно заключаются в установлении наличия (или отсутствия) в тексте слов, относящихся к семантическому полю, охватываемому понятием

«наркотики», выявлении в продуктах речевой деятельности смыслового содержания, имеющего отношение к событию преступления: имплицитных (скрытых) смыслов, «разовых кодов».

Рассматриваемое нами семантическое поле (то есть совокупность слов разных частей речи и словосочетаний, объединенных близостью значения или общей тематикой) включает в себя наименование наркотических средств, участников наркогрупп, способов сбыта [9, с. 50]. Кроме того, к нему относятся лексические единицы, обозначающие состояния («приход», «трип», «кайф» и т.п.), процессы употребления ПАВ («пыхнуть», «курнуть», «догнаться» и иные), предметы, необходимые для употребления наркотиков («бульбик», «косяк» и др.). Всё это сленг, который, по мнению Г.Р. Шагиевой, «является особенностью специфической криминальной субкультуры» [10, с. 90]. Сленговые слова сегодня широко представлены в так называемой «стеновой» рекламе ПАВ: «ТОР-качество Успей на пробу Гашиши амф», «Мефск», «СкКр-Микс», «МЕФ- 1699 р - 1 гр АМФ- 1599 р. - 1 гр КОКС ГАШ КР СК» (в примерах сохранены исходные орфография и пунктуация). Они часто весьма прозрачно демонстрируют связь с официальными названиями наркотиков: «меф» – мефедрон, «гаши» – гашиш, «амф» – амфетамин, «ск» – скорость или спид (от англ. speed – скорость) и т.д.

Как правило, если представленный на исследование текст содержит подобные лексемы, сложностей с ним не возникает, сразу становится понятно, что перед нами наркотический дискурс. То же можно сказать и о словах типа «клад», «кладмен», «кладер», обозначающих наркотики, спрятанные в целях продажи, и лиц, которые помещают наркотики в тайники. Другое дело, если эксперт сталкивается с «разовыми кодами» – специфическими образованиями, «когда обычным словам придаются особые «тайные значения», причем так, чтобы для постороннего слушателя речь не казалась странной и имела бы свой обычный смысл, складывающийся из нормативных лексических значений» [11, с. 106]. Связь «разового кода» с названиями запрещенных веществ неувольима, поэтому трудно определить, о чем именно идет речь. В качестве «разовых кодов» могут выступать самые разные слова, которые обозначают вполне безобидные вещи (например «игрушки», «халаты» и др.). Если окружающий контекст и «разовый код» не порождают противоречий, тогда коммуникация оказывается удачной. Однако «если «встраивания» в «наркотический» контекст не происходит, то коммуникация, скорее всего, будет аномальной; это даст возможность третьему лицу (эксперту, следователю) поставить под вопрос однозначность дискурса» [12, с. 116]. Приведем примеры.

На онлайн-витрине одного из маркетплейсов был выложен товар – игрушка «PopIt». Цена за комплект (было указано «x 100») составляла 25714 рублей. При этом переписка «представителя бренда» с покупателем выглядела следующим образом:

¹ Галяшина Е.И. Судебная лингвистическая экспертиза: Учебник. М: Проспект, 2021. 423 с.

–Здравствуйте, котики качественные?
–Добрый день. Набор PopIt качественный.
–Сколько грамм?
–Здравствуйте! Вес одной игрушки-антистресс PopIt 75 гр. Набор из 100 шт. весит 7500 гр. Хороших покупок!
–Почему так дорого???!
–Добрый день! Потому что в наборе 100 штук. Хороших покупок!

В приведенном диалоге на роль «разового кода» претендуют слова «игрушка-антистресс», «набор PopIt», однако обращают на себя внимание лексема «котики» (на сленге так называют наркотики) и фразы, где речь идет о весе («сколько грамм?», «вес одной игрушки...»). Именно они вызывают сомнения: действительно ли речь идет об игрушке? С опорой на контекст полагаем, что нет.

«!!!Срочно требуются мукомолы!!! Волгоград все районы Михайловка Камышин Волжский Суровикино Оплата весом или деньгами Устройство по фото материалов : zip пакеты самые мелкие (30 р пачка) мука или сода изолянта (материалы компенсируем сохраняйте чеки)».

В данном тексте сосредоточимся на лексеме «мукомолы». Словари русского языка толкуют ее следующим образом – «человек, профессионально занимающийся размолом зерна, превращением его в муку»¹. Но посредством рассматриваемого нами объявления ищут отнюдь не работника мельницы. Далее по тексту идут фразы «оплата весом», «zip пакеты», «мука или сода». Всё это позволяет сделать вывод о том, что вакансии открыта для человека, который делает закладки из соды или муки для проверки курьеров-новичков, чтобы посмотреть, украдут они содержимое zip-пакета или нет (на сленге именуется подкидышем или мукомолом).

Исследование языковой единицы с опорой на ее непосредственное окружение осуществляется в рамках контекстологического анализа. В первую очередь эксперт обращает внимание на лингвистический контекст, который необходим для выполнения единицами языка своей референциальной функции (указание на объект окружающей действительности – референт), а затем на экстралингвистический, способный «выступать в виде непосредственной языковой обстановки, в которой происходит речевой акт, и в виде описания этой обстановки» [13, с. 23]. Е.И. Галяшина подчеркивает: «Лингвистический (вербальный) контекст противопоставляется невербальному, который дополняет, а иногда заменяет вербальный контекст» [14, с. 33]. Контекст может эксплицитным (явно выраженным вербальными или невербальными средствами) или имплицитным (скрытым, подразумеваемым), то есть представлять собой вид пресуппозиции. Без нее невозможно адекватно воспринимать речь собеседника или текст, поскольку пресуппозиция есть фоновое знание – «совокупность сведений, которыми располагает каждый, как тот, кто создает текст, так и тот, для кого текст создается» [15, с. 7].

Рассмотрим, что такое пресуппозиция на примере:

– Уже 3 ден я тебе пишу что тавар забрать надо
Говоришь да и пропадаешь А мне тоже звонят спрашивают

Смотрю тебе не интересно

<...>

– Щас тогда иди забирай.

Здесь пресуппозицией является понятие «товар». Оно выступает в качестве своеобразного «переключателя кода» – специальным словом или сигналом, дающего собеседнику понять, что говорящий перешел на другое кодовое обозначение, что речь теперь не просто о предмете продажи, торговли, а о наркотическом средстве [16, с. 99].

Отметим одно важное обстоятельство: если эксперт-лингвист исследует текст с имплицитными смыслами, где нет прямого указания на ПАВ, вывод о сбыте, пересылке, фасовке, передаче и т.д. наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов может быть только вероятностным.

Не менее важной задачей судебной лингвистической экспертизы при расследовании преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотиков, является участие в доказывании совершения уголовно наказуемого деяния группой лиц. Для этого исследуются телефонные переговоры и переписки в мессенджерах. М.А. Балаш и А.В. Коряковцев отмечают: «Сбор языко-речевых доказательств функционирования группы осуществляется экспертом-лингвистом с учетом основных криминалистических признаков преступлений, осуществляемых в составе ... преступной организации в сфере наркобизнеса, к которым традиционно относятся наличие общих целей, намерений, установившихся связей, организационно-управленческих структур, четкого распределения ролей, финансовой базы и единой кассы из взносов от преступной деятельности («общака»), конспиративного характера деятельности, иерархии подчинения, тщательного планирования преступной деятельности, внутренней жесткой дисциплины, а также единых и жестких правил взаимоотношений и поведения с санкциями за нарушение неписаного устава сообщества» [17, с. 113]. Известно, что структура организованных групп, специализирующихся на незаконном обороте наркотиков, предусматривает наличие закладчиков, курьеров, вербовщиков, инструкторов, кладовщиков, программистов, операторов, химиков, диспетчеров, финансистов и др. В некоторых случаях эти наименования приводятся в текстах переписок, и тогда с опорой на контекст можно сделать вывод о том, что речь идет о незаконном сбыте наркотиков группой лиц:

– Добрый день как ваши дела? мне вам скидывать онлайн инструктора?

– Да

<...>

– Ему можно и нужно задавать вопросы в процессе обучения

<...>

– как там ваши дела?

– Щас проверяет мои пробные клады

– все хорошо?

– Да

¹ Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т. 2. / Гл. ред. Б.М. Волин, Д.Н. Ушаков. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1938.

- жду человека пока ответит
- аааа вы уже прошли обучение?
- Да
- вы имеете в виду оператора?

В представленном примере прежде всего сделаем акцент на лексеме «клады», которая является маркером ситуации и позволяет сделать вывод о том, что речь идет о продаже наркотиков («клады» – наркотики, спрятанные в целях продажи). Обращают на себя внимание также фразы «ему можно и нужно задавать вопросы в процессе обучения» и «ищас проверяет мои пробныеклады», раскрывающие суть ролей инструктора и оператора в наркогруппе: первый помогает новичкам в освоении «работы» закладчика, второй осуществляет контроль за продажами.

При участии в доказывании совершения преступления группой лиц эксперту надлежит обращать внимание на «речевую гомогенность группы», особенно на так называемый фактор кода (когда все говорят на «одном языке» – сленге, диалекте и т.д.) [18], и прагматический аспект коммуникации (цель коммуникации, коммуникативные

стратегии и тактики, необходимые для ее достижения, условия, в которых происходит общение, и др.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Судебной лингвистической экспертизе, представляющей собой процессуально регламентированное исследование продуктов речевой деятельности (устных, письменных, электронных текстов, зафиксированных на материальных носителях), отводится достаточно большое место в расследовании незаконного сбыта наркотических средств, поскольку на основании ее выводов можно устанавливать факты, имеющие доказательственное значение. Именно в рамках такой экспертизы выявляется смысловое содержание текстов, которое может скрываться участниками акта коммуникации с помощью сленга, «разовых кодов» и т.п. Это особенно важно при расследовании осуществления незаконного сбыта наркотических средств бесконтактным способом, когда единственным источником доказательств служит переписка членов наркогрупп или запись их телефонных переговоров. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеева А.П. Предупреждение наркотизма среди молодежи в регионе: Монография. Волгоград: ВА МВД России, 2005. 184 с.
2. Баранов А.Н. Наводящий вопрос как категория лингвистической экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2024. Т. 19. № 4. С. 6-17.
3. Бельчиков Ю.А. Лингвистическая экспертиза по документационным и информационным спорам и словари // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах. Сборник материалов научно-практического семинара. Ч. 2. М., 2003. 328 с.
4. Баранов А.Н., Бельчиков Ю.А., Сафонова Ю.К., Шварцкопф Б.С. Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации: Монография. М.: Галерея, 2001. 183 с.
5. Галяшина Е.И. Основы судебного речеведения: Монография. М., 2003. 236 с.
6. Голев Н.Д. Актуальные проблемы юрислингвистической экспертизы // Юрислингвистика-3: проблемы юрислингвистической экспертизы. Барнаул: Алтайский университет, 2002. С. 5-14.
7. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: Монография. М.: Норма, 2006. 655 с.
8. Галяшина Е.И. Понятийные основы судебной лингвистической экспертизы // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах. Сборник материалов научно-практического семинара. Ч. 2. М., 2003. С. 48-64.
9. Голятина С.М. Судебная лингвистическая экспертиза текстов, содержащих рекламу наркотических средств // Судебная экспертиза. 2024. № 4 (80). С. 47-53.
10. Шагиева Г.Р. Лингвокриминалистические исследования сленга наркоманов // Право: ретроспектива и перспектива. 2021. № 2 (6). С. 89-93.
11. Хитина М.В. ДелIMITATивные признаки устно-речевого дискурса: Монография. М., 2004. 160 с.
12. Липатова А.П. Продуктивные модели «разового кода» аргос наркоманов // Антинаркотическая безопасность. 2015. № 1 (4). С. 114-120.
13. Амосова Н.Н. Слово и контекст // Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук. 1958. № 243. Вып. 42. С. 3-24.
14. Галяшина Е.И. Судебная лингвистическая экспертиза и пределы допустимости использования методов лингвистической науки // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 4. С. 31-36.
15. Гюббенет И.В. Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста: Монография. М.: МГУ, 1991. 205 с.
16. Краснянская Т.И. Проблемы квалификации информации на предмет ее отношения к событию преступления в ходе лингвистической экспертизы текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 3 (69). Ч. 1. С. 98-100.
17. Балаш М.А., Коряковцев А.В. Практика использования лингвистической экспертизы при доказывании совершения наркопреступлений группой лиц // Юрислингвистика. 2012. № 1 (12). С. 112-117.
18. Крысин Л.П. О речевом поведении человека в малых социальных общностях (постановка вопроса) // Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М., 2004. С. 475-485.

REFERENCES

1. Alekseyeva A.P. Preduprezhdeniye narkotizma sredi molodezhi v regione: Monografiya. Volgograd: VA MVD Rossii, 2005. 184 s.
2. Baranov A.N. Navodyashchiy vopros kak kategoriya lingvisticheskoy ekspertizy // Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy. 2024. T. 19. № 4. S. 6-17.
3. Bel'chikov Yu.A. Lingvisticheskaya ekspertiza po dokumentatsionnym i informatsionnym sporam i slovari // Teoriya i praktika lingvisticheskogo analiza tekstov SMI v sudebnykh ekspertizakh i informatsionnykh sporakh. Sbornik materialov nauchno-prakticheskogo seminar. Ch. 2. M., 2003. 328 s.
4. Baranov A.N., Bel'chikov Yu.A., Safonova Yu.K., Shvartskopf B.S. Tsena slova. Iz praktiki lingvisticheskikh ekspertiz tekstov SMI v sudebnykh protsessakh po zashchite chesti, dostoinstva i delovoy reputatsii: Monografiya. M.: Galereya, 2001. 183 s.
5. Galyashina Ye.I. Osnovy sudebnogo rechevedeniya: Monografiya. M., 2003. 236 s.
6. Golev N.D. Aktual'nyye problemy yurislingvisticheskoy ekspertizy // Yurislingvistika-3: problemy yurislingvisticheskoy ekspertizy. Barnaul: Altayskiy universitet, 2002. S. 5-14.
7. Rossinskaya Ye.R. Sudebnaya ekspertiza v grazhdanskom, arbitrazhnom, administrativnom i ugolovnom protsesse: Monografiya. M.: Norma, 2006. 655 s.
8. Galyashina Ye.I. Ponyatiynyye osnovy sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy // Teoriya i praktika lingvisticheskogo analiza tekstov SMI v sudebnykh ekspertizakh i informatsionnykh sporakh. Sbornik materialov nauchno-prakticheskogo seminar. Ch. 2. M., 2003. S. 48-64.
9. Golyatina S.M. Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza tekstov, sodержashchikh reklamu narkoticheskikh sredstv // Sudebnaya ekspertiza. 2024. № 4 (80). S. 47-53.
10. Shagiyeva G.R. Lingvokriminalisticheskiye issledovaniya slenga narkomanov // Pravo: retrospektiva i perspektiva. 2021. № 2 (6). S. 89-93.
11. Khitina M.V. Delimitativnyye priznaki ustno-rechevogo diskursa: Monografiya. M., 2004. 160 s.
12. Lipatova A.P. Produktivnyye modeli «razovogo koda» argo narkomanov // Antinarkoticheskaya bezopasnost'. 2015. № 1 (4). S. 114-120.
13. Amosova N.N. Slovo i kontekst // Uchenyye zapiski LGU. Seriya filologicheskikh nauk. 1958. № 243. Vyp. 42. S. 3-24.
14. Galyashina Ye.I. Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza i predely dopustimosti ispol'zovaniya metodov lingvisticheskoy nauki // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2018. № 4. S. 31-36.
15. Gyubbenet I.V. Osnovy filologicheskoy interpretatsii literaturno-khudozhestvennogo teksta: Monografiya. M.: MGU, 1991. 205 s.
16. Krasnyanskaya T.I. Problemy kvalifikatsii informatsii na predmet yeye otnosheniya k sobytiyu prestupleniya v khode lingvisticheskoy ekspertizy teksta // Filologicheskkiye nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 3 (69). Ch. 1. S. 98-100.
17. Balash M.A., Koryakovtsev A.V. Praktika ispol'zovaniya lingvisticheskoy ekspertizy pri dokazyvanii soversheniya narkoprestupleniy gruppoy lits // Yurislingvistika. 2012. № 1 (12). S. 112-117.
18. Krysin L.P. O rechevom povedenii cheloveka v malykh sotsial'nykh obshchnostyakh (postanovka voprosa) // Russkoye slovo, svoye i chuzhoye: Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sotsiolingvistike. M., 2004. S. 475-485.

© Голятина С.М., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Голятина С.М. Судебная лингвистическая экспертиза по уголовным делам о незаконном сбыте наркотических средств // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (82). С. 93-98.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Александр Владимирович ШАХМАТОВ,
доктор юридических наук, профессор, ORCID 0000-0002-1391-7307
Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Санкт-Петербург)
профессор кафедры оперативно-разыскной
деятельности в органах внутренних дел
a-shahmatov@yandex.ru

Роман Владимирович ГЛУБОКОВСКИХ,
кандидат юридических наук, ORCID 0000-0003-3861-3155
Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Калининград)
доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности
органов внутренних дел Калининградского филиала
521405@mail.ru

Научная статья
УДК 343.102:343.8

ВОПРОСЫ ПРОВЕДЕНИЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ФСИН РОССИИ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ СУДЕБНОГО САНКЦИОНИРОВАНИЯ ПО РОЗЫСКУ ОСУЖДЁННЫХ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Разыскная работа, розыск, уклоняющееся от исполнения наказания лицо, Федеральная служба исполнения наказаний, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, получение компьютерной информации.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В статье изложены некоторые результаты исследования, посвященного проблемам осуществления розыска осуждённых, уклоняющихся от исполнения наказаний. Розыск лиц данной категории является одной из основных задач, решаемых оперативными подразделениями Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ФСИН России). Выполнение служебных обязанностей их сотрудниками существенно затруднено невозможностью проведения оперативно-разыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина, в целях розыска скрывшихся осуждённых. Авторы статьи анализируют мнения видных ученых по поводу путей повышения эффективности розыска осуждённых, скрывшихся от ФСИН России. **Методы.** В ходе проведения исследования применялся диалектический метод познания. Это позволило выявить серьезные противоречия в правовом регулировании изучаемого вопроса. Кроме того, использованы методы контент-анализа, экспертных оценок и интервьюирования. **Результаты.** Пробелы в правовом регулировании, осуществляемом посредством Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности», не позволяющие решать возложенные на оперативные подразделения ФСИН России задачи по розыску осуждённых с использованием таких эффективных оперативно-разыскных мероприятий, как прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи и получение компьютерной информации. Рассмотренные типовые розыскные ситуации демонстрируют несогласованность норм Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» в части, касающейся оснований и условий проведения оперативно-разыскных мероприятий. Реализация предлагаемых авторами статьи законодательных новаций может способствовать качественному повышению результативности розыскной работы оперативных подразделений ФСИН России.

ВВЕДЕНИЕ

Разыскная работа (деятельность)¹ правоохранительных органов Российской Федерации представляет собой неотъемлемую и значимую составляющую оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД). Задачи, связанные с розыском лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, а также уклоняющихся от уголовного наказания, закрепленные в ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД»), носят универсальный характер и возложены на всех субъектов, уполномоченных на осуществление ОРД.

Ранее нами было предложено следующее определение понятия «разыскная работа»: это «самостоятельное направление оперативно-разыскной деятельности, осуществляемой уполномоченными оперативными (разыскными) подразделениями органов внутренних дел с привлечением имеющихся сил, средств и методов, установленных законодательными и ведомственными нормативными актами, в целях установления местонахождения определенных категорий лиц, объявленных в розыск, с целью обеспечения возможности применения к ним предусмотренных законом мер, а также деятельность по идентификации неустановленных трупов и лиц, не способных сообщить сведения о себе» [1].

Проблема повышения эффективности розыска и сокращения числа неразысканных осужденных находится в зоне пристального внимания ФСИН России². Г.В. Степанов и Е.А. Яковлев предлагают несколько вариантов действий, которые способствовали бы снижению количества разыскиваемых. Это такие меры, как декриминализация деяния, амнистия, применение норм об истечении сроков давности обвинительного приговора, признание лица судом умершим, выявление оснований для возбуждения уголовного дела по факту безвестного исчезновения разыскиваемого осужденного (с прекращением дела оперативного учета в ФСИН России и его заведением в органах внутренних дел) [2]. Эти предложения направлены в первую очередь на оптимизацию работы оперативных подразделений ФСИН России, снижение бюрократической нагрузки и исключение случаев отвращения ресурсов на «неперспективные» направления работы. И в этой части мы солидарны с названными авторами.

Однако их инициатива, предполагающая прекращение розыска осужденного при возникновении обстоятельств, указывающих на возможные криминальные причины его исчезновения, с последующей передачей материалов в органы внутренних дел (далее – ОВД) для проведения оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ), на наш взгляд, требует глубокой и всесторонней проработки. Представляется, что формальное

применение данного подхода может создать ситуацию, при которой скрывающиеся от правосудия осужденные, относящиеся к числу лиц социально уязвимых категорий (занимающиеся проституцией, несовершеннолетние и др.), будут автоматически признаваться пропавшими без вести при криминальных обстоятельствах без достаточных на то оснований. В то же время при получении оперативными подразделениями ФСИН России достоверных данных о совершении в отношении разыскиваемого осужденного тяжкого или особо тяжкого преступления, сопряженного с сокрытием его трупа, безусловно, необходимо привлекать к проведению ОРМ сотрудников ОВД с незамедлительным заведением соответствующего дела оперативного учета³.

Е.А. Яковлев, не предлагая конкретных методик, справедливо акцентирует внимание на необходимости использования всего комплекса оперативно-разыскных мер в процессе розыска осужденных. Чем больше средств и возможностей будет задействовано, как подчеркивает он, тем выше вероятность скорейшего достижения положительного результата – задержания разыскиваемого лица [3]. Данный тезис представляется абсолютно верным и отражает суть изучаемой нами проблематики.

Мы полностью поддерживаем мнение Н.В. Румянцев и А.В. Агаркова о целесообразности внесения в ФЗ «Об ОРД» изменений в части регламентации проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан [4]. При этом необходим комплексный подход, который охватывал бы все категории лиц, пропавших без вести, в том числе неразысканных осужденных.

А.П. Исиченко, детально анализируя проблему правового обеспечения розыска осужденных, приходит к выводу о том, что нормы оперативно-разыскного и уголовно-исполнительного законодательства в своей совокупности образуют правовой фундамент для розыска лиц, совершивших побег из исправительных учреждений или уклоняющихся от отбывания наказаний, как связанных, так и не связанных с изоляцией от общества [5]. Поддерживая это мнение, мы вместе с тем позволим себе высказать ряд собственных суждений по поводу расширения содержания правовой основы розыска осужденных, а также предложить собственное видение возможных законодательных инициатив в данной сфере.

Следует отметить, что современная криминальная обстановка требует постоянного совершенствования правовых и организационных основ розыскной деятельности. Глобализация, цифровизация и возрастающая мобильность населения создают новые вызовы для правоохранительных органов, делая традиционные методы розыска менее эффективными. В этих условиях особую

¹ Дифференциация понятий разыскная работа и разыскная деятельность органов внутренних дел и Федеральной службы исполнения наказаний не входила в предмет проведенного авторами статьи исследования.

² В настоящее время более семи тысяч осужденных остаются не разысканными, значительная часть из них находится в розыске более десяти лет.

³ Приказ МВД России № 38, Генпрокуратуры России № 14, СК России № 5 от 16.01.2015 «Об утверждении Инструкции о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц».

Alexander V. SHAKHMATOV,

Doctor of Law, Professor, ORCID 0000-0002-1391-7307

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia (Saint Petersburg, Russia)

Professor of the Department of Operational Investigative Activities in Internal Affairs Bodies

a-shahmatov@yandex.ru

Roman V. GLUBOKOVSKIKH,

Cand. Sci. (Jurisprudence), ORCID 0000-0003-3861-3155

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)

Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities

of Internal Affairs Bodies of the Kaliningrad Branch

521405@mail.ru

ISSUES RELATED TO THE CONDUCT OF JUDICIALLY AUTHORIZED OPERATIONAL INVESTIGATIVE MEASURES BY UNITS OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA TO LOCATE CONVICTED PERSONS

KEYWORDS. Investigative work, search, prison evader, Federal Penitentiary Service, wiretapping, interception of information from communication channels, obtaining computer information.

ANNOTATION. *Introduction.* This article presents some of the results of a study devoted to the problems of searching for convicted persons evading their sentences. The search for individuals in this category is one of the main tasks performed by operational units of the Federal Penitentiary Service (hereinafter referred to as the FSIN of Russia). The performance of official duties by their employees is significantly hampered by the inability to conduct operational-search measures that restrict the constitutional rights of individuals and citizens in order to locate absconding convicts. The authors of the article analyze the opinions of prominent scholars on ways to improve the effectiveness of the search for convicts absconding from the FSIN of Russia. *Methods.* The study utilized a dialectical method of cognition. This revealed significant contradictions in the legal regulation of the issue under study. In addition, content analysis, expert assessments, and interviews were used. *Results.* Gaps in the legal framework implemented by the Federal Law «On Operational Investigative Activities» prevent the FSIN's operational units from locating convicted individuals using effective investigative measures such as wiretapping, interception of technical communications channels, and the acquisition of computer data. The typical investigative situations examined demonstrate the inconsistency of the provisions of the Federal Law «On Operational Investigative Activities» regarding the grounds and conditions for conducting operational investigative activities. Implementation of the legislative innovations proposed by the authors of this article could significantly improve the effectiveness of the FSIN's operational units' investigative work.

актуальность приобретает межведомственное взаимодействие и интеграция усилий всех субъектов оперативно-разыскной деятельности. Как справедливо указывает В.Н. Омелин, успешность розыска во многом зависит от скоординированности действий различных силовых структур и использования современных информационных технологий [6]. Так, например, развитие систем видеонаблюдения, биометрической идентификации и анализа больших данных открывает новые возможности для установления местонахождения разыскиваемых лиц. Однако их применение должно быть надлежащим образом урегулировано законодателем с целью соблюдения баланса между интересами правосудия и защитой прав личности.

Кроме того, важным аспектом является международное сотрудничество в сфере розыска, поскольку всё чаще преступники пытаются скрыться от правосудия за пределами Российской Федерации. В связи с этим развитие правовых инструментов экстрадиции и взаимодействия с правоохранительными органами зарубежных стран, в том числе в целях осуществления полного комплекса ОРМ в отношении скрывшихся осуждённых, имеет особую актуальность. Как пишет И.А. Никифоров, эффективность розыска скрывшихся осуждённых за рубежом напрямую зависит от наличия международных договоров и оперативности обмена информацией [7]. Таким образом, совершен-

ствование национального законодательства должно осуществляться с учетом международно-правовых интересов России и современных тенденций в борьбе с транснациональной преступностью.

Еще одним перспективным направлением повышения качества рассматриваемой нами деятельности является развитие профилактической составляющей розыскной работы [8]. Как показывает практика, значительное число осуждённых уклоняется от отбывания наказания ввиду отсутствия эффективного контроля и профилактического воздействия. В связи с этим заслуживают внимания инициативы Н.Д. Моисеева и М.И. Ключникова, направленные на совершенствование системы профилактики побегов и уклонения от отбывания наказания [9]. В частности, они предлагают внедрять электронные средства контроля за осуждёнными, расширить применение биометрических паспортов, создать единую базу данных для концентрации сведений о разыскиваемых лицах. Реализация этих мер позволит не только повысить эффективность розыска, но и добиться уменьшения количества случаев уклонения от правосудия.

Наконец, нельзя обойти вниманием кадровый аспект проблемы. Розыскная деятельность требует от сотрудников оперативных подразделений проявления высокого профессионализма, основанного на наличии у них специальных знаний и навыков. В связи с этим особую важность приобретают

вопросы подготовки и переподготовки кадров для розыскных подразделений ФСИН России и ОВД. Как верно отмечает Ю.Н. Спиридонова, современный оперативный сотрудник должен владеть не только традиционными методами сыска, но и новейшими информационными технологиями [10]. Следовательно, совершенствование системы профессиональной подготовки является необходимым условием повышения эффективности розыскной деятельности в целом.

МЕТОДЫ

В ходе проведения исследования, результаты которого обобщены в настоящей статье, был использован комплекс общенаучных и частнонаучных методов познания. Основу методологии составил диалектический метод, позволивший рассмотреть объект исследования во всем многообразии его связей и противоречий. Помимо этого, применялись контент-анализ нормативных правовых актов и научной литературы, анкетирование и интервьюирование сотрудников оперативных подразделений (для сбора эмпирического материала о существующих в их работе проблемах), а также метод логического анализа и синтеза, позволивший предложить наиболее рациональные пути решения выявленных проблем. Для анализа отечественного и зарубежного опыта правового регулирования розыскной деятельности оказался востребован сравнительно-правовой метод.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Итоги проведенного исследования позволяют нам констатировать, что основания для проведения ОРМ, предусмотренные пп. 3 п. 2 ч. 1 ст. 7 ФЗ «Об ОРД», возникают при получении органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, сведений о лицах, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда или уклоняющихся от уголовного наказания.

В соответствии со ст. 13 ФЗ «Об ОРД» оперативные подразделения ОВД и ФСИН России наделены правом осуществлять оперативно-розыскную деятельность в полном объеме, в отличие, например, от оперативного подразделения внешней разведки Министерства обороны Российской Федерации, полномочия которого существенно ограничены и в основном сфокусированы на обеспечении безопасности самой разведывательной структуры.

Однако, несмотря на казалось бы детальную нормативную регламентацию, розыскная работа оперативных подразделений ФСИН России сталкивается с серьезными системными ограничениями, в особенности в части проведения ОРМ, связанных с ограничением конституционных прав граждан и направленных на установление местонахождения разыскиваемых лиц. Точнее говоря, эти подразделения законодательно лишены возможности самостоятельно проводить такие высокоэффективные ОРМ, как прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, получение компьютерной информации, а также мероприятия, связанные с негласным проникновением в жилище.

К компетенции ФСИН России отнесен розыск широкого круга лиц: осужденных к наказаниям в

виде обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы, условно осужденных, осужденных с отсрочкой отбывания наказания, уклоняющихся от контроля со стороны уголовно-исполнительных инспекций [11, 12, 13, 14, 15]. Несмотря на видовое разнообразие категорий осужденных, для удобства дальнейшего изложения мы будем объединять всех их представителей под общим термином – осужденные.

Правовые основы ОРД, осуществляемой при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией от общества, закреплены в ч. 3 ст. 18.1 УИК РФ. Согласно данной норме эта деятельность осуществляется оперативными подразделениями уголовно-исполнительной системы как самостоятельно, так и во взаимодействии с оперативными подразделениями иных государственных органов в пределах их компетенции.

С момента поступления материалов для объявления осужденного в розыск у оперативных подразделений ФСИН России возникают правовые основания для проведения в отношении него комплекса ОРМ (пп. 3 п. 2 ч. 1 ст. 7 ФЗ «Об ОРД»). Вместе с тем подчеркнем, что условия проведения некоторых из них, предусмотренные ч. 2 и ч. 4 ст. 8 ФЗ «Об ОРД», значительно сокращают возможности применения сотрудниками ФСИН России оперативно-розыскного инструментария.

Так, например, проведение требующих получения судебного решения ОРМ, ограничивающих конституционные права человека и гражданина, допускается лишь по делам о преступлениях, по которым производство предварительного следствия является обязательным. В ситуации же с розыском осужденного мы имеем дело с уже вступившим в законную силу обвинительным приговором суда (то есть стадия предварительного следствия давно завершена), что создает правовой вакуум.

Более того, проведение такого ОРМ, как прослушивание телефонных переговоров, разрешается только в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений средней тяжести, тяжких или особо тяжких преступлений, а также лиц, которые могут располагать сведениями о таких преступлениях. Об осужденных данная норма ФЗ «Об ОРД» не упоминает. Этот пробел образует непреодолимое правовое препятствие.

Здесь есть повод обратиться к опыту зарубежного законодателя. В ст. 18 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-3 «Об оперативно-розыскной деятельности» закреплено схожее с прослушиванием телефонных переговоров ОРМ – контроль в сетях электросвязи. Для него установлено ограничений по кругу лиц, в отношении которых оно может проводиться в целях решения задач ОРД. Это, на наш взгляд, весьма разумно не только с точки зрения соблюдения прав и свобод человека и гражданина, но и в связи с необходимостью обеспечения реализации базовых задач ОРД.

Яркой иллюстрацией проблем, с которыми сталкивается практика, является пример из работы оперативного подразделения ФСИН России по Калининградской области. Он демонстрирует типичную для розыска лиц, осужденных за соверше-

ние преступлений средней тяжести и более тяжких, ситуацию. Ранее судимый Д., осуждённый в 2024 году за незаконный оборот наркотических средств (преступление средней тяжести) с назначением наказания в виде принудительных работ, скрывался от органов ФСИН России и находился в федеральном розыске. Проведение оперативно-поисковых мероприятий и не требующих санкции суда ОРМ подтвердило, что разыскиваемый пользуется мобильной связью. Однако отработка контактов Д. и организация засад в местах его вероятного появления не дали положительного результата. Представители ФСИН России неоднократно вступали с ним в телефонные переговоры, убеждая явиться для исполнения наказания. Но безуспешно. Впоследствии сотрудники Управления ФСБ России по Калининградской области в ходе реализации комплекса ОРМ установили, что разыскиваемый осуждённый Д. состоял в диверсионной группе и, действуя по заданию неустановленного лица в интересах Украины, намеревался совершить поджог электрооборудования базовой станции сотовой связи. Деятельность группы была пресечена. По факту подготовки диверсии следственный отдел Управления ФСБ России по Калининградской области возбудил уголовное дело по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 281 УК РФ¹. Данный случай показывает, что несвоевременность задержания разыскиваемых осуждённых, активно пользующихся средствами связи, повышает уровень опасности, которая исходит от таких лиц, так как они могут продолжать заниматься преступной деятельностью, в том числе совершая тяжкие и особо тяжкие преступления.

Результаты проведенного нами анкетирования действующих оперативных сотрудников ФСИН России однозначно свидетельствуют о том, что проблема отсутствия права на применение ряда эффективных ОРМ при розыске осуждённых является крайне острой. Существующее ограничение, по сути, блокирует выполнение задач по установлению их местонахождения даже при наличии реальных тактических возможностей для достижения положительного результата (так считают 98% респондентов). Все без исключения опрошенные нами оперативники высказались за необходимость внесения изменений в оперативно-разыскное законодательство, которые позволили бы проводить ОРМ, ограничивающие конституционные права граждан, в целях розыска осуждённых. По экспертным оценкам руководителей территориальных органов ФСИН России, до 70% находящихся в розыске осуждённых можно было бы обнаружить и задержать при условии обеспечения законности проведения в отношении них таких ОРМ, как прослушивание телефонных переговоров и снятие информации с технических каналов связи².

Учитывая общую заинтересованность научного сообщества и практиков в разрешении проблем

разыскной работы, считаем необходимым инициировать корректировку норм оперативно-разыскного закона в части, регламентирующей условия проведения ОРМ, ограничивающих права человека и гражданина.

Ранее нами уже было сформулировано предложение об изменении редакции ч. 4 ст. 8 ФЗ «Об ОРД» и изложении ее в следующем виде: «Прослушивание телефонных и иных переговоров допускается только в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений средней тяжести, тяжких или особо тяжких преступлений, а также лиц, которые могут располагать сведениями об указанных преступлениях и (или) местонахождении лиц, объявленных в розыск» [16].

В настоящее время с учетом интересов ОВД и ФСИН России в сфере розыска скрывшихся лиц различных категорий нам видится возможность внесения на обсуждение еще двух инициатив, ориентированных на гармонизацию оперативно-разыскного законодательства:

1. В ч. 2 ст. 8 ФЗ «Об ОРД» добавить новый пункт следующего содержания: «О лицах, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания (осуждённых), а также в целях розыска без вести пропавших». Это позволит расширить перечень оснований для проведения ОРМ, ограничивающих права граждан.

2. Часть 4 ст. 8 ФЗ «Об ОРД» изложить в новой редакции: «Прослушивание телефонных и иных переговоров допускается только в отношении подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступлений средней тяжести, тяжких или особо тяжких преступлений, лиц, осуждённых за совершение преступлений средней тяжести, тяжких или особо тяжких преступлений (при условии объявления их в розыск), а также лиц, которые могут располагать сведениями о таких преступлениях и (или) местонахождении лиц, объявленных в розыск». Данная поправка включит осуждённых, объявленных в розыск, в круг лиц, в отношении которых возможно проведение названного ОРМ.

Предлагаемые поправки являются с точки зрения юридической техники в большей степени формальными. Но их практическая реализация позволит не только устранить существующий правовой пробел и расширить полномочия субъекта ОРД, но и качественно повысить эффективность розыска осуждённых, которые, незаконно уклоняясь от отбывания уголовного наказания, зачастую продолжают совершать новые преступления, в том числе тяжкие и особо тяжкие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенного нами исследования дают основания констатировать наличие системной проблемы в правовом регулировании розыскной деятельности оперативных подразделений ФСИН России. Нормы ФЗ «Об ОРД», регламенти-

¹ В Калининграде задержали поджигателей вышки сотовой связи // РИА Новости: сайт. 26.02.2025 // URL: <https://ria.ru/20250226/kaliningrad-2001824439.html> (дата обращения: 10.03.2025).

² Проводилось анкетирование 130 оперативных сотрудников управлений ФСИН России по Калининградской, Псковской, Новгородской и Мурманской областям и интервьюирование 3 руководителей ФСИН России по Калининградской области.

рующие условия проведения оперативно-разыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан, не учитывают специфики розыска осуждённых, в отношении которых судом уже вынесен обвинительный приговор. Это создает непреодолимый барьер для применения некоторых наиболее эффективных ОРМ, таких, например, как прослушивание телефонных переговоров, что существенно снижает результативность оперативно-разыскной деятельности и способствует формированию угроз общественной безопасности.

Учитывая общность интересов ОВД и ФСИН России в сфере розыска скрывшихся лиц различных категорий, считаем своевременным и обоснованным инициировать широкое профессиональное обсуждение выявленных проблем и внесение законодательных инициатив по гармонизации оперативно-разыскного законодательства. Предлагаемые нами для ст. 8 ФЗ «Об ОРД» поправки направлены на устранение правовых коллизий

и предоставление оперативным подразделениям ФСИН России необходимого инструментария для эффективного выполнения возложенных на них задач.

Перспективным направлением дальнейших научных исследований видится разработка унифицированного алгоритма действий сотрудников ОВД и ФСИН России при установлении местонахождения разыскиваемых осуждённых. Такой алгоритм должен предусматривать четкое разграничение компетенций между ведомствами, регламентировать порядок обмена информацией и определять оптимальные формы межведомственного взаимодействия на различных этапах розыскной деятельности.

Реализация предложенных мер будет способствовать не только повышению эффективности розыска лиц различных категорий, но и укреплению законности и правопорядка в целом, а также обеспечению неотвратимости уголовного наказания. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Шахматов А.В., Глубоковских Р.В. Понятие и содержание розыскной работы оперативных подразделений органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 2 (90). С. 118-125.
2. Степанов Г.В., Яковлев Е.А. Некоторые проблемные вопросы, возникающие при розыске осуждённых, уклоняющихся от отбывания уголовных наказаний // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2023. № 8 (255). С. 28-39.
3. Яковлев Е.А. Организационные аспекты деятельности розыскных подразделений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на современном этапе // Вестник Владимирского юридического института. 2024. № 2 (71). С. 14-21.
4. Румянцев Н.В., Агарков А.В. Некоторые проблемные вопросы розыска лиц, уклоняющихся от отбывания наказания, и пути их разрешения // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 4. С. 216-219.
5. Исиченко А.П. Проблемы правового обеспечения розыска осуждённых, уклоняющихся от отбывания уголовного наказания // IV международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление». В 10 т. Рязань: Академия ФСИН России, 2019. Т. 4. С. 155-160.
6. Омелин В.Н., Исиченко А.П., Лаверычева С.А. О задержании лиц, уклоняющихся от отбывания наказания, сотрудниками территориальных органов ФСИН России // Организационно-правовое регулирование деятельности уголовно-исполнительной системы: теоретические и прикладные аспекты. Материалы научно-практической конференции. Рязань: Академия ФСИН России, 2018. С. 216-221.
7. Никифоров И.А. Пределы причинения вреда сотрудниками оперативных подразделений ФСИН России при задержании лиц, уклоняющихся от отбывания наказания // Уголовное право и оперативно-разыскная деятельность: проблемы законодательства, науки и практики. Материалы международной научно-практической конференции. М.: НИИ ФСИН России, 2022. Ч. 2. С. 76-80.
8. Алексеева А.П., Белокобыльская О.И., Третьяков Ю.В. Возможности унификации критериев соотношения терминов, включенных в понятийный аппарат в сфере превенции преступности и преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 25-30.
9. Моисеев Н.Д., Ключников М.И. О совершенствовании розыска лиц, уклоняющихся от отбывания наказания // Аграрное и земельное право. 2025. № 1. С. 282-285.
10. Омелин В.Н., Пьянков М.Н., Спиридонова Ю.Н. О задержании лиц, разыскиваемых территориальными органами уголовно-исполнительной системы // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 8-1. С. 396-402.
11. Иконников Д.С., Ковалев О.Г. Правовые основы организации розыска осуждённых, уклоняющихся от отбывания наказания без изоляции от общества // Право и управление. 2024. № 8. С. 259-263.
12. Ковалев О.Г. Особенности законодательного и ведомственного регулирования права осуждённых на получение информации о своих правах и обязанностях, порядке и условиях отбывания назначенного судом наказания // Российский научный вестник. 2025. № 1. С. 220-224.
13. Ольховик Н.В. Первоначальные мероприятия по розыску осуждённых без изоляции от общества // Уголовная юстиция. 2014. № 2 (4). С. 39-42.
14. Кутуков С.А., Смирнов С.Н. Актуальные проблемы розыска лиц, осуждённых к наказаниям без изоляции от общества // Человек: преступление и наказание. 2016. № 3 (94). С. 100-104.

15. Кравченко М.В. О несовершенстве оперативно-розыскного законодательства в вопросе регулирования розыска осуждённых, уклоняющихся от уголовных наказаний // Вестник Санкт-Петербургской академии Следственного комитета. 2024. № 2 (2). С. 34-38.

16. Глубоковских Р.В. Розыскная работа подразделений уголовного розыска (ситуационный подход). М.: Научно-издательский центр ИНФРА-М, 2025. 207 с.

REFERENCES

1. Shakhmatov A.V., Glubokovskikh R.V. Ponyatiye i sodержaniye rozysknoy raboty operativnykh podrazdeleniy organov vnutrennikh del // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2021. № 2 (90). S. 118-125.
2. Stepanov G.V., Yakovlev Ye.A. Nekotoryye problemnyye voprosy, vznikayushchiye pri rozyske osuzhdonnykh, uklonyayushchikhsya ot otbyvaniya ugolovnykh nakazaniy // Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noy sistemy. 2023. № 8 (255). S. 28-39.
3. Yakovlev Ye.A. Organizatsionnyye aspekty deyatel'nosti rozysknykh podrazdeleniy ugolovno-ispolnitel'noy sistemy Rossiyskoy Federatsii na sovremennom etape // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. 2024. № 2 (71). S. 14-21.
4. Rumyantsev N.V., Agarkov A.V. Nekotoryye problemnyye voprosy rozyska lits, uklonyayushchikhsya ot otbyvaniya nakazaniya, i puti ikh razresheniya // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2019. № 4. S. 216-219.
5. Isichenko A.P. Problemy pravovogo obespecheniya rozyska osuzhdonnykh, uklonyayushchikhsya ot otbyvaniya ugolovnoy nakazaniya // IV mezhdunarodnyy penitentsiarnyy forum «Prestupleniye, nakazaniye, ispravleniye». V 10 t. Ryazan': Akademiya FSIN Rossii, 2019. T. 4. S. 155-160.
6. Omelin V.N., Isichenko A.P., Laverycheva S.A. O zaderzhanii lits, uklonyayushchikhsya ot otbyvaniya nakazaniya, sotrudnikami territorial'nykh organov FSIN Rossii // Organizatsionno-pravovoye regulirovaniye deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noy sistemy: teoreticheskiye i prikladnyye aspekty. Materialy mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Ryazan': Akademiya FSIN Rossii, 2018. S. 216-221.
7. Nikiforov I.A. Predely prichineniya vreda sotrudnikami operativnykh podrazdeleniy FSIN Rossii pri zaderzhanii lits, uklonyayushchikhsya ot otbyvaniya nakazaniya // Ugolovnoye pravo i operativno-rozysknaya deyatel'nost': problemy zakonodatel'stva, nauki i praktiki. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. M.: NII FSIN Rossii, 2022. Ch. 2. S. 76-80.
8. Alekseyeva A.P., Belokobyl'skaya O.I., Tret'yakov Yu.V. Vozmozhnosti unifikatsii kriteriyev sootnosheniya terminov, vkluchennykh v ponyatiynyy apparat v sfere preventsii prestupnosti i prestupleniy // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2023. № 3 (66). S. 25-30.
9. Moiseyev N.D., Klyuchnikov M.I. O sovershenstvovanii rozyska lits, uklonyayushchikhsya ot otbyvaniya nakazaniya // Agrarnoye i zemel'noye pravo. 2025. № 1. S. 282-285.
10. Omelin V.N., P'yankov M.N., Spiridonova Yu.N. O zaderzhanii lits, razyskivayemykh territorial'nymi organami ugolovno-ispolnitel'noy sistemy // Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava. 2023. T. 13. № 8-1. S. 396-402.
11. Ikonnikov D.S., Kovalev O.G. Pravovyye osnovy organizatsii rozyska osuzhdonnykh, uklonyayushchikhsya ot otbyvaniya nakazaniya bez izolyatsii ot obshchestva // Pravo i upravleniye. 2024. № 8. S. 259-263.
12. Kovalev O.G. Osobennosti zakonodatel'nogo i vedomstvennogo regulirovaniya prava osuzhdonnykh na polucheniye informatsii o svoikh pravakh i obyazannostyakh, poryadke i usloviyakh otbyvaniya naznachennogo sudom nakazaniya // Rossiyskiy nauchnyy vestnik. 2025. № 1. S. 220-224.
13. Ol'khovik N.V. Pervonachal'nyye meropriyatiya po rozysku osuzhdonnykh bez izolyatsii ot obshchestva // Ugolovnaya yustitsiya. 2014. № 2 (4). S. 39-42.
14. Kutukov S.A., Smirnov S.N. Aktual'nyye problemy rozyska lits, osuzhdonnykh k nakazaniyam bez izolyatsii ot obshchestva // Chelovek: prestupleniye i nakazaniye. 2016. № 3 (94). S. 100-104.
15. Kravchenko M.V. O nesovershenstve operativno-rozysknoy zakonodatel'stva v voprose regulirovaniya rozyska osuzhdonnykh, uklonyayushchikhsya ot ugolovnykh nakazaniy // Vestnik Sankt-Peterburgskoy akademii Sledstvennogo komiteta. 2024. № 2 (2). S. 34-38.
16. Glubokovskikh R.V. Rozysknaya rabota podrazdeleniy ugolovnogo rozyska (situatsionnyy podkhod). M.: Nauchno-izdatel'skiy tsentr INFRA-M, 2025. 207 s.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© Шахматов А.В., Глубоковских Р.В., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Шахматов А.В., Глубоковских Р.В. Вопросы проведения подразделениями ФСИН России оперативно-розыскных мероприятий судебного санкционирования по розыску осуждённых // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (82). С. 99-105.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Сергей Викторович ПОПОВ,
ORCID 0000-0002-1240-6046
Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Калининград)
преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности
органов внутренних дел Калининградского филиала
psv270181@gmail.com

Научная статья
УДК 343.985

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОГО СОДЕЙСТВИЯ В ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Оперативно-разыскная деятельность, конфиденциальное содействие, негласный сотрудник, правовое регулирование, раскрываемость преступлений.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Эффективность деятельности правоохранительных органов в значительной степени зависит от своевременности получения достоверной информации о лицах, подготавливающих, совершающих и совершивших преступления. Особую роль в этом процессе играет конфиденциальное содействие оперативным подразделениям органов внутренних дел, представляющее собой негласную форму взаимодействия, обеспечивающую поступление первичной оперативно значимой информации, получение которой недоступно при использовании гласных методов. В теории оперативно-разыскной деятельности активно ведутся дискуссии о сущности и значении конфиденциального содействия в современных условиях, что обуславливает актуальность комплексного изучения данного института.

Методы. Методологическую базу исследования, результаты которого представлены в статье, составила совокупность методов, основанных на диалектическом познании окружающей действительности. Кроме того, в ходе исследования применялся комплекс характерных для юридической науки научных методов, в том числе дедукция, индукция, исторический, статистический, сравнительно-правовой, формально-юридический, системный методы, контент-анализ документов, проблемно-тематический анализ, междисциплинарный подход и другие. **Результаты.** Историко-правовой анализ позволил установить, что институт конфиденциального содействия прошел длительный путь развития от древнекитайских практик до правового феномена, закрепленного в современном российском законодательстве. Установлена прямая корреляция между эффективностью системы конфиденциального содействия и уровнем раскрываемости преступлений: в периоды действий ограничений, вводимых в отношении агентурной работы, отмечалось снижение раскрываемости на 25-30%. Статистический анализ официальных данных МВД России помог выявить, что конфиденциальное содействие обеспечивает раскрытие до 70% преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, до 60% экономических правонарушений и до 80% преступлений, совершенных организованными группами. Автором определены четыре наиболее проблемных аспекта конфиденциального содействия: соотношение эффективности и безопасности, правовой статус источников, критерии оценки эффективности, этическая сторона взаимодействия данного вида. Для повышения результативности оперативно-разыскной деятельности необходимо системное решение перечисленных проблем.

ВВЕДЕНИЕ

Эффективность деятельности правоохранительных органов любого государства неразрывно связана с получением своевременной и достоверной информации о лицах, подготавливающих, совершающих и совершивших преступления. Особую роль в этом процессе играет конфиденциальное содействие оперативным подразделениям органов внутренних дел, которое представляет собой негласную форму взаимодействия, обеспечивающего поступление первичной оперативно значимой информации, недоступной при использовании гласных методов.

Конфиденциальное содействие как институт оперативно-разыскной деятельности следует рассматривать в контексте его информационных возможностей. Негласные сотрудники обеспечивают оперативные подразделения уникальной информацией из криминальной среды, позволяющей своевременно выявлять замышляемые преступления, устанавливать личности преступников и их связи, определять места сокрытия орудий преступлений и похищенного имущества.

В теории оперативно-разыскной деятельности активно ведутся дискуссии о сущности и значении конфиденциального содействия. А.Г. Лекарь и Д.В. Гребельский по этому поводу справедливо отмечают, что результаты борьбы с преступностью оперативно-разыскными средствами напрямую зависят от качества негласной информации и эффективности ее использования [1, 2]. А.Г. Маркушин подчеркивает первостепенное значение выявления граждан, располагающих сведениями о фактах и лицах, представляющих оперативный интерес [3]. Современные исследователи, такие как В.М. Аتماжитов и А.П. Алексеева [4, 5], акцентируют внимание на том, что качество оперативно-значимой информации, поступающей от негласных сотрудников, предопределяет эффективность предупреждения и раскрытия преступлений, в том числе тяжких и особо тяжких, отличающихся высокой степенью конспирации.

МЕТОДЫ

При проведении исследования применялся комплекс научных методов, характерных для юридической науки. Исторический метод способствовал последовательному изучению развития института конфиденциального содействия от древнекитайских трактатов до современного законодательства, проведению анализа влияния политических изменений на эффективность агентурной работы в разные исторические эпохи. Статистический метод был востребован для работы с количественными данными МВД России за 2020-2024 годы, проведенной с целью обоснования эффективности конфиденциального содействия, а также для расчета процентных показателей раскрываемости преступлений различных видов. Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить отечественный опыт с существующей в США и ФРГ практикой в области правового регулирования деятельности негласных сотрудников и использования их показаний в суде. Формально-юридический метод применялся для осуществления догматического анализа содержания федеральных законов, ведом-

ственных актов и исторических правовых документов, выявления пробелов и противоречий в действующем законодательстве. Провести анализ содержания правовых актов разных исторических периодов и систематизацию научной литературы, посвященной проблемам конфиденциального содействия, помог контент-анализ документов. С использованием системного метода конфиденциальное содействие изучалось как элемент системы оперативно-разыскной деятельности с учетом функциональных связей между ее компонентами. Проблемно-тематический анализ предоставил возможность структурировать исследование по четырем направлениям, соответствующим ключевым дискуссионным аспектам рассматриваемой проблематики: эффективность и безопасность, правовой статус, критерии оценки, этические вопросы.

В процессе работы оказалось полезным сочетание дедуктивного и индуктивного подходов: от общих теоретических положений к частным выводам и от конкретных фактов к общим закономерностям. Для обеспечения комплексности исследования в части интеграции достижений различных отраслей юридической науки было целесообразно воспользоваться междисциплинарным подходом.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Исторический опыт показывает, что использование негласных сотрудников для получения конфиденциальной информации имеет глубокие корни. Еще в древнекитайских трактатах, написанных за пять веков до нашей эры, отмечалось значение негласного получения информации от специально подготовленных для этого лиц.

В России институт конфиденциального содействия прошел длительный путь развития. Судебником Ивана III гражданам предписывалось содействовать выявлению преступлений, Судебник Ивана IV закреплял систему доноительства «слово и дело», а Соборное уложение 1649 года устанавливало наказание за доноительство о преступлениях [6, 7].

К концу XIX века в России сформировалась развитая система конфиденциального содействия. Жандармские и полицейские службы располагали разветвленной сетью негласных сотрудников, которые обеспечивали их информацией как о политической, так и об общеуголовной преступности. Анализ ведомственных актов того периода показывает высокую эффективность негласной работы. Московский обер-полицмейстер в своих предписаниях требовал от агентов «выведывать и доносить начальству все распространяющиеся в народе слухи, молву, вольнодумность», обеспечивая при этом «охранение в высшей степени тайны» [8].

В начале XX века, с учетом нарастающего революционного движения, приоритет был отдан негласной (внутренней) агентуре. Как отмечал Р.С. Мулукаев, основной задачей агентуры того времени являлось проникновение в революционную среду. Секретные директивы Департамента полиции подчеркивали: «Секретного сотрудника, находящегося в революционной среде... никто заменить не может» [6].

Sergey V. POPOV,
ORCID 0000-0002-1240-6046
Saint Petersburg University of the Ministry
of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)
Lecturer at the Department of Operational Investigative
Activities of Internal Affairs Bodies of the Kaliningrad Branch
psv270181@gmail.com

ROLE AND IMPORTANCE OF CONFIDENTIAL ASSISTANCE IN OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES

KEYWORDS. Operational investigative activities, confidential assistance, secret staff, legal regulation, crime detection.

ANNOTATION. Introduction. The effectiveness of law enforcement agencies largely depends on the timely receipt of reliable information about individuals preparing, committing, and having committed crimes. Confidential assistance to operational units of internal affairs agencies plays a special role in this process, representing a covert form of interaction that ensures the receipt of primary operationally significant information that is unavailable using overt methods. In the theory of operational investigative activities, there are active discussions about the nature and significance of confidential assistance in modern conditions, which determines the relevance of a comprehensive study of this institution.

Methods. The methodological basis of the study, the results of which are presented in the article, consisted of a set of methods based on dialectical cognition of the surrounding reality. In addition, the study used a set of scientific methods characteristic of legal science, including deduction, induction, historical, statistical, comparative legal, formal-legal, systems methods, content analysis of documents, problem-thematic analysis, an interdisciplinary approach, etc. **Results.** A historical and legal analysis revealed that the institution of confidential assistance has undergone a long evolution from ancient Chinese practices to a legal phenomenon enshrined in modern Russian legislation. A direct correlation has been established between the effectiveness of the confidential assistance system and the crime detection rate: during periods of restrictions imposed on undercover work, a 25-30% decrease in detection rates was observed. A statistical analysis of official data from the Russian Ministry of Internal Affairs revealed that confidential assistance facilitates the detection of up to 70% of drug-related crimes, up to 60% of economic offenses, and up to 80% of crimes committed by organized groups. The author identified four of the most problematic aspects of confidential assistance: the balance between effectiveness and security, the legal status of sources, criteria for evaluating effectiveness, and the ethical aspects of this type of interaction. To improve the effectiveness of operational investigative activities, a systematic solution to these issues is necessary.

Февральская революция 1917 года нанесла катастрофический урон системе конфиденциального содействия. Упразднение жандармских структур и ликвидация агентурного аппарата привели к резкому росту преступности. По данным Р.С. Мулукаева, только в Москве освобождение из мест лишения свободы более трех тысяч опасных преступников привело к многократному увеличению количества тяжких преступлений [6].

В советский период отношение к агентурной работе изменялось много раз. В 1919 году была принята «Инструкция по уголовному розыску». Ее положениями агентурная работа официально закреплялась в деятельности органов внутренних дел. Однако идеологические соображения часто преобладали над профессиональными. Так, Приказ НКВД РСФСР, подписанный в сентябре 1928 года, запрещал иметь в числе постоянных осведомителей лиц из преступного мира. Ученые в связи с этим указывали на обусловившие такое решение серьезные недостатки в организации агентурной работы: «Агентурный аппарат засорялся людьми, участвовавшими в совершении преступлений, а сама агентурная работа превращалась в постоянный поединок между оперуполномоченным и агентом, завербованным на компрометирующих материалах» [9]. Вместе с тем данное решение негативно сказалось на эффективности агентурной

работы, поскольку исключало из ее сферы наиболее информированные источники. Постановление Совета народных комиссаров РСФСР от 25 мая 1930 года «Об обществах содействия органам милиции и уголовного розыска» делало упор на гласные формы содействия, что снижало эффективность получения сведений о латентных преступлениях [10]. Результаты анализа статистики 1930-40-х годов показывают, что раскрываемость тяжких преступлений по агентурным данным тогда снизилась с 45-50% до 15-20%, что прямо коррелировало с ограничениями в работе с конфиденциальными источниками из криминальной среды [9, 11, 12]. И.В. Говоров справедливо отмечает, что «отношение к вопросу использования агентурного аппарата органов дознания в различные годы было далеко неоднозначным и нестабильным. Многие оценки и принятые на их основе стратегические решения носили субъективный, волюнтаристский характер» [11].

Принятие в 1992 году Закона «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации», а в 1995 году Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» существенно изменило правовую основу конфиденциального содействия. Первый закон закрепил содержание оперативно-розыскной деятельности и установил гарантии законности ее проведения, а второй –

официально утвердил право органов привлекать граждан к конфиденциальному содействию и ввел систему правовых гарантий для его участников. Статистические данные подтверждают результативность такого содействия: по агентурным сведениям раскрывалось до 60% тяжких преступлений, причем особенно много тех, которые были связаны с деятельностью организованных групп и политических структур [13, 14]. Тем не менее современная практика конфиденциального содействия демонстрирует и серьезные проблемы: более половины негласных сотрудников оказываются неэффективными и практически не участвуют в предупреждении и раскрытии преступлений [15].

В этом контексте конфиденциальное содействие рассматривается как негласная форма взаимодействия, в рамках использования которой источники обеспечивают поступление уникальных сведений, получение которых невозможно традиционными гласными процессуальными методами. В качестве основных типов оперативно значимой информации специалисты выделяют:

- первичную информацию о подготавливаемых преступлениях – данные о намерениях и подготовительных действиях преступников, позволяющие предотвратить совершение противоправных деяний;
- информацию о латентных преступлениях – сведения о преступных деяниях, скрытых от органов правопорядка, не поступавшие в них по формальным каналам;
- идентификационную информацию – характеристики лиц, причастных к преступлениям, данные об их связях, местах пребывания и укрытия;
- доказательственную информацию – данные о местонахождении орудий преступлений, похищенного имущества и возможных свидетелей;
- тактическую информацию – сведения о методах совершения преступлений, используемых технических средствах и маршрутах действий преступников.

Результаты анализа официальной статистики МВД России позволяют сделать вывод о том, что конфиденциальное содействие обеспечивает раскрытие до 70% преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, до 60% экономических правонарушений, до 80% преступлений, совершенных организованными группами, до 65% тяжких и особо тяжких преступлений против личности. Это обстоятельство позитивно отражается на структуре преступности в стране¹.

Вместе с тем исследование статистических сведений, предоставляемых МВД России, показывает, что в 2020-2024 годах сохранялась тенденция снижения объемов регистрации преступлений. В 2024 году было зарегистрировано 1 миллион 911 тысяч преступлений, что на 1,8% меньше, чем за предшествующий год. При этом удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений в числе зарегистрированных вырос с 30,3% (в 2023 году) до 32,3%. В среднем по стране уровень преступности в расчете на 100 тысяч человек населения в прошлом году

составил 1307,7 преступления, уменьшившись по сравнению с 2023 годом на 21,9 преступления.

Большая часть раскрытых в 2024 году преступлений (57,1%) была совершена лицами, ранее уже совершавшими преступления, что свидетельствует о значительном уровне рецидивной преступности. По сравнению с 2023 годом количество таких преступлений уменьшилось на 13,8%, составив 513,9 тысячи. Представители названной категории лиц совершили 45,1% особо тяжких и 46,8% тяжких преступлений. Такая статистика отражает сложность осуществления противодействия преступникам-рецидивистам и подчеркивает необходимость совершенствования методов оперативно-разыскной деятельности.

Далее с учетом полученных по итогам статистического анализа данных нами было проведено теоретическое осмысление проблем конфиденциального содействия, что позволило целенаправленно обратиться к поиску путей повышения его результативности в целях совершенствования деятельности по предупреждению и раскрытию преступлений. Современная оперативно-разыскная наука выделяет четыре спорных аспекта использования конфиденциального содействия, на которые требуется обратить особое внимание, если вести речь о повышении эффективности работы оперативных подразделений:

1. Соотношение эффективности и безопасности. Центральной остается проблема баланса между негласным получением качественной информации и сохранением безопасности ее источников. А.Г. Лекарь и Д.В. Гребельский подчеркивают, что невысокий уровень защиты негласных сотрудников снижает достоверность сведений, тогда как чрезмерные меры безопасности затрудняют оперативность взаимодействия [1, 2]. Ю.Ф. Кваша предлагает оптимизировать процедуру обработки информации, минимизируя риск, но без избыточной сложности [16].

2. Правовой статус конфиденциальных источников. Вопрос о границах правовой защищенности лиц, оказывающих конфиденциальное содействие, вызывает серьезные споры. А.Г. Маркушин указывает на отсутствие в законодательстве четкого разграничения между агентами, информаторами и внештатными сотрудниками, что создает правовые коллизии [3]. С.С. Овчинский отмечает, что неопределенность статуса конфиденциалов затрудняет использование их показаний в суде и порождает риск злоупотреблений [17].

3. Критерии оценки эффективности. В настоящее время не существует единой методики измерения результативности работы с конфиденциальными источниками. В.Г. Бобров предлагает ориентироваться на процент раскрываемости преступлений [4], тогда как Ю.Ф. Кваша и В.М. Атажитов настаивают на комплексной оценке, предусматривающей определение качества полученных сведений, скорости их обработки и вклада в снижение криминогенной активности [4, 16].

4. Этические аспекты. Использование негласной информации порождает морально-этические дилеммы. А.Г. Маркушин и В.Г. Бобров подчер-

¹ Состояние преступности // МВД России: сайт // URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 01.10.2025).

кивают необходимость соблюдения принципа невмешательства в личную жизнь и неприкосновенности частной сферы, даже если это ограничивает объем добываемых сведений [3, 4]. А.И. Долгова обращает внимание на риск манипуляций и давления на негласных сотрудников, в связи с чем требуются строгий кодекс поведения и контроль этичности действий оперативников [18].

По нашему мнению, инновационное развитие института конфиденциального содействия должно основываться на комплексном учете оперативно-тактических, правовых, методологических и этических факторов. Только сбалансированная система нормативно-организационных мер позволит сохранить качество информации и гарантировать безопасность и законность участия граждан в оперативно-разыскных мероприятиях.

Во все исторические периоды оперативная работа была эффективным средством борьбы с преступностью, предотвращения преступлений и обеспечения их раскрытия. Таковым она остается и сейчас. Инструментарий, используемый оперативными подразделениями, неизменно включает в себя институт конфиденциального содействия. Поэтому от правильной организации работы с гражданами в части осуществления ими такого содействия в значительной степени зависит решение стоящих перед оперативными подразделениями задач [19]. С точки зрения правоохранительной практики конфиденциальное содействие представляет собой наиболее распространенную и результативную форму помощи граждан оперативно-разыскным органам в деле выявления и предупреждения преступлений [20]. Это обусловлено тем, что латентные, тщательно замаскированные противоправные деяния крайне затруднительно выявлять без использования негласных сил и средств.

В связи с этим понятие «конфиденциальное содействие» занимает важнейшее место в современной теории оперативно-разыскной деятельности. Несмотря на законодательное закрепление оснований для привлечения граждан к конфиденциальному содействию, в научном сообществе продолжается активное обсуждение его сущностного значения и функциональных рамок. В свете вызовов, обусловленных современным состоянием криминогенной обстановки, интерес вызывает ряд вопросов, требующих тщательного доктринального рассмотрения.

Одним из ключевых аспектов дискуссии является попытка дать четкое максимально содержательное определение понятия «конфиденциальное содействие». В отечественной литературе сложилось два противоречивых подхода к данному вопросу. Согласно традиционной трактовке конфиденциальное содействие есть предоставление гражданам специальной, скрываемой от преступного мира и его участников информации о криминальной деятельности, сопровождающееся сохранением анонимности источника. Здесь в качестве основного критерия выделения данного вида взаимодействия подчеркивается роль конфиденциальности. Современные исследователи расширяют понятие, выделяя в структуре конфиденциального содействия не только передачу

информации, но и активное участие граждан в проведении различных оперативно-разыскных мероприятий с сохранением их статуса анонимных помощников. Этот расширенный взгляд учитывает динамичную природу и технологическую сложность современных криминальных угроз. Таким образом, ученые пока не имеют единого образного представления о том, включать ли в понятие «конфиденциальное содействие» только действия по предоставлению информации или же раздвигать его рамки до участия в оперативно-разыскных мероприятиях.

Полагаем, более обоснованным является именно расширенный подход к пониманию конфиденциального содействия, поскольку он обеспечивает возможность адекватно реагировать на сложные и изменчивые угрозы, для чего простого информирования, безусловно, недостаточно. Вместе с тем необходимо строго соблюдать правовые гарантии защиты лиц, осуществляющих содействие, чтобы не допускать злоупотреблений и нарушения этических норм. Законодательство и практика должны развиваться в направлении баланса между эффективностью оперативной деятельности и соблюдением прав личности. Неоднозначность подходов к определению понятия конфиденциального содействия свидетельствует о происходящей эволюции отношения теории и практики к данному институту. Поэтому именно сейчас актуальны исследования, направленные на его совершенствование, которые могут способствовать повышению эффективности и легитимности конфиденциального содействия, а также решению проблем, связанных с недостатками в его правовом регулировании.

На наш взгляд, конфиденциальное содействие оперативным подразделениям органов внутренних дел следует рассматривать как негласное, добровольное привлечение отдельных лиц к подготовке или проведению оперативно-разыскных и иных мероприятий с сохранением по их желанию тайны оказываемого содействия. В этом определении негласность отражает особенности режима взаимодействия: действия источников и полученные от них сведения скрыты от третьих лиц, в том числе и преступников, что соответствует требованиям конспиративности в оперативно-разыскной деятельности. Упоминание добровольности подчеркивает, что оказываемое гражданами содействие не является их обязанностью, а обусловлено личным решением, что важно для соблюдения легитимности взаимодействия. Признак «привлечение к мероприятиям» охватывает весь спектр задач содействующего лица: не только передачу информации, но и активную роль в подготовке и осуществлении оперативно-разыскных и специальных действий других видов. Указание на сохранение тайны (по желанию участника взаимодействия) фиксирует необходимость обеспечения правовых гарантий анонимности, закрепленных в законодательстве посредством закрепления за сведениями о содействующих лицах статуса государственной тайны. Приведенное определение в полной мере отражает ключевые признаки института конфиденциального содействия: его скры-

тый характер, добровольность участия граждан, разнообразие правовых форм взаимодействия и обязательность гарантий защиты источников информации.

Далее следует обратить внимание на то, что по-прежнему дискуссионным остается правовой статус лиц, оказывающих конфиденциальное содействие. С одной стороны, Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» гарантирует их защиту и анонимность, с другой – отсутствие детальной регламентации вызывает противоречия в правоприменении и риски адвокатского оспаривания получаемых с участием таких лиц доказательств.

В связи с этим интересен зарубежный опыт решения подобного рода проблем. Его изучение позволило выявить высокую эффективность конфиденциального содействия в некоторых государствах. Так, например, в США и ФРГ полицейские службы очень активно используют информацию, получаемую от негласных сотрудников [21]. Законодательством этих стран закреплено четкое правовое регулирование деятельности таких лиц. Еще в 1983 году специальная комиссия конференции МВД ФРГ в своем отчете отмечала, что классических методов раскрытия преступлений недостаточно в современных условиях, и рекомендовала чаще пользоваться возможностями, открывающимися благодаря оперативному внедрению в криминальную среду негласных сотрудников. Важным элементом американской практики конфиденциального содействия является институт «свидетельства со слов», предусматривающий право должностных лиц полиции давать в суде показания, ссылаясь на информацию, полученную от негласного сотрудника, без раскрытия сведений о его личности [22]. Таким образом, опыт США и ФРГ показывает, что совершенствование института конфиденциального содействия возможно через комплексное законодательное регулирование, а также внедрение новых средств и методов защиты анонимности и обеспечения прав информаторов на судебном уровне. Считаем, что именно такой подход необходимо применять в российских реалиях.

Представляется очевидным, что отечественное законодательство нуждается в развитии и конкретизации положений, касающихся правового статуса лиц, оказывающих конфиденциальное содействие. В результате должен быть достигнут баланс между интересами общественной безопасности

и правами личности, а также созданы эффективные правовые инструменты защиты и моральной поддержки негласных сотрудников. Без этого конфиденциальное содействие будет оставаться в зоне правовой неопределенности, что снижает его потенциал и повышает риски злоупотреблений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По итогам проведенного нами исследования были сформулированы следующие научно обоснованные выводы:

1. Конфиденциальное содействие является основным источником первичной оперативно значимой информации, обеспечивающим от 60% до 80% раскрываемости тяжких и особо тяжких преступлений, характеризующихся высокой степенью латентности.

2. Результаты ретроспективного анализа свидетельствуют о прямой корреляции между эффективностью системы конфиденциального содействия и уровнем раскрываемости преступлений. Периоды, когда на агентурную работу накладывались дополнительные ограничения, характеризовались существенным снижением раскрываемости – на 25-30%.

3. Информационные возможности конфиденциального содействия предопределяются качеством источников информации и профессионализмом оперативных сотрудников, осуществляющих работу с конфидентами.

4. В настоящее время назрела необходимость в совершенствовании правового регулирования института конфиденциального содействия, организационно-тактических подходов и защиты его участников.

5. Эффективность конфиденциального содействия в значительной степени зависит от его интеграции в общую систему оперативно-розыскной деятельности и обеспечения координации с другими направлениями работы оперативных подразделений.

В заключение подчеркнем, что конфиденциальное содействие занимает одно из центральных мест в деятельности правоохранительных органов, позволяя им располагать уникальной информацией, получение которой было бы невозможно иными способами. Развитие и совершенствование данного института представляется ключевым фактором повышения эффективности борьбы с преступностью, особенно с ее организованными и латентными формами. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Лекарь А.Г., Безруких Р.К. Организационно-тактические основы раскрытия преступлений: Монография. М.: Юридическая литература, 1977. 119 с.
2. Гребельский Д.В. О развитии и роли оперативных аппаратов органов внутренних дел в совершенствовании охраны социалистического правопорядка // Труды Высшей школы МВД СССР. 1973. Вып. 35. С. 187-201.
3. Маркушин А.Г. Результаты оперативно-розыскной деятельности – основа формирования доказательств // Современные проблемы юридической науки и практики. Сборник научных трудов. Вып. 8. Н.Новгород, 2011. С. 90-107.
4. Аتماжитов В.М., Бобров В.Г. О законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности: Научный доклад. М., 2003. 23 с.
5. Алексеева А.П., Белокобыльская О.И., Третьяков Ю.В. Возможности унификации критериев соотношения терминов, включенных в понятийный аппарат в сфере превенции преступности и преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 25-30.

6. Мулукаев Р.С. Полиция в России (IX - начало XX века): Монография. Н.Новгород: НВШ МВД России, 1993. 54 с.
7. Смирнов И.А. Содействие граждан оперативным подразделениям. Выводы, сделанные на основании анализа исторического опыта оперативных подразделений в рамках диссертационного исследования // Закон и право. 2015. № 11. С. 157-161.
8. Рагунштейн А.Г. Участие граждан в охране правопорядка: история и современность // История, теория, практика российского права. 2018. № 11. С. 136-160.
9. Демин В.А., Иванов В.Е. История и современность. Очерки истории органов внутренних дел (часть III) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2003. № 1 (17). С. 56-65.
10. Шепель И.В., Сухорученко Д.А. История становления гласного содействия граждан органам внутренних дел // Академическая мысль. 2018. № 4 (5). С. 58-64.
11. Говоров И.В. Негласная агентура советской милиции в 1940-х годах // Вопросы истории. 2004. № 4. С. 109-119.
12. Чибурова Е.А. Секретные осведомители, агенты и резиденты, сотрудничавшие с алтайской милицией после окончания Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2011. № 11-1. С. 234-236.
13. Медюшко Е.А. Ретроспективный анализ правовых основ руководства лицами, оказывающими содействие отечественным правоохранительным органам в дореволюционной России // Право и государство: теория и практика. 2024. № 6 (234). С. 491-493.
14. Бражников С.А. Содействие общественности милиции в работе по предупреждению правонарушений несовершеннолетних в России конца XX века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2024. Т. 24. № 4. С. 5-16.
15. Катков С.В., Семененко Г.М., Костенко Н.С., Алексеева А.П. О мерах совершенствования организации работы оперативных и следственных подразделений МВД России по выявлению, раскрытию и расследованию хищений денежных средств с использованием банковских карт на территории Российской Федерации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 4 (55). С. 123-128.
16. Кваша Ю.Ф. Отдельные аспекты оперативно-розыскного предупреждения преступлений в сфере экономики // Актуальные вопросы предупреждения (профилактики) оперативными аппаратами ОВД. Межвузовский сборник научных трудов. Киев, 1990. С. 178-180.
17. Овчинский С.С. Значение уголовно-правовых и уголовно-процессуальных институтов для оперативно-розыскной деятельности в борьбе с организованной преступностью // Следователь. Федеральное издание. 1999. № 9. С. 26-31.
18. Долгова А.И. Обеспечение здоровья нации и национальной безопасности как криминологическая проблема // Здоровье нации и национальная безопасность. М., 2013. С. 3-11.
19. Алексеева А.П., Зуева О.В., Иванов А.С., Кривошеин П.К. Мониторинг общественного мнения как способ оценки деятельности российской полиции // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 4 (35). С. 50-57.
20. Алексеева А.П. Деятельность полиции Волгоградской области в оценках общественности // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4. С. 16-25.
21. Давыдов С.И., Дудко Н.А., Петухов Е.Н. Защита лиц, содействующих борьбе с преступностью: сравнительно-правовой анализ норм российского и международного права // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2022. № 2 (59). С. 96-103.
22. Брусницын Л.В. Меры безопасности для содействующих уголовному правосудию: отечественный, зарубежный и международный опыт // Государство и право. 1998. № 9. С. 45-56.

REFERENCES

1. Lekar' A.G., Bezrukikh R.K. Organizatsionno-takticheskiye osnovy raskrytiya prestupleniy: Monografiya. M.: Yuridicheskaya literatura, 1977. 119 s.
2. Grebel'skiy D.V. O razviti i roli operativnykh apparatov organov vnutrennikh del v sovershenstvovanii okhrany sotsialisticheskogo pravoporyadka // Trudy Vyshey shkoly MVD SSSR. 1973. Vyp. 35. S. 187-201.
3. Markushin A.G. Rezul'taty operativno-rozysknoy deyatel'nosti - osnova formirovaniya dokazatel'stv // Sovremennyye problemy yuridicheskoy nauki i praktiki. Sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 8. N.Novgorod, 2011. S. 90-107.
4. Atmazhitov V.M., Bobrov V.G. O zakonodatel'nom regulirovanii operativno-rozysknoy deyatel'nosti: Nauchnyy doklad. M., 2003. 23 s.
5. Alekseyeva A.P., Belokobyl'skaya O.I., Tret'yakov Yu.V. Vozmozhnosti unifikatsii kriteriyev sootnosheniya terminov, vkluyuchennykh v ponyatiynyy apparat v sfere preventsii prestupnosti i prestupleniy // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2023. № 3 (66). S. 25-30.
6. Mulukayev R.S. Politsiya v Rossii (IX - nachalo XX veka): Monografiya. N.Novgorod: NVSh MVD Rossii, 1993. 54 s.
7. Smirnov I.A. Sodeystviye grazhdan operativnym podrazdeleniyam. Vyvody, sdelannyye na osnovanii analiza istoricheskogo opyta operativnykh podrazdeleniy v ramkakh dissertatsionnogo issledovaniya // Zakon i pravo. 2015. № 11. S. 157-161.

8. Ragunshteyn A.G. Uchastiye grazhdan v okhrane pravoporyadka: istoriya i sovremennost' // Istoriya, teoriya, praktika rossiyskogo prava. 2018. № 11. S. 136-160.
9. Demin V.A., Ivanov V.Ye. Istoriya i sovremennost' Ocherki istorii organov vnutrennikh del (chast' III) // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2003. № 1 (17). S. 56-65.
10. Shepel' I.V., Sukhoruchenko D.A. Istoriya stanovleniya glasnogo sodeystviya grazhdan organam vnutrennikh del // Akademicheskaya mysl'. 2018. № 4 (5). S. 58-64.
11. Govorov I.V. Neglasnaya agentura sovetskoy militsii v 1940-kh godakh // Voprosy istorii. 2004. № 4. S. 109-119.
12. Chiburova Ye.A. Sekretnyye osvedomiteli, agenty i rezidenty, sotrudnichavshiye s altayskoy militsiyey posle okonchaniya Velikoy Otechestvennoy voyny // Aktual'nyye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami. 2011. № 11-1. S. 234-236.
13. Medyushko Ye.A. Retrospektivnyy analiz pravovykh osnov rukovodstva litsami, okazyvayushchimi sodeystviye otechestvennym pravookhranitel'nym organam v dorevolutsionnoy Rossii // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2024. № 6 (234). S. 491-493.
14. Brazhnikov S.A. Sodeystviye obshchestvennosti militsii v rabote po preduprezhdeniyu pravonarusheniy nesovershennoletnikh v Rossii kontsa KHKH veka // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki. 2024. T. 24. № 4. S. 5-16.
15. Katkov S.V., Semenenko G.M., Kostenko N.S., Alekseyeva A.P. O merakh sovershenstvovaniya organizatsii raboty operativnykh i sledstvennykh podrazdeleniy MVD Rossii po vyyavleniyu, raskrytiyu i rassledovaniyu khishcheniy denezhnykh sredstv s ispol'zovaniyem bankovskikh kart na territorii Rossiyskoy Federatsii // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2020. № 4 (55). S. 123-128.
16. Kvasha Yu.F. Otdel'nyye aspekty operativno-rozysknogo preduprezhdeniya prestupleniy v sfere ekonomiki // Aktual'nyye voprosy preduprezhdeniya (profilaktiki) operativnymi apparatami OVD. Mezhevuzovskiy sbornik nauchnykh trudov. Kiyev, 1990. S. 178-180.
17. Ovchinskiy S.S. Znachenie ugovorno-pravovykh i ugovorno-protseessual'nykh institutov dlya operativno-rozysknoy deyatel'nosti v bor'be s organizovannoy prestupnost'yu // Sledovatel'. Federal'noye izdaniye. 1999. № 9. S. 26-31.
18. Dolgova A.I. Obespecheniye zdorov'ya natsii i natsional'noy bezopasnosti kak kriminologicheskaya problema // Zdorov'ye natsii i natsional'naya bezopasnost'. M., 2013. S. 3-11.
19. Alekseyeva A.P., Zuyeva O.V., Ivanov A.S., Krivoshein P.K. Monitoring obshchestvennogo mneniya kak sposob otsenki deyatel'nosti rossiyskoy politsii // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2015. № 4 (35). S. 50-57.
20. Alekseyeva A.P. Deyatel'nost' politsii Volgogradskoy oblasti v otsenkakh obshchestvennosti // Aktual'nyye problemy ekonomiki i prava. 2015. № 4. S. 16-25.
21. Davydov S.I., Dudko N.A., Petukhov Ye.N. Zashchita lits, sodeystvuyushchikh bor'be s prestupnost'yu: sravnitel'no-pravovoy analiz norm rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava // Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2022. № 2 (59). S. 96-103.
22. Brusnitsyn L.V. Mery bezopasnosti dlya sodeystvuyushchikh ugovnomu pravosudiyu: otechestvennyy, zarubezhnyy i mezhdunarodnyy opyt // Gosudarstvo i pravo. 1998. № 9. S. 45-56.

© Попов С.В., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Попов С.В. Роль и значение конфиденциального содействия в оперативно-разыскной деятельности // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (82). С. 106-113.

Александр Иванович МЕЛИХОВ,
доктор юридических наук, доцент, ORCID ID 0000-0001-8987-713X
Донской государственный технический университет (г. Ростов-на-Дону)
профессор кафедры уголовного права и публично-правовых дисциплин
M-13913@mail.com

Александр Викторович ХАРЧЕНКО,
кандидат юридических наук, доцент
Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Пушкин)
начальник института-факультета профессиональной подготовки,
переподготовки и повышения квалификации
universpb@mvd.ru

Научная статья
УДК 342.9

УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, ПОСЯГАЮЩИЕ НА ТРАДИЦИОННЫЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Национальная безопасность, традиционные духовно-нравственные ценности, фальсификация истории, «войны памяти», «война полов», «война поколений».

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В статье рассматривается комплекс внешних и внутренних информационно-идеологических угроз традиционным духовно-нравственным ценностям, культурной самобытности и исторической памяти России в условиях обострения геополитической конфронтации и проведения специальной военной операции. Внимание акцентируется на возрастании роли духовно-нравственного измерения национальной безопасности и необходимости системного противодействия информационно-психологическому давлению, «войнам памяти» и культурно-ценностной экспансии. **Методы.** Исследование, результаты которого представлены в настоящей статье, опирается на комплекс общественно-научных методов: системно-структурный анализ актуальных угроз в информационно-ценностной сфере, контент-анализ пропагандистских и дезинформационных кампаний. **Результаты.** Выявлены и систематизированы ключевые направления деструктивного воздействия на духовно-нравственные ценности и историческую память: информационно-психологические операции и массированная пропаганда, фальсификация истории и «войны памяти», культурно-идеологическое давление, разжигание «войны поколений» и «войны полов», а также технологические и кибернетические угрозы, основанные на использовании искусственного интеллекта, социальных сетей и дипфейков. Показано, что совокупный эффект этих угроз нацелен на подрыв морально-психологической устойчивости общества, разрушение межпоколенческой и семейной преемственности, снижение демографического потенциала и размывание культурной идентичности. Сформулирован комплекс рекомендаций по их нейтрализации. Обосновано, что духовно-нравственные ценности и историческая память являются ключевым ресурсом национальной устойчивости и «мягкой силы» России.

ВВЕДЕНИЕ

Современная геополитическая ситуация характеризуется эскалацией информационно-идеологического противоборства, в рамках которого Россия сталкивается с системными посягательствами на традиционные духовно-нравственные ценности, культурную самобытность и историческую память. К числу таких базовых ценностей относятся жизнь и достоинство личности, права и свободы человека, патриотизм и служение Отечеству, высокая нравственность, историческая память и преемственность поколений. Их защита провозглашена стратегическим приоритетом, что закреплено, в частности, в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента Российской Федерации № 809 от 9 ноября 2022 г.

В названном документе подчеркивается, что динамика международных процессов требует неотложных мер по охране ценностного фундамента государства. Среди ключевых угроз обозначены деятельность экстремистских и террористических организаций, политика США и других недружественных стран, деструктивное информационно-идеологическое влияние на граждан России, способное подорвать ее демографическое и культурное развитие. Особую остроту эти вызовы приобрели в контексте специальной военной операции (далее – СВО) на Украине и резкого обострения отношений с коллективным Западом.

Уже первые месяцы СВО продемонстрировали беспрецедентный масштаб информационно-пропагандистских кампаний, нацеленных на деморализацию России, подрыв морально-психологического состояния российского общества, искажение исторических фактов и разрушение культурных кодов. В цифровую эпоху глобальные медиа и платформы коммуникации превратились в ключевое поле информационно-психологического противоборства, рассматриваемого в ряде стран как отдельный вид боевых действий, позволяющий добиваться политических и военных целей без непосредственного применения смертоносного оружия.

В этих условиях возрастает значение так называемого «когнитивного пространства» как сферы борьбы за сознание индивида и массовое мировоззрение. Концепт «когнитивной войны» [1], активно разрабатываемый в НАТО и западных аналитических центрах, отражает переход к системному воздействию на ценностные установки, идентичность и поведение населения государства, воспринимаемого в качестве противника.

Целью проведенного нами исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, было описать и концептуализировать на основании выводов междисциплинарного анализа ключевые угрозы национальной безопасности России в измерении духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти, а также представить прогноз их развития с учетом актуальной международной обстановки и, исходя из этого, сформулировать комплекс практико-ориентированных рекомендаций по их нейтрализации.

Объектом исследования стали происходящие в современном глобальном пространстве информационно-идеологические процессы, влияющие на ценностно-культурные основы российского общества; предметом – формы, механизмы и последствия деструктивных информационно-психологических воздействий на традиционные духовно-нравственные ценности, культурную идентичность и историческую память России.

МЕТОДЫ

Методологическую базу исследования составил комплекс общенаучных и специальных методов, которые позволили раскрыть системный характер современных информационно-идеологических угроз.

Для рассмотрения информационной войны, когнитивных операций и культурно-ценностного давления как взаимосвязанных элементов единого гибридного воздействия на государство и общество был использован *системно-структурный подход*. В рамках изучения ключевых стратегических документов Российской Федерации в сфере национальной безопасности, информационной и культурной политики (включая Стратегию национальной безопасности, Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, а также акты, регулирующие противодействие экстремизму, терроризму и деструктивным информационным влияниям) применялся *нормативно-правовой анализ*. Метод *сравнительно-политологического анализа* оказался востребован для сопоставления российских и зарубежных подходов к осмыслению информационной, психологической и когнитивной войны, выявления особенностей структур, действующих в интересах государств коллективного Запада (в частности центров информационно-психологических операций, исследовательских и медийных организаций). *Контент-анализ* информационных кампаний, в том числе проводимых в цифровой среде (посредством социальных сетей, видеоплатформ, медиаресурсов и т.д.) дал возможность описать базовые нарративы, используемые в целях деморализации России, подрыва исторической памяти, разжигания «войн поколений» и «войн полов», продвижения антисемейных и атрадиционных ценностных установок. С помощью метода *case-study* (анализа конкретных ситуаций) рассматривались отдельные эпизоды информационного противоборства (освещение событий 2008 г. в Грузии, первых месяцев СВО, кампании «переписывания истории» и «войн памятников» в ряде восточноевропейских стран).

Вместе с тем применялся комплекс *прогностических и сценарных методов*. Это позволило с опорой на осмысление уже проявившихся тенденций и технологических трендов (развитие технологий искусственного интеллекта, дипфейков, дополненной реальности, глобальных коммуникационных сетей) предположить вероятные сценарии развития угроз и оценить перспективы трансформации когнитивного пространства конфликта.

Эмпирическую базу исследования составили официальные документы Российской Федерации, аналитические материалы о ходе СВО и ее инфор-

Aleksandr I. MELIKHOV,

Doctor of Law, Associate Professor, ORCID 0000-0001-8987-713X

Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russia)

Professor of the Department of Criminal Law and Public Law Disciplines

M-13913@mail.com

Aleksandr V. KHARCHENKO,

Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia (Pushkin, Russia)

Head of the Institute-Faculty of Professional Training, Retraining and Advanced Training

universpb@mvd.ru

NATIONAL SECURITY THREATS ENCROACHING ON THE TRADITIONAL SPIRITUAL AND MORAL VALUES OF THE RUSSIAN FEDERATION

KEYWORDS. National security, traditional spiritual and moral values, falsification of history, «memory wars», «war of the sexes», «war of generations».

ANNOTATION. *Introduction.* This article examines the complex of external and internal information and ideological threats to traditional spiritual and moral values, cultural identity, and historical memory of Russia in the context of escalating geopolitical confrontation and the conduct of a special military operation. Attention is focused on the growing role of the spiritual and moral dimension of national security and the need for a systemic counteraction to information and psychological pressure, «memory wars» and cultural and value expansion. *Methods.* The research, the results of which are presented in this article, is based on a set of social scientific methods: a systemic-structural analysis of current threats in the information and value sphere, and a content analysis of propaganda and disinformation campaigns. *Results.* The key areas of destructive influence on spiritual and moral values and historical memory have been identified and systematized: information and psychological operations and massive propaganda, the falsification of history and «memory wars», cultural and ideological pressure, the incitement of a «generational war» and a «war of the sexes» as well as technological and cyber threats based on artificial intelligence, social media and deepfakes. It is shown that the combined effect of these threats is aimed at undermining the moral and psychological stability of society, destroying intergenerational and family continuity, reducing demographic potential, and eroding cultural identity. A set of recommendations for countering these threats is formulated. It is substantiated that spiritual and moral values and historical memory are a key resource for Russia's national resilience and «soft power».

мационном сопровождении, работы российских и зарубежных авторов по проблематике информационной, психологической и когнитивной войны, а также открытые данные о деятельности зарубежных центров информационно-психологических операций и международных организаций, анализирующих дезинформацию и информационные угрозы, возникающие в цифровую эпоху.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Итоги изучения зарубежных и отечественных учебных¹, научных [2, 3, 4, 5] и аналитических² источников позволили нам выделить ряд угроз национальной безопасности Российской Федерации, посягающих на традиционные духовно-нравственные ценности.

1. Информационно-психологические угрозы духовно-нравственным ценностям

Исследование показало, что одной из ключевых угроз национальной безопасности в духовно-нравственном измерении является массированное информационно-психологическое воздействие на

население России со стороны недружественных внешних акторов. Информационная война стала неотъемлемой частью современных конфликтов: задолго до СВО стратегическими центрами коллективного Запада отрабатывались модели подрыва государства-противника изнутри посредством распространения ложных нарративов, идеологических диверсий, деморализации вооруженных сил и гражданского общества.

После начала СВО эти модели были масштабированы и институционализированы. Информационное противоборство проявляется в виде многоуровневой системы воздействий:

- стратегические информационные операции [6], в том числе крупные инсценировки и провокации, рассчитанные на достижение значимого международного и внутриполитического эффекта;
- специальная пропаганда [7] и психологические операции [8], направленные на подрыв боевого духа, дискредитацию политического и военного руководства, стимулирование политической нестабильности;

¹ Теория и практика информационных и гибридных войн: Учебное пособие для вузов / И.В. Бочарников, А.Я. Зайцев, А.В. Манойло и др. М., 2025. 236 с.; Информационные и гибридные войны: Учебное пособие для студентов и аспирантов высших учебных заведений, специализирующихся по направлению «Информационные и гибридные войны» / А.В. Манойло, А.И. Петренко, К.С. Стригунов и др. М., 2024. 594 с.

² Игнатъев А.Г., Курбатова Т.А. Дипфейки в цифровом пространстве: основные международные подходы к исследованию и регулированию: Аналитический обзор. М., 2023.; Михнюк И.В. Обзорный аналитический доклад «О ситуации в сфере российского и мирового образования» // Межрегиональный методический центр «Развитие»: сайт // URL: <https://razvitie-mmс.ru/analytics-analiobzornyj-analiticheskij-doklad/> (дата обращения 20.10.2025).

- *массовые фейки* [9, 10] и *информационные вбросы*, создающие лавину панических и противоречивых сообщений, затрудняющих адекватное восприятие реальности;

- *оперативные игры и комбинированные дезинформационные кампании* [11], ориентированные на формирование условий для принятия ошибочных управленческих решений и поддержание постоянной неопределенности¹.

Украинская сторона еще до начала конфликта при участии западных специалистов сформировала сеть центров информационно-психологических операций, что обеспечило ее интеграцию в инфраструктуру НАТО и дало возможность вести координированную информационную войну против России².

Отдельным видом угроз являются кампании, нацеленные на население России и российскую диаспору за рубежом, в которых активное участие принимают медиаструктуры стран коллективного Запада и транснациональные информационные платформы. Их доминирующие нарративы направлены на делегитимацию российской государственности, подрыв доверия к институтам власти, стимулирование оппозиционной и экстремистской активности, создание образа «исторически обреченного» государства.

Качественно новая особенность современной ситуации – **синтез классической пропаганды с цифровыми технологиями и искусственным интеллектом** [12, 13, 14]. Алгоритмы рекомендаций и ранжирования контента расширяют распространение дезинформации и материалов радикального характера, а сознательно осуществляемое переполнение информационного пространства противоречивыми нарративами формирует эффект «оружия массового помутнения», подрывая способность общества различать правду и ложь.

2. Фальсификация истории и «войны памяти»

Сфера исторической памяти превратилась в одно из основных полей информационного противоборства. В ряде государств Восточной Европы и постсоветского пространства созданы специализированные «институты национальной памяти», которые фактически являются инструментами ревизионистской исторической политики. В их дискурсе СССР бездоказательно приравнивается к нацистской Германии как «соответственный виновник» Второй мировой войны, выдвигаются требования проведения «нового Нюрнберга», дискредитируются ветераны Великой Отечественной войны.

Эти процессы сопровождаются практиками так называемых «*войн памятников*»: демонтажем монументов, установленных в честь советских воинов-освободителей, запретами на проведение памятных мероприятий, уголовным и административным преследованием их участников [15,

16, 17]. Перед деятельностью по искажению истории ставится две взаимосвязанных цели:

1) **геополитическая** – подрыв международного авторитета России, размывание правовых и морально-политических итогов Второй мировой войны;

2) **внутриполитическая** – формирование у молодого поколения альтернативной картины прошлого, в которой Советский Союз лишается образа силы, победившей нацизм, а «героизируются» коллаборационисты и пособники.

Для России это создает опасность формирования поколения, лишенного исторических ориентиров и воспринимающего собственную страну как «источник зла», что неизбежно бьет по патриотизму и гражданской идентичности. Показателен пример освещения событий, произошедших в Грузии в августе 2008 года. Тогда военная победа России не сопровождалась адекватной информационной стратегией, в результате чего в международном медиапространстве укрепилось ее восприятие в качестве «агрессора».

3. Культурно-ценностное давление, «война поколений» и «война полов»

Не менее значимой угрозой является **культурно-идеологическое давление**, нацеленное на размывание традиционных нравственных основ и подрыв культурной идентичности. Под видом «модернизации» и «либерализации» продвигаются нормы и практики, противоречащие отечественной духовной традиции. Традиционные ценности дискредитируются как «архаика» и «пережиток прошлого».

В этом контексте выделяются по крайней мере два взаимосвязанных направления деструктивной деятельности:

1) «**война поколений**» [18, с. 56-58] – сознательное разжигание конфликта между старшими и молодыми поколениями. Посредством коротких видеороликов, размещаемых на сайтах в Глобальной сети, транслируется нарратив «молодые против остальных», высмеиваются родители, педагоги, труд, служение, традиционные формы авторитета. Хештеги и мемы формируют устойчивый образ старшего поколения как «токсичного», «ненужного», «мешающего жить для себя». Алгоритмы интернет-платформ, стимулируя вовлеченность, поощряют подобный контент, усиливая поколенческий раскол. В терминах когнитивной войны это означает целенаправленное разрушение вертикальной преемственности ценностей и моральных ориентиров;

2) «**война полов**» [19, с. 141-319] – искусственное обострение конфликта между мужчинами и женщинами, делегитимация семьи и родительства. В публичном пространстве укрепляются радикальные движения, продвигающие идеи отказа от семьи, детей, долгосрочных обязательств (например чайдфри³, радикальный феминизм, различ-

¹ Подробнее см.: Инфодиверсанты. Как действовал Центр инфо-психологических операций ВСУ // РИА Новости: сайт. 13.05.2022 // URL: <https://ria.ru/20220513/tsipso-1788372942.html>; Центры информационно-психологических операций ССО Украины. Разгром близок // Военное обозрение: сайт. 03.03.2023 // URL: <https://topwar.ru/192979-centry-informacionno-psihologicheskikh-operacij-ssou-ukrainy-razgrom-blizok.html> (дата обращения: 20.10.2025).

² Как устроены информационные войска Украины // Русская весна: сайт. 16.12.2019 // URL: <https://rusvesna.su/news/1576427101> (дата обращения: 20.10.2025).

³ С 2024 года в России пропаганда чайдфри запрещена законом. См.: Федеральный закон от 23.11.2024 № 401-ФЗ «О внесении изменений в статью 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

ные варианты идеологии отказа от традиционных гендерных ролей и др.). Вирусные ролики под лозунгами «Отношения невыгодны», «Дети мешают успеху», «Семья – источник проблем» формируют у молодежи образ семьи как угрозы личной свободе. Эффект «эхо-камер» в соцсетях приводит к радикализации взглядов и утрате доверия между полами.

В совокупности эти процессы подрывают **демографический и нравственный потенциал общества**, ведут к увеличению количества одиноких, психологически уязвимых людей, к кризису институтов брака и семьи. Для России, где демографическая устойчивость уже является проблемой национальной безопасности, подобная трансформация ценностей представляет опасность на долгосрочную перспективу, чреватую наступлением весьма тяжелых последствий.

Особую роль в культурно-ценностном давлении играют глобальные медиасистемы и индустрия развлечений, прежде всего Голливуд и крупные стриминговые платформы, тесно взаимодействующие с государственными структурами США. Через механизмы «мягкой силы» и культурной экспансии формируются стандарты поведения, эстетические и моральные ориентиры, не совпадающие с теми, которые традиционно свойственны российскому обществу.

4. Технологические и кибернетические угрозы информационной безопасности

Цифровизация коммуникаций привела к тому, что значительная часть общественной дискуссии переместилась в онлайн-пространство. Это создало широкий спектр **технологических и кибернетических угроз**, непосредственно влияющих на ценностные установки и историческую память.

Среди основных направлений такого рода деструктивной деятельности следует выделить:

- использование социальных сетей и мессенджеров для проведения *психологических операций* с опорой на сети ботов, таргетированную рекламу и манипулирование трендами;

- *кибератаки на инфраструктуру средств массовой информации и связи*, включая атаки на доступность (DDoS, блокировки, взломы сайтов и каналов) и атаки на достоверность (взлом аккаунтов официальных лиц с последующей публикацией ложных сообщений, подделка цифровых архивов, компрометация баз данных);

- использование возможностей бурно развивающихся *дипфейк-технологий* (синтетического видео- и аудиоконтента), которые позволяют создавать ложные, при этом внешне довольно реалистичные, сообщения от лица политиков, военных, общественных деятелей. По мере совершенствования алгоритмов распознавать подделки будет всё сложнее, и это подрывает доверие к любым визуальным свидетельствам;

- накопление и эксплуатация *больших данных* о поведении и предпочтениях граждан, что создает основу для персонализированных когнитивных операций, нацеленных на те или иные группы людей и конкретных индивидов.

Перечисленные угрозы предопределяют необходимость не только развития технологических

средств выявления и противодействия (систем распознавания дипфейков, мониторинга аномалий в потоках данных и т.п.), но и повышения уровня **медиаграмотности** и формирования **критического мышления** граждан, без чего технические решения окажутся недостаточно эффективными.

ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ УГРОЗ И ТЕНДЕНЦИЙ С УЧЕТОМ СОВРЕМЕННОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ

Результаты анализа выявленных нами в ходе исследования тенденций позволяют предположить, что в среднесрочной перспективе давление на традиционные ценности и информационное пространство России будет не ослабевать, а усиливаться. Сохранение конфронтационности в отношениях с коллективным Западом означает продолжение информационной войны независимо от динамики международных событий, в том числе на полях боевых действий СВО.

Ожидается:

- дальнейшее закрепление и тиражирование доминирующих антироссийских нарративов (демонизация российской внешней и внутренней политики, атаки на историческую память, конструирование образа России как «цивилизационной угрозы»);

- смещение акцента в информационных операциях на внутрироссийские социально-экономические темы с целью провоцирования недовольства населения, формирования протестной повестки и подготовки попыток реализации сценариев «цветных революций»;

- углубление **технологизации когнитивной войны**: широкое внедрение и совершенствование технологий искусственного интеллекта, дипфейков, дополненной реальности, позволяющих воздействовать на восприятие человеком окружающего мира;

- укрепление координации деятельности недружественных акторов (создание постоянных структур «борьбы с российской дезинформацией», расширение практик цензурирования российских средств массовой информации за рубежом, усиление блокировок контента и т.д.);

- появление новых каналов обхода национальных регуляторов за счет развития спутниковых мегасетей, децентрализованных коммуникационных систем, а также перспективных нейротехнологий.

В совокупности всё это требует от России дальнейшего развития информационного суверенитета, совершенствования нормативной базы и институциональных механизмов защиты ценностей и исторической памяти на долгосрочную перспективу.

На основе результатов проведенного нами анализа можно вести речь о комплексе взаимосвязанных направлений противодействия информационно-идеологическим угрозам и укрепления духовно-нравственной безопасности:

- 1. Усиление государственной информационной политики и просветительской деятельности:** развитие программ патриотического воспитания; оперативное опровержение фейков и дезинформации; создание качественного отече-

ственного контента, ориентированного на молодежь; активное присутствие в цифровой среде с использованием конкурентоспособных форматов.

2. Противодействие деструктивной идеологии и экстремизму: совершенствование законодательства; пресечение деятельности экстремистских сетей и радикальных онлайн-сообществ; вовлечение в профилактическую работу традиционных религиозных организаций, психологов, педагогов, социологов [20, с. 29].

3. Защита исторической правды и развитие мемориальной культуры: создание и поддержка межведомственных структур по противодействию фальсификации истории; развитие международных проектов «мягкой силы» для доведения до мирового сообщества российского взгляда на исторические события; расширение практики проведения историко-патриотических акций; популяризация научных исследований по истории России.

4. Обеспечение культурного суверенитета: развитие национальной культурной индустрии; поддержка отечественных кинематографа, театра, музыки, литературы; создание и продвижение собственных цифровых платформ распространения контента; выстраивание культурного сотрудничества с дружественными государствами.

5. Повышение устойчивости общества к информационным воздействиям: внедрение курсов медиаграмотности и критического мышления¹ в школьное и вузовское образование; проведение просветительских кампаний для широкой аудитории; укрепление доверия между поколениями и полами; поддержка позитивных образов семьи, служения, профессиональной и гражданской ответственности.

6. Развитие национальной системы кибербезопасности: создание механизмов мониторинга и раннего обнаружения информационных и кибератак; использование анализа больших данных для выявления информационных аномалий; подготовка кадров в сфере кибер- и когнитивной безопасности; формирование центров ситуационного реагирования.

7. Международная дипломатия и инициативы: разработка и поддержка международных норм, направленных на защиту культурного суверенитета и недопустимость вмешательства во внутренние дела через информационные и когнитивные операции; укрепление сотрудничества в рамках международных организаций и союзов по вопросам борьбы с информационным терроризмом и экстремизмом.

8. Форсирование научных исследований и междисциплинарных проектов: поддержка междисциплинарных исследований, проводимых на стыке информационных технологий, права, политологии, социологии, психологии и культурологии; подготовка специалистов нового типа, владеющих инструментами анализа и нейтрализации когнитивных угроз²; оперативное внедрение

научных результатов в практику государственного управления и деятельность общественных институтов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Защита национальной безопасности России в измерении духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти приобретает в XXI веке системообразующее значение. Современные формы информационной, психологической и когнитивной войны нацелены не столько на физическое уничтожение инфраструктуры, сколько на подрыв ценностных оснований жизни общества, разрушение межпоколенческой преемственности, девальвацию семейных и патриотических ориентиров.

Противники России стремятся наносить удары по духовным и культурным основам, по исторической памяти и идентичности, понимая, что без внутренней сплоченности и веры в собственную правду даже сильное в военном отношении государство оказывается уязвимым. Вместе с тем у России имеется значительный ресурс противодействия – богатейшее историко-культурное наследие, традиции духовной стойкости и коллективной солидарности, опыт преодоления кризисных эпох.

Эффективное противодействие информационно-идеологическим угрозам невозможно без комплексного подхода, сочетающего инструменты государственной политики и международной дипломатии, образовательные и культурные практики, средства и методы обеспечения кибербезопасности. Особую роль играет формирование у граждан – прежде всего у молодежи – способности осмысленно воспринимать информационные потоки, критически относиться к навязываемым моделям поведения и ценностям, осознавать собственную историческую и культурную принадлежность.

Духовно-нравственные ценности и историческая память являются не только внутренним оплотом национальной устойчивости, но и значимым ресурсом «мягкой силы» России на международной арене. Успешная защита и творческое развитие этого ценностного наследия позволяют противостоять деструктивным информационным воздействиям, а также конструировать позитивный образ страны, предлагающей миру устойчивую, справедливую и культурно многополярную модель развития.

Исторический опыт России свидетельствует, что консолидированное общество, сплоченное вокруг базовых духовно-нравственных принципов, способно выдержать самые сложные испытания, даже находясь под сильнейшим внешним и внутренним воздействием. В условиях современной когнитивной войны важнейшая задача науки, государства и гражданского общества состоит в том, чтобы превратить ценностное наследие в ресурс стратегического развития и обеспечения национальной безопасности. ■

¹ См. например: Курс «Медиаграмотность» для детей и родителей // URL: <https://vk.com/kursmedia> (дата обращения: 20.10.2025).

² См. например: Манойло А.В. Новейшая практика информационных войн и психологических операций: Учебный курс // URL: <https://lk.msu.ru/course/view?id=2365> (дата обращения: 20.10.2025).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Воронова О.Е. Современные информационные войны: типология и технологии: Монография. Рязань, 2018. 188 с.
2. Системная инженерия в проблемах национальной безопасности. Тематический блок «Национальная безопасность» / А.В. Анищенко, В.Б. Артемьев, М.К. Бондарева [и др.]. М.: Международный гуманитарный фонд «Знание», 2025. 904 с.
3. Манойло А.В. Гибридные войны: опыт России, США и Китая // Информационная аналитика и информационно-аналитические технологии в контексте социального управления. М.: Экон-информ, 2025. С. 33-45.
4. Макаренко С.И., Иванов М.С. Сетецентрическая война – принципы, технологии, примеры и перспективы: Монография. СПб: Наукоемкие технологии, 2018. 898 с.
5. Энтропийная концепция морально-политического и психологического состояния воинского коллектива: Монография. СПб: Военный институт (военно-морской) ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия», 2021. 264 с.
6. Курилкин А.В. Информационные операции и кибервойна: от истории к современности: Монография. М., 2022. 163 с.
7. Колношенко О.В., Колношенко В.И. Становление и развитие системы военно-политической пропаганды и агитации средствами художественной культуры в Вооруженных Силах России: историко-культурологический анализ. М.: Военный университет им. князя Александра Невского МО РФ, 2023. 700 с.
8. Почепцов Г.Г. Информационные войны: новый инструмент политики. М.: Алгоритм, 2015. 254 с.
9. Манойло А.В., Петренко А.И., Рожин Б.А., Стригунов К.С. Фейки: траектория лжи. Информационный фронт специальной военной операции. М., 2023. 272 с.
10. Поздняков Е.И., Манойло А.В. О проблемах теоретического осмысления термина «фейковых новостей» // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. № 12-2 (134).
11. Манойло А.В. Информационная война в контексте специальной военной операции на Украине // Международная жизнь. 2022. № 12. С. 74-83.
12. Смирнов А.А. Правовые средства противодействия угрозам, связанным с использованием технологий искусственного интеллекта // Нравственные императивы российской государственности: достоинство личности, суверенитет, солидарность. Сборник научных трудов международного юридического форума. Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2024. С. 147-150.
13. Полякова Т.А., Смирнов А.А. Правовые аспекты обеспечения информационной безопасности при использовании технологий искусственного интеллекта // Вестник Московского университета. Серия 26: Государственный аудит. 2024. № 3. С. 89-106.
14. Полякова Т.А., Смирнов А.А. Использование технологий искусственного интеллекта в террористической и экстремистской деятельности: характеристика и правовые аспекты противодействия // Право.by. 2024. № 4 (90). С. 64-72.
15. Кара-Мурза Г.С. Война цивилизаций или война против цивилизации: разрушение памятников культурного наследия в Сирии в контексте мирового кризиса // Взаимодействие вузов, научных организаций и учреждений культуры в сфере защиты информации и технологий безопасности. Сборник статей по материалам международной научной конференции. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2023. С. 28-36.
16. Кантор Ю.З. Память о войне и война памятников в государствах Балтии // Петербургский исторический журнал. 2021. № 2 (30). С. 143-157.
17. Морозова Н.А., Черданцев А.Ю. «Борьба с памятниками» как признак фальсификации истории и искажения событий Великой Отечественной войны // Герои тогда и герои сейчас. Материалы круглого стола. Луганск: Луганская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2025. С. 217-222.
18. Лоренц К. Так называемое зло / Пер. с нем. А.И. Фёдорова. М.: Культурная революция, 2008. 576 с.
19. Ксенофонтова Н.А. Война полов, или поиск и обретение идентичности // Мужчина и женщина. Книга 3. Поиск идентичности. М.: Институт Африки РАН. 2011 324 с.
20. Алексеева А.П., Белокобыльская О.И., Третьяков Ю.В. Возможности унификации критериев соотношения терминов, включенных в понятийный аппарат в сфере превенции преступности и преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 25-30.

REFERENCES

1. Voronova O.Ye. Sovremennyye informatsionnyye voyny: tipologiya i tekhnologii: Monografiya. Ryazan', 2018. 188 s.
2. Sistemnaya inzheneriya v problemakh natsional'noy bezopasnosti. Tematicheskiy blok «Natsional'naya bezopasnost'» / A.V. Anishchenko, V.B. Artem'yev, M.K. Bondareva [i dr.]. M.: Mezhdunarodnyy gumanitarnyy fond «Znaniye», 2025. 904 s.
3. Manoylo A.V. Gibridnyye voyny: opyt Rossii, SShA i Kitaya // Informatsionnaya analitika i informatsionno-analiticheskiye tekhnologii v kontekste sotsial'nogo upravleniya. M.: Ekon-inform, 2025. S. 33-45.
4. Makarenko S.I., Ivanov M.S. Setetsentricheskaya voyna – printsipy, tekhnologii, primery i perspektivy: Monografiya. SPb: Naukoyemkiye tekhnologii, 2018. 898 s.

5. Entropiynaya kontseptsiya moral'no-politicheskogo i psikhologicheskogo sostoyaniya voinskogo kollektiva: Monografiya. SPb: Voenenny institut (voenno-morskoy) VUNTs VMF «Voenno-morskaya akademiya», 2021. 264 s.
6. Kurilkin A.V. Informatsionnyye operatsii i kibervoyna: ot istorii k sovremennosti: Monografiya. M., 2022. 163 s.
7. Kolnoshenko O.V., Kolnoshenko V.I. Stanovleniye i razvitiye sistemy voenno-politicheskoy propagandy i agitatsii sredstvami khudozhestvennoy kul'tury v Vooruzhennykh Silakh Rossii: istoriko-kul'turologicheskii analiz. M.: Voenenny universitet im. knyazya Aleksandra Nevskogo MO RF, 2023. 700 s.
8. Pocheptsov G.G. Informatsionnyye voyny: novyy instrument politiki. M.: Algoritm, 2015. 254 s.
9. Manoylo A.V., Petrenko A.I., Rozhin B.A., Strigunov K.S. Feyki: trayektoriya lzhi. Informatsionnyy front spetsial'noy voennoy operatsii. M., 2023. 272 s.
10. Pozdnyakov Ye.I., Manoylo A.V. O problemakh teoreticheskogo osmysleniya termina «feykovykh novostey» // Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «Istoriya». 2023. T. 14. № 12-2 (134).
11. Manoylo A.V. Informatsionnaya voyna v kontekste spetsial'noy voennoy operatsii na Ukraine // Mezhdunarodnaya zhizn'. 2022. № 12. S. 74-83.
12. Smirnov A.A. Pravovyye sredstva protivodeystviya ugrozam, svyazannym s ispol'zovaniyem tekhnologiy iskusstvennogo intellekta // Nравstvennyye imperativy rossiyskoy gosudarstvennosti: dostoinstvo lichnosti, suverenitet, solidarnost'. Sbornik nauchnykh trudov mezhdunarodnogo yuridicheskogo foruma. Belgorod: Belgorodskiy gosudarstvennyy natsional'nyy issledovatel'skiy universitet, 2024. S. 147-150.
13. Polyakova T.A., Smirnov A.A. Pravovyye aspekty obespecheniya informatsionnoy bezopasnosti pri ispol'zovanii tekhnologiy iskusstvennogo intellekta // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 26: Gosudarstvennyy audit. 2024. № 3. S. 89-106.
14. Polyakova T.A., Smirnov A.A. Ispol'zovaniye tekhnologiy iskusstvennogo intellekta v terroristicheskoy i ekstremistiskoy deyatel'nosti: kharakteristika i pravovyye aspekty protivodeystviya // Pravo.by. 2024. № 4 (90). S. 64-72.
15. Kara-Murza G.S. Voyna tsivilizatsiy ili voyna protiv tsivilizatsii: razrusheniye pamyatnikov kul'turnogo naslediya v Sirii v kontekste mirovogo krizisa // Vzaimodeystviye vuzov, nauchnykh organizatsiy i uchrezhdeniy kul'tury v sfere zashchity informatsii i tekhnologiy bezopasnosti. Sbornik statey po materialam mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. M.: Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet, 2023. S. 28-36.
16. Kantor Yu.Z. Pamyat' o voyne i voyna pamyatnikov v gosudarstvakh Baltii // Peterburgskiy istoricheskii zhurnal. 2021. № 2 (30). S. 143-157.
17. Morozova N.A., Cherdantsev A.Yu. «Bor'ba s pamyatnikami» kak priznak fal'sifikatsii istorii i iskazheniya sobytii Velikoy Otechestvennoy voyny // Geroi togda i geroi seychas. Materialy kruglogo stola. Lugansk: Luganskaya akademiya Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii, 2025. S. 217-222.
18. Lorents K. Tak nazyvayemoye zlo / Per. s nem. A.I. Fodorova. M.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2008. 576 s.
19. Ksenofontova N.A. Voyna polov, ili poisk i obretneniye identichnosti // Muzhchina i zhenshchina. Kniga 3. Poisk identichnosti. M.: Institut Afriki RAN. 2011 324 s.
20. Alekseyeva A.P., Belokobyl'skaya O.I., Tret'yakov Yu.V. Vozmozhnosti unifikatsii kriteriyev sootnosheniya terminov, vkluchennykh v ponyatiynyy apparat v sfere preventsii prestupnosti i prestupleniy // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2023. № 3 (66). S. 25-30.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© Мелихов А.И., Харченко А.В., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Мелихов А.И., Харченко А.В. Угрозы национальной безопасности, посягающие на традиционные духовно-нравственные ценности Российской Федерации // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (82). С. 114-121.

Елена Евгеньевна НОВОПАВЛОВСКАЯ,

кандидат юридических наук, доцент, ORCID 0000-0002-5103-1427

Самарский национальный исследовательский университет имени С.П. Королёва (г. Самара)

доцент кафедры государственного и муниципального управления

novopavlovskaya@gmail.com

Научная статья

УДК 342.565.2:342.721.6

СУДЕБНЫЙ КОНСТИТУЦИОННЫЙ НОРМОКОНТРОЛЬ В СФЕРЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ СВОБОДЫ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Передвижение, свобода передвижения, миграция, правовая неопределенность, конституционное судопроизводство, заявитель, жалоба, правовое пространство.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В статье представлены результаты исследования содержания права на свободное передвижение, эволюции и проблем его законодательного регулирования, в частности в контексте корректировки направлений миграционной политики и необходимости повышения уровня обеспечения национальной безопасности России. На конкретных примерах автор демонстрирует важность роли Конституционного Суда Российской Федерации в решении проблем правового характера. *Методы.* Сочетание общенаучных и частнонаучных методов познания (анализ, синтез, обобщение, методы статистики, сравнительного правоведения и др.) позволили провести всестороннее исследование права на свободное передвижение, определить значение Конституционного Суда Российской Федерации в механизме устранения неопределенности в сфере регулирования свободы передвижения. *Результаты.* Несмотря на основополагающий характер права свободного передвижения, оно не является абсолютным. Законодательство предусматривает различные его ограничения. Их перечень с момента принятия Конституции Российской Федерации не раз пополнялся, в том числе в связи с увеличением до критических показателей количества иностранных граждан, прибывших в нашу страну. Часть из них не имела на то законных оснований, а некоторые не стали вести законопослушный образ жизни. В связи с этим расширялись полномочия структур, применяющих меры реагирования на правонарушения мигрантов, включая административное выдворение, депортацию и др. Законодательная корректировка осуществлялась также в части ограничения свободы передвижения в контексте необходимости обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения и недопущения распространения заболеваний. Мониторинг практики конституционного судопроизводства показывает, что граждане как Российской Федерации, так и других государств нередко проявляют недовольство регламентацией различных аспектов свободы передвижения. В случаях, когда Конституционный Суд Российской Федерации соглашался с точкой зрения заявителей, он не только выводил из правового пространства неконституционные нормативные положения, обязывая вносить в законодательство необходимые изменения и дополнения, но и выступал в роли «негативного законодателя».

ВВЕДЕНИЕ

Свобода передвижения относится к числу личных прав, охраняемых на международном и внутригосударственном уровнях. Согласно ст. 27 Конституции Российской Федерации ее обеспечение гарантируется не только гражданам нашей страны, но и иностранцам, а также лицам без гражданства. На это указывает использование в тексте статьи конструкции «каждый, кто законно находится на территории Российской Федерации».

Обращение к статистике показывает, что исследуемое нами право реализуется иностранными гражданами и лицами без гражданства весьма активно. В 2023 году МВД России было оказано 280,2 тысячи услуг, связанных с выдачей приглашений на въезд в страну, что лишь на 2,2% меньше соответствующего показателя, зафиксированного годом ранее. Отметим, что произошло значи-

тельное увеличение (+42,4%) числа иностранцев, прибывших в Россию для осуществления трудовой деятельности. Среди осущестителей рабочих виз больше всего оказалось граждан Вьетнама, Индии, КНР и Турции. В 2023 году иностранцам выдано 99,1 тысячи разрешений на работу (объем таких государственных услуг вырос на 23,6% по сравнению с 2022 годом), для них было оформлено 2,3 млн патентов (+3,6%). Вместе с тем заметно меньше стало выдаваться разрешений на временное проживание – 89,7 тысячи (-9,4%) и видов на жительство – 273,1 тысячи (-12,8%). Это легко объяснить, поскольку аналогичные показатели 2022 года по причине начала проведения специальной военной операции были значительно выше в сравнении с показателями 2021 года.

В связи с корректировкой миграционного законодательства профильными подразделениями территориальных органов МВД России в 2024 году

Elena E. NOVOPAVLOVSKAYA,

Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor, ORCID 0000-0002-5103-1427

Samara National Research University named after S.P. Korolyov (Samara, Russia)

Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration

novopavlovskayae@gmail.com

JUDICIAL CONSTITUTIONAL NORMATIVE CONTROL IN THE AREA OF FREEDOM OF MOVEMENT REGULATION

KEYWORDS. Movement, freedom of movement, migration, applicant, legal uncertainty, constitutional proceedings, complaint, legal space.

ANNOTATION. *Introduction.* The article presents the results of a study of the content of the right to free movement, its evolution and problems of legislative regulation, in particular in the context of adjusting the directions of migration policy and the need to enhance the level of national security of Russia. Using specific examples, the author demonstrates the importance of the role of the Constitutional Court of the Russian Federation in resolving law-making issues. *Methods.* A combination of general and specific scientific methods of cognition (analysis, synthesis, generalization, methods of statistics and comparative law, etc.) made it possible to conduct a comprehensive study of the right to free movement, to determine the role of the Constitutional Court of the Russian Federation in the mechanism for eliminating uncertainty in the sphere of freedom of movement regulation. *Results.* Despite the fundamental nature of the right to free movement, it is not absolute. The legislation provides for various restrictions. Their list has been repeatedly expanded since the adoption of the Constitution of the Russian Federation, including in connection with the critical increase in the number of foreign citizens who arrived in our country, some of whom did not have legal grounds for doing so, and some did not lead a law-abiding lifestyle. In this regard, the powers of agencies implementing measures to respond to migrant offenses were expanded, including administrative expulsion, deportation, and other measures. Legislative adjustments were also made to restrict freedom of movement in the context of the need to ensure the sanitary and epidemiological well-being of the population and prevent the spread of diseases. Monitoring the practice of constitutional litigation shows that citizens of both the Russian Federation and other countries often express dissatisfaction with the regulation of various aspects of freedom of movement. In cases where the Constitutional Court of the Russian Federation agreed with the applicants' position, it not only removed unconstitutional provisions from the legal system, mandating the necessary amendments and additions to legislation, but also acted as a «negative legislator».

были усилены комплексные меры по обеспечению правопорядка в миграционной сфере и контролю за миграционными потоками [1]. Было проведено 293,2 тысячи мероприятий, направленных на выявление нарушений миграционного законодательства, в том числе работодателями, использующими труд мигрантов. В результате оказалось выявлено 36781 правонарушение, что на 69,6% больше по сравнению с аналогичным показателем предыдущего года. Здесь следует обратить внимание на замечание М.Ю. Тарасовой, Ю.В. Контемировой, Б.П. Смагоринского о том, что незаконная миграция постепенно стала отлаженным криминальным бизнесом [2, с. 143]. Рост числа выявленных нарушений привел к увеличению количества административных выдворений, применения депортации и реадмиссии – было принято 190,2 тысячи подобных решений, что на 31,1% больше, чем в 2023 году¹.

Несмотря на это, число иностранных граждан, прибывающих в Россию, остается очень высоким. Есть основания говорить о том, что их количество уже превышает критический уровень. По данным Росстата, на конец 2024 года на территории Российской Федерации находилось не менее 568,5 тысячи мигрантов².

В сложившихся условиях государству приходится искать дополнительные возможности реагирования на осложнение обстановки, в том числе посредством ужесточения законодательства, корректировки порядка въезда, выезда (включая принудительный) и передвижения иностранных граждан и лиц без гражданства. Эта практика нередко вызывает недовольство с их стороны, и всё чаще они обращаются в суды, включая Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ), выражая неудовлетворенность различными аспектами регламентации свободы передвижения, указывая на наличие правовых неопределенностей в миграционном законодательстве. Перечисленные обстоятельства свидетельствуют об актуальности темы нашего исследования и своевременности его проведения.

Значимость права на свободное передвижение обуславливает сохранение оживленного научного интереса к его всестороннему изучению. В частности, специалисты многих отраслей российского права анализируют общие основы конституционно-правовой регламентации права на передвижение [3, 4], особенности и проблемы его реализации в тех или иных условиях [5], в том числе в рамках цифровой трансформации [6]. Ученые в

¹ Аналитическая справка о результатах деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь - декабрь 2024 года // МВД России: сайт // URL: <https://мвд.рф/deyatelnost/statistics/migracionnaya/item/63022223/> (дата обращения: 17.08.2025).

² Демография. Миграция // Федеральной службы государственной статистики: сайт // URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 17.08.2025).

своих работах уделяют пристальное внимание ограничениям свободы передвижения, вводимым в связи с объективно возникающими обстоятельствами [7, 8, 9], например на период пандемии и специальной военной операции [10, 11, 12]. Вместе с тем очень важно, что свобода передвижения исследуется и в контексте совершенствования миграционной политики России и обеспечения национальной безопасности [13, 14, 15].

МЕТОДЫ

Рассмотрение права на свободное передвижение предполагает использование комплекса общенаучных и частнонаучных методов исследования. Метод анализа использовался нами для изучения сущности свободы передвижения с учетом практики конституционного судопроизводства по устранению правовых неопределенностей миграционного законодательства. Применение методов анализа, синтеза и обобщения позволило прийти к выводу о том, что в процессе судебного конституционного нормоконтроля КС РФ формулирует значимые правовые позиции по различным аспектам свободы передвижения и выводит из правового пространства признанные неконституционными законоположения, касающиеся сферы миграции. Статистический метод помог выявить и оценить изменения, происходящие в миграционной политике российского государства, и некоторые тенденции современных миграционных процессов. Сравнительно-правовой метод был применен для установления общих закономерностей эволюции законодательного регулирования права на свободное передвижение. Формально-юридический метод способствовал изучению правового регулирования механизмов конституционного судопроизводства с точки зрения правил юридической техники.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Ученые справедливо обращают внимание на то, что реализация права на свободу передвижения не ограничена территорией государства. Это обусловлено наличием в его структуре нескольких элементов, в том числе права граждан на выезд за пределы России и права беспрепятственного возвращения на ее территорию [3, с. 116-117; 5, с. 206]. Исключения из данного общего правила связаны:

- с наличием у лица долговых обязательств (неуплатой алиментов, необходимостью возмещения

вреда здоровью, имущественного ущерба и (или) морального вреда, причиненных преступлением, и др.) – по решению судебного пристава-исполнителя могут быть наложены временные ограничения на выезд должника из страны¹;

- с введением на той или иной территории особого правового режима. Имеются в виду не только режимы чрезвычайного² и военного положений³, но и режим проведения контртеррористической операции⁴, в том числе в условиях установления различных уровней террористической опасности («синий» – повышенный, «желтый» – высокий, «красный» – критический)⁵. С начала специальной военной операции мы часто наблюдаем их применение на практике: граждан вынужденно эвакуируют из их жилья, устанавливается временный запрет на въезд на территорию, которая подвергается атакам со стороны украинских вооруженных формирований. В истории страны есть и другие примеры введения ограничений на возможность реализации гражданами ряда их конституционных прав, включая право на свободу передвижения (в частности, трагические события, связанные с катастрофой на Чернобыльской АЭС). Обращаясь к положениям сразу нескольких нормативных правовых актов⁶, КС РФ в одном из своих постановлений подчеркнул универсальный характер обязанности родителей по обеспечению всестороннего развития детей и их защите, в том числе от воздействия ионизирующего излучения, вплоть до выезда с загрязненной территории⁷;

- со служебной деятельностью гражданина. Это исключение, как правило, обусловлено необходимостью обеспечения национальной безопасности и защиты государственной тайны. При определенных условиях право лица, допущенного или ранее допускавшегося к сведениям, составляющим государственную тайну, на выезд из России может быть временно ограничено. Среди таких условий закон предусматривает осведомленность о сведениях особой важности или совершенно секретных, при этом устанавливая время действия ограничений и перечень случаев, в которых они применяются⁸. В рамках правового режима секретности сведений законодатель правомочен вводить ограничения прав и свобод, в том числе права свободного выезда за пределы России, поскольку оно, как неоднократно призна-

¹ Часть 1 ст. 67 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (ред. от 31.07.2025).

² Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (ред. от 02.11.2023).

³ Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении» (ред. от 13.12.2024).

⁴ Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (ред. от 28.02.2025).

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 14.06.2012 № 851 «О порядке установления уровней террористической опасности, предусматривающих принятие дополнительных мер по обеспечению безопасности личности, общества и государства» (ред. от 06.09.2024).

⁶ Часть 1 ст. 63 и ч. 1 ст. 64 Семейного кодекса Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024); ст. 3 Закона Российской Федерации от 25.06.1993 № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» (ред. от 13.12.2024); ст. 18 и ст. 19 Федерального закона от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (ред. от 08.08.2024).

⁷ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13.12.2017 № 40-П «По делу о проверке конституционности пункта 6 части первой статьи 13 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» в связи с жалобой гражданки Т.С. Овечкиной».

⁸ Часть 1 ст. 24 Закона Российской Федерации от 21.07.1993 № 5485-1 «О государственной тайне» (ред. от 08.08.2024).

вал КС РФ, не является абсолютным¹. При этом ограничение свободы передвижения представителей властных структур государства в связи с необходимостью обеспечения защиты государственной тайны, как не раз подчеркивал КС РФ, должно соответствовать принципам разумности и соразмерности при соблюдении баланса публичных и частных интересов. Не допускается умаление права, то есть искажение самого его существования. При установлении перечня и пределов действия средств и способов защиты государственных интересов законодатель обязан оперировать только теми, которые в той или иной конкретной ситу-

ации исключают возможность несоразмерного ограничения прав².

Результаты анализа практики КС РФ показывают, что в разные годы конституционность различных аспектов регламентации свободы передвижения оспаривали граждане не только Российской Федерации, но и Армении³, Афганистана⁴, Вьетнама⁵, Республики Корея⁶, Молдовы⁷, Нигерии⁸, Сербии⁹, США¹⁰, Украины¹¹ и других стран. Обосновывая свои требования, они указывали на наличие правовых неопределенностей и неконституционность правового регулирования¹², что стало причиной нарушения их права на свободу

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 07.06.2012 № 14-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 1 статьи 15 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» и статьи 24 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» в связи с жалобой гражданина А.Н. Ильченко».

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 08.12.2009 № 19-П «По делу о проверке конституционности подпункта 4 статьи 15 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобами граждан В.Ф. Алдошиной и Т.С.-М. Идалова».

³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 02.04.2015 № 727-О «По жалобе гражданина Республики Армения г. на нарушение его конституционных прав положениями подпункта 13 пункта 1 статьи 9 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и пункта 2 статьи 11 Федерального закона «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)»».

⁴ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.12.2010 № 1680-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Республики Афганистан Ехсануллы Ака Джана на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части 2 и частью 3 статьи 20 Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»».

⁵ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29.05.2018 № 21-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 3 статьи 8 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Социалистической Республики Вьетнам Нгуен Чонг Хая».

⁶ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20.10.2016 № 20-П «По делу о проверке конституционности положений части четвертой статьи 25.10 и подпункта 1 части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобой гражданина Республики Корея Х.».

⁷ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.02.2016 № 5-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 8 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», частей 1 и 3 статьи 18.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и подпункта 2 части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобой гражданина Республики Молдова М. Цуркана».

⁸ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 07.07.2023 № 37-П «По делу о проверке конституционности подпункта 14 части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобой гражданина Федеративной Республики Нигерия Акинеми Муджиба Джунаида».

⁹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 06.10.2022 № 41-П «По делу о проверке конституционности подпункта 12 части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобой гражданина Республики Сербия М.М. Джурджевича».

¹⁰ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19.07.2017 № 22-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 и пункта 2 части 2 статьи 20 Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» в связи с жалобами граждан США Н.Д. Вордена и П.Д. Олдхэма».

¹¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12.03.2015 № 4-П «По делу о проверке конституционности положений части четвертой статьи 25.10 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», подпункта 13 пункта 1 статьи 7 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и пункта 2 статьи 11 Федерального закона «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» в связи с жалобами ряда граждан».

¹² Заметим, что предмет рассмотрения составляли нормы различных правовых актов, в том числе Федерального закона от 18.07.2006 № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» (постановление КС РФ от 19.07.2017 № 22-П), Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (постановление КС РФ от 29.05.2018 № 21-П), Федерального закона от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (постановление КС РФ от 07.07.2023 № 37-П), Федерального закона от 30.03.1995 № 38-ФЗ «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» (постановление КС РФ от 12.03.2015 № 4-П) и др. Более того, нередко предметом рассмотрения также выступали нормы иного отраслевого законодательства (например уголовного и уголовно-процессуального), которые прямо либо косвенно регламентируют отдельные составляющие свободы передвижения. Некоторые примеры таковых приведены в настоящей статье.

передвижения. Ограниченность объема статьи позволяет рассмотреть подробнее лишь некоторые из таких исков, сделав акцент на делах, вызвавших большой общественный резонанс, когда КС РФ констатировал неконституционность оспариваемых заявителями законоположений.

С определенной долей условности сгруппируем решения КС РФ по делам изучаемой нами категории в зависимости от причин ограничения свободы передвижения. В первую группу включим те, которые касались ее регулирования в рамках привлечения лица к уголовному судопроизводству в качестве подозреваемого или обвиняемого либо исполнения приговора. В постановлении КС РФ 2021 года было отмечено, что наказание в виде лишения свободы ограничивает права и свободы осужденного, в том числе свободу передвижения. Это обусловлено целями защиты прав и интересов других лиц, общества и государства, предупреждения повторных правонарушений¹.

Вспомним в качестве примера весьма резонансную ситуацию, возникшую в связи с применением мер пресечения в отношении гражданина Эстонии. Оспаривая конституционность положений ст.ст. 107 и 109 УПК РФ, заявитель указал, что общее время ограничения его свободы (пребывание под стражей и домашний арест) составило более 24 месяцев. В этот период он был не только ограничен в свободе передвижения, но и лишен возможности трудиться и получать легальный доход. Обращаясь к практике Европейского Суда по правам человека², КС РФ согласился с мнением заявителя, констатировал наличие законодательного пробела и фактически был вынужден «дописать» недостающие положения уголовно-процессуального закона в части закрепления сроков и регулирования порядка применения домашнего ареста как меры пресечения³. При этом было подчеркнуто, что продолжительность содержания под стражей не должна превышать разумных пределов. Согласимся с теми авторами научных работ, которые отмечают, что в подобных случаях КС РФ выступает в роли так называемого «негативного законодателя» [15, с. 10]. Таким образом, по итогам рассмотрения взятого нами в качестве примера дела КС РФ:

- вынес постановление, признающее неконституционность исследованных законоположений;

- возложил на федерального законодателя обязанность внести изменения в УПК РФ с учетом сформулированных в постановлении правовых позиций;

- указал на то, что правоприменительные решения, вынесенные в отношении заявителя, подлежат пересмотру⁴.

Во вторую группу нами включены решения КС РФ, принятые в период пандемии, когда в правовых актах субъектов федерации закреплялись ограничительные меры, направленные на предотвращение распространения коронавирусной инфекции, а также вводилась ответственность за их нарушение. В числе таких мер был запрет покидать места проживания (пребывания), за исключением случаев:

- обращения за экстренной медицинской или иной помощью при прямой угрозе жизни и здоровью;

- следования к месту и от места осуществления деятельности (в том числе трудовой), которая не приостановлена;

- следования к ближайшему месту приобретения товаров, работ, услуг, реализация которых не ограничена;

- выгула домашних животных и др.

Установленный запрет не распространялся на лиц, получивших для передвижения по определенной территории так называемые «цифровые пропуска». Такого рода ограничение свободы передвижения и введение пропускного режима вызвали у жителей многих российских регионов недовольство, они стали жаловаться на нарушение своих конституционных прав. Предмет проверки в порядке конституционного судопроизводства составляли не только нормы федерального законодательства, но и положения правовых актов субъектов федерации. Например, в 2020 году оспаривалась конституционность положений постановления Губернатора Московской области, вводившего в регионе режим ограничений⁵. По мнению заявителя, были нарушены положения ст.ст. 15, 17, 27, 55, 71 и 72 Конституции Российской Федерации, а губернатор превысил полно-

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 08.06.2021 № 27-П «По делу о проверке конституционности частей первой и восьмой статьи 74, части второй статьи 101 и пункта «в» части первой статьи 115 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.В. Яковлева».

² Например: постановления Европейского Суда по правам человека от 06.04.2000 «Дело «Лабита (Labita) против Италии» (жалоба № 26772/95)», от 29.01.2008 «Дело «Саади (Saadi) против Соединенного Королевства» (жалоба № 13229/03)», от 28.03.2000 «Дело «Барановски (Baranowski) против Польши».

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 07.06.2012 № 14-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 1 статьи 15 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» и статьи 24 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» в связи с жалобой гражданина А.Н. Ильченко».

⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 06.12.2011 № 27-П «По делу о проверке конституционности статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Эстонской Республики А.Т. Федина».

⁵ А именно подп. 3 п. 5 постановления Губернатора Московской области от 12.03.2020 № 108-ПП «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV) на территории Московской области».

мочия, что привело к незаконному ограничению свободы передвижения¹.

В своем постановлении КС РФ подчеркнул, что Российская Федерация возлагает на себя ответственность за обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения. Законодатель может самостоятельно определять правовые средства защиты жизни и здоровья граждан в целях предотвращения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, связанных с эпидемическими заболеваниями. Жизнь человека является высшей конституционной ценностью, без которой реализация иных прав во многом бессмысленна. Это предполагает принятие правовых актов, не исключающих возможности ограничения прав и свобод, в том числе передвижения, но только в той мере, в какой оно соответствует поставленным целям при соблюдении требований соразмерности и пропорциональности. КС РФ подтвердил право региональных органов публичной власти принимать меры, направленные на борьбу с пандемией, в том числе ограничивающие передвижение людей. Однако эти меры должны быть кратковременными и не должны носить характера абсолютного запрета, допуская возможность перемещения при наличии уважительных обстоятельств.

Как и предыдущая, третья группа решений КС РФ связана с регулированием защиты жизни и здоровья граждан, но уже в части ограничения свободы передвижения в связи с наличием заболеваний, в том числе вызываемых ВИЧ-инфекцией. В качестве примера приведем случай несогласия заявителя с положениями сразу нескольких правовых актов², регламентирующих:

- запрет на выдачу иностранному гражданину разрешения на временное проживание в России;
- порядок аннулирования ранее выданного иностранному гражданину такого разрешения в случаях, когда он является больным наркоманией, либо не имеет сертификата об отсутствии у него заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека, либо страдает одним из входящих в соответствующий перечень инфекционных заболеваний, которые представляют опасность для окружающих;
- депортацию иностранных граждан и лиц без гражданства, находящихся на территории Россий-

ской Федерации, у которых была выявлена ВИЧ-инфекция.

Вынося решение, КС РФ отметил, что законодатель вправе использовать для целей защиты здоровья населения средства миграционного законодательства. В частности – вводить запреты и ограничения на въезд в Россию и пребывание на ее территории иностранных граждан и лиц без гражданства, состояние здоровья которых представляет угрозу для здоровья населения и, следовательно, угрозу национальной безопасности. Вместе с тем было подчеркнуто, что не допускается умаление и отмена конституционных прав таких иностранных граждан и лиц без гражданства, поскольку они гарантированы им наравне с гражданами Российской Федерации³.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Даже рассмотрение немногочисленных приведенных в статье примеров из практики конституционного судопроизводства позволяет признать, что:

- 1) гарантированность Конституцией Российской Федерации свободы передвижения вовсе не означает ее абсолютного и безграничного характера. Законодатель в разные годы (в том числе вынужденно в связи с изменениями общественных отношений, в частности, в условиях сложной санитарно-эпидемиологической обстановки) вводил по тем или иным причинам различные ограничения свободы передвижения;
- 2) такие ограничения распространяются как на российских граждан, так и на иностранцев и лиц без гражданства даже в случаях, когда они находятся за пределами России (например при установлении запрета на выдачу разрешения на временное проживание в стране либо аннулировании такого разрешения);
- 3) корректировка миграционного законодательства, усиление миграционного контроля в целях повышения уровня обеспечения национальной безопасности привели к расширению объема и содержания ограничений свободы передвижения, что вызвало недовольство части населения и мигрантов, обернувшееся ростом количества подаваемых жалоб;
- 4) среди вынесенных по жалобам российских и иностранных граждан КС РФ решений были и

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25.12.2020 № 49-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области».

² А именно: ч. 4 ст. 25.10 Федерального закона от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (ред. от 21.04.2025); подп. 13 п. 1 ст. 7 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (ред. от 31.07.2025); п. 2 ст. 11 Федерального закона от 30.03.1995 № 38-ФЗ «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» (ред. от 31.12.2014, с изм. от 12.03.2015).

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12.03.2015 № 4-П «По делу о проверке конституционности положений части четвертой статьи 25.10 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», подпункта 13 пункта 1 статьи 7 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и пункта 2 статьи 11 Федерального закона «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» в связи с жалобами ряда граждан».

такие, которые признавали неконституционность подвергнутых проверке законоположений. Иногда он не только выводил из правового пространства неконституционные нормы и формулировал важнейшие правовые позиции, подчеркивая необходимость обеспечения баланса публичных и частных интересов, соблюдения принципов разумности и соразмерности ограничений свобо-

ды передвижения, но и был вынужден «дописывать» недостающие нормы в случаях обнаружения в законодательстве пробела, выполняя фактически роль «негативного» законодателя. Однако это не освобождало реального законодателя от обязанности по внесению в правовые акты необходимых изменений и дополнений, обусловленных позицией КС РФ. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Новопавловская Е.Е. Реформирование миграционного законодательства и практика конституционного судопроизводства // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2025. № 2. С. 29-35.
2. Тарасова М.Ю., Контемирова Ю.В., Смагоринский Б.П. О влиянии COVID-19 на уровень преступности иностранных граждан и противодействии данным преступлениям // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 1 (60). С. 141-147.
3. Кузнецов А.А., Усенко П.Е. Правовые особенности права на выбор места жительства и свободу передвижения // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 107-5. С. 116-119.
4. Чернов И.И. Свобода передвижения и злоупотребление ею некоторыми субъектами // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2023. № 2 (45). С. 77-79.
5. Сагитова К.А. Проблемы реализации права граждан на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 11-1 (86). С. 206-209.
6. Стребкова Е.Г. Право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства в условиях цифровой трансформации // Российский юридический журнал. 2024. № 4. С. 20-28.
7. Дзанагова М.К. Ограничение прав граждан на выезд за пределы Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 1. С. 143-145.
8. Мусалова З.М., Гамзатова С.А. Ограничение конституционного права на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства // Закон и право. 2025. № 1. С. 84-88.
9. Попович М.М. Защита прав граждан при ограничении права на свободу передвижения // Образование и право. 2023. № 6. С. 47-54.
10. Ищенко Н.Г. Ограничение свободы передвижения лиц в Европейском Союзе в свете пандемии COVID-19 // Закон и право. 2022. № 4. С. 244-251.
11. Ларина Л.А., Пичугина В.А. Конституционно-правовое регулирование свободы передвижения граждан в Российской Федерации с применением QR-кодов // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 129-134.
12. Миролюбова С.Ю. Проблемы реализации свободы передвижения в период мобилизации (частичной мобилизации) на территории Российской Федерации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 78-88.
13. Астафичев П.А. Реализация конституционного права на свободу передвижения и поселения в миграционной политике современной России // Актуальные проблемы законодательного регулирования миграционных процессов на территории государств - участников СНГ: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. СПб: СПбУ МВД России, 2024. С. 5-10.
14. Багдасарян С.Д., Гришина Т.М. Миграционная политика Российской Федерации как фундамент национальной безопасности // Безопасность бизнеса. 2025. № 2. С. 8-11.
15. Поляков В.Ю. Конституционный нормоконтроль как средство юрисдикционного ограничения публичной власти // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 1. С. 9-13.

REFERENCES

1. Novopavlovskaya Ye.Ye. Reformirovaniye migratsionnogo zakonodatel'stva i praktika konstitutsionnogo sudoproizvodstva // Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina. 2025. № 2. S. 29-35.
2. Tarasova M.Yu., Kontemirova Yu.V., Smagorinskiy B.P. O vliyani COVID-19 na uroven' prestupnosti inostrannykh grazhdan i protivodeystvii dannym prestupleniyam // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2022. № 1 (60). S. 141-147.
3. Kuznetsov A.A., Usenko P.Ye. Pravovyye osobennosti prava na vybor mesta zhitel'stva i svobodu peredvizheniya // Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya. 2024. № 107-5. S. 116-119.
4. Chernov I.I. Svoboda peredvizheniya i zloupotrebleniye yeyu nekotorymi sub'yektami // Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2023. № 2 (45). S. 77-79.
5. Sagitova K.A. Problemy realizatsii prava grazhdan na svobodu peredvizheniya, vybor mesta prebyvaniya i zhitel'stva // Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk. 2023. № 11-1 (86). S. 206-209.
6. Strebkova Ye.G. Pravo svobodno peredvigat'sya, vybirat' mesto prebyvaniya i zhitel'stva v usloviyakh tsifrovoy transformatsii // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. 2024. № 4. S. 20-28.

7. Dzanagova M.K. Ogranicheniye prav grazhdan na vyyezd za predely Rossiyskoy Federatsii // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2025. № 1. S. 143-145.
8. Musalova Z.M., Gamzatova S.A. Ogranicheniye konstitutsionnogo prava na svobodu peredvizheniya, vybor mesta prebyvaniya i zhitel'stva // Zakon i pravo. 2025. № 1. S. 84-88.
9. Popovich M.M. Zashchita prav grazhdan pri ogranichenii prava na svobodu peredvizheniya // Obrazovaniye i pravo. 2023. № 6. S. 47-54.
10. Ishchenko N.G. Ogranicheniye svobody peredvizheniya lits v Yevropeyskom Soyuze v svete pandemii COVID-19 // Zakon i pravo. 2022. № 4. S. 244-251.
11. Larina L.A., Pichugina V.A. Konstitutsionno-pravovoye regulirovaniye svobody peredvizheniya grazhdan v Rossiyskoy Federatsii s primeneniyyem QR-kodov // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2022. № 2. S. 129-134.
12. Mirol'yubova S.Yu. Problemy realizatsii svobody peredvizheniya v period mobilizatsii (chastichnoy mobilizatsii) na territorii Rossiyskoy Federatsii // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2023. № 1 (52). S. 78-88.
13. Astafichev P.A. Realizatsiya konstitutsionnogo prava na svobodu peredvizheniya i poseleniya v migratsionnoy politike sovremennoy Rossii // Aktual'nyye problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya migratsionnykh protsessov na territorii gosudarstv - uchastnikov SNG. Sbornik statey po materialam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb: SPbU MVD Rossii, 2024. S. 5-10.
14. Bagdasaryan S.D., Grishina T.M. Migratsionnaya politika Rossiyskoy Federatsii kak fundament natsional'noy bezopasnosti // Bezopasnost' biznesa. 2025. № 2. S. 8-11.
15. Polyakov V.Yu. Konstitutsionnyy normokontrol' kak sredstvo yurisdiktsionnogo ogranicheniya publichnoy vlasti // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoye samoupravleniye. 2025. № 1. S. 9-13.

© Новопавловская Е.Е., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Новопавловская Е.Е. Судебный конституционный нормоконтроль в сфере регулирования свободы передвижения // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (82). С. 122-129.

Игорь Сергеевич СОРОКИН,

кандидат юридических наук, доцент, ORCID 0000-0003-3431-692X
Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Калининград)
начальник кафедры уголовного права, криминологии
и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала
issorokin@mail.ru

Научная статья
УДК 347.12

ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Гражданские правоотношения, цифровое пространство, цифровизация, виртуальность, глобальность, децентрализация, динамичность, автоматизация, цифровые права, цифровые активы.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В статье представлены результаты исследования основных признаков цифрового пространства в контексте современной гражданско-правовой доктрины. Проанализированы такие его характеристики, как виртуальность, глобальность, децентрализация, динамичность и автоматизация цифровых правоотношений. Особое внимание уделено влиянию перечисленных признаков на формирование новых правовых норм, указано на необходимость адаптации гражданского права к современным реалиям цифровой эпохи. Автор ставил перед собой задачу выявить ключевые особенности цифрового пространства, предопределяющие в условиях цифровизации общества необходимость переосмысления традиционных подходов к разработке эффективных механизмов правового регулирования. *Методы.* Методология проведенного автором статьи исследования основывалась на комплексном подходе, предусматривавшем использование логико-аналитического, формально-юридического, философско-методологического и сравнительно-правового методов.

Результаты. Анализ таких признаков цифрового пространства, как виртуальность, глобальность, децентрализация, динамичность и автоматизация, позволил прийти к выводу о том, что они радикально трансформируют цивилистические правоотношения, размывая границы традиционных институтов гражданского законодательства (объект, субъект, сделка, ответственность, интеллектуальная собственность и др.). Требуется его модернизация в целях обеспечения баланса между позитивным эффектом от внедрения инноваций и возникающими в связи с этим рисками. Виртуальность и автоматизация открывают возможности использования новых форм активов и исполнения обязательств, децентрализация минимизирует масштабы централизованного контроля, глобальность усложняет вопросы юрисдикции, а динамичность делает правоотношения нестабильными. Цифровое пространство формирует новую реальность, где право должно обеспечивать защиту в условиях неопределенности, фокусируясь при этом на гибкости норм и международном сотрудничестве.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена стремительным развитием цифровых технологий и их глубокой интеграцией во все сферы общественной жизни, что требует соответствующей адаптации российской правовой системы. В условиях цифровой трансформации общества традиционные институты и категории гражданского права сталкиваются с новыми вызовами, порожденными специфическими характеристиками цифрового пространства.

Понимание его основных признаков становится критически важным для развития современной гражданско-правовой доктрины, так как именно они предопределяют специфику возникающих отношений и необходимость разработки новых механизмов правового регулирования. Виртуаль-

ность, динамичность, глобальность, децентрализация и автоматизация цифровых процессов требуют пересмотра сложившихся подходов к трактовке понятий объектов и субъектов гражданских прав, а также к вопросам территориальной юрисдикции и коллизионного регулирования. Кроме того, бурное развитие цифровой экономики, блокчейн-технологий, смарт-контрактов и электронного документооборота создают потребность в теоретическом осмыслении новых феноменов гражданского права.

Актуальность темы исследования подтверждается и активной деятельностью законодателя в сфере цифрового права, а также расширением судебной практики по спорам, возникающим в цифровой среде. Поэтому изучение основных признаков цифрового пространства в контексте

Igor S. SOROKIN,

Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor, ORCID 0000-0003-3431-692X

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)

Head of the Department of Criminal Law, Criminology

and Criminal-Executive Law of the Kaliningrad Branch

issorokin@mail.ru

MAIN FEATURES OF DIGITAL SPACE IN MODERN CIVIL LAW DOCTRINE

KEYWORDS. Digital space, digitalization, virtuality, globalization, decentralization, dynamism, automation, digital rights, digital assets, civil legal relations.

ANNOTATION. Introduction. The article presents the results of a study of the key features of digital space in the context of modern civil law doctrine. Such characteristics as virtuality, globality, decentralization, dynamism, and automation of digital legal relations are analyzed. Particular attention is paid to the influence of these features on the formation of new legal norms, and the need to adapt civil law to the modern realities of the digital age is emphasized. The author set himself the task of identifying the key features of the digital space that, in the context of the digitalization of society, necessitate a rethinking of traditional approaches to the development of effective mechanisms of legal regulation. **Methods.** The methodology of the research conducted by the author of the article was based on an integrated approach, involving the use of logical-analytical, formal-legal, philosophical-methodological, and comparative-legal methods. **Results.** An analysis of digital space's characteristics, such as virtuality, globality, decentralization, dynamism, and automation, has led to the conclusion that they are radically transforming civil legal relations, blurring the boundaries of traditional civil law institutions (object, subject, transaction, liability, intellectual property, etc.). Modernization is required to ensure a balance between the positive impact of innovation and the associated risks. Virtuality and automation open up opportunities for the use of new forms of assets and the fulfillment of obligations, decentralization minimizes the scale of centralized control, globality complicates jurisdictional issues, and dynamism makes legal relations unstable. Digital space is creating a new reality, where law must ensure protection in conditions of uncertainty, while focusing on the flexibility of norms and international cooperation.

гражданско-правовой доктрины представляет не только теоретический, но и практический интерес для всестороннего развития правовой науки и совершенствования действующего законодательства.

Фундаментальные исследования цифрового пространства и некоторых его признаков проводили Н.Ш. Газгиреев [1], Т.В. Дерюгина [2], Г.Г. Камалова [3], Р.В. Пеннер [4], М.А. Рожкова [5] и другие ученые. Вместе с тем следует отметить, что в настоящее время в научной доктрине нет работ, посвященных анализу признаков цифрового пространства. Это обстоятельство свидетельствует о необходимости всестороннего их исследования.

МЕТОДЫ

Для изучения признаков цифрового пространства, имеющих значение для гражданского права, применялся комплексный подход, в рамках которого были использованы различные методы научного познания:

- логико-аналитический метод: проведены анализ и синтез точек зрения ученых на признаки цифрового пространства; дедукция и индукция способствовали определению существенных характеристик и свойств рассматриваемых категорий, а также формулированию выводов и рекомендаций;

- формально-юридический метод: проанализированы источники гражданского права, что позволило раскрыть значение ключевых терминов (виртуальность, глобальность, децентрализация, динамичность, автоматизация).

Кроме того, оказались востребованы философско-методологический и сравнительно-правовой методы.

РЕЗУЛЬТАТЫ

По итогам проведенного исследования нами были сформулированы следующие выводы:

- виртуальность, как признак цифрового пространства, является не просто современным техническим трендом, но и фундаментальным сдвигом в общественной парадигме, который требует законодательной адаптации российской правовой системы. Наиболее значимые проблемы в рассматриваемой сфере связаны с неопределенностью статуса объектов виртуального пространства, со сложностями, возникающими при заключении, изменении и расторжении сделок, а также с рисками мошенничества, усугубляемыми отсутствием эффективной международной коммуникации;

- глобальность цифрового пространства в гражданско-правовой доктрине означает, что цифровые объекты и взаимодействия не привязаны к территориальным границам конкретного государства. Это существенно влияет на вопросы юрисдикции, приводит к затруднениям в применении национального законодательства, требует расширения международного сотрудничества;

- децентрализация цифрового пространства с позиции гражданского права означает отсутствие в цифровых сетях и системах центрального органа управления или контроля: взаимодействия происходят напрямую между их участниками. Это, в свою очередь, приводит к сложностям с определением ответственности, исполнением контрактов и защитой прав, так как отсутствует единый регулятор;

- динамичность цифрового пространства с гражданско-правовой точки зрения означает высокую скорость изменений правовых норм и технологий,

которые влияют на отношения субъектов права в данной сфере. Это проявляется в развитии новых форм взаимодействия пользователей, регулярном обновлении цифровых платформ, появлении инновационных услуг и продуктов, а также стремительной эволюции правового регулирования таких процессов;

- *автоматизация* цифрового пространства означает использование компьютерных алгоритмов и программного обеспечения для совершенствования реализации юридических процедур и сделок. Она повышает эффективность юридической деятельности, существенно снижает издержки и ускоряет процессы, но вместе с тем ставит перед цивилистикой новые задачи по обеспечению надлежащей защиты прав участников гражданских правоотношений.

ОБСУЖДЕНИЕ

В настоящее время цифровое пространство стало неотъемлемой частью повседневной жизни и оказывает значительное влияние на развитие цивилистики. Современные технологии меняют традиционные подходы к гражданско-правовым отношениям, порождая новые формы взаимодействия субъектов права. Доктрина адаптируется к новым реалиям, определяя признаки цифрового пространства и разрабатывая механизмы правового регулирования виртуальных взаимодействий.

Виртуальность в гражданском праве – это характеристика правоотношений, сделок или объектов, которые существуют или осуществляются в информационной, цифровой или иной нематериальной среде, не имеющей физического воплощения, но признаваемой законом юридически значимой. Другими словами, виртуальность означает, что объект гражданских прав (например программное обеспечение, цифровой актив, электронный документ) или сделка (например электронный договор, криптовалютная транзакция) существует в форме, отличной от традиционных материальных форм, однако при этом обладает правовой защитой и может порождать юридические последствия.

Понятие виртуальности применительно к праву остается сегодня недостаточно разработанным. Основная сложность связана с отсутствием четкого понимания того, каким образом виртуальные объекты и процессы соотносятся с традиционными категориями вещного, обязательственного права, иными институтами частного права. Для преодоления данной неопределенности необходим комплексный междисциплинарный подход к решению проблемы, охватывающий знания из области философии, социологии, психологии и юриспруденции.

В цифровом пространстве создаются уникальные виртуальные объекты, которые обладают признаками самостоятельного имущества. Это базы данных, программы для ЭВМ, веб-сайты, домены, аккаунты в социальных сетях, криптовалютные активы и прочие элементы виртуального мира. Такие объекты имеют экономическую стоимость, обеспечивают своим владельцам прибыль, им необходима правовая охрана от неправомерных посягательств.

Возникают сомнения относительно принадлежности данных объектов к числу традиционных категорий гражданского права. Некоторые исследователи предлагают рассматривать их как разновидность движимого имущества, поскольку они обладают оборотоспособностью и фактически могут передаваться от одного лица другому [6, с. 792]. Вместе с тем есть ученые, которые полагают, что правильнее говорить о наличии особых прав на использование виртуальных ресурсов [7, с. 175].

Отсутствие ясности в данном вопросе вызывает значительные трудности при разрешении споров, касающихся владения, распоряжения и пользования виртуальным имуществом. Таким образом, одним из приоритетных направлений дальнейших научных изысканий должна стать разработка классификации виртуальных объектов, которая способствовала бы правильной квалификации сделок и установлению оснований возникновения соответствующих обязательств.

Полагаем необходимым вести речь о новой категории объектов гражданских прав, учитывающих специфику виртуальных активов. Во-первых, такой институт позволил бы применять особые нормы права к виртуальным товарам и услугам, обеспечивая надлежащую защиту интересов их создателей и приобретателей. Во-вторых, можно было бы создать реестр виртуальных объектов (по аналогии с патентованием изобретений и регистрацией товарных знаков). Благодаря этому появилась бы возможность точно определять их правообладателей, легче стало бы разрешать возникающие споры. В-третьих, после определения юридических признаков виртуальных объектов можно было бы детально прописать процедуры их отчуждения, дарения, сдачи в аренду и в залог. Эти меры позволили бы избежать двусмысленности и коллизий в правоприменительной практике.

Главной характеристикой такого признака цифрового пространства, как глобальность, является «стирание» границ между странами и регионами. Люди из разных уголков планеты, не покидая мест проживания, могут совместно создавать те или иные объекты и пользоваться результатами своей деятельности, управлять ресурсами и передавать данные, принадлежащие различным субъектам права. Глобальность цифрового пространства открывает широкие возможности для развития культурного обмена, международной кооперации и научно-технического прогресса. Однако не следует забывать и о том, что она обуславливает возникновение многочисленных юридических проблем.

В условиях стремительного развития цифровых технологий глобальность становится определяющей характеристикой современного мира. Цифровое пространство, объединяющее интернет, искусственный интеллект, блокчейн и облачные сервисы, формирует новую реальность, где размываются границы между странами, а традиционные правовые нормы сталкиваются с необходимостью адаптации к реалиям сегодняшней жизни. Гражданско-правовая доктрина как особая система теоретических и практических подходов к регулированию имущественных и личных неимущественных отношений традиционно всегда

опиралась на принципы территориальности и суверенитета государств. Однако глобальность цифрового пространства радикально изменила этот ландшафт, заставив доктрину эволюционировать в направлении универсальности и гибкости.

Одной из ключевых проблем, вызванных глобальностью цифрового пространства, является отсутствие в международном сообществе единого подхода к его регулированию. Если раньше каждая страна имела возможность в полной мере контролировать поведение резидентов на своей территории, то в настоящее время граждане одной страны посредством информационно-телекоммуникационных технологий могут вести дела в других странах, не имея в них представительств. Такой разрыв в юрисдикциях вызывает затруднения с исполнением судебных решений и обеспечением реализации обязательств [8]. Закон какого государства должен применяться, если сайт торговой площадки зарегистрирован, например, в Америке, сервер расположен в Германии, а покупатель проживает в России? Подобного рода вопросы требуют гармонизации международного права и введения в действие единообразных норм, регулирующих отношения в цифровом пространстве.

Вместе с тем необходимо отметить, что в настоящее время подвергается изменениям структура прав и обязанностей граждан. Если раньше физическое лицо могло рассчитывать на гарантированную защиту своего имущества, чести и достоинства в пределах конкретного государства, то теперь, оказываясь в условиях цифрового пространства, оно подвергается рискам несанкционированного доступа к личным данным, вторжения в частную жизнь и дискриминации различных видов. Принятие во многих странах мер по охране данных, таких, например, как утверждение регламента Европейского Союза «General Data Protection Regulation» (GDPR), стало попыткой регулировать эти отношения. Но очевидно, что многое еще предстоит сделать¹.

Таким образом, глобализация цифрового пространства достаточно серьезно повлияла на гражданско-правовую доктрину, вынуждая ее искать новые подходы к решению старых проблем. Основой будущего успеха, по нашему мнению, станет глубокая интеграция цифровых технологий в законодательство и эффективная координация усилий международного сообщества.

Далее обратим внимание на такой признак цифрового пространства, как децентрализация. Сегодня она становится одним из ключевых феноменов, обуславливающих преобразования не только технологического ландшафта, но и правовых основ общества. Воплощенное в технологиях блокчейна, смарт-контрактов и распределенных сетей децентрализованное цифровое пространство в настоящее время заставляет радикально менять подходы к гражданским правоотношениям. Гражданское право как совокупность норм, которые регулируют имущественные и личные неимущественные отношения между равноправ-

ными субъектами, традиционно опирается на централизованные институты, такие как суды, нотариусы, государственные реестры и т.д. Однако децентрализация предлагает альтернативу, где доверие строится не на отдельных посредниках, а на математических алгоритмах и консенсусе объединенных информационно-телекоммуникационными сетями субъектов.

Децентрализация цифрового пространства предполагает переход от централизованных платформ управления ресурсами и информацией к сетевым структурам, где участники отношений взаимодействуют друг с другом напрямую, минуя посредников. Это позволяет значительно повысить уровень устойчивости, надежности и прозрачности цифровых экосистем, одновременно снижая издержки на управление ими. Однако важно понимать, что абсолютная автономия участников отношений оборачивается достаточно серьезными юридическими проблемами, касающимися, в частности, вопросов защиты прав пользователей, ответственности и конфиденциальности [9, с. 68].

Для более полного понимания потенциальных последствий децентрализации необходимо разобраться в технологических основах современного цифрового пространства. Так, например, технология блокчейн представляет собой распределенную базу данных, в которой каждая запись связана с предыдущей посредством криптографического кода. Это обеспечивает достаточно высокий уровень доверия и сохранность записей: невозможно изменение информации, внесенной в базу данных, без согласия большинства участников конкретной сети. Благодаря этому блокчейн идеально подходит для хранения любой важной информации, которая касается юридических обязательств сторон, например таких, как контракты, право собственности, доказательство факта заключения сделки и т.п.

В настоящее время блокчейн активно используется в разных областях гражданско-правовой практики – от регистрации объектов недвижимости до сферы интеллектуальной собственности. Проект «Эфир» («Ethereum») предоставил платформу для разработки приложений на основе смарт-контрактов, которые позволили автоматизировать исполнение договоренностей между сторонами без участия третьих лиц [10, с. 153]. Смарт-контракты представляют собой компьютерные программы, автоматически исполняющие условия того или иного договора при наступлении заранее определенных обстоятельств. Они позволяют значительно упростить процесс оформления соглашений, снизить административные расходы, минимизировать коррупционные риски. Например, в сфере аренды жилья смарт-контракты могут использоваться для автоматического перечисления арендной платы, упрощения процесса проверки добросовестности контрагента, исключения мошенничества. Вместе с тем использование смарт-контрактов вызывает ряд юридических вопросов, касающихся, в частности, ответственности

¹ GDPR для российского бизнеса: как и зачем учитывать европейский регламент // Инфратех: сайт // URL: <https://blog.infra-tech.ru/gdpr-zashchita-dannyh/> (дата обращения: 18.10.2025).

сти за свои при исполнении обязательств, определения юрисдикции в случае возникновения споров, а также правового признания результатов исполнения таких контрактов [11, с. 129].

Активное развитие децентрализованных платформ формирует новые подходы к вопросам защиты интеллектуальной собственности. Возможность фиксации авторских прав посредством блокчейна позволяет надежно обеспечить подтверждение авторства произведений искусства, компьютерных программ и результатов научных исследований. Так, например, российские стартапы разрабатывают цифровые площадки для музыкантов и литераторов, позволяющие регистрировать произведения для публичного доступа и получать роялти (платеж) за каждое воспроизведение или прочтение [12, с. 70]. Впрочем, следует иметь в виду, что внедрение блокчейна в деятельность по защите интеллектуальной собственности порождает проблемы, связанные с отсутствием гармонизации норм разных государств в области охраны авторских прав. Поскольку национальные законы различаются, необходимы механизмы международной координации усилий для эффективного функционирования существующих глобальных систем регистрации объектов интеллектуальной собственности.

Отметим также, что сегодня одним из наиболее дискуссионных является вопрос о регулировании криптовалют и цифровых активов. Их весьма высокая волатильность и анонимность делают контроль за движением денежных средств очень сложной задачей.

Итак, можно сделать вывод о том, что децентрализация цифрового пространства оказывает весьма значительное воздействие на всю систему гражданских правоотношений, создавая как уникальные возможности, так и серьезные вызовы. Для успешного освоения потенциала децентрализации в ближайшее время необходимо разработать надежные правовые механизмы, которые обеспечивали бы баланс интересов всех участников отношений, возникающих в цифровой среде. Достижение этой цели потребует комплексного подхода, предусматривающего модернизацию гражданского законодательства, повышение квалификации кадров и разработку образовательных программ для широкой аудитории.

Возникновение и развитие цифрового пространства обусловлено достижениями науки и техники, прежде всего возможностями, предоставляемыми компьютерами, современными средствами мобильной связи и интернетом. За последнее десятилетие развились рынки массовых онлайн-продаж, сформировалась целая индустрия дистанционного обслуживания клиентов, широкое распространение получили платформы агрегаторов услуг. Все это формирует новый мир взаимосвязей, для которого характерны быстрые изменения, разнообразие способов взаимодействия и высокий уровень доступности. Таким образом, одним из наиболее важных признаков цифрового

пространства является его динамичность, которая проявляется в постоянном обновлении технологий, изменении предпочтений потребителей и росте количества оказываемых услуг.

Динамичность реализуется во множестве форм: от так называемого вирусного распространения информации в социальных сетях до мгновенных транзакций в блокчейне. По данным, опубликованным в отчете международной консалтинговой компании «McKinsey», цифровые инновации удваиваются каждые 18 месяцев, что в десять раз быстрее, чем в традиционных отраслях экономики. Предполагается, что к 2030 году вклад искусственного интеллекта в мировой ВВП может достигнуть уровня 13-20 трлн долларов¹. Для гражданского права это означает, что нормы, принятые сегодня, уже завтра могут устареть. Например, использование возможностей искусственного интеллекта в договорах (AI-powered contracts) поднимает вопросы о волеизъявлении и ответственности, поскольку такого рода случаи не предусмотрены действующим ГК РФ.

Очевидно, что динамичность цифрового пространства, обусловленная стремительным развитием технологий, порождает проблемы в гражданском праве. Во-первых, это «устаревание права», происходящее в результате того, что скорость технологических изменений значительно опережает процесс законотворчества. Нормы права не успевают вовремя адаптироваться к новым цифровым реалиям, что приводит к возникновению правовых пробелов. Например, регулирование криптовалюты в большинстве юрисдикций отстает от их фактического использования на несколько лет. Во-вторых, это проблема квалификации, связанная со сложностью правовой оценки новых цифровых феноменов. Охватывается ли действием авторского или вещного права NFT (хранящийся в блокчейне уникальный цифровой сертификат, который подтверждает право собственности на цифровой или физический объект) [13, с. 87]? Можно ли считать смарт-контракт аналогом традиционного договора? Как квалифицировать DAO (организация, которая работает без централизованной структуры управления на базе блокчейн) в качестве субъекта права [14]?

Можно констатировать, что динамичное развитие цифрового пространства бросает вызов традиционным конструкциям гражданского права, требуя значительных усилий по обновлению законодательства и укреплению правовой защиты субъектов.

И наконец, рассмотрим такой признак цифрового пространства, как автоматизация. В эпоху цифровой трансформации она становится ключевым драйвером изменений в различных сферах общественной жизни, включая правовые отношения. Использование возможностей искусственного интеллекта, блокчейн-технологий, смарт-контрактов и других цифровых инструментов позволяет автоматизировать процессы заключения, исполнения и расторжения сделок [15]. По про-

¹ Икбаев Д. McKinsey: К 2030 году вклад ИИ в мировой ВВП достигнет \$13-20 трлн // Forbes: сайт. 06.07.2024 // URL: <https://forbes.kz/articles/mckinsey-k-2030-godu-vklad-ii-v-mirovoy-vvp-dostignet-13-20-trln-824162> (дата обращения: 19.10.2025).

гнозам специалистов консалтинговой компании «Gartner», к 2030 году более половины всех коммерческих соглашений будут заключаться и исполняться в форме смарт-контрактов. Рынок программных решений на базе этой технологии ежегодно будет расти на 24,7% и к 2027 году достигнет объема в 300 млрд долларов США¹.

В гражданском праве, регулирующем имущественные и личные неимущественные отношения, такие инновации открывают новые горизонты, но одновременно порождают и множество проблем. Попытки интегрировать цифровые инновации в правовую систему, осуществляемые в нашей стране, отражают Федеральный закон от 1 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах» и поправки в Гражданский кодекс Российской Федерации². Вместе с тем, по-прежнему острыми проблемами остаются пробелы в правовом регулировании, начиная с квалификации искусственного интеллекта как субъекта права и заканчивая ответственностью за ошибки алгоритмов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная гражданско-правовая доктрина сталкивается с необходимостью качественного пересмотра традиционных концепций в условиях цифровой трансформации. Виртуальность под-

черкивает нематериальную природу цифровых объектов, что, в свою очередь, приводит к переосмыслению понятия имущества, закрепленного в ГК РФ. Глобальность усложняет проблемы, связанные с трансграничными спорами, что неизбежно приводит национальные юрисдикции к решению задач по унификации законодательства. Автоматизация, реализуемая посредством использования искусственного интеллекта и алгоритмов, ставит вопросы о «машинной воле», о субъектности и ответственности, как, например, в случае со смарт-контрактами. Децентрализация минимизирует контроль, противостоя его концентрации в одном центре или у одной властной структуры. Динамичность требует формирования гибких правовых механизмов.

Проведенный нами анализ основных признаков цифрового пространства демонстрирует их принципиальное отличие от классических характеристик гражданских правоотношений. Это обуславливает необходимость разработки новых теоретических подходов, предусматривающих сохранение базовых принципов гражданского права, его адаптацию к существующим технологическим реалиям, а также создание гибких механизмов правового регулирования. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Газгиреев Н.Ш. Проблемы и перспективы правового регулирования цифровых прав в гражданском праве России // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2024. № 2 (54). С. 78-85.
2. Дерюгина Т.В. О специфике правоотношений в цифровой среде и цифровой личности как новом субъекте // Цивилист. 2024. № 2 (48). С. 13-19.
3. Камалова Г.Г., Полякова Т.А. Правовое регулирование виртуальной и дополненной реальности: проблемы и векторы развития // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2023. Т. 33. № 5. С. 872-876.
4. Пеннер Р.В. Цифровое пространство: от идеи к проекту и контролю // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 11 (457). С. 11-15.
5. Рожкова М.А. Категории «цифровое право», «цифровые права» и «цифровая валюта» в российском праве // Право цифровой экономики - 2021 (17): Ежегодник-антология. М., 2021. С. 10-68.
6. Новиков И.В. Виртуальная собственность: перспективы регулирования // Вопросы российской юстиции. 2019. № 1. С. 789-804.
7. Кресс В.В. К вопросу о понятии виртуального (цифрового) имущества как объекте гражданских прав // Образование. Наука. Научные кадры. 2024. № 1. С. 164-175.
8. Миролубова С.Ю. Проблемы геоблокировки материальных товаров (услуг), а также цифрового контента и цифровых услуг, охраняемых авторским правом // Право и экономика. 2022. № 4 (410). С. 35-44.
9. Иншакова А.О., Матыцин Д.Е. Технология блокчейн как механизм защиты прав граждан в дистанционных инвестиционных сделках: рынок высшего образования vs рынок труда // Право и управление. XXI век. 2024. Т. 20. № 1 (70). С. 66-74.
10. Козлов А.В. Использование блокчейн-технологий в гражданском праве: правовое обеспечение и защита интересов участников // Цифровые технологии и право: Сборник научных трудов международной научно-практической конференции. Казань, 2024. С. 152-154.
11. Колле А.А. Смарт-контракт: гражданско-правовой аспект // Право, бизнес, управление: проблемы теории и практики: Сборник научных трудов всероссийской научно-практической конференции. Мариуполь: Мариупольский государственный университет им. А.И. Куинджи, 2025. С. 126-129.
12. Нагродская В.Б. Модернизация авторских прав на музыкальные произведения в цифровой среде и модели открытого контента // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12 (61). С. 66-73.
13. Ягубян А.В. Авторское право на NFT, или Проблемы цифровых активов в Российской Федерации // Хозяйство и право. 2022. № 2. С. 84-90.

¹ Ходорович М. Смарт-контракты 2025: Как бизнес экономит миллионы с помощью блокчейн-технологий // VC.RU: сайт. 26.02.2025 // URL: <https://vc.ru/crypto/1834125-smart-kontrakty-2025-kak-biznes-ekonomit-milliony-s-pomoshyu-blokchein-tehnologii> (дата обращения: 19.10.2025).

² Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации».

14. Луняков О.В. Децентрализованные автономные организации (DAO) как новый формат организации сотрудничества // Финансовые рынки и банки. 2024. № 5. С. 23-31.
15. Шерстюгин Г.Ю. О некоторых вопросах гражданско-правового регулирования смарт-контрактов // Юридический журнал. 2025. № 1 (7). С. 34-38.

REFERENCES

1. Gazgireyev N.Sh. Problemy i perspektivy pravovogo regulirovaniya tsifrovyykh prav v grazhdanskom prave Rossii // Vestnik MGPU. Seriya: Yuridicheskiye nauki. 2024. № 2 (54). S. 78-85.
2. Deryugina T.V. O spetsifike pravootnosheniy v tsifrovoy srede i tsifrovoy lichnosti kak novom sub'yekte // Tsivilist. 2024. № 2 (48). S. 13-19.
3. Kamalova G.G., Polyakova T.A. Pravovoye regulirovaniye virtual'noy i dopolnennoy real'nosti: problemy i vektory razvitiya // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo. 2023. T. 33. № 5. S. 872-876.
4. Penner R.V. Tsifrovoye prostranstvo: ot idei k proyektu i kontrolyu // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. № 11 (457). S. 11-15.
5. Rozhkova M.A. Kategorii «tsifrovoye pravo», «tsifrovyye prava» i «tsifrovaya valyuta» v rossiyskom prave // Pravo tsifrovoy ekonomiki - 2021 (17): Yezhegodnik-antologiya. M., 2021. S. 10-68.
6. Novikov I.V. Virtual'naya sobstvennost': perspektivy regulirovaniya // Voprosy rossiyskoy yustitsii. 2019. № 1. S. 789-804.
7. Kress V.V. K voprosu o ponyatii virtual'nogo (tsifrovogo) imushchestva kak ob'yekte grazhdanskikh prav // Obrazovaniye. Nauka. Nauchnyye kadry. 2024. № 1. S. 164-175.
8. Mirol'yubova S.Yu. Problemy geoblokirovki material'nykh tovarov (uslug), a takzhe tsifrovogo kontenta i tsifrovyykh uslug, okhranyayemykh avtorskim pravom // Pravo i ekonomika. 2022. № 4 (410). S. 35-44.
9. Inshakova A.O., Matytsin D.Ye. Tekhnologiya blokcheyn kak mekhanizm zashchity prav grazhdan v distantsionnykh investitsionnykh sdelkakh: rynek vysshego obrazovaniya vs rynek truda // Pravo i upravleniye. XXI vek. 2024. T. 20. № 1 (70). S. 66-74.
10. Kozlov A.V. Ispol'zovaniye blokcheyn-tekhnologiy v grazhdanskom prave: pravovoye obespecheniye i zashchita interesov uchastnikov // Tsifrovyye tekhnologii i pravo. Sbornik nauchnykh trudov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kazan', 2024. S. 152-154.
11. Kolle A.A. Smart-kontrakt: grazhdansko-pravovoy aspekt // Pravo, biznes, upravleniye: problemy teorii i praktiki. Sbornik nauchnykh trudov vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Mariupol': Mariupol'skiy gosudarstvennyy universitet im. A.I. Kuindzhi, 2025. S. 126-129.
12. Nagrodskaya V.B. Modernizatsiya avtorskikh prav na muzykal'nyye proizvedeniya v tsifrovoy srede i modeli otkrytogo kontenta // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. 2015. № 12 (61). S. 66-73.
13. Yagubyan A.V. Avtorskoye pravo na NFT, ili Problemy tsifrovyykh aktivov v Rossiyskoy Federatsii // Khozyaystvo i pravo. 2022. № 2. S. 84-90.
14. Lunyakov O.V. Detsentralizovannyye avtonomnyye organizatsii (DAO) kak novyy format organizatsii sotrudnichestva // Finansovyye rynki i banki. 2024. № 5. S. 23-31.
15. Sherstyugin G.Yu. O nekotorykh voprosakh grazhdansko-pravovogo regulirovaniya smart-kontraktov // Yuridicheskiy zhurnal. 2025. № 1 (7). S. 34-38.

© Сорокин И.С., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Сорокин И.С. Основные признаки цифрового пространства в современной гражданско-правовой доктрине // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (82). С. 130-136.

Виктория Владимировна ГУБАНОВА,
ORCID 0009-0000-6231-5137
Волгоградская академия МВД России (г. Волгоград)
адъюнкт
Viktoriagub@mail.ru

Научный руководитель:
Александр Александрович РЕДЬКО,
доктор юридических наук, доцент, первый заместитель
начальника Волгоградской академии МВД России

Научная статья
УДК 340.12:316.334.4

МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ИНСТИТУТ ПРАВОВОЙ ЦЕНЗУРЫ В СТРАТЕГИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Правовое воспитание, правосознание, правовая культура, правовая цензура, деформация правосознания, правовое государство, государственная информационная политика.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В статье представлены результаты исследования причин и путей преодоления кризиса правового воспитания в современном российском обществе, проявляющемся в деформации правосознания и упадке правовой культуры. Установлено, что на современном этапе развития общественных отношений одних только просветительских методов правового воспитания недостаточно. *Методы.* Для достижения целей исследования были изучены научные и нормативно-правовые источники, применены методы сравнительно-правового и структурно-функционального анализа правовых явлений, сопряженных с процессом правового воспитания в современных реалиях. *Результаты.* В ходе исследования выявлен системный характер кризиса современного правового воспитания. Его причины связаны, с одной стороны, с устранением государства от осуществления этого процесса, с другой – со смещением фокуса коммуникационной активности молодежи в цифровую среду, где неэффективными оказываются фильтры истинности и морали. Преодоление кризиса правового воспитания предполагает необходимость реализации государственной стратегии, сочетающей конструктивное смысловое наполнение информационного пространства и защиту правосознания граждан от деструктивного воздействия. В рамках второго направления деятельности целесообразно использовать потенциал межотраслевого института правовой цензуры как средства государственной информационной политики в сфере правового воспитания, препятствующего распространению информации, направленной на подрыв ценностно-правовых основ правосознания граждан.

ВВЕДЕНИЕ

Значение правовых явлений в жизни современного общества трудно переоценить: они пронизывают масштабный спектр социального бытия. Это во многом предопределено тем обстоятельством, что право выходит далеко за пределы нормативного конструкта. Оно предстает как особый социальный феномен, интегрирующий в себе элементы морали, культуры, политики, исторической памяти. В условиях построения правового государства наиболее конструктивный вектор теоретического осмысления права связан не с его редукцией к системе субъективных прав, юридических запретов и прочих компонентов, а с его восприятием в качестве формы коллективной воли и мудрости, выработанных в стремлении к справедливому и устойчивому общественному

порядку. Заимствуя и адаптируя к новым реалиям логику Томаса Гоббса [1], Джона Локка [2] и Жан-Жака Руссо [3], можно утверждать, что в настоящее время право становится писанным общественным договором, удостоверяющим консенсус относительно норм совместного существования людей на той или иной конкретной территории. Оно фиксирует базовые паттерны социальной солидарности, очерчивает сферу свободы и ответственность каждого субъекта права, определяет допустимые формы их реализации, устанавливает границы дозволенного, должного и запрещенного, согласует разнообразные, нередко конфликтующие интересы, создает такую нормативную архитектуру, в которой возможна предсказуемая, безопасная и конструктивная общественная жизнь.

Victoria V. GUBANOVA,
ORCID 0009-0000-6231-5137
Volograd Academy of the Ministry
of Interior of Russia (Volograd, Russia)
Adjunct
Viktoriagub@mail.ru

Scientific supervisor:

Alexander A. REDKO,
Doctor of Law, Associate Professor, First Deputy Head of
the Volograd Academy of the Ministry of Interior of Russia

**INTER-SECTORAL INSTITUTE OF LEGAL CENSORSHIP IN THE
STRATEGY OF OVERCOMING THE CRISIS OF LEGAL UPBRINGING**

KEYWORDS. Legal upbringing, legal consciousness, legal censorship, legal culture, distortion of legal consciousness, lawful state, state information policy.

ANNOTATION. *Introduction.* The article presents the results of a study of the causes of and ways to overcome the crisis of legal upbringing in contemporary Russian society, manifested in the deformation of legal consciousness and the decline of the general legal culture. It has been established that at the current stage of the development of social relations, educational methods of legal upbringing alone are insufficient. *Methods.* To achieve the objectives of the study, scientific and regulatory sources were studied, methods of comparative legal and structural-functional analysis of legal phenomena associated with the process of legal upbringing in modern realities were applied. *Results.* The study revealed the systemic nature of the crisis of modern legal upbringing. Its causes are associated, on the one hand, with the withdrawal of the state from the implementation of this process, and on the other, with a shift in the focus of youth communication activity to the digital environment, where filters of truth and morality prove ineffective. Overcoming the crisis of legal upbringing presupposes the need to implement a state strategy that combines constructive semantic filling of the information space and the protection of citizens' legal consciousness from destructive influences. Within the framework of the second area of activity, it is advisable to use the potential of the inter-sectoral institution of legal censorship as a means of state information policy in the field of legal upbringing, preventing the dissemination of information aimed at undermining the value-legal foundations of citizens' legal consciousness.

Однако, для того чтобы право могло качественно осуществлять свою миссию, недостаточно просто факта его наличия и функционирования. Право не существует в вакууме – оно живет в обществе, в отдельном человеке, в его сознании и отражается в его поведении. Без правовой культуры, без сформированного правосознания даже самый совершенный с точки зрения юридической техники закон не сможет реализовать своего потенциала, достичь заложенной в него законодателем цели. Там, где отсутствует правовое мышление, где человек не воспринимает право как ценность, где подорваны основы правовой культуры, закон действует от случая к случаю. Невозможно строить правовое государство в обществе, которое не признает ценность права. Первопричиной многих проблем в различных сферах жизни общества является деформация правосознания граждан. Уровень его развития обуславливает дееспособность правовой системы в целом. В рассматриваемом контексте особенно выразительно звучит идея о том, что «для общества с низким уровнем культуры недостаточно и тысячи законов, но для образованного и культурного общества достаточно одной Конституции» [4, с. 4]. Именно правосознание и выстроенная на его основе созидательная правовая культура как результаты качественного правового воспитания обеспечивают живую силу закона, превращая формальные предписания в эффективные регуляторы поведения. Вот почему

изучение состояния системы правового воспитания и поиск путей ее совершенствования по-прежнему являются актуальными направлениями научной деятельности и еще долгое время будут оставаться таковыми.

МЕТОДЫ

Методология исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, обусловлена спецификой теоретико-исторических правовых наук. Автором проведено анализ научных и нормативно-правовых источников, применены методы сравнительно-правового и структурно-функционального анализа правовых явлений, сопряженных с процессом правового воспитания в современных реалиях. Это позволило определить место и роль межотраслевого института правовой цензуры в стратегии преодоления кризиса правового воспитания.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В теории права вопросам правового воспитания уделено достаточно много внимания. Согласно определению С.С. Алексеева, «правовое воспитание – это система организационно-идеологического воздействия, направленного на обеспечение высокой юридической культуры, развитие правосознания, подготовку кадров юристов, правовую пропаганду» [5, с. 177]. И.Л. Демидова определяет правовое воспитание как «целенаправленную деятельность по формированию ценностных правовых установок личности, направленную

на формирование позитивного правосознания и высокого уровня правовой культуры личности, что служит ее правовой социализации и правомерному поведению во всех сферах общественной жизни» [6, с. 115]. В свою очередь, М.В. Саакян так формулирует определение правового воспитания: это «целеустремленное и систематическое воздействие на сознание и культуру поведения членов общества, осуществляемое с целью выработки у них чувства уважения к праву и привычки соблюдения права на основе личного убеждения» [7, с. 107]. Исходя из представленных определений, можно сделать вывод о том, что в триаде *правосознание – правовая культура – правовое воспитание* именно последнее является первичным элементом, от него зависят все остальные. Вместе с тем следует обратить внимание на то, что в условиях стремительной трансформации общественных отношений на современном этапе развития права и государства обнажились проблемы, требующие научно-теоретического дополнения сложившихся подходов к концепции правового воспитания.

Сегодня необходимо учитывать, что ключевым фактором успешного развития правового государства становится воспитание не просто законопослушного гражданина, но гражданина, мыслящего в духе права. Истинное правосознание, на формирование которого должно быть направлено правовое воспитание, обладает значительным созидательным потенциалом, ориентированным на создание и поддержание высокой правовой культуры общества.

Правосознание – это многокомпонентное явление, что обуславливает существование значительного количества определений его понятия. Не ставя перед собой цель проведения их сравнительного анализа, согласимся с А.И. Бобылевым в том, что «правосознание представляет собой форму общественного сознания, совокупность чувств, представлений, эмоций, а также систему знаний, идей, взглядов, концепций, выражающих отношение людей к праву, государству, обществу» [8, с. 5]. Структурно подразделяясь на правовую идеологию и правовую психологию, правосознание представляет собой сложную систему, включающую в себя когнитивный, социально-психологический, эмоционально-волевой и иные элементы. Очевидно, что работа по конструктивному формированию всех элементов правосознания, предопределяющего развитость правовой культуры в современном государстве, не может быть простотой. В целом поддерживая идею о том, что «в основе всей правовой и государственной жизни лежит способность человека к внутреннему самоуправлению, к духовной, волевой самодисциплине» [9, с. 180], дополним: качественно сформированное правосознание предполагает внутреннюю и поведенческую включенность в правовое пространство, осознанное согласие с высшей миссией права, готовность и способность инициировать и активно реализовывать его совершенствование. Воспитание граждан в духе права – задача значительно более нетривиальная, чем формирование банальной дисциплины. Ее решение требует

целенаправленного, системного подхода, включения философских, нравственных, культурных и образовательных компонентов в процесс социализации и развития личности [10].

Между тем в современной России этот процесс переживает системный кризис. Начиная с последних десятилетий прошлого столетия государство фактически устранилось от участия в формировании мировоззрения подрастающего поколения, передав воспитание, в том числе правовое, на откуп частной инициативе. Оно оказалось подвержено влиянию спонтанных информационных потоков, содержание которых зачастую противоречит целям формирования качественного правосознания граждан. Российское общество переживает в настоящее время период глубоких трансформаций, затрагивающих все сферы человеческой деятельности. На фоне стремительного технологического прогресса, глобализации и цифровизации кардинальные изменения происходят в характере социального взаимодействия, в структуре каналов передачи информации, в способах формирования идентичности и ценностных ориентиров личности.

В советский период основными институтами социализации выступали школа, семья, трудовые коллективы, органы государственной власти и идеологически выверенное информационное поле. Они обеспечивали функционирование достаточно слаженной системы правового воспитания, предусматривающей воплощение идей уважения к закону, служения высшим целям. Сегодня же наблюдается качественно иная картина. Центр тяжести процессов коммуникации и формирования взглядов сместился в сферу цифровых платформ, функционирующих преимущественно вне правовых рамок, за пределами воздействия моральных фильтров и без государственного участия. С распадом СССР, по сути, была демонтирована система идеологически и ценностно ориентированного образования, оказались разрушены институты гражданского становления и социализации молодежи. Государственные алгоритмы социализации значительно сократились, и освоившуюся нишу быстро заняли шоу-культура, сетевые сообщества, развлекательный контент, медиаплатформы, ориентированные не на созидание, а на монетизацию внимания. Ценности стали вытесняться трендами, конструктивный диалог – маркетингом. Интернет-коммуникация вместе с предоставлением беспрецедентных возможностей для развития общества интенсифицировала потоки ложной, искажающей действительность информации, которые нередко бывают направлены на дестабилизацию ситуации в государстве.

Есть основания согласиться с тем, что «уход государства из сферы духовной культуры, процессов ее формирования и развития приводит к возникновению своеобразного эффекта социокультурного вакуума, потере смысложизненных ориентиров, прежде всего подрастающим поколением, что создает условия для развития криминального и девиантного поведения» [11, с. 14]. В развитие этой мысли добавим: сегодня многие дети и подростки формируют свои представления

о мире, обществе и государстве не посредством труда, коллективной деятельности, осмысления примера взрослых, а путем восприятия неструктурированного потока сведений, поступающих из социальных сетей, мессенджеров, с видеостингов. Эти источники информации лишены фильтров истины, созидательности, морали, ответственности. Такая среда способствует стихийному формированию мировоззрения, в том числе правового. Оно зачастую оказывается искаженным, фрагментарным, подверженным манипуляциям, вследствие чего катализируются процессы деформации основ правосознания. Это проявляется в правовом нигилизме, правовом идеализме, правовом эгоцентризме и других формах, а также – что не менее опасно – в разрушении фундаментально важных представлений о справедливости, свободе, ответственности, общественном долге и многих других категориях, на которых зиждется существование здорового человеческого общества. Кризис правового воспитания негативно отражается на качестве правосознания многих граждан, что наносит серьезный вред правовой культуре общества в целом.

Правовая культура общества – явление вторичное по отношению к правосознанию. По определению А.Е. Скобелева, она представляет собой «совокупность норм, ценностей, юридических институтов, процессов и форм, выполняющих функцию социоправовой ориентации людей в конкретном обществе (цивилизации)» [12, с. 111]. Исследуя проблемы формирования правовой культуры современного общества, следует учитывать, что она является частью общей культуры и тесно связана с другими ее частями – духовной, религиозной, политической культурой. Вместе с тем неразрывна ее связь с бытовой, поведенческой культурой, характеризующей общую воспитанность человека, его порядочность и организованность. В данном контексте справедлива идея о том, что «правовая культура поддерживает культурный символический универсум, который гораздо шире и объемнее правового пространства» [13, с. 94].

Кроме формально-юридических аспектов, таких как, например, совершенство юридической техники нормативных правовых актов, для формирования качественной правовой культуры необходимо, чтобы носители правосознания обладали и некоторыми внеправовыми характеристиками. В данном случае речь о вере в справедливость, в тождество права и справедливости, о стремлении к знаниям, духовному и интеллектуальному развитию, к тому, чтобы своей деятельностью делать окружающий мир лучше, и т.д. Правовая культура, которой свойственен такой уровень развития правосознания граждан, обладает высоким потенциалом воспроизводимости, то есть прямо или косвенно влияет на новые поколения граждан, обеспечивая им возможность воспитываться в благоприятных для обладания гармоничным правосознанием условиях. К сожалению, на современном этапе развития общества правовая культу-

ра деформирована, архитектура ее элементов не создает условий для воспроизводства носителей качественного правосознания.

Сегодня дети растут в информационной среде, где престиж знания подменен культом потребления, в рамках которого особенно выделяются блогеры, криптотрейдеры, участники скандальных реалити-шоу. Всё реже у представителей подрастающего поколения возникает стремление к обучению профессиям, связанным с познанием, созиданием, общественным служением. Воспитанники детских садов и школьники больше не мечтают стать космонавтами, не проявляют желания быть учеными, инженерами, врачами, педагогами. Это тревожный симптом, свидетельствующий об изменении ценностного ядра личности, ее отрыве от идей и смыслов, ранее задававших конструктивные социальные ориентиры.

Неслучайно этот надлом пришелся на время значительной активизации использования различных методик манипулирования общественным сознанием. В современном мире всё более четко проявляется работа приверженцев концепции Джозефа Овертона [14], согласно которой так называемым «окном возможностей», то есть диапазоном идей, которые обществом воспринимаются с той или иной степенью одобрения, можно управлять, расширяя или сужая его в заданных направлениях. Чтобы найти наглядный пример воздействия данной методики достаточно вспомнить, как изменялось отношение европейцев к ЛГБТ-сообществам¹, гендерной самоидентификации, операциям по смене пола.

Заметная утрата нашим государством в конце XX века влияния на массмедиа, его устранение от решения задач по воспитанию молодежи сделали информационное поле Российской Федерации и сознание граждан уязвимыми к манипуляциям. Деструктивные концепции практически беспрепятственно проникали в сферу общественной коммуникации. Впрочем, закрепления в массовом сознании многих противоестественных ментальных установок, относительно безболезненно воспринятых в ряде стран коллективного Запада, в России удалось избежать. Этому способствовало, в частности, наложение нормативно-правовых запретов на распространение информации некоторых видов, то есть *de facto* осуществление цензуры. Но следует иметь в виду, что работа по совершенствованию механизмов защиты сознания граждан от деструктивного воздействия нуждается в постоянной актуализации.

Вместе с тем отметим, что развитие негативных тенденций не ограничивается молодежной средой. В действительности мы имеем дело если не с масштабным сломом, то с заметным упадком общей правовой культуры общества в целом. Это явление чрезвычайно опасно не только с точки зрения индивидуального правосознания. Оно затрагивает основы государственности, поскольку правовая культура является неотъемлемым элементом устойчивого демократического порядка. Охвативший ее кризис ослабляет способность

¹ ЛГБТ – движение, деятельность которого признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

общества воспроизводить профессиональное правовое мышление, необходимое для качественной разработки, интерпретации и реализации норм права.

Сегодня становится очевидной необходимость восстановления просветительской, культурной, воспитательной функций государства в правовой сфере. Формирование правового сознания должно рассматриваться не как побочная задача юриспруденции, а как одно из центральных направлений государственной политики и стратегии общественного развития. Россия на современном историческом этапе нуждается не столько в технико-юридической модернизации, сколько в возрождении правового воспитания как целенаправленного и институционализированного процесса. Государство и общество подошли к черте, за которой профилактика уже не работает – слишком глубоко укоренились девиантные модели поведения, утрачено образовательное наследие советской эпохи, деформировалась преемственность поколений, произошел отказ от целевой государственной идеологии. От качества правового воспитания зависит, станет та или иная личность гражданином или переродится в иноагента. И здесь не помогут точечные инициативы, нужна системная государственная стратегия.

Необходимо кардинально изменить отношение к образовательной и просветительской деятельности, вновь сделать ее привилегией, а не рутинной. Требуются мощные медийные, образовательные, культурные, экономические и правовые ресурсы, работающие на формирование ценностного фундамента правового государства. Но, прежде чем наполнять общественное сознание созидательными ценностями, следует освободить его от деструктивного информационно-смыслового балласта. Подобно тому, как невозможно наполнить сосуд чистой водой, не избавив его предварительно от грязи, так и не получится сформировать высокое правосознание в условиях постоянного засорения информационного поля цинизмом, нигилизмом, проявлениями культа вседозволенности и иными деструктивными посылами. Современное медиапространство утвердилось в качестве канала трансляции разрушительных установок, подрывающих уважение к праву и государству. Когда значительная часть информационного поля не ориентирована на функционирование в режиме просвещения, но усердствует в режиме разложения и дискредитации основополагающих ценностей здорового общества, любые усилия по правовому воспитанию рискуют оказаться бессмысленными.

В такой ситуации непродуктивно ограничиться лишь активной просветительской риторикой и наполнением информационного поля созидательными смыслами. Требуется комплексная стратегия, сочетающая как конструктивное наполнение, так и защиту правосознания от деформирующего влияния. Серьезным защитным потенциалом обладает *межотраслевой институт правовой цензуры*, который может быть корректно интегрирован в

качестве составного элемента в государственную информационную политику, проводимую в рамках реализации положений Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации, Концепции информационной безопасности Российской Федерации и иных документов стратегического планирования.

Российскому государству пора преодолеть навязанные внешним дискурсом предрассудки относительно цензуры. Практика цензурного регулирования в современном мире – отнюдь не архаичный атавизм, и она вовсе не является характерным признаком исключительно авторитарных и тоталитарных политических режимов. В государствах, нередко обвиняющих Россию в репрессиях против свободы слова, цензура не только существует – она институционализирована, облечена в юридические формы, подкреплена системой санкций и технических ограничений. Так, в Великобритании введена идентификация по паспорту или биометрии для доступа к так называемому «контенту 18+». Кроме того, запрещена к публичному распространению информация, связанная с призывами к насилию, разжиганием ненависти, пропагандирующая наркотики, религиозные воззрения, критикующая власть. На «YouTube» используются фильтры, ограничивающие доступ к материалам об общественных протестах и войнах.

Отказ в России от обсуждения собственных механизмов правовой фильтрации информации на фоне подобных прецедентов выглядит как стратегическая наивность. Принципиально важно признать: регулирование информационного пространства в целях защиты правопорядка, общественной морали, обеспечения психологического благополучия граждан, формирования зрелого правового сознания не является посягательством на демократию. Напротив, это важный инструмент ее развития. Правовая цензура, институализированная в соответствии с конституционно-правовыми принципами, – не отражение страха государства перед критикой, а осознанная политика смысловой гигиены информационного пространства, направленная на укрепление нравственно-правовых основ общества.

Не вызывает сомнений, что «работа со средствами массовой информации на современном этапе является важнейшим средством развития правовой культуры граждан, без высокого уровня которой невозможно становление гражданского общества и правового государства в Российской Федерации»¹. Однако необходимо подчеркнуть: в условиях цифровой эпохи государство не может оставаться в стороне, передавая формирование правового сознания на откуп маркетинговых алгоритмам и хаотичным контентным потокам. Средства массовой информации, цифровые платформы – это не просто каналы передачи информации, а активные участники смыслообразования и правовой социализации. Свойственные им динамичность, оперативность, большой охват аудитории делают их наиболее эффективным

¹ Мартынкина Д.Ю. Роль печатных средств массовой информации в правовом просвещении населения (на материалах общественно-политических газет): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. С. 13.

инструментом формирования установок право-послушного поведения либо, напротив, тиражирования его девиантных моделей. В связи с этим работа по формированию механизмов правовой фильтрации контента медиапространства должна стать институционализированной частью государственной стратегии по формированию правовой культуры.

Поиск ответа на вопрос о месте и роли правовой цензуры в системе правового воспитания приводит к следующему заключению: правовая цензура, будучи целенаправленным и организованным фильтром информационного поля государства, защищающим от деструктивных смыслов в целях формирования качественного правосознания, представляет собой структурный элемент государственной информационной политики в сфере правового воспитания, выступая в качестве одного из средств ее осуществления. Она защищает как индивидуальное, так и групповое правосознание от разрушительного влияния подобно тому, как воспитатель исключает негативные примеры поведения из среды, где формируется личность.

Следует отметить, что вопрос о средствах правового воспитания до сегодняшнего дня остается пробелом в теории права. Традиционно выделяют формы (правовое обучение, правовая пропаганда, самовоспитание, юридическая практика) и способы (убеждение, предупреждение, поощрение, принуждение, наказание) правового воспитания, в то время как правовые средства остаются вне доктринального осмысления. Считаем верным сформулированное А.В. Малько определение понятия «правовые средства»: «это правовые явления (установления) и деяния (технологии), при помощи которых удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечивается достижение социально полезных целей» [15, с. 69]. Вместе с тем видим целесообразность признать правовую цензуру соответствующей сущностным характери-

стикам правового средства в общетеоретическом значении и применительно к процессу правового воспитания в частности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная система правового воспитания претерпевает кризис. Попытки формирования качественного правосознания предпринимаются в условиях информационной анархии, где правовые категории сосуществуют параллельно с массовым потреблением контента, подрывающего или искажающего ценностные основания правовой культуры. Институт правовой цензуры обладает потенциалом оказания положительного эффекта на развитие просветительской функции государства, упорядочивая информационные потоки и выделяя в них правовые ориентиры, достойные распространения и подражания. Отсекая аморальные, нигилистические, дезориентирующие и иные деструктивные информационные послы, правовая цензура создает основания для устойчивого усвоения правовых норм и идеалов, выступает средством общей стратегии системного правового воспитания.

В настоящее время разработке вопросов, касающихся средств правового воспитания, в теории права уделяется слишком мало внимания. По нашему мнению, следует признать правовую цензуру соответствующей сущностным характеристикам правового средства. Правовая цензура, будучи фильтром информационного поля, целенаправленно организованным государством, защищает от деструктивных смыслов, чем способствует формированию качественного правосознания. Таким образом, она представляет собой структурный элемент правового воспитания, выступая в роли одного из его средств. Важно учитывать, что правовая цензура не является самоцелью. Она должна быть интегрирована в более широкую национальную стратегию, направленную на возрождение и укрепление просветительской, культурной и воспитательной миссии государства. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Мысль, 2001. 240 с.
2. Локк Дж. Два трактата о правлении // Сочинения. В 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 137-405.
3. Руссо Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с фр. М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. 416 с.
4. Редько А.А. Правосознание и правовое воспитание как формы реализации правовой инициативы // *Advances in Law Studies*. 2021. Т. 9. № 3. С. 1-5.
5. Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 3: Проблемы теории права. М.: Статут, 2010. 781 с.
6. Демидова И.Л. Правовое образование и правовое воспитание: теоретико-юридический аспект // *Общество и право*. 2021. № 2 (76). С. 112-117.
7. Саакян М.В. Правовое воспитание и обучение как средство формирования правовой культуры // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*. 2009. № 3. С. 107-110.
8. Бобылев А.И. Правовое сознание и правовая культура // *Право и государство: теория и практика*. 2005. № 3. С. 4-9.
9. Ильин И.А. О сущности правосознания. М.: Рарогъ, 1993. 235 с.
10. Анисимова А.П. К вопросу о специфике правосознания в российском обществе на современном этапе // *Органы правопорядка: история и современность. Материалы научно-практической конференции*. Екатеринбург: Уральский ЮИ МВД России, 1998. С. 155-157.
11. Карнаушенко Л.В. Динамика правовой культуры в условиях трансформирующегося российского общества // *Вестник Краснодарского университета МВД России*. 2016. № 1 (31). С. 11-15.

12. Скобелев А.Е. Понятие, структура и общая характеристика правовой культуры // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2009. Т. 9. № 1. С. 110-114.
13. Римский А.В., Исмагилова М.М., Цуриков И.М. Правовое сознание и правовая культура: от формально-правовых к культурно-цивилизационным основаниям // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2022. № 3 (43). С. 84-97.
14. Почепцов Г.Г. Информационные войны. Новый инструмент политики. М.: Алгоритм, 2015. 254 с.
15. Малько А.В. Правовые средства: вопросы теории и практики // Журнал российского права. 1998. № 8. С. 66-77.

REFERENCES

1. Gobbs T. Levafan, ili Materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo. M.: Mysl', 2001. 240 s.
2. Lokk Dzh. Dva traktata o pravlenii // Sochineniya. V 3 t. T. 3. M.: Mysl', 1988. S. 137-405.
3. Russo Zh. Ob obshchestvennom dogovore. Traktaty / Per. s fr. M.: «KANON-press», «Kuchkovo pole», 1998. 416 s.
4. Red'ko A.A. Pravosoznaniye i pravovoye vospitaniye kak formy realizatsii pravovoy initsiativy // Advances in Law Studies. 2021. Т. 9. № 3. С. 1-5.
5. Alekseyev S.S. Sobraniye sochineniy. V 10 t. T. 3: Problemy teorii prava. M.: Statut, 2010. 781 s.
6. Demidova I.L. Pravovoye obrazovaniye i pravovoye vospitaniye: teoretiko-yuridicheskiy aspekt // Obshchestvo i pravo. 2021. № 2 (76). С. 112-117.
7. Saakyan M.V. Pravovoye vospitaniye i obucheniye kak sredstvo formirovaniya pravovoy kul'tury // Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Regionovedeniye: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya. 2009. № 3. С. 107-110.
8. Bobylev A.I. Pravovoye soznaniye i pravovaya kul'tura // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2005. № 3. С. 4-9.
9. Il'in I.A. O sushchnosti pravosoznaniya. M.: Rarog", 1993. 235 s.
10. Anisimova A.P. K voprosu o spetsifike pravosoznaniya v rossiyskom obshchestve na sovremennom etape // Organy pravoporyadka: istoriya i sovremennost'. Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Yekaterinburg: Ural'skiy YuI MVD Rossii, 1998. С. 155-157.
11. Karnaushenko L.V. Dinamika pravovoy kul'tury v usloviyakh transformiruyushchegosya rossiyskogo obshchestva // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2016. № 1 (31). С. 11-15.
12. Skobelev A.Ye. Ponyatiye, struktura i obshchaya kharakteristika pravovoy kul'tury // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika. 2009. Т. 9. № 1. С. 110-114.
13. Rimskiy A.V., Ismagilova M.M., Tsurikov I.M. Pravovoye soznaniye i pravovaya kul'tura: ot formal'no-pravovykh k kul'turno-tsivilizatsionnym osnovaniyam // Gumanitarnyye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo. 2022. № 3 (43). С. 84-97.
14. Pocheptsov G.G. Informatsionnyye voyny. Novyy instrument politiki. M.: Algoritm, 2015. 254 s.
15. Mal'ko A.V. Pravovyye sredstva: voprosy teorii i praktiki // Zhurnal rossiyskogo prava. 1998. № 8. С. 66-77.

© Губанова В.В., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Губанова В.В. Межотраслевой институт правовой цензуры в стратегии преодоления кризиса правового воспитания // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (82). С. 137-143.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

Татьяна Валентиновна АНИСИМОВА,

доктор филологических наук, профессор, ORCID 0000-0002-6386-2041

Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Калининград)

профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных
дисциплин Калининградского филиала

atoritor@yandex.ru

Научная статья
УДК 378.14

ДИЛЕТАНТИЗМ В НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИИ: СТАРОЕ И НОВОЕ ПОНИМАНИЕ ТЕРМИНОВ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Обучение, информация, специалист,
дилетант, любитель, профессионал, симулякр.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Распространение парадигмы постструктурализма привело к проникновению философии дилетантизма во все сферы общественной жизни. В связи с этим постепенно исчезают критерии разграничения истинного и ложного, правильного и неправильного, этичного и неэтичного. Особенно недопустимым является укоренение дилетантизма в области науки и обучения молодого поколения, что подрывает и без того нестабильную систему высшего образования в нашей стране. В связи с этим перед исследованием, результаты которого представлены в статье, ставилась цель отграничить понятие «дилетант» от понятий, обозначающих других участников научного процесса, и установить место дилетантизма в системе научной деятельности. **Методы.** В ходе проведения исследования был использован комплекс традиционных теоретических и эмпирических методов познания: систематизации и интерпретации полученной информации, сопоставительный анализ, абстрагирование и др. **Результаты.** Анализ значений слов «специалист», «профессионал», «самоучка», «любитель», «дилетант» показывает, что никакие из них нельзя считать синонимами, поскольку все они обозначают разные явления. Традиционно положительную коннотацию имел термин «профессионал», а отрицательную – «дилетант». В настоящее время происходит их переоценка, и всё чаще в положительном значении используется термин «дилетант». Для закрепления такой оценки сначала производится размывание значений терминов, приводящее к смешению соответствующих понятий. Затем для аргументации большей успешности дилетанта анализируются ситуации, в которых дилетант смог добиться больших успехов, чем специалист (профессионал). На завершающем этапе утверждается, что специалист владеет только твердыми навыками, в то время как для дилетанта характерна опора на soft skills («мягкие», гибкие, надпрофессиональные навыки). Автор статьи предполагает, что призывы под флагом внедрения креативности разрушить имеющуюся систему высшего образования могут пагубно сказаться на развитии нашего общества.

«Нельзя знать всего, и это не стыдно. Обидно не знать ничего – это глупо. Но не знать ничего, однако делать вид, что знаешь абсолютно всё, – это... Это искусство! И оно постепенно становится трендом времени»¹

Ольга Кузьмина

ВВЕДЕНИЕ

В конце XX века в связи с активным распространением телевидения и Интернета в философии стала популярной парадигма постструктурализма, которая поставила под сомнение традиционные представления о надежности и достоверности знаний, квалифицировав их как не-

определенные и проблематичные. В рамках этой концепции особую популярность в гуманитарных науках приобретает термин «симулякр», в первую очередь благодаря работам Ж. Делеза, Ж. Дерриды, Ж. Бодрийяра. Хотя этот термин был известен еще со времен Платона, к завершению прошлого столетия он переосмысливается и становится клю-

¹ Кузьмина О. Дилетанты нашего времени. Почему глупость теснит профессионализм // Вечерняя Москва: сайт. 09.12.2019 // URL: <https://vm.ru/society/767974-diletanty-nashego-vremeni-kak-glupost-tesnit-professionalizm>.

Tatyana V. ANISIMOVA,

Doctor of Philology, Professor, ORCID 0000-0002-6386-2041

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)

Professor of the Department of Socio-Economic and Humanitarian Disciplines of the Kaliningrad Branch

atvritor@yandex.ru

DILETTANTISM IN SCIENCE AND EDUCATION: OLD AND NEW UNDERSTANDING OF TERMS

KEYWORDS. Training, information, specialist, dilettante, amateur, professional, simulacrum.

ANNOTATION. *Introduction.* The spread of the poststructuralist paradigm has led to the penetration of the philosophy of dilettantism into all spheres of public life. Consequently, the criteria for distinguishing between truth and falsehood, right and wrong, and ethical and unethical are gradually disappearing. The entrenchment of dilettantism in science and the education of younger generations is particularly unacceptable, undermining the already unstable system of higher education in our country. Therefore, the study, the results of which are presented in this article, aimed to distinguish the concept of «dilettante» from concepts denoting other participants in the scientific process and to establish the place of dilettantism in the system of scientific activity. *Methods.* The study utilized a combination of traditional theoretical and empirical methods: systematization and interpretation of the obtained information, comparative analysis, abstraction, etc. *Results.* An analysis of the meanings of the words «specialist», «professional», «self-taught», «amateur» and «dilettante» reveals that none of them can be considered synonyms, as they all denote different phenomena. Traditionally, the term «professional» had a positive connotation, while «dilettante» had a negative one. Currently, these terms are being re-evaluated, and the term «dilettante» is increasingly used in a positive sense. To reinforce this assessment, the meanings of the terms are first blurred, leading to a confusion of the corresponding concepts. Then, to argue for the greater success of the dilettante, situations are analyzed in which the dilettante achieved greater success than the specialist (professional). Finally, it is argued that the specialist possesses only hard skills, while the dilettante relies on soft skills (flexible, supra-professional skills). The author of the article believes that calls to disrupt the existing higher education system under the guise of introducing creativity could have a detrimental effect on the development of our society.

чевым понятием постмодернистского мышления. Симулякр – это модель (копия или изображение) объекта, которая воспринимается как соответствующая действительности. Однако на самом деле она никак не связана с реальностью, поскольку представляемого такой моделью объекта не существует. Весьма подробно описал социальную реальность с точки зрения симуляции действительности Ж. Бодрийяр. Он отмечал, что человек, лишенный возможности наблюдать многие реальные предметы и явления, удовлетворяется знакомством с моделями, то есть некоторыми воображаемыми конструкциями, позиционируемыми как прообраз реального. Эти модели данный человек воспринимает как единственную реальность, что приводит, по мнению Ж. Бодрийяра, к универсализации симулякра и исчезновению реального. Вместе с тем возникает гиперреальное: происходит «порождение, при помощи моделей, реального без истока и реальности» [1, с. 34]. Таким образом, исчезают критерии разграничения истинного и ложного, правильного и неправильного, этичного и неэтичного, и, как следствие, ни одна точка зрения не может быть признана приоритетной (правильной, истинной).

Если раньше постструктуралистское отношение к действительности ограничивалось в основном сферами рекламы и средств массовой информации, то в XXI веке в связи со стремительным распространением Интернета симулякры начинают возникать и в других областях. Особенно опасным последствием этой тенденции является узаконивание дилетантизма – симулякра профессионализма, и его активное проникновение в разные сферы деятельности человека. Так, в последние двадцать лет весьма популярными стали всевозможные творческие интернет-сообщества.

Среди их представителей, публикующих на многочисленных сетевых ресурсах, например, свои стихи есть не только любители, но и очевидные дилетанты. Но осуждать даже самое низкопробное графоманство не принято, поскольку считается, что каждый имеет право на творчество. В процесс стирания грани между искусством и его симулякром вносит свой вклад и телевидение, периодически выпуская программы, в которых профессионалы того или иного вида искусства (или спорта) выступают в совершенно не свойственных им ролях: певец осваивает фигурное катание, телеведущий – балетные танцы, а драматическая актриса – эквилибристику в цирке. Многие из них делают это довольно неуклюже, однако зрители с удовольствием смотрят и болеют за «своих».

Таким образом, если в прошлом веке дилетантизм воспринимался только как «самодетельность», не ориентированная на завоевание всеобщего признания, то в веке нынешнем он уверенно претендует на внимание и уважение широкой аудитории. Это приводит к разрушению границ между профессиональным и любительским творчеством, изменяя отношение к пониманию того, что является подлинным искусством, а что нет. «Дилетантизм приобретает демонстрационный характер, став не только способом самовыражения, но самоутверждения человека. ... У массового человека возникает такое ощущение, что любой может добиться успеха в творческой деятельности, надо только удачно попасть в нужное время и место» [2, с. 13].

Если в области искусства узаконивание дилетантизма создает только некоторые неудобства для адресата, разрушая четкие ориентиры оценки качества предъявляемой продукции, то, переме-

щаяся в сферу науки, оно создает весьма существенную угрозу не только для ее беспрепятственного развития, но и для стабильности системы образования. Теперь считается возможным публиковать статьи по вопросам, в которых автор совершенно не разбирается, оценивать научные идеи, основываясь на своих дилетантских представлениях о содержании соответствующей науки, вести обучение в Интернете по темам, освоенным на краткосрочных курсах других дилетантов. Академик А.А. Зализняк с иронией иллюстрирует эту мысль таким примером: «Девочка-пятиклассница имеет мнение, что Дарвин неправ, и хороший тон состоит в том, чтобы подавать этот факт как серьезный вызов биологической науке» [3]. Неразличение ситуаций, когда спор ведут два специалиста или дилетант со специалистом, часто плохо отражается на качестве как научных работ, так и публичных дискуссий [4, 5].

При этом особенно большие опасения вызывают попытки обеления дилетантизма, предпринимаемые в последнее время некоторыми учеными. Они преследуют цель превратить дилетанта из «недоучки с претензиями» в «креативно мыслящего новатора». Так, в научной литературе наметилась весьма негативная тенденция противопоставления специалиста, получившего образование в вузе, человеку, занимающемуся самообразованием с помощью Интернета. Во всех таких рассуждениях специалист выглядит как примитивный исполнитель стандартных программ, не способный к принятию творческих решений: «Профессионал предкажуем и надежен в стандартной ситуации, в рамках проверенных клише, но в экстраординарной ситуации он часто предстает просто «тупым» и не способен выбрать лучшее решение» [6, с. 71]. С другой стороны, представитель новой формации (дилетант) «ценит образованность, а не образование, нацелен на практическую деятельность, ... дистанцируется от «традиционных» взглядов на образование и профессию. Некоторые признаки нового социального типа, в частности эмоция удовольствия от деятельности, пересекаются с традиционным типом «любителя»» [7, с. 90]. В таких работах никак не объясняется, почему человек, получивший традиционное образование, не может (не способен) далее всю жизнь заниматься самообразованием и получать удовольствие от своей работы (на каком основании эти признаки считаются характерными исключительно для самоучки?). На фоне проблем и сложностей, переживаемых в настоящее время высшим образованием [8, 9, 10, 11], создается впечатление, что все подобные рассуждения ориентированы только на дальнейшую дискредитацию и развал существующей системы образования.

Сложившаяся ситуация требует тщательного анализа причин, которые породили такие взгляды и соответствующие требования. В связи с этим целью нашего исследования стало отграничение понятия «дилетант» от понятий, обозначающих других участников научного процесса, и установление места дилетантизма в системе научной деятельности.

МЕТОДЫ

В процессе исследования использовался комплекс теоретических и эмпирических методов познания. На первом его этапе для выявления имеющихся в литературе подходов к оценке степени эффективности использования интернет-источников в качестве материала для освоения предмета был применен метод анализа научных источников. Далее оказались востребованы методы систематизации и интерпретации полученной информации, а также сопоставительный анализ обнаруженных позиций ученых. На втором этапе исследования с помощью методов абстрагирования и синтеза систематизировались и сопоставлялись установленные факты для последующего их толкования и обобщения.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Традиционно дилетантизм определяется как занятие какой-либо деятельностью (наукой, искусством, ремеслом и т.д.) без должных знаний и профессиональной подготовки, не ради ее полезности или серьезных целей, а только в качестве любителя в часы досуга¹. Долгое время значение этого слова не вызывало разногласий, оно понималось всеми одинаково. Если человек специально учился какому-либо делу, постоянно занимается им и стремится повышать свою квалификацию – он специалист. Если увлекается чем-то в свободное от основной работы время, взялся за какое-то дело ради удовольствия, но при этом не получил системной подготовки – любитель. Например, по этому критерию (правда, нередко весьма условно применяемому) противопоставляются любительский спорт и профессиональный. Любитель с интересом относится к выбранной науке (виду спорта, искусства и т.д.), стремится к овладению всеми необходимыми знаниями и навыками, а отличается от специалиста тем, что этот вид деятельности не является для него основным. Так, наиболее известным и талантливым любителем был А.С. Грибоедов, который никогда не собирался становиться ни литератором, ни музыкантом, однако написал свою знаменитую комедию и до сих пор исполняемый вальс. Впрочем, далеко не все любители – гении, и не все ставят цель сравняться со специалистами, которые имеют больше времени и возможностей для освоения соответствующей области науки или искусства, и потому (при условии равенства природных способностей) специалисты быстрее и дальше уходят вперед: повседневным трудом оттачивают свое мастерство и приобретают разнообразный опыт. Любители не стремятся на большую сцену или на Олимпийские игры, а участвуют в художественной самодеятельности и защищают честь университета на городских спортивных соревнованиях. Таким образом, специалист отличается от любителя не формальным обладанием дипломом (признак этот важен только для бюрократической системы, но не для самого дела), и не наличием / отсутствием таланта, а тем, является ли соответствующая область деятельности для человека основным родом занятия или он делает что-то «для души» и не претендует на всеобщее признание.

¹ Словарь иностранных слов русского языка: сайт // URL: https://orthographic.academic.ru/contents.nsf/dic_fwords/.

Дилетантом следует считать человека, который не стремится всерьез изучать ту область приложения сил, которой он заинтересовался. Нахватавшись поверхностных и несистемных знаний, такой человек берется делать то, чего не умеет. Он изобретает велосипед (или вечный двигатель), путает Гегеля с Гоголем, рассказывает на курсах по риторике о научной организации рабочего времени педагога. Дилетант – это «дурак с инициативой». Он не разбирается в той деятельности, за которую берется (и не стремится к этому), однако уверен, что ему «море по колено» и что безо всяких знаний сможет решить все задачи не хуже специалиста. Слово *дилетант* всегда имело в русском языке негативную коннотацию, поскольку в подтексте предполагалось, что это человек не очень умный и самонадеянный: он имеет крайне поверхностные знания, но не понимает этого, мнит себя специалистом и ничтоже сумняшеся берется с апломбом рассуждать по любым специальным вопросам. Это, в частности, отражается и в фольклоре (*разбирается, как свинья в апельсинах*), и в классической литературе (*беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги тачать пирожник*), где дилетант всегда является объектом насмешки. В связи с этим Ф. Шиллер писал, что дилетант «никогда не выходит за пределы своей субъективности, он выражает всегда только самого себя, и поэтому искусство для него – не дело жизни, а способ уйти из жизни» [12].

С другой стороны, *специалист* противопоставляется *самоучке* – человеку, самостоятельно освоившему определенную профессию. Если в первом случае гарантом наличия некоторого набора необходимых компетенций у человека выступает государство, то во втором случае человек сам определяет, какие именно знания и умения ему следует приобрести. Оба эти термина не имеют никакого отношения к качественной оценке, а выполняют только номинативную функцию. Как подчеркивает В.В. Дементьев, в оценочной функции употребляется слово *профессионал*, которое в современном языке «используется практически исключительно как ярко-положительная оценка» [13, с. 73]. И если в рекламе услуг говорится «*Мы – команда профессионалов*», то речь идет о мастерстве владения специальностью. Причем в этом случае наличие / отсутствие диплома в расчет не принимается совсем.

Такая трактовка понятия «дилетантизм» всегда считалась очевидной и не вызывала разногласий. Однако в настоящее время весьма распространенным явлением стали попытки смещения коннотативных акцентов: «дилетантизму» приписывается положительно-оценочное значение, в то время как понятие «специалист» всячески принижается и обесценивается.

На начальном этапе дискредитации *специалиста* можно наблюдать намеренное размывание значений терминов, которое приводит к неразличению понятий, всегда считавшихся не совпадающими. Первый шаг на этом пути состоит в том, что, анализируя смысл дилетантизма, авторы используют в качестве абсолютных синонимов слова *любитель*, *самоучка*, *автодидакт*, *дилетант* [6, с. 70]. Дополнительно в этот список некоторые ученые

включают *квазиспециалиста* [14, с. 141; 15 с. 113] и *профессионального любителя* (Pro-Am) [16]. Впрочем, последним термином обозначается более сложное явление, которое заслуживает отдельного рассмотрения.

Для того чтобы уравнивать в правах *дилетанта* не только с *любителем*, но и со *специалистом*, далее используется разнообразное смещение акцентов с применением всевозможных софистических приемов. Например, типичной «подменной тезиса» являются попытки дискредитировать образование путем сведения его к получению (или даже покупке) диплома при полном отсутствии знаний [6, с. 69], что приводит авторов сентенций такого рода к выводу о том, что умный дилетант гораздо полезнее для общества, чем формально образованный специалист. Однако очевидно, что образование дает только фундамент профессионализма. Будет ли на нем затем возведено здание (и какое именно), зависит от того, какой опыт приобретет выпускник. Кроме прочего, отметим также, что сопоставление тупого специалиста с гениальным дилетантом некорректно, а посредственный специалист (если, конечно, он действительно учился в вузе, а не купил диплом) всегда окажется более полезным для производства, чем посредственный же дилетант.

Второй этап возвеличивания дилетантизма предусматривает разбор тех ситуаций, когда дилетант смог добиться успеха (был прав), а специалист потерпел неудачу (оказался неправ). Выводы делаются на основе всё того же достаточно спорного тезиса о том, что специалист может грамотно работать только в стандартных ситуациях, в то время как дилетант – человек креативный, и в нестандартных ситуациях он способен найти оригинальное решение проблемы. Однако используемая в данном случае трактовка профессионализма существенно (и искусственно, в угоду концепции) обедняет это понятие. Полагаем, что только подлинный профессионал способен найти оригинальный выход из экстраординарной ситуации, и именно потому, что он не использует «стратегии проб и ошибок», как дилетант, а на основе своего опыта способен предвидеть, к каким последствиям приведет то или иное его решение. Как писал академик Л.В. Щерба, «эффективно использовать ненормативные единицы языка может только тот человек, который в совершенстве знает все нормы» [17]. Эта мысль справедлива и в отношении всех других ситуаций, касающихся законов и правил поведения людей. Высококласный профессионал может себе позволить нарушение не только правил орфографии, но и правил дорожного движения и даже юридических законов при условии, что четко понимает, к каким последствиям приведет его решение, действует не в ущерб другим людям, а для решения сложной и важной для всех задачи. Дилетант же, нарушающий законы и правила потому, что именно для него это удобно, обязательно будет так или иначе наказан.

При ближайшем рассмотрении в большинстве случаев примеры, приводимые в подтверждение тезиса о победе дилетанта над профессионалом,

оказываются некорректными, поскольку в них, как правило, нарушаются требования логики к построению этого вида аргумента. Так, иллюстрируя якобы превосходство мышления дилетантов над мышлением профессионалов, порой обращают внимание на К.Э. Циолковского, который «с потрясающей активностью атаковал советские учреждения проектами полетов на Луну и др. Его проекты попали, в частности, на отзыв к акад. А.Н. Крылову, профессионалу высочайшего мирового класса. Реакция академика была разгромной. Мол, как можно думать о полетах в космос в нищей, голодной стране, только что вышедшей из тяжелейшей гражданской войны!?» [6, с. 71]. Считаем этот пример крайне неубедительным аргументом по двум причинам. Во-первых, как видно из цитаты, Крылов свой отказ Циолковскому обосновал не научной несостоятельностью его проектов, а только их несвоевременностью в условиях послереволюционной разрухи. Это основание лежит за пределами научных споров: если денег нет, никакие (даже самые гениальные) проекты не могут быть реализованы. Во-вторых, именно историческая фигура основоположника современной космонавтики наглядно демонстрирует, что ставить знак равенства между *дилетантом* и *самоучкой* можно только после полного разрушения семантики этих слов. В традиционном же понимании они обозначают совершенно разные явления. Циолковский был самоучкой, но достиг профессиональных высот владения научной материей. Дилетанта, имеет он диплом или нет, отличают поверхностное знание материала и отсутствие желания работать над собой. Этот тезис не разрушает и наличие некоторого количества примеров, когда дилетантам по причине незнания общеизвестных законов удалось сделать некоторые открытия в науке, поскольку, как справедливо отмечает А.В. Хомич, «такое утверждение не может служить знаменем в руках ратователей за альтернативную науку, ведь ученые не обязаны в каждом празднующемся подле сада Гесперид подозревать Геракла» [18, с. 12].

Наконец, на третьем этапе оправдания дилетантизма его поборники обращаются к профессиональным навыкам, которые должен получить выпускник вуза, и так называемым *soft skills* («мягким», гибким навыкам). Утверждается, что с помощью последних развиваются универсальные гибкие компетенции, образующие «комплекс неспециализированных, важных для карьеры над-профессиональных навыков, которые отвечают за успешное участие в рабочем процессе, высокую производительность и являются сквозными, т.е. не связаны с конкретной предметной областью» [19, с. 200]. В работе В.А. Костиной [7] прямо противопоставляются специалист, лишенный гибких навыков, и дилетант, обладающий их полным набором и на этом основании трансформированный в «неоспециалиста». Здесь уместно напомнить, что сопоставление плохого специалиста с гениальным дилетантом некорректно. Чтобы наилучшим образом выполнять свою работу, необходимо владеть как твердыми, так и гибкими навыками: их

следует совмещать, а не противопоставлять [20]. В противном случае работника ждет участь не-безызвестного Остапа Бендера, который в полной мере владел всеми гибкими навыками, однако не преуспел ни на одном поприще.

Другим основанием для возвеличивания дилетанта новой формации (неоспециалиста) В.А. Костина представляет тот факт, что специалист работает по обязанности, вынужденно. Когда же он увольняется и начинает заниматься тем, что доставляет ему удовольствие, то превращается в неоспециалиста: *Вернувшись в Китай, я пригласил друзей к себе домой, чтобы сообщить им, что я собираюсь отчислиться из университета и начать работу в Интернете* (Джек Ма, *Forbes*, 2021). И далее: «Некоторые признаки нового социального типа, в частности эмоция удовольствия от деятельности, пересекаются с традиционным типом «любителя»» [7, с. 90]. В связи с этим опять возникает вопрос: почему специалист не может заниматься любимым делом? Врач, который восемь лет учился в университете, или программист, с самого детства проводивший всё свободное время в учебных заведениях соответствующего профиля, – почему они, освоив наконец свою профессию и получив диплом, не могут работать творчески и получать удовольствие от того, что делают это хорошо? Тенденциозность оценок, применяемых для характеристики рассматриваемых объектов, наводит на мысль об искусственности выбранного критерия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В свое время индустриализация, характеризующаяся углублением разделения труда, привела к значительному росту уважения к профессионалу и эксперту в различных сферах общественной жизни, вытеснив все виды любителей на периферию. Дилетантизм стал восприниматься как маргинальное явление и ассоциироваться с некачественной работой. В этом контексте противопоставление профессионализма дилетантизму приобрело весьма острый характер, что способствовало формированию негативного восприятия любительской деятельности, особенно некачественной.

Однако глобальные изменения, произошедшие на рубеже прошлого и нынешнего веков, существенно трансформировали данную парадигму. Технологический прогресс и развитие цифровых коммуникаций создали условия для сближения специалистов и любителей, нивелировав традиционные барьеры между этими группами. И тогда дилетант превратился в симулякра специалиста и стал претендовать на ведущие позиции не только в сфере искусства, но и в науке.

Соглашаясь в целом с объективностью описанных процессов, хотим тем не менее напомнить, что все они должны развиваться постепенно и осмысленно. Призывы же под флагом внедрения креативности и самовыражения разрушить имеющуюся систему высшего образования и заменить ее самообразованием с помощью Интернета могут привести к непредсказуемым последствиям и пагубно сказаться на развитии нашего общества. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция // Философия эпохи постмодерна. Минск, 1996. С. 32-47.
2. Щенникова Л.С. Дилетантизм как культурное явление // Вестник Псковского государственного педагогического университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. 2011. № 13. С. 12-14.
3. Зализняк А.А. Из заметок о любительской лингвистике Из заметок о любительской лингвистике. М.: Русский мир, 2010. 240 с.
4. Алексеева А.П. Спортивная криминология. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2014. 404 с.
5. Сердобинцев К.С. Русская философская мысль – аксиологическая основа формирования цивилизационной идентичности // XII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии». Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, 2024. С. 13-16.
6. Соломин В.П., Пигров К.С., Султанов К.В. Дилетантизм как проблема новоевропейской цивилизации // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 4. С. 68-73.
7. Костина В.А. Анализ дискурса о новом социальном типе: кто пришел на смену дилетанту // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2022. № 2 (35). С. 87-92.
8. Анисимов Т.В. Коммуникативная компетенция специалиста: жанровый аспект // Неофилология. 2025. Т. 11. № 3. С. 553-564.
9. Алексеева А.П., Зуева О.В., Иванов А.С., Кривошеин П.К. Мониторинг общественного мнения как способ оценки деятельности российской полиции // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 4 (35). С. 50-57.
10. Сердобинцев К.С. Роль философии в образовательно-воспитательном процессе // X Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии». Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, 2022. С. 93-94.
11. Ульяновская Е.В. Проблемы и особенности преподавания истории России (из опыта работы в Калининградском филиале Санкт-Петербургского университета МВД России) // Общество. Право. Современность. Материалы научно-представительских мероприятий. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2024. С. 63-66.
12. Шиллер Ф. Собрание сочинений в 7 т. Т. 6. М., 1957.
13. Дементьев В.В. Оппозиция «мастер ~ профессионал»: старое и новое содержание // Vita in lingua: К юбилею профессора С.Г. Воркачева. Сборник статей. Краснодар: Атриум, 2007. С. 60-74.
14. Лебедева А.В. Квазиспециалист как участник профессионального дискурса. К определению проблемы // Тенденции развития науки и образования. 2025. № 123-1. С. 140-143.
15. Рожкова А.С., Воронов Ю.М. Любители и профессионалы: новый дилетантизм в обществе знаний // Интеллигенция и мир. 2015. № 3. С. 113-130.
16. Leadbeater Ch., Miller P. The Pro-Am Revolution: How Entusiasts are Changing our Economy and Society. L., 2004.
17. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М.: Аспект Пресс, 2007.
18. Хомич А.В. Феномен дилетантизма и псевдонаука // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2017. № 3 (94). С. 8-14.
19. Бацунов С.Н., Дереча И.И., Кунгурова И.М., Слизкова Е.В. Современные детерминанты развития soft skills // Концепт: научно-методический электронный журнал. 2018. № 4. С. 198-207.
20. Желудков М.А., Алексеева А.П. Кризис семейных отношений в современном обществе как одно из условий низкой эффективности профилактики преступности несовершеннолетних // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 2 (98). С. 131-139.

REFERENCES

1. Bodriyyar Zh. Simulyakry i simulyatsiya // Filosofiya epokhi postmoderna. Minsk, 1996. S. 32-47.
2. Shchennikova L.S. Diletantizm kak kul'turnoye yavleniye // Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnyye i psikhologo-pedagogicheskiye nauki. 2011. № 13. S. 12-14.
3. Zaliznyak A.A. Iz zametok o lyubitel'skoy lingvistike Iz zametok o lyubitel'skoy lingvistike. M.: Russkiy mir, 2010. 240 s.
4. Alekseyeva A.P. Sportivnaya kriminologiya. Volgograd: Volgogradskaya akademiya MVD Rossii, 2014. 404 s.
5. Serdobintsev K.S. Russkaya filosofskaya mysl' – aksiologicheskaya osnova formirovaniya tsivilizatsionnoy identichnosti // XII Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii». Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: Kaliningradskiy filial Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii, 2024. S. 13-16.
6. Solomin V.P., Pigrov K.S., Sultanov K.V. Diletantizm kak problema novoyevropeyskoy tsivilizatsii // Obshchestvo. Sreda. Razvitiye. 2015. № 4. S. 68-73.

7. Kostina V.A. Analiz diskursa o novom sotsial'nom tipe: kto prishel na smenu diletantu // Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya. 2022. № 2 (35). S. 87-92.
8. Anisimova T.V. Kommunikativnaya kompetentsiya spetsialista: zhanrovyy aspekt // Neofilologiya. 2025. T. 11. № 3. S. 553-564.
9. Alekseyeva A.P., Zuyeva O.V., Ivanov A.S., Krivoshein P.K. Monitoring obshchestvennogo mneniya kak sposob otsenki deyatelnosti rossiyskoy politzii // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2015. № 4 (35). S. 50-57.
10. Serdobintsev K.S. Rol' filosofii v obrazovatel'no-vospitatel'nom protsesse // X Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii». Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: Kaliningradskiy filial Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii, 2022. S. 93-94.
11. Ul'yanovskaya Ye.V. Problemy i osobennosti prepodavaniya istorii Rossii (iz opyta raboty v Kaliningradskom filiale Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii) // Obshchestvo. Pravo. Sovremennost'. Materialy nauchno-predstavitel'skikh meropriyatiy. Krasnoyarsk: Sibirskiy yuridicheskiy institut MVD Rossii, 2024. S. 63-66.
12. Shiller F. Sobraniye sochineniy v 7 t. T. 6. M., 1957.
13. Dement'yev V.V. Oppozitsiya «master ~ professional»: staroye i novoye sodержaniye // Vita in lingua: K yubileyu professora S.G. Vorkacheva. Sbornik statey. Krasnodar: Atrium, 2007. S. 60-74.
14. Lebedeva A.V. Kvazispetsialist kak uchastnik professional'nogo diskursa. K opredeleniyu problemy // Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya. 2025. № 123-1. S. 140-143.
15. Rozhkova A.S., Voronov YU.M. Lyubiteli i professionaly: novyy diletantizm v obshchestve znaniy // Intelligentiya i mir. 2015. № 3. S. 113-130.
16. Leadbeater Ch., Miller P. The Pro-Am Revolution: How Entusiasts are Changing our Economy and Society. L., 2004.
17. Shcherba L.V. Izbrannyye raboty po russkomu yazyku. M.: Aspekt Press, 2007.
18. Khomich A.V. Fenomen diletantizma i psevdonauka // Gumanitarnyye i sotsial'no-ekonomicheskiye nauki. 2017. № 3 (94). S. 8-14.
19. Batsunov S.N., Derecha I.I., Kungurova I.M., Slizkova Ye.V. Sovremennyye determinanty razvitiya soft skills // Kontsept: nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal. 2018. № 4. S. 198-207.
20. Zheludkov M.A., Alekseyeva A.P. Krizis semeynykh otnosheniy v sovremennom obshchestve kak odno iz usloviy nizkoy effektivnosti profilaktiki prestupnosti nesovershennoletnikh // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2023. № 2 (98). S. 131-139.

© Анисимова Т.В., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Анисимова Т.В. Дилетантизм в науке и образовании: старое и новое понимание терминов // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (82). С. 144-150.

Артём Валерьевич ЛИТВИНОВ,

кандидат технических наук, доцент, ORCID 0000-0002-7411-2019

Омская академия МВД России (г. Омск)

заместитель начальника отдела - главный редактор редакционно-издательского отдела

artyom_hawk@mail.ru

Пётр Геннадьевич АНДРЕЕВ,

ORCID 0009-0007-5933-4223

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова (г. Орёл)

старший преподаватель кафедры организации деятельности ГИБДД

petya.and@yandex.ru

Научная статья

УДК 378.046.4:351.74

ФОРМИРОВАНИЕ МОТОРНЫХ НАВЫКОВ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ ПОСРЕДСТВОМ ТРЕНАЖЁРОВ КОНТРАВАРИЙНОГО ВОЖДЕНИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Контраварийная подготовка, управление транспортным средством, тренажер моторных навыков, методика обучения, экспериментальные исследования.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Особенности подготовки водителей транспортных средств, оборудованных устройствами для подачи специальных световых и звуковых сигналов, посвящено достаточно большое количество учебных и научных работ. Такое внимание обусловлено проблемой дорожно-транспортного травматизма в той ее части, которая касается участников дорожного движения указанной категории. В силу выполняемых ими служебных обязанностей данные сотрудники органов внутренних дел, должны не только демонстрировать пример соблюдения правил дорожного движения, но и обладать профессиональными навыками по предупреждению критических ситуаций, связанных с потерей управляемости транспортного средства, и действиям в таких условиях. Решения о выполнении тех или иных приемов контраварийного вождения для обеспечения собственной безопасности и безопасности других участников дорожного движения им необходимо принимать с минимальными временными и физическими затратами. Формирование таких навыков возможно в ходе обучения по специальным программам, при наличии соответствующей учебно-материальной базы и квалифицированного преподавательского состава. **Методы.** Методологическую основу исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, составили общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция), педагогический эксперимент, статистические методы. **Результаты.** Авторами проведен обзор основных средств обучения, используемых для формирования у водителей моторных навыков воздействия на органы управления транспортным средством. Рассмотрены мнения представителей научного сообщества. Описан собственный опыт участия в реализации программ подготовки водителей. Осуществлено экспериментальное исследование эффективности применения водителями двух способов вращения рулевого колеса: перехватом через ладонь и перекатом через тыльную сторону ладони. Полученные в результате эксперимента данные позволили оценить эффективность применения приемов воздействия на рулевое колесо и сформулировать рекомендации по совершенствованию подготовки водителей. Итоги эксперимента были проверены на статистическую значимость в целях получения сведений о закономерности результатов исследования.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования, результаты которого представлены в статье, обусловлена необходимостью снижения уровня дорожно-транспортного травматизма у сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, управляющих транспортными средствами, оборудованными устройствами для подачи специальных световых и звуковых сигналов (далее – водителей-сотрудников). Достижение данной цели возможно за счет реализации программ контраварийной

подготовки в рамках профессионального обучения сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД) указанной категории. При этом необходимо учитывать специфику служебных задач водителей-сотрудников, которые им приходится решать при управлении транспортными средствами.

В настоящее время на показатели дорожно-транспортного травматизма в ОВД оказывает влияние комплекс факторов. Основными из них являются низкий уровень дорожно-транспортной дисциплины участников дорожного движения и

Artyom V. LITVINOV,

Cand. Sci. (Engineering), Associate Professor, ORCID 0000-0002-7411-2019

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Omsk, Russia)

Deputy Head of Department - Editor-in-Chief of the Editorial and Publishing Department

artyom_hawk@mail.ru

Pyotr G. ANDREEV,

ORCID 0009-0007-5933-4223

Oryol Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia named after V.V. Lukyanov (Oryol, Russia)

Senior Lecturer at the Department of Organization of Traffic Police Activities

petya.and@yandex.ru

FORMATION OF POLICE OFFICERS' MOTOR SKILLS USING DEFENSIVE DRIVING SIMULATORS

KEYWORDS. Defensive driving training, vehicle control, motor skill simulator, training methodology, experimental research.

ANNOTATION. *Introduction.* A considerable number of educational and scientific works are devoted to the peculiarities of training drivers of vehicles equipped with devices for emitting special light and sound signals. Such attention is motivated by the problem of road traffic injuries in the part that concerns road users of this category. By virtue of the official duties they perform, these employees of the internal affairs bodies must not only be an example of compliance with traffic rules, but also possess professional skills in the prevention and suppression of critical situations associated with the loss of vehicle control. Decisions on the implementation of certain counter-emergency driving techniques to ensure their own safety and the safety of other road users must be made with minimal time and physical expenditure. The development of such skills is possible during training according to special programs and in the presence of the appropriate educational and material base and qualified teaching staff. *Methods.* The methodological basis of the study, the results of which are presented in this article, consisted of general scientific methods (analysis, synthesis, induction, deduction), pedagogical experiment, statistical methods. *Results.* The authors reviewed the primary training tools used to develop drivers' motor skills for manipulating vehicle controls. The opinions of representatives of the scientific community were studied. The authors described their experience participating in driver training programs. An experimental study was conducted to evaluate the effectiveness of two steering wheel rotation techniques: palm grip and back-of-hand roll. The data obtained from the experiments allowed them to evaluate the effectiveness of these steering wheel manipulation techniques and formulate recommendations for improving driver training. The experimental results were tested for statistical significance to determine the patterns of the study results.

отсутствие у водителей-сотрудников навыков эффективных действий в критических ситуациях.

Оценка уровня дорожно-транспортной дисциплины носит субъективный характер. Однако вывод, касающийся ее состояния, основан в первую очередь на статистических данных об аварийности на дорогах Российской Федерации¹. Например, такие показатели, как количество дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП), число погибших и раненых в результате ДТП, в 2024 году сократились менее чем на 1% по сравнению с показателями предшествовавшего года. Наиболее распространенными видами ДТП по-прежнему являются столкновение транспортных средств, наезд на пешехода, съезд с дороги, они же остаются наиболее опасными, если исходить из тяжести наступивших последствий. Что касается мест, где чаще всего происходит ДТП, то традиционно это регулируемые и нерегулируемые перекрестки, а также перегоны (участки пути, где нет элементов улично-дорожной инфраструктуры).

Отсутствие у водителей-сотрудников навыков действий в критических ситуациях связано с сохраняющейся в последние годы тенденцией обновления кадров в подразделениях территориальных органов МВД России. Негативную роль игра-

ют также длительные интервалы между периодами прохождения водителями-сотрудниками курсов повышения квалификации. Полагаем, что эти факторы, воздействуя на ситуацию одновременно, взаимно усиливают негативный эффект. В связи с этим считаем, что необходимо уделить особое внимание разработке и совершенствованию методики проведения учебных занятий с обучающимися данной категории.

В рамках контраварийной подготовки реализуются программы дополнительного профессионального образования для различных служб: строевых подразделений ДПС Госавтоинспекции территориальных органов МВД России; сотрудников подразделений по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите. Отметим, что элементы контраварийной подготовки включены в процесс обучения сотрудников, управляющих транспортными средствами, оборудованными устройствами для подачи специальных световых и звуковых сигналов. Это сотрудники ДПС ГИБДД, патрульно-постовой службы ОВД, дежурных частей территориальных ОВД, охранно-конвойной службы и т.д. Кроме того, представление о контраварийных действиях формируется в рамках первоначальной подготовки у лиц,

¹ Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации в 2024 году. Информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2025. 148 с.

обучающихся навыкам управления транспортным средством. При этом в ходе обучения учитывается специфика служебных задач, возложенные на те или иные подразделения или службы.

Водители-сотрудники перечисленных выше подразделений ОВД выполняют как повседневные, так и неотложные служебные задания. В обоих случаях возникают ситуации, в которых в силу субъективных или объективных факторов приходится управлять транспортным средством с воздействием на рулевое колесо только одной руки. Такое вождение требует высокой концентрации внимания, хорошей физической подготовки, наличия навыков выбора техники и тактики воздействия на рулевое колесо. Особенно важно это при возникновении критической ситуации [1].

Водители транспортных средств ОВД могут по необходимости применять специальные световые и звуковые сигналы только для обеспечения выполнения неотложных служебных заданий [2, с. 39; 3, с. 1893]. К числу подобного рода случаев относятся: выезд на место совершения административных правонарушений и преступлений, на место природной или техногенной катастрофы либо аварий, к объектам, находящимся под охраной; доставление кого-либо в лечебные учреждения в условиях дефицита времени; участие в проведении специальных мероприятий, учений и т.д. Такие ситуации возникают в деятельности сотрудников ОВД при выполнении неотложных служебных заданий вне зависимости от их принадлежности к той или иной оперативной службе. Однако есть подразделения, для работы которых характерны специфические условия управления транспортными средствами. Это, например, Госавтоинспекция, сотрудникам которой при осуществлении надзора за дорожным движением приходится участвовать в преследовании автомобилей правонарушителей, в сопровождении транспорта специального назначения, организованных колонн и т.д.¹ [4, с. 74; 5, с. 97].

На водителей ОВД, управляющих транспортными средствами, имеющими специальное стандартизированное оформление (с нанесением на их внешние поверхности цветографических схем), оборудованными устройствами для подачи специальных световых и звуковых сигналов, возлагается большая ответственность. Выполнение ими функций по надзору за дорожным движением, охране общественного порядка, конвоированию лиц, движению к месту происшествия и т.д. должно осуществляться без нарушения установленных нормативными правовыми актами правил². При выполнении неотложного служебного задания управление транспортным средством происходит в условиях дефицита времени, необходимого для принятия решения, риска для жизни и здоровья участников дорожного движения, включая собственные. В таких обстоятельствах эффективное обеспечение безопасности возможно только при наличии качественной подготовки [6, с. 132].

Одной из задач нашего исследования стало выявление возможностей повышения у водителей-сотрудников показателей таких двигательных навыков, как скорость вращения рулевого колеса, техника вращения и тактика применения приемов вращения рулевого колеса. К числу наиболее важных результатов обучения, в том числе тренажерного, относится достижение способности быстро и качественно реагировать на неожиданно возникшую критическую ситуацию посредством воздействия на рулевое колесо одной рукой. В ходе исследования нами была предпринята попытка экспериментальным путем определить наиболее эффективные способы вращения рулевого колеса одной рукой.

МЕТОДЫ

Метод анализа использовался при работе с научными и учебными материалами, посвященными подготовке водителей к управлению транспортными средствами в критических ситуациях. Методы индукции и дедукции применялись в рамках разработки методики обучения управлению транспортными средствами, оборудованными устройствами для подачи специальных световых и звуковых сигналов. Педагогический эксперимент позволил оценить эффективность программы обучения приемам вращения рулевого колеса. Статистические методы обработки результатов эксперимента подтвердили статическую значимость полученных данных. На этой основе был сделан вывод об эффективности приемов вращения рулевого колеса одной рукой относительно скорости вращения.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Контраварийная подготовка позволяет водителю не только успешно справиться с выполнением необходимых действий в критической ситуации, когда возможна потеря автомобилем управляемости, но и не допустить ее возникновения. В качестве критических в контраварийной подготовке принято рассматривать ситуации, в которых требуется применение приемов экстренного маневрирования либо возникает занос автомобиля. Подготовка данного вида делится на ряд блоков: теоретический, тренажерный и практический (полигонный). В ходе исследования наше внимание было сосредоточено на втором из них.

Тренажерная подготовка осуществляется в специализированных аудиториях, оборудованных различного рода комплексами (устройствами или тренажерами), предназначенными для развития моторных или двигательных навыков. В числе таковых – навыки вращения рулевого колеса, воздействия на педали акселератора, тормоза и сцепления, работы с рычагом переключения передач. В настоящее время в образовательном процессе активно используются разработки, ставшие результатом исследований профессора Э.С. Цыганкова. Им было подготовлено множество учебно-методических материалов для обучения водителей действиям в экстремальных условиях, в том числе

¹ Приказ МВД России от 02.05.2023 № 264 «Об утверждении Порядка осуществления надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения».

² Постановление Правительства Российской Федерации от 23.10.1993 № 1090 «О Правилах дорожного движения».

и с помощью тренажеров¹. «Точные и быстрые действия рулевым колесом помогут предотвратить аварию», – подчеркивает Э.С. Цыганков. И добавляет, что это правило должно быть одним из ключевых постулатов контраварийной подготовки². Разработанный Э.С. Цыганковым комплекс упражнений способствует развитию навыков скоростного вращения рулевого колеса и освоению тактики (техники) воздействия рук на рулевое колесо в зависимости от сложившихся условий. Отметим, что мы, как и наши коллеги из других образовательных организаций МВД России, вносим некоторые изменения и дополнения в методику Э.С. Цыганкова. Это связано с необходимостью ее адаптации к современному состоянию эксплуатируемого ОВД автомобильного парка и подготовке различных категорий обучающихся.

Реализация программ дополнительного профессионального образования, связанных с обучением водителей-сотрудников безопасному управлению транспортными средствами, с акцентом на практической составляющей, является одним из инструментов решения проблемы дорожно-транспортного травматизма среди сотрудников органов внутренних дел [6, с. 134]. Подобные программы позволяют повысить качество учебно-воспитательного процесса и, как подчеркивают Л.В. Шманева и Н.М. Кузнецова, связать теорию с практикой служебной деятельности, ликвидировать разрыв между ними. Результатом становятся «обновление и обогащение интеллектуального потенциала сотрудников» [7, с. 158]. Практическая составляющая программы помогает удовлетворять потребность сотрудников в новых знаниях, развивать у них интерес к обучению и в конечном итоге к профессиональному росту (повышению квалификации) [8, с. 34].

В основе реализуемых программ лежат традиционные и инновационные методы осуществления образовательного процесса. При этом учитываются особенности, обусловленные количественным и качественным составом обучающихся. Ф.Н. Зейналов отмечает, что слушатели, осваивающие программы повышения квалификации водителей-сотрудников, являются практиками, и потому позитивно воспринимают примеры из служебной деятельности, практические рекомендации по ее совершенствованию, положения нормативных правовых актов прикладного характера, а также алгоритмы действий в типовых и нестандартных ситуациях [9, с. 48].

А.А. Щеглов, Н.Д. Уланов считают, что для достижения результата необходим индивидуальный подход к каждому из обучающихся, так как исходные уровни их подготовки могут существенно различаться. Вместе с тем отмечается необходимость проверки сложившегося навыка в рамках выходного контроля. Время, отводимое на выполнение тех или иных упражнений, должно корректироваться в зависимости от результатов освоения программы [10, с. 134].

А.Ф. Самороковский, Ю.А. Дудкин и А.А. Щеглов поддерживают выводы других ученых о важности использования тренажеров в подготовке сотрудников ОВД, осуществляющих управление служебным транспортом. Особенно полезны занятия, организуемые в оборудованных специальной техникой классах, для формирования навыков контраварийных действий. Тренажеры должны полностью имитировать рабочее место водителя, для того чтобы можно было отработать посадку в транспортном средстве, действия с рулевым колесом, рычагом переключения передач. В классе, рассчитанном на одновременную работу не более чем с 30 обучающимися, должен находиться и тестирующий тренажер [11, с. 165]. Эти предложения представляются весьма рациональными, их реализация при наличии квалифицированного преподавательского состава поможет должным образом обеспечить обучение слушателей.

В целях выработки предложений по совершенствованию методики формирования моторных навыков вращения рулевого колеса в ходе исследования нами была проанализирована специфика тренажерной подготовки водителей-сотрудников, управляющих транспортными средствами, оборудованными устройствами для подачи специальных световых и звуковых сигналов.

Прибывшими на обучение слушателями, практический стаж управления транспортными средствами которых составляет пять и более лет, тренажерная подготовка первоначально воспринимается как что-то необязательное. Они полагают, что для осуществления эффективных действий по стабилизации автомобиля в критических условиях достаточно тех навыков, которыми они уже обладают. Однако результаты входного контроля, предусматривающего тестирование скорости вращения рулевого колеса одной и двумя руками, как правило, снимают вопросы о целесообразности включения этого этапа в программу подготовки: для допуска на учебный полигон необходимо уложиться в достаточно строгие временные нормативы. К сожалению, негативно влияют на качество освоения программы низкие показатели физической подготовленности и психомоторных качеств обучающихся [12]. В условиях достаточно небольшого периода, отведенного на обучение, это затрудняет формирование моторных навыков вращения рулевого колеса и воздействия на органы управления транспортного средства.

Задача выполнения комплекса упражнений на тренажерах в рамках подготовки водителей к действиям в экстремальных ситуациях состоит в освоении обучающимися при минимальных временных и физических затратах последовательности правильных действий и закреплении их на уровне мышечной памяти.

Большое внимание методике обучения предвидению рисков, связанных с внезапным изменением дорожной обстановки, в своей научной работе уделяют Р.С. Чекотин и Н.О. Вербицкая. По их мнению, при подготовке водителей не-

¹ Цыганков Э.С. Скоростное руление в критических ситуациях:

20 упражнений тренажерной контраварийной подготовки. М., 1995. С. 79.

² Там же. С. 2.

достаточно делать акцент только на изучении правил дорожного движения и освоении элементарных способов воздействия на органы управления автомобиля для осуществления его движения. Они предлагают организовать с помощью интерактивных тренажеров под руководством опытных инструкторов обучение прогнозированию дорожной обстановки и рисков возникновения критических ситуаций, которые могут перерасти в ДТП [13, с. 29]. Нами планируется осуществить оценку воздействия интерактивных тренажеров на формирование моторных навыков водителей-сотрудников ОВД, необходимых для действий при возникновении критической ситуации, в рамках нового исследования. Его результаты мы представим в одной из следующих статей.

В специализированных школах, где обучают контраварийному вождению, обычно совмещают тренажерную и теоретическую подготовку, затем наступает время практики. В образовательных организациях МВД России подготовка осуществляется в другом формате. Практическая подготовка включает в себя тренажерный этап и наработку навыков управления транспортным средством в различных условиях.

Ю.В. Тимофеев в статье, посвященной проблемам обучения водителей-сотрудников, отмечает такие недостатки реализации образовательной программы, как дефицит времени, выделяемого на практическую подготовку, недостаточное количество транспортных средств, задействованных в учебном процессе, несоответствие их технического состояния требованиям программы [14, с. 37]. В качестве выхода из затруднительной ситуации автор предлагает организовать работу слушателей исключительно на автотренажерах. Полагаем, что тренажерная подготовка действительно очень важна для обучения навыкам управления транспортным средством в критической ситуации, однако это лишь подготовительный этап перед тем, как перейти к реальному вождению учебного автомобиля.

Далее обратим внимание на основные средства обучения, которые могут быть задействованы в образовательной организации для формирования у водителей-сотрудников моторных навыков. Отработку техники вращения рулевого колеса следует проводить с использованием автомобиля с вывешенной передней осью, а также различных тренажеров (начиная с приспособлений, представляющих собой рулевое колесо, закрепленное на поверхности стола, и до макетов рабочего места водителя или же целого автомобиля).

Существующие тренажеры, предназначенные для формирования и закрепления моторных навыков водителя, делятся на несколько видов (иллюстрация 1):

1) начального уровня (а). Как правило, это рулевое колесо, которое крепится к столу. С его помощью развивают моторику воздействия на рулевое колесо. В настоящее время существуют модификации таких тренажеров с возможностью изменения угла наклона рулевого колеса, со встроенной пружиной, ограничивающей его поворот в левую и правую стороны по аналогии с тем, как

это происходит в автомобиле. Важно иметь достаточно места для тренажера и обеспечить его правильное размещение относительно обучающегося;

2) базового уровня (б). Представляет собой рабочее место водителя со следующими элементами: сиденье с устройством регулировки положения (вперед-назад), рулевое колесо, педальный узел, рычаг переключения передач. Тренажер позволяет акцентировать внимание обучающегося на правильности посадки в транспортном средстве, положении рук и ног относительно органов управления автомобилем. Преимущества тренажеров этого вида заключаются в возможности одновременного закрепления моторных навыков вращения рулевого колеса, воздействия на педальный узел, а также на рычаг переключения передач. Это значительно снижает вероятность возникновения в дальнейшем ошибок при отработке действий в различных условиях на учебном полигоне;

3) продвинутого уровня (в). Имеется возможность регулировки положения кресла водителя (наклон спинки) и рулевого колеса (по высоте и вылету). Это соответствует функционалу рабочего места водителя современных автомобилей. Данные особенности позволяют настроить тренажер для обучающегося с антропометрическими данными, существенно отличающимися от среднестатистических;

4) контрольный тренажер (г). Основное его назначение – тестирование скорости вращения обучающимися рулевого колеса на начальном и завершающем этапах тренажерной подготовки. Он позволяет оценить моторные навыки водителей, допущенных к управлению транспортными средствами, оборудованными устройствами для подачи специальных световых и звуковых сигналов.

Примером использования тренажеров для развития моторных навыков в рамках реализации дополнительной профессиональной программы повышения квалификации сотрудников строевых подразделений ДПС Госавтоинспекции территориальных органов МВД России «Контраварийная подготовка водителей» является освоение обучающимися тем «Основы техники и тактики скоростного вождения автомобиля» и «Обеспечение готовности к экстренным действиям». В данном случае предусмотрено восемь часов практических занятий. Тестируются и отрабатываются следующие элементы подготовки водителей:

- скорость вращения рулевого колеса одной и двумя руками;
- правильная посадка;
- комбинированный прием торможения.

Тестирование скорости вращения рулевого колеса двумя руками достаточно подробно раскрыты в ранее опубликованных работах [15, 16]. Что касается тестирования скорости вращения рулевого колеса одной рукой, то могут быть задействованы несколько вариантов, в зависимости от того, что конкретно было предложено слушателям для изучения.

Представим более подробно наше видение процесса отработки перечисленных выше элементов.

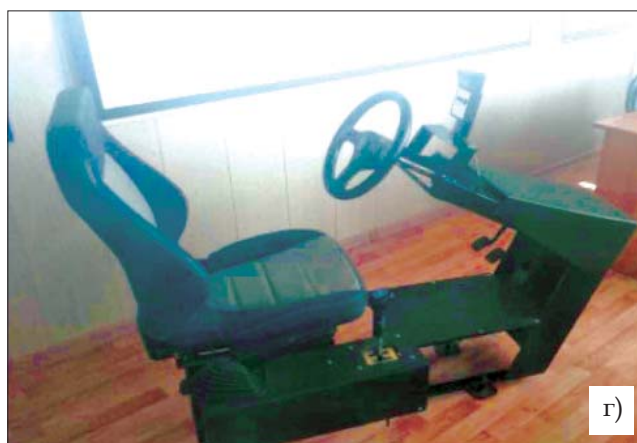
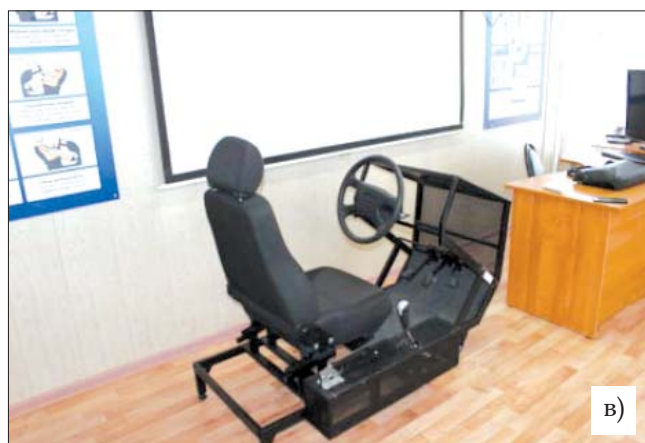

Иллюстрация 1. Тренажеры развития моторных навыков: а) начального уровня, б) базового уровня, в) продвинутого уровня, г) контрольный.

Правильная посадка. Ноги располагаются в районе педального узла: пятка правой ноги находится ниже педали тормоза (только носок стопы может поворачиваться на педаль акселератора), пятка левой ноги – ниже педали сцепления (только носок стопы может поворачиваться на площадку для отдыха левой ноги). Ошибкой является перенос ног с отрывом пятки от пола транспортного средства, так как в экстренной ситуации водитель рискует промахнуться мимо педали, что может привести к возникновению аварийной ситуации. Кисти рук должны располагаться симметрично

в верхнем секторе рулевого колеса в положении 10-2 (угол захвата 120°) или в положении 9-3 (угол захвата 180°), по аналогии с циферблатом механических часов (иллюстрация 2).

Прием комбинированного торможения. Его отработка заключается в формировании моторных навыков одновременного задействования тормозной системы, коробки переключения передач и двигателя. Если этот прием выполнять сразу на транспортном средстве, то высока вероятность повреждения коробки переключения передач или узла сцепления из-за ошибочных действий.

Иллюстрация 2. Положения кистей рук: а) полузакрытый хват, б) закрытый хват.

Таблица 1.

**ВРЕМЯ ВЫПОЛНЕНИЯ 10 ЦИКЛОВ ВРАЩЕНИЯ РУЛЕВОГО КОЛЕСА,
сек. (входной контроль)**

39,69	41,97	28,06	26,59	24,84	27	28,16	23,65	34,84	28,88
34,59	31,22	33,06	24,13	27,68	31,07	34,63	27,35	28,16	32,39
29,85	30,01	30,64	32,16	25,96	24,41	25,16	27,65	30,3	31,96
39,95	40,45	36,15	30,1	24,85	26,12	23,15	27,56	29,64	35,06

Таблица 2.

**ВРЕМЯ ВЫПОЛНЕНИЯ 10 ЦИКЛОВ ВРАЩЕНИЯ РУЛЕВОГО КОЛЕСА,
сек. (перехват через ладонь)**

44,81	32,97	27,75	26,34	19,47	34,68	24,34	24,38	35,59	24
33,16	25,91	29,85	23,12	28,37	37,02	30,04	26,22	27,6	27,69
26,52	28,19	25,15	28,21	24,2	24,3	25,01	25,49	26,94	27,62
31,64	35,13	29,46	26,68	24,19	24,05	22,61	25,43	28,42	28,61

Таблица 3.

**ВРЕМЯ ВЫПОЛНЕНИЯ 10 ЦИКЛОВ ВРАЩЕНИЯ РУЛЕВОГО КОЛЕСА,
сек. (пережат через тыльную сторону ладони)**

28,66	26,47	22,22	21,65	17,25	23,18	21,98	19,31	25,41	21,84
24,72	22,1	29,43	19,26	23,12	28,64	25,43	21,72	24,69	23,15
25,12	23,97	24,96	23,62	20,09	20,15	23,55	22,76	24,97	26,03
27,65	26,93	25,31	24,1	19,56	20,44	18,38	22,66	24,72	25,88

Использование тренажеров позволяет совершенствовать навыки воздействия на рулевое колесо одной и двумя руками. Отрабатываются различные варианты «маятников» на несколько счетов, руление двумя руками с перехватами на верхнем и боковом секторах, руление одной рукой с перехватом через ладонь. Постепенно увеличивается скорость выполнения данных упражнений.

Необходимо выработать у водителей-сотрудников навыки действий, которые способствовали бы безопасному управлению транспортным средством, обеспечивали возможность избежать возникновения аварийных ситуаций или предотвращать их развитие [15; 16, с. 3-5]. Несмотря на то, что наиболее безопасно удерживать рулевое колесо двумя руками, нередки случаи, в которых его удержание осуществляется одной рукой, например во время переключения передач, воздействия на микрофон сигнальной громкоговорящей установки, использования радиостанции и т.д. В таких ситуациях возможно несколько вариантов скоростного руления. Перехват может выполняться через ладонь (так называемое положение «четыре-во-семь», по аналогии с циферблатом механических часов) или посредством пережата через тыльную сторону ладони. Второй вариант, как показывает опыт реализации программ подготовки водителей, является более сложным для усвоения. Между тем, по нашему мнению, он весьма эффективен. Скоростное вращение рулевого колеса осуществляется с обязательным подхватом второй рукой и продолжением при необходимости его поворота

в том же направлении либо возвратом в исходное положение. В среде преподавательского состава образовательных организаций продолжается дискуссия о необходимости изучения данного приема скоростного руления. Для оценки его освоения обучающимися нами был проведен эксперимент, его результаты обработаны с помощью статистических методов.

В эксперименте приняли участие 40 обучающихся с различным стажем службы в ОВД. Для оценки имеющихся у них навыков скоростного руления одной рукой (любым способом) был осуществлен входной контроль (таблица 1). Затем в течение восьми учебных часов изучались приемы вращения рулевого колеса одной рукой с перехватом через ладонь и пережатом через тыльную сторону ладони. После этого тестирование было проведено вновь в целях определения скорости вращения рулевого колеса одной рукой тем и другим способом (таблицы 2 и 3 соответственно). Каждый из обучающихся выполнил по 10 циклов вращения рулевого колеса из одного крайнего положения в другое.

Показатели скорости вращения рулевого колеса, приведенные в таблицах, представлены нами в виде гистограммы (иллюстрация 3). На ней продемонстрировано распределение полученных оценок скоростных качеств обучающихся с учетом выполнения следующих нормативов: менее 20 сек. – «отлично», 20-24 сек. – «хорошо», 24-28 сек. – «удовлетворительно», более 28 сек. – «неудовлетворительно». Гистограмма показывает,

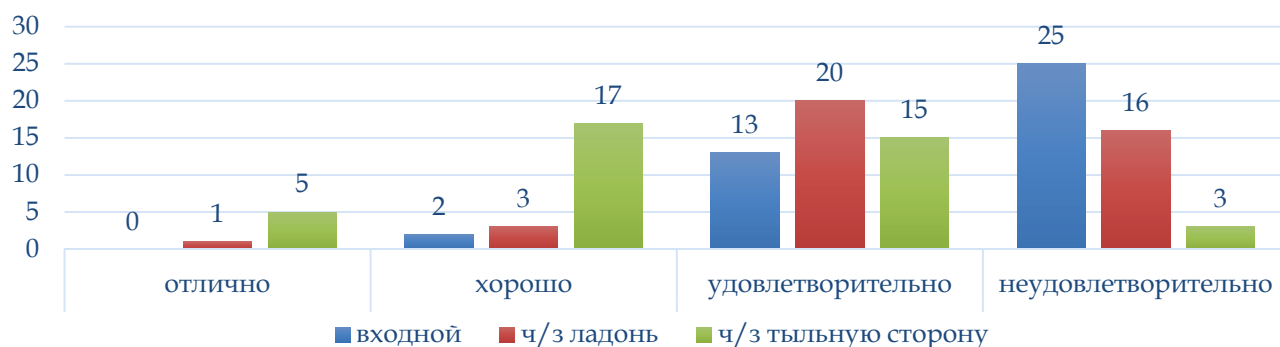

Иллюстрация 3. Распределение оценок, полученных в результате тестирования на скорость вращения рулевого колеса: при выборе приема обучающимся (на входном контроле), перехватом через ладонь и перекатом через тыльную сторону ладони (после обучения).

РЕЗУЛЬТАТЫ СТАТИСТИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ ПАРНОГО СРАВНЕНИЯ СПОСОБОВ ВРАЩЕНИЯ РУЛЕВОГО КОЛЕСА ОДНОЙ РУКОЙ

Таблица 4.

Парное сравнение	Среднее квадратическое отклонение	Ошибка средней разности	Критерий Стьюдента (фактический)	Критерий Стьюдента (табличный)
входной контроль / перехват через ладонь	86,9	13,9	6,3	2,021
входной контроль / перекал через тыльную сторону ладони	247,6	39,65	6,8	2,021

ПРОВЕРКА СТАТИСТИЧЕСКОЙ ДОСТОВЕРНОСТИ ПОЛУЧЕННЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ ПО ОТДЕЛЬНЫМ ОЦЕНКАМ С ПОМОЩЬЮ КРИТЕРИЯ УГЛОВОГО ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ФИШЕРА

Таблица 5.

Парное сравнение	Оценка статистической значимости результатов скорости вращения рулевого колеса одной рукой			
	отлично	хорошо	удовлетворительно	неудовлетворительно
входной контроль / через ладонь	не значимы	не значимы	не значимы	не значимы
входной контроль / через тыльную сторону ладони	значимы	значимы	не значимы	значимы
через ладонь / через тыльную сторону ладони	не значимы	значимы	не значимы	значимы

что результаты входного контроля в целом оказались неудовлетворительными, поскольку менее половины обучающихся получили положительные оценки. После того, как было проведено обучение, ситуация заметно улучшилась: появились оценки «отлично», гораздо больше получено оценок «хорошо» и «удовлетворительно».

Далее нами был применен алгоритм расчета $t_{\text{ф}}$ -критерия Стьюдента¹ для попарно связанных выборок (входной контроль и прием вращения рулевого колеса через ладонь; входной контроль и прием вращения рулевого колеса с перекатом через тыльную сторону ладони) для оценки полу-

ченных результатов в целях установления случайности или закономерности их появления (выбранный уровень значимости 0,05). Результаты расчета представлены в таблице 4.

С применением критерия углового перемещения Фишера выполнена проверка статистической достоверности полученных результатов по отдельным оценкам – «отлично», «хорошо», «удовлетворительно» и «неудовлетворительно» – путем сравнения выборок приемов вращения: на входном контроле, перехват через ладонь и перекал через тыльную сторону ладони (таблица 5). Применение данного критерия позволило установить,

¹ Математические методы исследования социальных систем: Учебное пособие / Торопов Б.А. и др. М., 2020. 80 с.

что статистически наиболее значимых изменений в результатах по сравнению с входным контролем (без предварительной подготовки обучающихся) удалось добиться за счет освоения приема вращения рулевого колеса через тыльную сторону ладони. Статистически значимые изменения наблюдаются при парном сравнении приемов вращения рулевого колеса одной рукой через ладонь и тыльную сторону ладони по такому показателю, как количество неудовлетворительных оценок.

Мы придерживаемся точки зрения о том, что слушатели должны осваивать оба способа вращения рулевого колеса одной рукой, несмотря на то, что вращение перекатом через тыльную сторону ладони позволяет добиваться более высоких скоростных показателей по сравнению с вращением перехватом через ладонь. Дело в том, что в теории и практике контраварийной подготовки наиболее безопасным признается вращение рулевого колеса двумя руками. Рассмотренные приемы вращения одной рукой, по сути, являются вспомогательными. После их выполнения водителю необходимо подхватывать рулевое колесо второй рукой. Только такие действия могут обеспечить максимально быстрое и эффективное воздействие на него в условиях критической ситуации. Кроме того, применение способа вращения одной рукой с перекатом через тыльную сторону ладони не является безопасным, поскольку на протяжении третьей части поворота рулевого колеса контакт с ним обеспечивается только тыльной стороной ладони.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Опыт взаимодействия Омской академии МВД России и Орловского юридического института имени В.В. Лукьянова в вопросах подготовки водителей транспортных средств, оборудованных устройствами для подачи специальных световых и звуковых сигналов, позволил нам сформулировать следующие выводы и предложения:

1. Эффективность тренажерной подготовки как одной из основных составляющих формирования у водителей-сотрудников моторных навыков воздействия на органы управления транспортного средства существенно зависит от выбора методов ее реализации, учебно-материальной базы и квалификации профессорско-преподавательского состава.

2. Моторные навыки воздействия на рулевое колесо одной рукой должны быть сформированы приемами его вращения перехватом через ладонь и перекатом через тыльную сторону ладони.

3. Проведение занятий с разделением учебной группы на подгруппы позволяет повысить эффективность формирования моторных навыков за счет чередования работы в специализированном классе тренажерной подготовки и на полигоне.

4. Необходимо проводить занятия в рамках профессиональной служебной подготовки для сотрудников, управляющих транспортными средствами, оборудованными устройствами для подачи специальных световых и звуковых сигналов, в классах тренажерной подготовки не менее двух раз в году (при переходе с осенне-летнего периода на зимний, с зимне-весеннего на летний период). ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ведерников А.Г., Кобзарь Д.П., Желонкин Н.А. Отличие контраварийной подготовки водителей от экстремального вождения // Совершенствование систем эксплуатации и восстановления вооружения и военной техники. Роль качества подготовки военных специалистов технического обеспечения. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Омск, 2023. С. 45-50.
2. Габова О.С. К понятию неотложного служебного задания при производстве по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения, зафиксированных специальными техническими средствами, работающими в автоматическом режиме // Актуальные проблемы административной деятельности органов внутренних дел. Материалы межвузовской научно-практической конференции. СПб, 2018. С. 37-40.
3. Бакулин Н.П. Правовые основы управления транспортными средствами, оборудованными устройствами для подачи специальных световых и звуковых сигналов // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. № Т13. С. 1891-1895.
4. Кузнецов А.В., Мкртчян А.Ю. Методика обучения курсантов оценке обстановки при вождении транспортного средства // Инновационные технологии в науке и образовании. Материалы международной научно-практической конференции. Пенза, 2021. С. 73-76.
5. Борисова С.Е. Влияние психологических установок водителей на безопасность дорожного движения // Психология и право. 2011. № 4. С. 88-98.
6. Иноценко В.А., Калинин В.В., Ковтун Н.А. Особенности обучения вождению на транспортных средствах, оборудованных специальными устройствами для подачи световых и звуковых сигналов // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 9 (148). С. 131-134.
7. Шманева Л.В., Кузнецова Н.М. Выявление потребности сотрудников Госавтоинспекции в программах дополнительного образования (результаты исследования) // Транспортное дело России. 2014. № 2. С. 155-159.
8. Киселев В.А. Совершенствование дополнительного профессионального образования сотрудников ГИБДД МВД России // Вестник НЦБЖД. 2022. № 1 (51). С. 32-37.
9. Зейналов Ф.Н.О. Формирование профессиональных умений и навыков у обучающихся по профилю подготовки «Сотрудник подразделений Госавтоинспекции» // Актуальные вопросы административно-правовой деятельности органов внутренних дел. Сборник статей. Орел, 2022. С. 47-52.

10. Щеглов А.А., Уланов Н.Д. К вопросу об оптимизации методики использования рулевых тренажеров при проведении занятий по подготовке водителей служебных транспортных средств // Охрана, безопасность, связь. 2021. № 6-2. С. 133-137.

11. Дудкин Ю.А., Самороковский А.Ф., Щеглов А.А. Актуальные проблемы подготовки сотрудников ОВД, допущенных к управлению служебным автотранспортом // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования. 2019. № 1 (2). С. 162-166.

12. Серегин А.А., Мовян А.С. Повышение эффективности контраварийной подготовки водителей автомобильных подразделений средствами физической подготовки // Итоговая научная конференция Военно-научного общества Военного института физической культуры за 2019 год. Сборник статей. СПб, 2020. С. 126-129.

13. Чекотин Р.С., Вербицкая Н.О. Методика обучения предвидению рисков дорожного движения в системе профессиональной подготовки водителей России // Современные проблемы науки и образования. 2018. № 1. С. 29.

14. Тимофеев Ю.В. Особенности автомобильной подготовки водителей на основе интерактивных средств и тренажеров // Национальная Ассоциация Ученых. 2016. № 4-1 (20). С. 34-37.

15. Груздев И.С., Цыганков Э.С., Зудин В.Н. Программа специализированной тренажерной подготовки водителей специальных подразделений // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2017. № 4. С. 72-74.

16. Белоусова С.В., Цыганков Э.С., Зудин В.Н. Обучение сотрудников военной автомобильной инспекции Министерства обороны Российской Федерации приемам скоростного руления // Экстремальная деятельность человека. 2015. № 4 (37). С. 3-6.

REFERENCES

1. Vedernikov A.G., Kobzar' D.P., Zhelonkin N.A. Otlicheye kontravariynoy podgotovki voditeley ot ekstremal'nogo vozhdeniya // Sovershenstvovaniye sistem ekspluatatsii i vosstanovleniya vooruzheniya i voyennoy tekhniki. Rol' kachestva podgotovki voyennykh spetsialistov tekhnicheskogo obespecheniya. Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Omsk, 2023. S. 45-50.

2. Gabova O.S. K ponyatiyu neotlozhnogo sluzhebnogo zadaniya pri proizvodstve po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh v oblasti dorozhnogo dvizheniya, zafiksirovannykh spetsial'nymi tekhnicheskimi sredstvami, rabotayushchimi v avtomaticheskom rezhime // Aktual'nyye problemy administrativnoy deyatel'nosti organov vnutrennikh del. Materialy mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb, 2018. S. 37-40.

3. Bakulin N.P. Pravovyye osnovy upravleniya transportnymi sredstvami, oborudovannymi ustroystvami dlya podachi spetsial'nykh svetovykh i zvukovykh signalov // Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal «Kontsept». 2015. № T13. S. 1891-1895.

4. Kuznetsov A.V., Mkrtchyan A.Yu. Metodika obucheniya kursantov otsenke obstanovki pri vozhdenii transportnogo sredstva // Innovatsionnyye tekhnologii v nauke i obrazovanii. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Penza, 2021. S. 73-76.

5. Borisova S.Ye. Vliyaniye psikhologicheskikh ustanovok voditeley na bezopasnost' dorozhnogo dvizheniya // Psikhologiya i pravo. 2011. № 4. S. 88-98.

6. Inotsenko V.A., Kalinin V.V., Kovtun N.A. Osobennosti obucheniya vozhdeniyu na transportnykh sredstvakh, oborudovannykh spetsial'nymi ustroystvami dlya podachi svetovykh i zvukovykh signalov // Nauka i obrazovaniye: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravleniye. 2022. № 9 (148). S. 131-134.

7. Shmaneva L.V., Kuznetsova N.M. Vyyavleniye potrebnosti sotrudnikov Gosavtoinspektsii v programmakh dopolnitel'nogo obrazovaniya (rezul'taty issledovaniya) // Transportnoye delo Rossii. 2014. № 2. S. 155-159.

8. Kiselev V.A. Sovershenstvovaniye dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya sotrudnikov GIBDD MVD Rossii // Vestnik NTSBZHD. 2022. № 1 (51). S. 32-37.

9. Zeynalov F.N.O. Formirovaniye professional'nykh umeniy i navykov u obuchayushchikhsya po profilyu podgotovki «Sotrudnik podrazdeleniy Gosavtoinspektsii» // Aktual'nyye voprosy administrativno-pravovoy deyatel'nosti organov vnutrennikh del. Sbornik statey. Orel, 2022. S. 47-52.

10. Shcheglov A.A., Ulanov N.D. K voprosu ob optimizatsii metodiki ispol'zovaniya rulevykh trenazherov pri provedenii zanyatiy po podgotovke voditeley sluzhebnykh transportnykh sredstv // Okhrana, bezopasnost', svyaz'. 2021. № 6-2. S. 133-137.

11. Dudkin Yu.A., Samorokovskiy A.F., Shcheglov A.A. Aktual'nyye problemy podgotovki sotrudnikov OVD, dopushchennykh k upravleniyu sluzhebnykh avtotransportom // Upravleniye deyatel'nost'yu po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: sostoyaniye, problemy, puti sovershenstvovaniya. 2019. № 1 (2). S. 162-166.

12. Seregin A.A., Movyan A.S. Povysheniye effektivnosti kontravariynoy podgotovki voditeley avtomobil'nykh podrazdeleniy sredstvami fizicheskoy podgotovki // Itogovaya nauchnaya konferentsiya Voyenno-nauchnogo obshchestva Voyennogo instituta fizicheskoy kul'tury za 2019 god. Sbornik statey. SPb, 2020. S. 126-129.

13. Chekotin R.S., Verbitskaya N.O. Metodika obucheniya predvideniyu riskov dorozhnogo dvizheniya v sisteme professional'noy podgotovki voditeley Rossii // *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya*. 2018. № 1. S. 29.
14. Timofeyev Yu.V. Osobennosti avtomobil'noy podgotovki voditeley na osnove interaktivnykh sredstv i trenazherov // *Natsional'naya Assotsiatsiya Uchenykh*. 2016. № 4-1 (20). S. 34-37.
15. Gruzdev I.S., Tsygankov E.S., Zudin V.N. Programma spetsializirovannoy trenazhernoy podgotovki voditeley spetsial'nykh podrazdeleniy // *Fizicheskaya kul'tura: vospitaniye, obrazovaniye, trenirovka*. 2017. № 4. S. 72-74.
16. Belousova S.V., Tsygankov E.S., Zudin V.N. Obucheniye sotrudnikov voyennoy avtomobil'noy inspeksii Ministerstva oborony Rossiyskoy Federatsii priyemam skorostnogo ruleniya // *Ekstremal'naya deyatel'nost' cheloveka*. 2015. № 4 (37). S. 3-6.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© Литвинов А.В., Андреев П.Г., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Литвинов А.В., Андреев П.Г. Формирование моторных навыков сотрудников полиции посредством тренажёров контраварийного вождения // *Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2025. № 4 (82). С. 151-161.

Николай Владимирович ПАВЛИЧЕНКО,
доктор юридических наук, профессор, ORCID 0000-0001-7889-4743
научно-исследовательский институт ФСИН России (г. Москва)
главный научный сотрудник
Заслуженный юрист Российской Федерации
pavlichenko.pro@mail.ru

Рецензия
УДК [343.985.7(035.3)](049.32)

РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЁННЫХ ЛИЦАМИ, ПРИВЛЕЧЁННЫМИ В КАЧЕСТВЕ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТОВ: ПРАВОВЫЕ, ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ТАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

(рецензия на монографию С.О. Севостьяновой
«Особенности расследования преступлений, совершённых
лицами, привлечёнными в качестве судебных экспертов»)

В 2025 году вышла в свет интересная монография «Особенности расследования преступлений, совершенных лицами, привлечёнными в качестве судебных экспертов» [1]. Ее автор – кандидат юридических наук Светлана Олеговна Севостьянова. Монография издана под редакцией доктора юридических наук, профессора, Заслуженного юриста Российской Федерации Ольги Борисовны Дроновой.

Автор принял решение изучить достаточно сложную, но вместе с тем актуальную проблему, связанную с расследованием преступлений, совершенных лицами, привлечёнными в качестве судебных экспертов. Интерес к изучению данного вопроса подогревается тем, что в настоящее время результаты судебной экспертизы, как высокоэффективного инструмента установления истины по уголовному делу в некоторых случаях ставятся под сомнение. Это вызвано в первую очередь тем, что преступные злоупотребления судебных экспертов, заключающиеся в предоставлении искаженных фактов и неверных выводов, а также утаивании важных обстоятельств, относящихся к делу [2, с. 18], не являются единичными редкими событиями¹.

Проведенное автором исследование показало, что недостоверные доказательства могут иметь

место в содержании и выводах заведомо ложных и ошибочных заключений судебных экспертов. Их объединяет то, что установленные субъектом применения специальных знаний обстоятельства расследуемого события нередко противоречат иным материалам уголовного дела. А это, в свою очередь, влечет за собой цепочку действий и решений органа дознания, лица, производящего дознание, следователя и суда (судьи), основанных на фальсифицированных (неверных) данных, которые становятся фундаментом доказательственной базы, а нередко – «важным и решающим доказательством по уголовному делу» [3]. Вследствие такого развития событий принимаются неправомерные решения, что в итоге подрывает доверие к легитимности всех процедур и процессов, лежащих в основе правосудия. В результате противоправных действий вышеназванных субъектов к уголовной и административной ответственности могут быть привлечены невиновные лица, а также возможно освобождение от ответственности виновных. Всё это ведет к проявлению правового нигилизма, формированию недоверия к органам власти, нарушениям прав потерпевших.

Интересно, что угроза уголовной ответственности не останавливает недобросовестных специалистов, поскольку преступный умысел и заве-

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2024 года // МВД России: сайт // URL: <https://мвд.рф/reports/item/19412450/> (дата обращения: 24.09.2025).

Nikolay V. PAVLICHENKO,

Doctor of Law, Professor, ORCID 0000-0001-7889-4743

Research Institute of the Federal Penitentiary

Service of Russia (Moscow, Russia)

Chief Researcher

Honored Lawyer of the Russian Federation

pavlichenko.pro@mail.ru

**INVESTIGATING CRIMES COMMITTED BY PERSONS INVOLVED
AS FORENSIC EXPERTS: LEGAL, ORGANIZATIONAL AND TACTICAL ISSUES
(review of S.O. Sevostyanova's monograph «Characteristics of investigating
crimes committed by persons involved as forensic experts»)**

домая ложность заключения трудно доказуемы. Кроме того, противоправные деяния этого вида характеризуются высокой латентностью и сопровождаются оказанием активного противодействия расследованию со стороны заинтересованных лиц. Общественная опасность таких преступлений усугубляется тем, что значительная их часть совершается с использованием современных технических средств, высокотехнологического лабораторного оборудования.

Перечисленные факторы, так или иначе, предопределяют круг организационных и тактических проблем, сопровождающих возбуждение уголовного дела, установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, и непосредственное расследование преступлений, совершенных лицами, привлеченными в качестве судебных экспертов. Вместе с тем их воздействие формирует потребность в поиске решений, которые способствовали бы повышению эффективности профессиональной деятельности сотрудников следственных органов. Всё это обуславливает актуальность и ценность рецензируемой монографии. Проблема обеспечения достоверности доказательств, получаемых экспертным путем, безусловно, относится к числу наиболее значимых в уголовном судопроизводстве. Для ее решения необходимы консолидированные усилия различных субъектов.

Не вызывает сомнений научная новизна проведенного автором монографии исследования. Она заключается в том, что впервые на подобном уровне обобщения предпринята попытка комплексного анализа правовых норм, организационных и тактических проблем, возникающих в ходе расследования преступлений, совершенных лицами, привлеченными в качестве судебных экспертов. Системно обобщен практический опыт противодействия противоправным деяниям рассматриваемого вида, разработаны актуальные тактико-криминалистические рекомендации, позволяющие повысить эффективность деятельности сотрудников правоохранительных органов в целом и следственных подразделений в частности.

Теоретическая и практическая значимость исследования очевидна. Она выражается в том, что сформулированные положения и рекомендации нацелены на совершенствование теоретических и практических основ расследования преступлений, совершенных лицами, привлеченными в качестве судебных экспертов. Они обоснованы выводами, сделанными в результате изучения достаточного объема теоретических, эмпирических и норма-

тивных источников. Достоверность авторских суждений и умозаключений подтверждается апробацией, осуществленной путем выступлений на научных мероприятиях и публикации статей в научных журналах [4, 5, 6].

Прежде чем описать преимущества подхода автора к изложению материала исследования, хотелось бы отметить, что монография написана юридически грамотным языком. Автор хорошо ориентируется в избранной проблематике, обладает широким кругозором, обширным словарным запасом, что является неоспоримым достоинством представленной им работы. Проведенное исследование структурировано в соответствии с требованиями, предъявляемыми к научно-исследовательским работам.

Во введении монографии традиционно обозначены актуальность темы исследования и степень ее научной разработанности. Автор аргументировано констатирует, что данная проблематика требует досконального изучения, так как правоохранительная практика нуждается в тактико-криминалистических рекомендациях, которые обеспечивали бы повышение качества планирования, проведения и оценки результатов первоначальных и последующих следственных действий.

Первая глава монографии «Общая характеристика преступлений, совершенных лицами, привлеченными в качестве судебных экспертов», состоит из двух параграфов: «Понятие и система преступлений, совершенных лицами, привлеченными в качестве судебных экспертов» и «Информационная модель преступлений, совершенных лицами, привлеченными в качестве судебных экспертов». В ней выделены группы преступлений, совершаемых лицами, привлекаемыми в качестве судебных экспертов. Таковыми являются общественно опасные деяния, заключающиеся в фальсификации доказательственной информации.

Особого внимания заслуживают определенные автором с учетом типовых моделей совершения преступлений анализируемого вида наиболее значимые элементы их криминалистической характеристики и корреляционные связи между ними. В их число включены: сведения об особенностях личности субъекта преступления; способ и средства совершения преступления, обуславливающие механизм слеодообразования. Опираясь на результаты эмпирических исследований, автор монографии разработал усредненный портрет преступника, совершающего преступление осознанно и намеренно. Чаще всего это мужчины,

находящиеся в возрастных группах от 31 до 40 лет и от 41 до 50 лет, положительно характеризующиеся по месту своей работы, имеющие одно или два высших образования по профилю деятельности, обладающие высокой правовой грамотностью, развитым интеллектом, коммуникативными навыками, ориентирующиеся в методах работы правоохранительных органов, при этом эмоционально устойчивые, с высокой самооценкой, уверенные в себе, с наличием организаторского и творческого подходов к решению проблем.

Очень серьезно автор подошел к подтверждению своих выводов и предложений. Они сформулированы по итогам изучения солидной эмпирической базы: материалов уголовных дел и результатов анкетирования сотрудников следственных подразделений. Репрезентативные примеры из практики привлечения судебных экспертов к уголовной ответственности не только украшают работу, но и дополнительно демонстрируют масштаб ущерба интересам правосудия, причиняемый противоправными деяниями рассматриваемого вида.

Одним из достоинств работы является синтезированная автором дефиниция «фальсификация доказательственной информации, совершенная лицом, привлеченным в качестве судебного эксперта»: это все формы и способы виновной противоправной деятельности, реализуемой в рамках процессуальной проверки сообщений о возможном преступлении, в ходе досудебного производства и (или) в суде, а также иные действия, направленные на введение участников процесса, в том числе его сторон, органов предварительного следствия и суда, в заблуждение относительно предметов, объектов и результатов проведенных экспертных исследований [1].

Вторую главу «Организационные и тактико-психологические особенности расследования преступлений, совершенных лицами, привлеченными в качестве судебных экспертов» составляют три параграфа: «Особенности возбуждения уголовных дел и обстоятельства, подлежащие установлению и доказыванию в ходе производства по делам о преступлениях, совершенных лицами, привлеченными в качестве судебных экспертов», «Тактика и психология проведения отдельных следственных действий», «Специфика противодействия расследованию преступлений, совершенных лицами, привлеченными в качестве судебных экспертов». Здесь автор последовательно раскрывает особенности возбуждения уголовных дел и обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию, тактику и психологию проведения отдельных следственных действий, а также специ-

фику противодействия расследованию преступлений, совершенных лицами, привлеченными в качестве судебных экспертов. В частности, указано на то, что основным поводом для возбуждения уголовных дел по преступлениям рассматриваемого вида являлось сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное в результате оперативно-разыскных мероприятий, проведенных уполномоченными на их осуществление службами.

В работе уделено большое внимание тактике проведения следственных действий [7]: осмотру места происшествия, допросу участников уголовного процесса разных категорий с учетом специфики его предмета (в зависимости не только от процессуального статуса допрашиваемых, но и от содержания информации, которой они обладают, а также от обстоятельств дела). В рамках рассмотрения особенностей использования специальных знаний автор подчеркивает необходимость назначения судебных экспертиз различных видов для установления факта ненадлежащего осуществления судебно-экспертной деятельности.

Безусловно, имеются в монографии и другие ценные предложения и практические рекомендации, которые для взыскательного и заинтересованного читателя будут интересны с профессиональной точки зрения.

При формулировании общего вывода по работе С.О. Севостьяновой следует констатировать, что данная монография содержит комплекс научно обоснованных и заслуживающих внимания теоретических положений и рекомендаций, отражающих авторский подход к проблеме. Достигнутые благодаря проведению исследования результаты отличаются научной новизной, характеризуются высокой теоретической и практической значимостью.

Убежден, что сформулированные автором выводы, предложения и рекомендации поспособствуют дальнейшему развитию криминалистической науки и будут использоваться в деятельности правоохранительных органов по расследованию преступлений, совершенных лицами, привлеченными в качестве судебных экспертов, и иных преступлений.

Учитывая масштаб собранного автором монографии теоретического и эмпирического материала, представляется целесообразным посоветовать С.О. Севостьяновой продолжить исследования в выбранном ею направлении путем масштабирования проблематики и консолидации усилий специалистов, имеющих отношение к расследованию преступлений, совершенных лицами, привлеченными в качестве судебных экспертов. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Севостьянова С.О. Особенности расследования преступлений, совершенных лицами, привлеченными в качестве судебных экспертов: Монография. М.: Юрлитинформ, 2025. 136 с.
2. Боронильщикова Е.Д. Экспертная ошибка и заведомо ложное заключение эксперта: проблема разграничения // Законность и правопорядок. 2023. № 1. С. 18-20.
3. Струкова В.В. Заведомо ложное заключение эксперта по уголовному делу: мотивы и ответственность // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9. № 1 (30). С. 71-77.

4. Севостьянова С.О. Некоторые проблемы квалификации и уголовно-правовой оценки фальсификации доказательств, совершенной экспертом // Закон и право. 2021. № 9. С. 133-136.
5. Севостьянова С.О. О планировании при расследовании преступлений, совершенных экспертом // Евразийский юридический журнал. 2022. № 8 (171). С. 348-349.
6. Севостьянова С.О. Эксперт как субъект фальсификации доказательственной информации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 250-256.
7. Севостьянова С.О. Особенности проведения отдельных следственных действий при расследовании преступлений, совершенных лицами, назначенными для производства экспертизы и дачи заключения // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 1 (62). С. 78-83.

REFERENCES

1. Sevast'yanova S.O. Osobennosti rassledovaniya prestupleniy, sovershennykh litsami, privilechennymi v kachestve sudebnykh ekspertov: Monografiya. M.: Yurlitinform, 2025. 136 s.
2. Boronil'shchikova Ye.D. Ekspertnaya oshibka i zavedomo lozhnoye zaklyucheniye eksperta: problema razgranicheniya // Zakonnost' i pravoporyadok. 2023. № 1. S. 18-20.
3. Strukova V.V. Zavedomo lozhnoye zaklyucheniye eksperta po ugodovnomu delu: motivy i otvetstvennost' // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo. 2019. T. 9. № 1 (30). S. 71-77.
4. Sevost'yanova S.O. Nekotoryye problemy kvalifikatsii i ugodovno-pravovoy otsenki fal'sifikatsii dokazatel'stv, sovershennoy ekspertom // Zakon i pravo. 2021. № 9. S. 133-136.
5. Sevost'yanova S.O. O planirovani pri rassledovanii prestupleniy, sovershennykh ekspertom // Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal. 2022. № 8 (171). S. 348-349.
6. Sevost'yanova S.O. Ekspert kak sub'yekt fal'sifikatsii dokazatel'stvennoy informatsii // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2023. № 1 (52). S. 250-256.
7. Sevost'yanova S.O. Osobennosti provedeniya otdel'nykh sledstvennykh deystviy pri rassledovanii prestupleniy, sovershennykh litsami, naznachennymi dlya proizvodstva ekspertizy i dachi zaklyucheniya // Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2023. № 1 (62). S. 78-83.

© Павличенко Н.В., 2025.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Павличенко Н.В. Расследование преступлений, совершённых лицами, привлечёнными в качестве судебных экспертов: правовые, организационные и тактические проблемы (рецензия на монографию С.О. Севостьяновой «Особенности расследования преступлений, совершённых лицами, привлечёнными в качестве судебных экспертов») // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (82). С. 162-165.

ВЕСТНИК

КАЛИНИНГРАДСКОГО ФИЛИАЛА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

№ 4 (82)
2025

Vestnik of the Kaliningrad Branch
of the Saint-Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia

Главный редактор
М.В. Бавсун
Заместитель главного редактора
А.П. Алексеева

Над выпуском работал:
А.В. Стулов
(дизайн, редактирование,
компьютерный макет)

Сдано в набор - 01.12.2025. Подписано в печать - 22.12.2025. Дата выхода в свет - 23.12.2025.
Формат 60х90 1/8. Объем - 20,75 у.п.л. Заказ № 492. Тираж - 200 экз.
Информация о цене выпуска: свободная цена.

Отпечатано на полиграфической базе Калининградского филиала СПбУ МВД России
Адрес типографии: Россия, 236006, г. Калининград, ул. Генерала Галицкого, 30.